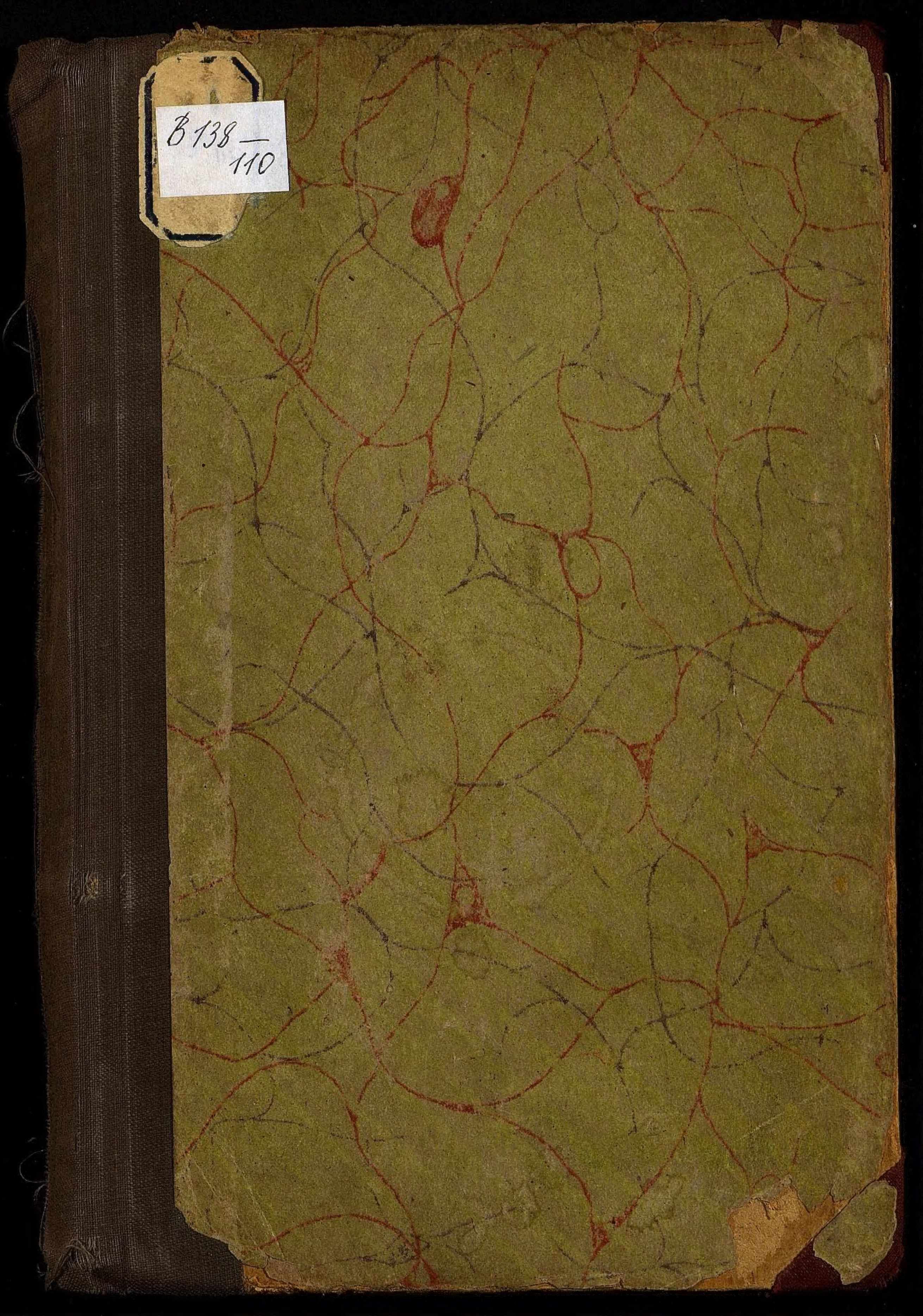

В 138 — 110

SPISY
FILOSOFICKÉ FAKULTY
MASARYKOVY UNIVERSITY
V BRNĚ

OPERA
FACULTATIS PHILOSOPHICAE
UNIVERSITATIS MASARYKIANAE
BRUNENSIS

ŘÍDÍ JUL. GLÜCKLICH, FRANT. NOVOTNÝ A FRANT. TRÁVNÍČEK

ČÍSLO 20

НИКОЛАЙ ДУРНОВО

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

Часть I

ИСТОЧНИКИ

1. Письменные памятники — 2. Нынешние русские диалекты

NIKOLAJ DURNOVO

ÚVOD DO DĚJIN JAZYKA RUSKÉHO

Díl I

PRAMENY

1. Písemné památky — 2. Nynější ruská nářečí

BRNO 1927
VYDÁVÁ FILOSOFICKÁ FAKULTA
S PODPOROU MINISTERSTVA ŠKOLSTVÍ A NÁRODNÍ OSVĚTY
V KOMISI KNIHKUPECTVÍ A. PÍŠA V BRNĚ, ČESKÁ 28

TISKEM POLYGRAFIE, BRNO.

Věnováno

nezapomenutelné památce

velikána ruské vědy

A. Šachmatova.

PŘEDMLUVA.

V jarním semestru roku 1926 přednášel jsem jako host na filosofické fakultě Masarykovy university v Brně o dějinách ruského jazyka. Pro krátkost doby musil jsem přestati na úvodní části svého kursu, zejména na přehledu pramenů dějin jazyka ruského, na výkladě o methodách historického zkoumání jazyka a o některých zjevech t. zv. praslovanské doby. Toto dílo je rozšířené přepracování mých přednášek. Rozděluji je na dva díly. První díl, jenž nyní vychází, obsahuje přehled pramenů dějin jazyka ruského, druhý díl bude obsahovati poznámky methodologické a výklad o některých zjevech t. zv. praslovanské doby, o nichž mám mínění odchylné od mínění jiných slavistů, a o vývoji církevněslovanského jazyka ruské redakce v XI. a XII. stol.

Výraz „ruský jazyk“ mívá různé významy. V širším smyslu slova označuje řeč celého národa ruského neboli všech východních Slovanů v jejích všech rozdílech místních, třídních a funkcionálních. V užším smyslu týž výraz označuje jen spisovný jazyk ruský, vylučuje nejen veškerá mluvená nářečí ruská, nýbrž i jiné spisovné jazyky, jichž užívají některé části ruského národa, zejména jazyk ukrajinský a v poslední době i tak zvaný spisovný jazyk běloruský a podkarpatskoruský [1].

Rovněž i výrazu „dějiny jazyka ruského“ můžeme užívati ve dvou významech: dějiny jazyka ruského v širším smyslu, jako souhrnu všech jednotlivých ruských jazyků a nářečí, anebo dějiny toho spisovného jazyka, jemuž se obyčejně říká „ruský“. V prvním, širším smyslu dějiny jazyka ruského třeba počínati t. zv. dobou pra-

[1] Třeba poznamenati, že někteří slovanští jazykozpytci, zvláště ukrajinští a běloruští, neradi užívají výrazu „jazyk ruský“ v uvedeném širším smyslu proto, že se nynější nářečí ruská od sebe velice liší, a že se sotva mohou pokládati za jediný jazyk, nýbrž za samostatné jazyky. Tyto jazyky jmenují společně ne „ruskými“, nýbrž „východoslovanskými“ a nechávají název „ruský“ jen pro jazyk velikoruský a pro spisovnou ruštinu.

slovanskou, kdy po prvé v tomto jazyku vznikly dialektické zvláštnosti, jež se po rozpadu tohoto jazyka staly zvláštnostmi jazyka ruského. Při tom je třeba přihlížeti ke všem ruským nářečím. Dějiny spisovného jazyka ruského se počínají teprve dobou vzniku písemnictví ruského a jednotlivé dialekty ruské jsou důležité pro historika spisovného jazyka ruského jen potud, pokud mají nějaký podíl na tvoření a vývoji spisovné ruštiny. V tomto úvodě mám na mysli dějiny mluveného jazyka ruského v širším smyslu, ale všímám si také dějin spisovného jazyka ruského, jazyka ukrajinského a běloruského.

V poslední době někteří jazykozpytci zaujímají odmítavé stanovisko k čistě historickému zkoumání jazyka. Praví, že hlavním účelem vědeckého zkoumání jazykového je poznati celý systém jazyka. Toho prý lze dosíci jen studiem synchronickým, nikoli historickým, poněvadž každý jazyk jen z hlediska synchronistického je celkem, jehož všechny součásti jsou v těsné vzájemné souvislosti a tvoří jeden skutečný systém; změny však, které vznikají v jazyce během času, nejsou samy o sobě změnami jazykového systému, nýbrž ojedinělých faktů, jsou často nahodilé a zhusta nejsou mezi sebou v žádné souvislosti[1].

Jsem přesvědčen, že tito jazykozpytci mají pravdu, mluví-li o významu a účelu vědeckého synchronistického zkoumání jazykového, ale naprosto nemohu souhlasiti s jejich míněním o podstatě historického vývoje jazyka; představuji si tento vývoj jako řadu změn, které, i když se nám zdá, že se zhusta dotýkají přímo jenom ojedinělých faktů jazykových, přece souvisí nevyhnutelně s celým systémem jazykovým a mají v tomto systému své odůvodnění. Proto dějiny jazyka nejsou naukou o jednotlivých separátních změnách v jazyce, nýbrž naukou o změnách jazyka samého, jako systému, a jsou ve vědě o jazyce neméně důležitou částí, než zkoumání synchronické, poněvadž operují rovněž s jazykovým systémem jako celkem.

Před přehledem pramenů dějin ruského jazyka uvádím v §§ 3—7 (str. 3—6) stručná data o nynějších spisovných jazycích,

[1] De Saussure, Cours de la linguistique générale publié par Bally et Sechehaye. 2-e ed. Paris 1922, première partie, chap. III, §§ 2, 3 a j., str. 117 násl.

jichž se v ruském národě užívá, zejména o jazyce vlastně ruském a o jazycích ukrajinském, běloruském a podkarpatskoruském, o jejich původu a vztahu k živým nářečím. O nářečích lidových zde nemluvím, poněvadž podávám podrobný přehled těchto nářečí v kapitole II. této knihy. V bibliografických poznámkách k §§ 3—7 uvádím jen ty práce, které se dotýkají otázek o původu a složení spisovných jazyků ruských; práce obsahující jenom popis jejich nynějšího stavu, beze zmínek o jejich původu nebo o vztahu k živým nářečím, jako na př. práce Bogorodického, Karcevského, Košutiće, Mazona, Ščerby a j. o spisovném jazyce ruském, zde neuvádím.

Prameny dějin jazyka ruského jsou tyto: 1. písemné památky, 2. nynější živá mluvená řeč národa ruského ve veškerých jejích odvětvích a druzích, 3. slova a tvary cizích jazyků, přejaté z ruštiny, a 4. písemná svědectví cizinců o Rusech, obsahující ruská jména, slova a výrazy. Mimo to pro pozdější dobu dějin ruského jazyka počínajíc XV. stoletím máme řadu gramatických prací o ruském jazyce, ruských a cizích, a slovníků s překladem ruských slov do cizích jazyků. Se zřením k těmto různým pramenům má I. díl mého Úvodu 4 kapitoly: 1. přehled písemných památek, 2. přehled a stručný popis nynějších nářečí ruských[1], 3. stručná data o prvcích jazyka ruského v jiných jazycích a 4. přehled cizích svědectví o ruském jazyce. O starých gramatických pracích o ruském jazyce v tomto Úvodu nemluvím, třebas je uznávám za velmi cenné prameny pro dějiny ruského jazyka XV.—XIX. stol., protože tyto práce dosud nejsou náležitě probadány[2].

[1] Mimo nářečí, t. j. místní odvětví jazyka, jsou i jiné rozdíly, zejména třídní (resp. odborové) a funkcionální. Těchto rozdílů se ve své knize skoro nedotýkám, třebas pokládám jejich zkoumání za důležité pro dějiny ruského jazyka. O rozdílech v lidové mluvě, způsobených třídním roztříštěním obyvatelstva, mimo práce prof. Zelenina nemáme skoro nic. Rozdíly funkcionálními (na př. mezi řečí emocionální a intelektuální, mezi jazykem poetickým a praktickým, mezi κοινή a argotem, jazykem zpěvným a mluvním, církevním a laickým, spisovným a mluveným a mezi různými druhy jazyka spisovného) teprve v poslední době se zabývá řada ruských učenců, většinou mladší generace.

[2] Viz Bulič, Исторія языкознанія въ Россіи, I (XIII в — 1825). Petrohrad 1904 (sr. recensi Sobolevského v РФВ. LII). — Jagić, Разсужденіе

Zachovaných písemných památek ruského jazyka je neobyčejně mnoho. Mnohé z nich nejsou dosud známy ani odborníkům, a jen nepatrná část jejich je vydána a probadána vědecky po stránce pravopisné a jazykové. Za takovýchto podmínek je velice těžko podati podrobnější přehled písemných památek ruského jazyka a proto přestávám na letmé charakteristice různých druhů těchto památek. K ní jsem přidal tyto seznamy: *a*) uveřejněných nápisů ruských až do polovice XIII. stol., *b*) rukopisů, hlavně uveřejněných nebo více méně probadaných po stránce pravopisné a jazykové, většinou ze starší doby, a *c*) ruských překladů a originálních spisů až do XIV. stol. V bibliografických údajích mi nešlo o úplnost a proto jsem z vydání starých textů uvedl hlavně nejdůležitější nebo nejpřístupnější a z monografií o jednotlivých památkách vynechal ty, které podle mého mínění nemohou poskytnouti správnou představu o jazyce nebo pravopisu těchto památek.

V II. kapitole podávám přehled hlavních zvláštností fonetických a morfologických a leckde i některých zvláštností lexikálních celého ruského jazyka, rovněž i zvláštností jednotlivých ruských nářečí a zaznamenávám, které z těchto zvláštností jsou společné ruskému jazyku nebo jeho dialektům a té nebo oné části jiných jazyků slovanských. Podávám zde jen seznam jednotlivých rysů a skoro nedotýkám se otázky o jejich vzájemné souvislosti a příčinách, které způsobily částečně koincidenci ruského jazyka nebo některých jeho dialektů s jednotlivými jinými slovanskými jazyky. Přesné určení toho, pokud tyto koincidence jsou podmíněny společným životem v minulosti anebo stejnými předpoklady, které vznikly samostatným vývojem ruského jazyka, mělo by býti účelem dalšího zkoumání. Přehled ruských nářečí v této knize je podrobnější než přehled v díle Moskevské dialektologické komise[1] a liší se od

южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ. Petrohrad 1895 (Изслѣдованія по русскому языку I). — Týž, Исторія славянской филологіи. Petrohrad 1910 (Энциклопедія Славянской Филологіи I). — Některé mluvnice ruského jazyka ze XVII. a XVIII. stol. nejsou uvedeny ani u Buliče ani u Jagiće.

[1] Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ, съ приложениемъ Очерка русской діалектологіи. Составили Дурново, Соколовъ и Ушаковъ. Москва 1915. Труды Московской Діалектологической Комиссіи, вып. 5 (из РФВ. т. LXXIV).

ního i tím, že moje klasifikace ruských dialektů není docela totožná s klasifikací na mapě oné komise. Hranice území ruského jazyka a jednotlivých nářečí nepopisuji, protože jsou nakresleny na přiložených dialektických mapách.

Přidávám k II. kapitole čtyři dialektické mapy. První z nich — mapa celého území ruského jazyka v Evropě — má význam hlavně orientační a jest mimo některé opravy zmenšenou kopií mapy Moskevské dialektologické komise. Ostatní tři mapy — mapy jednotlivých ruských nářečí — nejsou zpracovány podle stejného plánu. Na mapě č. 2. — jihovelkoruských dialektů — a č. 3. — běloruských dialektů — jsou označena území různých druhů t. zv. akání[1] a hranice jednotlivých dialektických rysů; na mapě č. 4. — maloruského jazyka —, zpracované podle mapy Hancovovy[2], neoznačuji území ani hranic jednotlivých rysů, nýbrž území hlavních nářečí maloruského jazyka, charakterisovaných určitými komplexy dialektických rysů. Odlišně od Hancova zařazuji karpatskoruské dialekty do zvláštní skupiny. Mapa dialektů severovelkoruských, rovněž i zvláštní mapa dialektů karpatskoruských nejsou dosud hotovy a budou přiloženy k druhé části tohoto Úvodu. Pro značnou neúplnost dialektologického materiálu, který jsem měl po ruce, podávají tyto mapy jen přibližný obraz o skutečném dialektickém rozdělení ruských nářečí. Ale pro další vývoj ruské dialektologie i podobné prozatímní mapy jsou nutné.

Kapitoly 3. a 4. jsou mnohem menší než dvě první. Aby bylo možno správně souditi o slovech a jiných jazykových faktech, přejatých z ruského jazyka do cizích jazyků, zejména do jazyků turecko-tatarských[3], finských[4], baltických[5] a j., jest třeba je dobře znáti. Ale neznám dostatečně tyto jazyky a proto jsem přestal v kapitole 3. jen na všeobecných poznámkách.

[1] Totiž výslovnosti stejné samohlásky, většinou *a* (aspoň v první slabice před přízvukem), za etymologické *a* a *o*.

[2] Hancov, Діялектологічна класифікація українських говорів. Kijev 1922. Записки Української Академії Наук, IV.

[3] Zejména tatarského, čuvašského, baškyrského a j.

[4] Zejména suomi, karelského, estonského, mordovského, čeremiského (mari) a j.

[5] Zejména litevského a lotyšského.

V poslední (4.) kapitole — o svědectvích cizinců o ruském jazyce — podávám přehled hlavně nejstarších svědectví, pocházejících z doby před vznikem ruského písemnictví, neboť v těchto svědectvích nalézáme občas poukazy na ty zvláštnosti ruského jazyka, které v něm nebyly již za doby, kdy vzniklo Ostromirovo evangelium. K podobným svědectvím patří především několik svědectví arabských geografů IX. a X. stol. a svědectví byzantského císaře Konstantina Porfyrogeneta. Toto svědectví, třebas obsahuje jen několik ruských slov a jmen, je pro dějiny ruského jazyka zvláště důležito, protože, jak ukázal ve výborné přednášce na II. byzantologickém sjezdě v Bělehradě r. 1927 profesor Petar Skok, svědectví Konstantinova o Slovanech jsou velmi přesná, a všechna slovanská slova u něho jsou podána ve velmi přesné transkripci.

Upřímně děkuji profesorskému sboru a redakčnímu kruhu spisů fakultních, zvláště panu děkanu prof. Jul. Glücklichovi a pánům profesorům Arne Novákovi a Frant. Novotnému, rovněž i panu proděkanu prof. Mir. Prok. Haškovcovi za blahovolné přijetí mé práce do spisů filosofické fakulty Masarykovy university v Brně. Panu profesorovi Frant. Travníčkovi jsem zavázán za mnohé rady, opravy, zvláště po stránce technické, a hlavně za obětavé čtení obtížných korektur. Děkuji též panu dru Mil. Nohovi, asistentu slovanského semináře v Brně, a panu Vl. Tukalevskému, řediteli Slovanské knihovny v Praze, za pomocné knihovnické práce. Na konec jsem zavázán k přátelským díkům svým mladším kolegům a žákům za mnohé vědecké debaty o různých jazykových otázkách, které leckdy dobře posloužily mé práci.

Brno, září 1927.

N. Durnovo.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

а. См. ев. а.
авг. = август
ап[ост]. = апостол
апр. = апрель
арх. = архив, архангельский
археолог. = археологический
архиеп. = архиепископ

б. = бывший
bibl. = bibliothèque, Bibliothek
б-ка = библиотека
болг. = болгарский
бр. = братья
б.-р. = белорусский

в. = век, выпуск
вв. = векá, веков
в. кн[язь] = великий князь
в. княжество = великое княжество
в.-луж. = верхнелужицкий
вм. = вместо
возвр. = возвратный
вологод. = вологодский
вост. = восточный
вост.-болг. = восточноболгарский
вост.-б.-р. = восточнобелорусский
вост.-луж. = восточнолужицкий
вост.-м.-р. = восточномалорусский
вост.-р. = восточнорусский
вост.-сл[ав]. = восточнославянский
вост.-укр. = восточноукраинский
в.-р. = великорусский
вып. = выпуск

г. = год, город
гал. = галицкий
госуд. = государственный
гр. = граф
грам. = грамота
греч. = греческий
губ. = губерния, губернский

дек. = декабрь
диал[ект]. = диалектический
домонг. = домонгольский
др.-р. = древнерусский

ев. = евангелие
ев. а. = евангелие апракос, т. е. книга богослужебных евангельских чтений, расположенных в порядке годичного круга чтений
еванг. = евангельский
евр. = еврейский
ев. т. = евангелие тетр, или четвероевангелие, т. е. полный текст четырёх канонических евангелий
еп. = епископ

задон. = Задонского уезда Воронежской губернии
закарп. = закарпатский (на южном склоне Карпат)
зап. = запад, западный
зап.-р. = западнорусский
зап.-сл. = западнославянский
зап.-укр. = западноукраинский
знач. = значение

И. = Императорский
игум. = игумен, настоятель монастыря
id. = idem, он же, то же
изд. = издание, издал, изданный
импер. = император
иссл[ед]. = исследования (в § 31)
истор. = исторический
ист.-филол[ог]. = историко-филологический

карп.-р. = карпаторусский
каш. = кашубский
кирилл. = кирилловский, писанный кириллицей
км. = километр
кн. = князь, княгиня
косв. = косвенный
ksl. = kirchenslavisch

л. = лист; 1 л., 2 л., 3 л. = 1, 2, 3 лицо
лат. = латинский
летоп. = летопись
литер. = литературный
лл. = листы
луж. = лужицкий (см. в.-луж., вост.-луж., н.-луж.)

М., как место выхода книги, = Москва
М., как название старой рукописи, = Минея
m. = masculinum
митр[оп]. = митрополит
мон[аст]. = монастырь
морав. = моравский (моравские говоры чешского языка)
моск. = московский
м.-р. = малорусский
муж. = мужеский
муч. = мученик

n. = neutrum
наз. = называемый
назв. = название, названный
накл. = наклонение
напис. = написал, написанный
н.-луж. = нижнелужицкий
Новг[ор]. = Новгород, новгородский
нумер. = нумерация
нын. = нынешний

об. = оборот, оборотная сторона листа, соответствующая чётным страницам нынешней пагинации книг
о-во = общество
о.-в.-р. = общевеликорусский
о.-и.-е. = общеиндоевропейский
ок. = около
окт. = октябрь
олон. = Олонецкой губернии
о[бще]-м.-р. = общемалорусский
оо. сс. = opera citata
опис. = описание, описал

о.-р. = общерусский
орфогр. = орфографический
о.-сл. = общеславянский
о. с. = opus citatum
отд. отт. = отдельный оттиск
отч. = отчёт
оч. = очерк

п. = пункт; в сигнатурах Российской Публичной библиотеки в Петрограде (напр. Q. п. I. 12) = пергаменный
пад. = падеж
падд. = падежи
парим. = паримейный; паримейные чтения — богослужебные чтения за вечерней из Ветхого Завета, частью из посланий апостольских, а в древней Руси также и из жития Бориса и Глеба
патр. = патриарх
Первоев. = Первоевангелие
пергам. = пергаменный
перев. = перевод, перевёл
Петр[огр]. = Петроград, петроградский [печерский
Печ. = Печерский, Киево-
пис. = писан, писанный
подляш. = подляшский (в ю. части б. Гродненской губ. на запад от Кобрина и в сев. части б. Холмской губ.)
подол[ьск]. = Подольской губ.
полес. = полесский (полесские говоры = северномалорусские; собственно-полесские — те же, кроме подляшских)
полес.-укр. = полесско-украин-
полов. = половина [ские
поль. = польский
Praet[er]. = praeteritum, прошедшее время
предыд. = предыдущий
прилаг. = прилагательное
примеч. = примечание
прогр. = программа
прп. = преподобный (святой монах или отшельник)
пс. = псалтырь
пск. = псковский
публ. = публичный

р. = русский, река
Р в ссылках в §§ 41 и 42 = „Рукопись“, т. е. § 31, №
ред. = редакция, редактор
рец. = рецензия
ркп[сь] = рукопись; ркп. также = рукописный
рукоп. = рукопись, рукописный
Ряз. = Рязанской губернии

С. = север
сборн. = сборник
с.-б.-р. = севернобелорусский
св. = святой
свв. = святые [сание
Св. Писание = Священное Пи-
с.-в.-р. = северновеликорусский [но-
сев. = север, северный, север-
сев.-вост. = северовосточный, северовосточно-
сев.-зап. = северозападный, северозападно-

сев.-карп. = севернокарпатский
сев.-р. = северновусский
сев.-укр. = северноукраинский
сент. = сентябрь
сербохорв. = сербохорватский
Серг. Пос[ад] = Сергиев Посад
серед. = середина
с.-з[ап]. = северозападный
синод. = синодальный
сир. = сирийский [сл., ю.-сл.
сл., см. вост.-сл., з.-сл., о.-сл., ст.-
слав. = славянский
slav. = slavisch, slavonic
слл. = и следующие
словац. = словацкий
словин. = словинский
см. = смотри
с.-м.-р. = северномалорусский
соб. = собор (Арх[анг]. соб., Усп. соб.)
собр. = собрание [ственно
собств. = собственный, соб-
сп. = список [град до 1915 г.)
Спб. = Санктпетербург (Петро-
спр. = спряжение
с[ев].-р. = северновусский
ср. = сравни
срб. = сербский [ский
ср.-в.-р. = средневеликорус-
ст.-болг. = староболгарский
ст.-сл. = старославянский
стол. = столетие
суфф. = суффикс
сущ. = существительное

т. = том
т-во = товарищество
т. о. = таким образом

у. = уезд
удар. = ударение, ударяемый
указ. = указания, указанный, указательный
укр. = украинский
унив. = университет
усл. = условное наклонение, условная частица
Усп[енск]. соб. = Успенский собор

f. = femininum
февр. = февраль

црк. = церковный
цсл. = церковнославянский

ч. = часть
чак. = чакавский
чеш. = чешский
числит. = числительное

экз. = экземпляр

ю. = юг, южный, юго-
ю.-б.-р. = южнобелорусский
ю.-вост. = юговосточный
ю.-в.-р. = южновеликорусский
ю.-з[ап]. = югозападный
ю.-карп. = южнокарпатский
ю.-м.-р. = южномалорусский
ю.-р. = южнорусский
ю.-сл. = южнославянский

яз. = язык
янв. = январь

СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ УЧРЕЖДЕНИЙ, АРХИВОВ И РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЙ.

Ак[ад]. Н[аук] = Российская (до 1917 г. Императорская) Академия Наук (с 1925 г. — Академия Наук С. С. С. Р.).

Арх[анг]. соб. = рукописное собрание Московского Кремлёвского Архангельского собора, теперь в Московском Историческом Музее.

Арх. Ком. = Археографическая (б. Императорская Археографическая) Комиссия в Петрограде, теперь — при Академии Наук.

АМЮ. = Московский Архив Министерства (с 1918 г. — Комиссариата) Юстиции.

Барс. = рукописное собрание Елпидифора В. Барсова в Московском Историческом Музее.

Бычк. = рукописное собрание акад. А. Ф. Бычкова в Российской Публичной Библиотеке в Петрограде.

Вил. Г. Арх. = Виленский Городской Архив.

Вил. Пб. Б-ка = Виленская Публичная Библиотека.

Волокол. = рукописное собрание Иосифова Волоколамского монастыря в библиотеке б. Московской Духовной Академии (Сергиев Посад).

Дух. Акад., см. Каз., Киев., Моск., Петр.

Каз. Дух. Акад. = Казанская Духовная Академия (см. также Солов.).

Кир.-Бел. = рукописное собрание Кириллова Белозерского монастыря в библиотеке Петроградской Духовной Академии, теперь в Российской Публичной библиотеке в Петрограде.

МДК = состоящая при Академии Наук Московская Диалектологическая Комиссия, ныне Комиссия по диалектологии р. языка.

МИД. = Министерство Иностранных Дел.

Моск. Археолог. О-во = Московское (до 1917 г. Императорское Московское) Археологическое Общество.

Моск. Гл. Арх. = Московский Главный Архив (б. Московский Архив Министерства Иностранных Дел).

Моск. Дух. Акад. = б. Московская Духовная Академия в Сергиевом Посаде Московской губернии.

Моск. Ист. М. = Российский Исторический Музей в Москве.

Моск. Оруж. Палата = Московская Оружейная Палата (теперь коллекции Оружейной Палаты частью перенесены в Исторический Музей).

Моск. Рум. М. = Московский Публичный и Румянцевский музеи.

М[оск]. Син. Тип. = библиотека б. Московской Синодальной Типографии.

Никол. Единов. мон[аст]. = библиотека Никольского Единоверческого монастыря в Российском Историческом Музее в Москве.

Н.-Иерус. = рукописное собрание Новоиерусалимского Воскресенского монастыря Московской губернии в Российском Историческом Музее в Москве.

НТШ = Наукове Товариство імени Шевченка во Львове.

ОИДрР. = Московское (б. Императорское Московское) Общество Истории и Древностей Российских.

ОЛДрП. = Общество (б. Императорское Общество) Любителей Древней Письменности в Петрограде.

Отд. р. яз. и слов[есн]. = Отделение русского языка и словесности (иначе — Второе Отделение) Российской Академии Наук.

Патр. = рукописное собрание Патриаршей (или Московской Синодальной) библиотеки в Российском Историческом Музее в Москве.

Петр. Дух. Акад. = б. Петроградская Духовная Академия.

Петр. Пб. Б-ка = Российская (б. Императорская) Публичная Библиотека в Петрограде.

Погод. = рукописное собрание М. Н. Погодина в Российской Публичной Библиотеке в Петрограде.

РГО. = Русское Географическое Общество в Петрограде.

Риж. Г. Арх. = Рижский Городской Архив.

Рум. = рукописное собрание гр. Румянцева в Московском Румянцевском музее.

Синод., см. Патр.

Сол[ов]. = рукописное собрание Соловецкого монастыря на Белом море; состояло из двух частей: *a)* бо́льшая часть до 1926 г. находилась в библиотеке Казанской Духовной Академии, а *b)* небольшая часть до 1918 г. — в Соловецком монастыре.

Соф. = рукописное собрание Новгородского Софийского собора в Петроградской Духовной Академии, теперь в Российской Публичной Библиотеке в Петрограде.

С. С. С. Р. = Союз Советских социалистических республик.

Тип. = библиотека б. Московской Синодальной Типографии.

Тихонр. = рукописное собрание Тихонравова в Московском Публичном (Румянцевском) Музее.

Толст. = рукописное собрание гр. Толстого в Российской Публичной Библиотеке в Петрограде.

Тр. Л. = библиотека Троицкой Лавры в Сергиевом Посаде Московской губернии.

Увар. = рукописное собрание графов Уваровых в Российском Историческом Музее в Москве.

Унд. = рукописное собрание Ундольского в Московском Публичном (Румянцевском) Музее.

Усп[енск]. соб. = рукописное собрание Московского кремлевского Успенского собора в Российском Историческом Музее в Москве.

Хлуд. = рукописное собрание Хлудова (Никольского Единоверческого монастыря) в Российском Историческом Музее в Москве.

Царск. = рукописное собрание Царского, составляющее часть рукописного собрания гр. Уваровых.

Црк.-Археолог. Музей = Церковно-Археологический Музей при б. Киевской Духовной Академии.

Чуд. = рукописное собрание Чудова монастыря в Московском Кремле, теперь — в Российском Историческом Музее в Москве.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ, НАЗВАННЫХ СОКРАЩЕННО, НЕПОЛНО ИЛИ НЕТОЧНО[1]).

Абрамович, Изслѣдованіе о Кіево-Печерском Патерикѣ, какъ историко-литературном памятникѣ. Изв. VI. 3. 4, VII. 1. 2. 3. 4.

Он же. Памятники и пр., см. Памятники древнерусской литературы.

АЕ = Архангельское Евангелие, см. стр. 33, № 6.

Акты, собранные Археографической Экспедицiей. 4 тома. Спб. 1836.

Акты Историческіе. Томы 1—5, 1842 г.; Указатель, 1843 г.; Дополненія къ Актамъ Историческимъ, 11 томов, 1846—1869.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, журнал, изд. Моск. Археолог. О-вом, Москва 1893—1899.

AslPh. = Archiv für slavische Philologie, herausgegeben von V. Jagić. B. I—XXXVII, Berlin 1876—1920; с XXXVIII т. выходит под ред. Бернекера.

АЮ = Акты Юридическіе, изд. И. Археографической Комиссіей, Спб. 1838.

Барсов, см. стр. 79, примеч. 1.

Барсуков, Источники русской агіографіи. Изданіе (не Памятники!) ОЛДрП. LXXXI. Спб. 1882.

Библіотека Московской Синодальной Типографіи. Часть I. Рукописи. Вып. 1. Сборники. Опис. А. Орлов. Москва 1896; вып. 2. Сборники и Лексиконы. Опис. В. Погорелов. Москва 1899; вып. 3. Псалтыри. Опис. он же. Москва 1901; вып. 4.

[1]) В тех случаях, когда название источника встречается в книге не только в сокращенном, но и в полном виде, здесь делается только ссылка на ту страницу, где соответствующее название приведено полностью; названия источников, приводимые в книге только в полном виде, в этот указатель не вошли.

Матеріалы и оригиналы Вѣдомостей. Опис. он же. Москва 1903; вып. 5. Календари и Святцы. Опис. А. А. Покровский; вып. 6. Проповѣди. Опис. он же.

БПс = Бычковская Псалтырь XI в., см. стр. 35, № 22.

Бугославский, Къ вопросу о характерѣ и объёмѣ литературной дѣятельности преп. Нестора. Изв. XIX. 2. 3.

Бузук, Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяліскага паветаў. Менск 1926 (Інстытут беларускае культуры, фольклёрна дыялектолёгічная камісія).

Булич, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, т. I (XIII в. —1825 г.). Спб. 1904 (Зап. Истор.-Филолог. фак. Спб. Унив. LXXV).

Буслаев, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Два тома. Спб. 1861.

Он же, Историческая Хрестоматія церковнославянскаго и русскаго языковъ. Москва 1861.

Васильев, Л. Л., Къ исторіи звука ѣ въ московскомъ говорѣ XIV—XVII вѣковъ. Главы I—II. Изв. X (1905). 2.

Он же, Нѣсколько данныхъ для опредѣленія звукового качества буквы ѣ сравнительно съ буквою е въ памятникахъ XVII вѣка ... Изв. XV (1910). 3.

Он же, Объ одномъ случаѣ смягчённаго звука n въ общеславянскомъ языкѣ, явившагося не посредствомъ слѣдующаго за нимъ древняго j. РФВ. LXX (1913).

Он же, О значеніи каморы въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ XVI и XVII вѣковъ. РФВ. LXXVIII (1917—1918).

Он же, Съ какимъ звукомъ могла ассоціироваться буква „неіотированный юсъ малый“ (ѧ) въ сознаніи писцовъ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ. РФВ. LXIX (1913).

Васильевский, Русско-Византійскія Изслѣдованія. Спб. 1893. То же: Труды Васильевскаго, т. III. Спб. 1915.

Weingart, Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské. Část I. Bratislava 1922 (spisy filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě, č. 2). Část II., oddíl 1 a 2. Bratislava 1923 (ib. č. 4).

Виноградов, В. В., Изслѣдованія въ области фонетики сѣверновеликорусскаго нарѣчія. Вып. I. Очерки изъ исторіи звука

ѣ въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи. Петроград 1923 (Изв. XXIV. 1 и 2).

Он же, О задачах стилистики. Наблюденія над стилем Жития протопопа Аввакума. — Русская Речь. Сборникъ статей под редакцией проф. Щербы I. Петроград 1923.

Возняк, Історія української литератури, т. I—III. Львов 1922—1924.

Он же, Старе українське письменство. Львов 1922.

Волков, Статистическія свѣдѣнія и пр., см. стр. 30, строки 7—5 снизу.

Воскресенский, Древнеславянскій Апостолъ. Посланія св. Апостола Павла по основнымъ спискамъ четырёхъ редакцій рукописнаго апостольскаго текста, вып. 1—3. См. стр. 42, № 84.

Он же, Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго евангельскаго текста. Сергиев Посад 1894.

Востоков, Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума. Спб. 1842.

Ганцов, Діялектологічна класифікація українських говорів (з картою). Киев 1923 (Зап. історично-Філологічного Відділу Української Академії Наук, кн. IV.).

ГБ = Тринадцать слов Григория Богослова, рукопись XI в., см. стр. 34, № 13.

ГЕ = Галицкое Евангелие (Четвероевангелие) 1144 г., см. стр. 36, № 28.

Гнѣдич, Матеріалы по народной словесности Полтавской губ. Роменскій у., вып. I, II. 1. 2. Полтава 1915.

Голубинский, Исторія Русской Церкви, т. I, часть 1-я, изд. 2. Москва 1901; т. II. часть 2. Москва 1916 (из Чтеній въ ОИДрР).

(Горский и Невоструев), Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной (Патріаршей) Библіотеки. Отдѣлъ I. Священное Писаніе. Москва 1855. — Отдѣлъ II., 1. Толкованія Священнаго Писанія. Москва 1857; — 2. Писанія догматическія и духовно-нравственныя. Москва 1859; — 3. Разныя богословскія

сочиненія. Москва 1862. — III. 1. Книги богослужебныя. Москва 1869; 2. То же (продолжение). Москва 1917.

Григорьев, Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. Томск, без года (1921). Известия Института исследования Сибири, № 6. Труды историко-этнографического отдела № 1.

Grundriß der slavischen Philologie und Kulturgeschichte, herausgegeben von R. Trautmann und M. Vasmer.

Древности. Труды Славянской Комиссіи И. Московскаго Археологическаго Общества, т. I. Москва 1896; т. II. Москва 1898; т. III. Москва 1902; т. IV. 1. Москва 1906; т. V. Москва 1911.

Дурново, Діалектологическія Разысканія, см. стр. 196, d.

Он же, Матеріалы и Изслѣдованія по старинной литературѣ. I. Къ исторіи повѣсти объ Акирѣ. М. 1915 (из невышедшего 2-го выпуска IV тома Трудов Славянской Комиссии Московского Археологического Общества).

Он же, Матеріалы и Изслѣдованія по старинной литературѣ. II. Житія свв. Конона Исаврійскаго и Марины Писидійской. — Записки И. Харьковскаго Университета 1914 и 1915.

Он же, Очерк истории русского языка. Москва 1924.

Он же, Русские рукописи XI и XII в., как памятники старославянского языка. JФ. IX (1924) и V (1925—1926).

Он же, Хрестоматія по исторіи русскаго языка. Памятники XI—XV в. Москва 1914.

Он же, Хрестоматія по малорусской діалектологіи. Москва 1913.

ЕК = Ефремовская Коричая XII в., см. стр. 39, № 63.

ЕПс = Евгениевская Псалтырь XI в., см. стр. 35, № 20.

ЖК = Житие Кодрата XI в., см. стр. 34, № 18.

ЖМНПр. = Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Выходил ежемесячно до конца 1917 г. Петроград.

ЖСт. = Живая Старина. Періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О. Петроград 1890—1916.

ЖФ = Житие Феклы XI в., см. стр. 35, № 19.

Зап. = Записки.

Зап. И. Р. Г. О. = Записки И. Русскаго Географическаго Общества. Петроград (непериодическое издание).

Зап. Акад. Н[аук]. = Записки Российской Академии Наук. Петроград.

Зап. Історично-Філологічного Відділу Української Академії Наук. Киев, с 1919 г., непериодическое издание.

Зап. Укр. Акад. Наук = Записки Історично-Філологічного Відділу и пр.

Зап. И. Харьк. Унив. = Записки И. Харьковскаго Университета (выходили ежемесячно).

Зеленин, Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задненёбныхъ согласныхъ въ связи съ теченіями позднѣйшей великорусской колонизаціи. Спб. 1913.

Он же, Описаніе рукописей ученаго архива И. Русскаго Географическаго Общества, часть I. Спб. 1914, часть II. Петроград 1915, и часть III. Петроград 1916 (не кончено).

И 73 = Изборник 1073 года, см. стр. 33, № 2.

И 76 = Изборник 1076 года, см. стр. 33, № 3.

Изв[естия] = Известия Отделения русского языка и словесности Российской (до XXII т. — Императорской) Академии Наук (с XXX т. — Академии Наук С. С. С. Р.), с 1896.

Извѣстія И. Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, 1852—1863 г., 10 томов.

Изслѣдованія по русскому языку, изд. Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, т. I—III. Спб. 1895—1914.

Ипат. = Ипатьевская летопись, см. стр. 55, № 221.

Истрин, Критический отзыв о сочинениях Григорьева и Вилинского в ЖМНПр. 1913.

Он же, Замѣчанія, см. стр. 80—81, № 20.

Он же, Очерк, см. стр. 77, строки 6, 7.

IF = Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Sprach- und Altertumskunde. Страсбург, позднее Берлин, с 1892 г.

JФ = Јужнословенски Филолог, повремени спис за

словенску филологиjу и лингвистику, уређуjе А. Белић. Београд, с 1913 г.

Каринский, Очерки изъ исторіи псковской письменности и языка. II. Мусин-Пушкинская рукопись Слова о полку Игоревѣ, какъ памятникъ Псковской письменности и языка. ЖМНПр. 1916, декабрь.

Он же, Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Ленинград 1925.

Он же, Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкамъ. Изд. 2-е. Спб. 1913.

Он же, Шестоднев = Каринский, Очерки изъ исторіи Псковской письменности и языка. I. Изслѣдованіе языка Псковскаго Шестоднева 1374 г. Петроград 1916. ЖМНПр. 1916, авг.

Он же, Язык Пскова и его области въ XV вѣкѣ. Спб. 1909.

Карнѣев, Матеріалы и Замѣтки по литературной исторіи Физіолога. Изданіе (не Памятники!) Общества Любителей Древней Письменности. ХСII. Спб. 1890.

Карский, Бѣлорусы, т. I. Введеніе . . . Варшава 1903; т. II. Языкъ . . ., вып. 1 (историческая фонетика). Варшава 1908, вып. 2 (историческая морфология). Варшава 1911, в. 3 (синтаксис). Варшава 1912; т. III. Очерки словесности . . ., вып. 1. Народная поэзія. Москва 1916, вып. 2. Старая . . . письменность. Петроград 1921, вып. 3 (новая литература). Петроград 1922.

Он же, Очерк[1] = Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Варшава 1903.

Он же, Очеркъ[2] = То же, изд. 4. Варшава 1913.

Кат. Мух, см. стр. 67, № 9.

КИ = Слова Кирилла Иерусалимского XI в., см. стр. 34, № 14.

КЛ = Куприяновские или Новгородские Листки XI в. (Петроград, Российская Публичная Библіотека F. п. 1. № 58), изд. Каминским, Изв. XXVIII.

Козма Индикоплов. Издание носит заглавие: Книга глаголемая Козмы Индикоплова. Изданіе Общества Любителей Древней Письменности LXXXVI. Спб. 1886.

Кормчая 1282 г., см. стр. 43, № 94.

Костомаров, Памятники и пр., см. Памятники старинной русской литературы.

(Киевские) Унив. Изв. = Университетскія Извѣстія, Киев; ежемесячный журнал, издававшийся Киевским университетом до 1918 г.

Лавр. = Лаврентьевская летопись, см. стр. 47, № 137.

Лебедев, см. стр. 67, № 10.

Лисицын, Первоначальный славянорусскій Типиконъ. Историко-археологическое изслѣдованіе. Съ приложеніемъ 45 фототипическихъ снимковъ. Спб. 1911 (на стр. 39, № 62, заглавие книги передано неточно).

Лихачев, Сб., см. стр. 67, № 6.

Лопарев, Слово о св. патріархѣ Өеостприктѣ. ПДрП. XCIV. Спб. 1893 (на стр. 89, № 1 неточно).

LF = Listy filologické, Прага, с 1874 г.

Лѣт. Зан. = Лѣтопись занятій И. Археографической Комиссіи.

Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ. Византійско-Славянское Отдѣленіе.

М 95 = Служебная Минея за сентябрь, 1095 или 1096 г. см. стр. 33, № 5.

М 96 = то же, за октябрь 1096 г., см. стр. 33, № 6.

М 97 = то же, за ноябрь 1097 г., см. стр. 33, № 7.

Маркс, см. стр. 67, № 1.

МЕ = Мстиславово Евангелие до 1117 г., см. стр. 35, № 26.

Мейчик, см. стр. 67, № 8.

Миллер и Тихонравов. Ошибочно, вм. Тихонравов и Миллер.

Миросл. Ев. = Мирославово Евангелие, сербское, конца XII в.

Мст. гр. = Мстиславова грамота, дарственная в. кн. Мстислава Володимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю, около 1130 г.

Напьерский, Гр. кас., см. стр. 66 (последняя строка) — 67.

Он же, РЛА = Напьерский, Русско-Ливонские Акты, см. стр. 67, строка 3 слл.

Нач. Летоп. = Начальная летопись.

Никольский, Матеріалы, см. стр. 30, строки 3—1 снизу.

Oblak, Macedonische Studien. Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Bd. 134. Wien 1896.

ОЕ = Остромирово Евангелие 1056 г., см. стр. 32, № 1.

Описаніе АМЮ, см. стр. 67, № 7.

Опытъ МДК, см. стр. VIII, примеч.

Орлов, Библіотека и пр., см. Библіотека Московской Синодальной Типографіи.

Он же, Лекціи, см. стр. 84, примеч.

ПА = Пандекты Антиоха XI в., см. стр. 34, № 16.

Памятники древнерусской литературы (изд. Отделения русского языка и словесности Академии Наук), I. Житія преп. Аврамія Смоленскаго и службы ему. Къ изданію приготовилъ Розанов. Спб. 1912; — II. Житія свв. Бориса и Глѣба и службы имъ. Къ изданію приготовилъ Абрамович. Петроград 1916.

Памятники древнерусскаго языка, см. Ягич.

Памятники старинной русской литературы, издаваемые Кушелёвымъ-Безбородко. Томы 1—2 подъ редакціей Костомарова, 3 и 4 подъ редакціей Пыпина. Спб. 1860—1862.

Памятники старославянскаго языка, 4 тома, Петроград 1903—1922, изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ. Кроме Чудовской Псалтыри, т. III. вып. 1 (см. стр. 34, № 17), остальные памятники, изданные в этой серии, нерусские.

ПДрП = Памятники древней письменности и искусства, издаваемые Обществом Любителей Древней Письменности.

Перетц, К изучению Слова о полку Игореве. Изв. XXVIII (1923) и XXIX (1924). Ленинград 1924—1925.

Петухов, Русская литература. Изд. 3-е. Петроград 1916.

ПМ = Путятина Минея XI в., см. стр. 35, № 21.

Пов. врем. лет = Повести временных лет.

Погорелов, Псалтыри., см. Библіотека Синодальной Типографіи.

Попов, Библіографическіе Матеріалы = Библіографическіе Матеріалы, собранные Андреемъ Поповымъ: I. Чтенія въ ОИДрР. 1879; XV—XIX, под редакцией М. Сперанского, ibid. 1889. 3.; XX, под редакцией Щепкина, ibid.

Преображенский, Этимологический Словарь русскаго языка. Вып. 1—14 (А—Сулея). Москва 1910—1916.

ПСРЛ = Полное Собраніе русских лѣтописей, издание И. Археографической Комиссии, с 1918 г. Российской Академии Наук.

РЕ = Кирилловская часть Реймского Евангелия, см. стр. 35, № 25.

RÉSl = Revue des études slaves. Париж, с 1921 г.

РИБ = Русская Историческая Библіотека, издававшаяся И. Археографической Комиссией.

Ровинский, Русскія народныя картинки: a) Сборн., т. 23—27, всего 5 томов, Спб. 1881 (описание и текст картинок, без рисунков, с 1627—1839 г.); отдельно — атлас картинок, 4 тома; b) ... Посмертный трудъ, печатанъ подъ наблюденіемъ Собко, изданіе Голике. 2 тома. Спб. 1900 (исследование и уменьшённые снимки с картинок, с текстом).

Розанов, Памятники и пр., см. Памятники древнерусской литературы.

RSl. = Rocznik Slavistyczny.

Русская Речь. Сборник статей под редакцией проф. Щербы. I. Издание Фонетического Института практического изучения языков. Петроград 1923.

Русская Речь под редакцией Л. В. Щербы. Новая серия I (Государственный Институт истории искусств. Русская Речь, сборники, издаваемые отделом словесных искусств). „Academia“. Ленинград 1927.

РФВ = Русскій Филологическій Вѣстникъ. Научно-педагогическій журналъ, т. I—LXXVIII, 1879—1918 г. (I—LXXIII — Варшава, LXXIV—LXXVI — Москва, LXXVII — Петроград, LXXVIII — Казань).

Сав = Савина книга X—XI в., старославянская рукопись с русскими дополнениями конца XI в., см. стр. 35, № 23.

Сахаров, Образцы, см. стр. 67, строка 8 снизу.

Сборн. = Сборник Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. С 1867 по 1926 г. вышел 101 том.

Сборн. Ламанск. = Сборник статей по славяновѣдѣнію, посвященныхъ почитателями академику и заслуженному профессору Владимиру Ивановичу Ламанскому по случаю 50-лѣтія его ученой дѣятельности. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ и Историко-Филологическаго Факультета И. С.-Петербургскаго Университета. Часть I. Спб. 1907; часть II. Спб. 1908.

Сборникъ Муханова, изданіе второе, дополненное. Спб. 1866 (содержит большое количество грамот и других исторических документов XV—XVIII вв.).

Сборник XIII в. попа Драголя = сербский рукописный сборник, писанный попом Драголем, принадлежавший проф. Срећковићу; описан М. И. Соколовым, Матеріалы и Замѣтки по старинной славянской литературѣ. I—V. 1888.

Сборник Российской Публичной Библиотеки. Петроград 1920.

Сибирцев и Шахматов, Еще нѣсколько Двинскихъ грамотъ. Изслѣдованія по русскому языку II. 5. Спб. 1909.

Slavia, časopis pro slovanskou filologii. Прага, с 1922 г.

Соболевский, Лекции по исторіи русскаго языка. Изданіе 4. Москва 1907.

Он же, Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи. Сборн. 88. Спб. 1910.

Он же, Особенности русских переводовъ домонгольскаго періода, в его же книге: Матеріалы и Изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи.

Он же, Очерки изъ исторіи русскаго языка. Киев 1884 (из Университетских Известий 1883—1884). Приложения — в Универс. Изв. 1885.

Он же, Русскій литературный языкъ. Труды 1-го съѣзда преподавателей русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1904.

Он же, Славяно-русская палеографія. Спб. 1908, два выпуска.

Он же, Южнославянское вліяніе на русскую письменность XIV и XV вѣковъ, в его же книге: Переводная литература Московской Руси XIV—XVII в. Спб. 1903. Сборн. 74.

Соб. и Пташ. = Соболевский и Пташицкий, Палеографические снимки съ русскихъ грамотъ, преимущественно XIV вѣка. Изданіе С. Петербургскаго Археологическаго Института. Спб. 1903.

СГГрД = Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. 4 части. Москва 1813—1828.

Сперанский, История древней русской литературы. Изд. третье. Часть 1. Москва 1920, часть 2. Москва 1921.

Он же, К истории, см. стр. 21, № 2.

Он же, Переводные сборники изреченій въ славянорусской письменности. Москва 1904 (из Чтеній въ ОИДрР. 1901—1904).

СПт = Синайский Патерик XI в., см. стр. 34, № 15.

Срезневский, Древніе памятники русскаго письма и языка. Спб. 1863 (Извѣстія И. Академіи Наукъ по Отдѣленію р. языка и словесности, т. X, вып. 5); 2-е издание — Спб. 1882.

Он же, Древніе Памятники II. = альбом снимков к „Древним Памятникам", 1-е изд. Спб. 1868; 2-е изд., Вс. И. Срезневского, дополненное, Спб. 1898.

Он же, Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги. Спб. 1897. Сборн. 65 (На стр. 82 заглавие передано неточно).

Он же, Свѣдѣнія и Замѣтки о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ. I—XL. Сборн. 1. Спб. 1867; XLI—LXV. Сборн. 12. Спб. 1875; LXVI—LXXX. Сборн. 15. Спб. 1875; LXXXI—XC. Сборн. 20. Спб. 1880; XCI. Сборн. 22. Спб. 1882.

Сырку, Замѣтки о славянскихъ и русскихъ рукописяхъ въ Bodleian-Library въ Оксфордѣ. Изв. IX (1904). 4 и XII (1907). 4.

ТЕ 1. = Типографское Евангелие № 1, XII в., см. стр. 36, № 33.

Тихонр. (стр. 80, № 17) = рукописный сборник собрания Тихонравова № 399 (Моск. Рум. М.), XVIII в., заключающий Девгениево Деяние, сказания о 3 богатырях, об Илье Муромце и Михаиле Потыке, слово о бражнике и др. статьи.

Тихонравов, Лѣтописи = Лѣтописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаемъ Тихонравовымъ, т. 1—5. Москва 1859—1863.

Он же, Памятники отреченной литературы. 2 тома. Москва 1863.

Тихонравов и Миллер, Русскія былины старой и новой записи. Москва 1894.

ТЛ = Туровские евангельские листки, см. стр. 34, № 12.

Тм. = Надпись на Тьмутороканском камне 1068 г., см. стр. 24, № 1.

Толст. Сб[орник], см. стр. 46, № 113.

Thomsen, Ursprung des russischen Staates (перевод). Gotha 1879. Перепечатано в собрании сочинений Томсена.

Трубецкой, Einiges, см. стр. 2.

Труды МДК = Труды Московской Діалектологической Комиссіи. Вып. 1. Варшава 1908 (из РФВ. LVIII—LX); вып. 2. Варшава 1910 (РФВ. LXI—LXIII); вып. 3. Варшава 1914 (РФВ. LXVI—LXVIII, LXX, LXXI); вып. 4. Памяти .... О. Е. Корша. Варшава 1915 (РФВ. LXXIV); вып. 5. Опытъ діалектологической карты и пр. Варшава 1915 (РФВ. LXXV); вып. 6. Дурново, Діалектологическія Разысканія и пр. Москва 1917; вып. 7. То-же. Шамордина Пустынь 1918; вып. 8. Москва 1919 (РФВ. LXXVI—LXXVIII с дополнениями); вып. 9. Ленинград 1927.

У142 = Отрывок церковного устава и Кондакарь XI в., см. стр. 35, № 24.

У330 = Церковный Устав Патриаршей библиотеки XII в., см. стр. 38, № 62.

Уложение = Уложеніе, по которому судъ и расправа во всякихъ дѣлахъ въ Россійскомъ Государствѣ производятся, сочиненное и написанное повелѣніемъ Царя и великого князя Алексія Михайловича и пр. Москва 1649.

Унив. Изв. = Университетскія Извѣстія. Киев.

УС = Успенский Сборник XII в., см. стр. 39, № 66.

Уч. Зап. = Учёные Записки.

Ученые Записки Высшей школы города Одессы, см. стр. 69, № 3.

Ученыя Записки И. Казанскаго Университета.

Филологическія Записки. Журнал, основанный Хованским. Воронеж.

Христианская Топография. См. Козма Индикоплов.

Хут. гр. = Хутынская грамота, вкладная Варлаама Хутынского Новгородскому Хутынскому монастырю около 1192 г., см. стр. 68, № 22.

ZslPh. = Zeitschrift für slavische Philologie, herausgegeben von Dr. Max Vasmer, Лейпциг, с 1924 г.

ЧПс = Чудовская Псалтырь XI в., см. стр. 34, № 17.

Чт. въ ОИДрР = Чтенія въ И. Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Чтенія въ Одесскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей.

Шахматов, Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка. Часть I. Историческій процессъ образованія русскихъ племенъ и нарѣчій. Петроград 1916.

Он же, Древнѣйшія судьбы русскаго племени. Изданіе Русскаго Историческаго Журнала. Петроград 1919.

Он же, Изслѣдованіе о языкѣ Новгородскихъ грамотъ. Спб. 1885 (Изслѣдованія по русскому языку, т. I. Спб. 1895).

Он же, Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ XV в. — Изслѣдованія по русскому языку, т. II, вып. 3. Спб. 1903.

Он же, Корсунская легенда о крещеніи Владимира. Спб. 1906. — Сборн. Ламанск. II. 1908.

Он же, Краткій очеркъ исторіи малорусскаго (украинскаго) языка. — Украинскій Народъ въ его прошломъ и настоящемъ. II. Петроград 1916.

Он же, Нѣсколько замѣтокъ о языкѣ псковскихъ памятниковъ XIV—XV в. ЖМНПр. 1909, июль.

Он же, Очерк = Шахматов, Очерк современного русского литературного языка. Ленинград. Государственное Издательство 1925.

Он же, Очеркъ = Шахматов, Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи звуковъ русскаго языка. Энциклопедія Славянской Филологіи 11. 1. Петроград 1916.

Он же, Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908.

Он же, Русскій языкъ. Его особенности. Вопросъ объ образованіи нарѣчій. Очеркъ основныхъ моментовъ развитія русскаго языка. — Исторія русской литературы до XIX в. подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Изданіе Т-ва „Міръ". Москва 1916.

Шахматов-Кримський, Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської староукраїнщини XI—XVIII вв. Киев 1922; 2-е издание. Киев 1924.

Щепкин, Библіографическіе Матеріалы и пр. См. Попов.

Он же, Учебникъ русской палеографіи. Москва 1918.

ЭО. = Этнографическое Обозрѣніе, журнал, изд. Этнографическим Отделом Московского Общества Антропологии, Естествознания и Этнографии. Москва.

ЮЕ = Юрьевское Евангелие около 1120 г., см. стр. 35, № 27.

Ягич, Критическія Замѣтки по исторіи русскаго языка, Спб. 1889. (Сборн. 46).

Он же, Разсужденія южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ. Изслѣдованія по русскому языку, I. Спб. 1895.

Он же, Служ[ебныя] Минеи, см. стр. 33, № 5—7.

Он же, Типик Хиландарски и његов грчки извор. Београд 1899.

Он же, Четыре критико-палеографическія статьи, см. стр. 36, № 28.

ОБЪЯСНЕНИЕ ТРАНСКРИПЦИИ.

Слова русских и других языков приводятся в обычном правописании, с отступлениями в пользу фонетической передачи лишь там, где это требуется, но звуки, их сочетания и формальные части слов даны в фонетической латинской транскрипции (поэтому, напр., c, p, y = русским ц, п, ы).

Значения букв и знаков транскрипции: c = р. „ц“, ł = р. „л“ твёрдому, x = р. „х“, y = р. „ы“, z = р. „з“, č, š, ž = р. „ч“, „ш“, „ж“; w — звонкий билабиальный фрикативный звук; ə — средний неокруглённый гласный звук среднего подъёма (в моск. произношении — вм. a, o за слог до ударения и после ударения, в петрогр. — вм. a, o безударных вообще); ï в м.-р. примерах в латинской транскрипции = „и“ укр. азбуки; ę, ǫ — e и o носовые; ě — гласные старшего периода (о.-сл. и древне-р.), соответствовавшие ст.-сл. ѣ; γ — фрикативная звонкая задненёбная согласная (в моск. — в слове Господи); кружок под буквой — слоговой характер звука, дуга — неслоговой; дуга над двумя буквами — их слитное произношение, ᵘo, ⁱe — т. наз. „дифтонги“, точнее гласные звуки неоднородной артикуляции, начинающейся с u, i и переходящей в o, e.

В литовских примерах „˜“ — восходящее ударение на долгом слоге, „`“ — ударение на кратком слоге.

В финском письме удвоение букв обозначает долготу звука.

В мадьярском письме „sz“ читается, как s.

В транскрипции арабских слов „â“, „û“, „î“ — долгие гласные, „q“ — т. наз. эмфатическое k (более сильное и более заднее), „’“ — слабый гортанный приступ, „ʿ“ — сильный гортанный приступ.

РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКИЕ ЯЗЫКИ.

§ 1. В этой книге я пользуюсь термином „русский язык“ в разных значениях: 1. в самом широком смысле для обозначения совокупности всех живых языков вост.-слав. ветви с момента их выделения из о.-сл. до настоящего времени, 2. в смысле „один из русских языков“, т. е. один (любой) из языков вост.-слав. ветви, 3. в узком смысле, как название того литературного языка, за которым утвердилось название русского[1]). Употребление этого термина в ед. ч. в первом значении было бы неудобно по отношению ко всей совокупности нынешних р. языков, ибо в настоящее время они не представляют единства, равно как нет и общего для всех говорящих на них единого литературного языка. Но мы вправе пользоваться этим термином, говоря об истории р. языка: в прошлом они составляли один язык, и начальный период их истории принадлежит истории единого р. языка. Термин „русский“ как в первом, так и во втором значении я предпочитаю употребляемому некоторыми термину „восточнославянский“, несмотря на некоторые неудобства, вызываемые употреблением первого в других, более узких значениях: все восточные славяне в историческую эпоху всегда и везде называли и продолжают называть себя и свой язык русскими, и ни одна из р. народностей не вправе присваивать это имя исключительно себе, равно как ни одной из них нет оснований отказываться от этого исторического имени, и менее всего таких оснований имеется для народности м.-р., непосредственного потомка той части р. народа, которая в домонгольскую эпоху по преимуществу именовалась Русью.

[1]) В украинской, а отчасти и р. печати русский язык часто отожествляется с великорусским.

§ 2. Русский язык выделился из о.-сл. Народ, говоривший на о.-сл., в последний период жизни этого языка, продолжавшийся несколько веков, был расселён на обширном пространстве; связь между его частями была слабая и, повидимому, непостоянная. Поэтому диалекты о.-сл. в этом периоде обнаруживали тенденцию к обособлению, и значительная часть особенностей, характеризующих отдельные группы слав. языков (ю.-сл., зап.-сл., вост.-сл.) и отдельные языки, возникла именно тогда. Тем не менее, известная, хотя и слабая связь между всеми диалектами о.-сл. продолжалась, и возникали явления, общие всем диалектам, довольно долго. Те слав. языки, которые выделились из о.-сл. при его распадении, большею частью, определились, как особые диалекты еще в о.-сл. эпоху; поэтому определение момента окончательного распадения о.-сл. затруднительно. Я лично, принимая во внимание изложенное, склонен относить его окончательное распадение к сравнительно поздней эпохе, более поздней, чем возникновение значительной части индивидуальных особенностей отдельных слав. языков[1]). В истории р. языка можно различать 3 эпохи: 1. эпоху прарусскую, до его окончательного выделения из о.-сл.; к этой эпохе относится большая часть явлений, общих всем р. языкам, и некоторые явления не о.-р.; 2. эпоху общерусскую, после окончательного выделения р. языка из о.-сл., до окончательной утраты связи между отдельными р. языками; к этой эпохе относится завершение некоторых процессов, начавшихся еще в предыдущую эпоху, и немногие новые о.-р. явления; 3. эпоху самостоятельного развития отдельных р. языков.

Литература: 1. Шахматов, Очеркъ (введение); 2. Он же, Введенiе 10—17; 3. Он же, До питання про початок української мови. Україна 1914, 6; 4. Он же. Краткiй очерк исторiи м.-р. (укр.) языка (Украинскiй народъ, II. 1916); то же в укр. переводе: Шахматов-Кримський. Нариси, 7—36; 5. Lehr-Spławiński. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich. RSl. IX. 1; 6. Трубецкой. Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit. ZslPh. I. 3—4; 7. Smal-Stockyj u. Gartner, Grammatik d. ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Wien 1913, стр. 455—498 (ср. рец. Lehr-Spławiński RSl. VII, Голанов, Изв. XIX. 3, Hujer, LF. XLIV, 444, и статью Шахматова в журн. Україна 1914. 6).

[1]) Подробнее об этом — в следующем выпуске.

РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ.

§ 3. В настоящее время существует три русских литературных языка: 1. собств. русский, 2. украинский и 3. белорусский; сюда можно присоединить и попытки создания четвёртого р. литературного языка — карпаторусского.

§ 4. Собств. русский литературный язык образовался путём долгой эволюции из цсл. р. редакции, употреблявшегося в качестве литературного в древней Руси и являвшегося р. видоизменением языка ст.-сл. Элементы живого р. языка проникали в него с самого начала р. письменности, в первые века (XI—XIII) из ю.-р. (именно — из Киевского *κοινή*), позднее, с XIV в., в Московской Руси — из московского говора, в ю. и зап. Руси из м.-р. и б.-р. Русский литературный язык получился из той редакции цсл. языка, которая была в употреблении в Московской Руси. Хотя в него во 2-й полов. XVII в. влилось много элементов из цсл. языка ю.-зап. редакции, ю.-р. элементов в нынешнем р. литературном языке сохранилось немного. Часть их является продолжением традиции XI—XIII в., часть проникла в него из цсл. языка ю.-зап. редакции в XVII в. За вычетом этих немногочисленных ю.-р. элементов, нынешний р. литер. язык обнаруживает в своём составе двоякие элементы: произношение и формы словоизменения в общем совпадают с произношением и формами словоизменения московского говора, словарный же состав и словообразование, равно как и правописание, наполовину цсл. Несмотря на то, что элементов б.-р. и м.-р. в р. литер. языке немного, он с полным правом может называться русским в смысле общерусского литературного языка, так как всё время оставался и остаётся даже теперь, после революции, литературным языком всего р. народа. До революции он был языком государственных и земских учреждений, низших, средних и высших учебных заведений во всей России. Русские писатели и учёные не только из в.-р. губерний, но и из Украины и Белой Руси, кроме немногих, писали свои работы на этом языке, и среди них мы находим имена горячих украинских и белорусских патриотов. Не только в России, но и в Галичине и в Закарпатской Руси многие местные писатели до последнего времени пользовались тем же языком.

Литература. Шахматов. Очерк, 6—52; Он же, Русскій языкъ; Соболевский, Труды I съѣзда преподавателей р. языка въ военно-уч. завед. Спб. 1904; Виноградов. Изслѣдованія 281 слл.

§ 5. Развитие украинского литературного языка шло совершенно иначе. Он возник только в конце XVIII в. и не стоит в генетической связи ни с цсл. литературным языком ю.-р. писателей предшествующей эпохи, ни с собств. русским литер. яз., ни с предшествующими попытками писать на м.-р. (XV—XVIII в.). В основу его легло вост.-укр. наречие м.-р.; элементов, не свойственных живой вост.-укр. народной речи, первые украинские писатели старались, по возможности, избегать, что им удавалось, пока литература на укр. ограничивалась стихами и повестями из украинского быта. Успешное развитие его задерживалось тем обстоятельством, что он не был принят ни в одном государственном или местном учреждении в России и оставался долгое время только языком немногих любителей народной речи. С 1876 г. в России начинаются преследования укр. языка. В этом году издан циркуляр, запрещавший печатание украинских книг правописанием, изобретённым Кулишем. В противовес русской внутренней политике австрийское правительство стало в Галичине поддерживать украинский язык, чтобы создать в России на Украине недовольство русским правительством. Деятельность австрийского правительства в связи с запретительной внутренней политикой России вызвала рост литературы и науки на укр. языке в Галичине; главный город Галичины, Львов стал центром украинской культуры, к которому тянула и значительная часть украинской интеллигенции в России. Во Львове создалось Наукове Товариство имени Шевченка, сыгравшее огромную роль в истории украинской культуры. Но быстрое развитие литературы и науки на украинском языке в Галичине привело к ненормальному развитию самого литературного укр. языка, в который вошло много чужих элементов, несвойственных живой народной речи, большею частью польских, частью немецких, благодаря чему он удалился от своей народной основы и утратил свое главное преимущество — близость к живой народной речи. Это обстоятельство вызвало среди украинской интеллигенции и укр. писателей в России, в особенности после того, как стеснительные меры против укр. языка были отменены,

т. е. с 1906 г., движение, направленное против галицких писателей, к очищению укр. языка от чуждых живой речи элементов. Со времени революции и с признанием укр. языка государственным на Украине это движение получило и официальную поддержку. Борьба с чуждыми элементами в укр. литературном яз., которая ведётся сейчас на Украине с большой энергией, имеет и свои теневые стороны: несмотря на существование богатой литературы и художественной и научной и популярной на укр. языке, он до сих пор остаётся неустановившимся; кроме того, стремление пуристов устранить из него не только польские элементы, внесённые галицкими писателями в недавнее время, но и старые цсл., в.-р. и даже о.-р. элементы, даже там, где живая народная речь не располагает иными средствами для выражения соответствующих понятий, приводит к созданию новых слов, часто ка́лек с иностранных, не менее чуждых живой народной речи, и удалению от исторических традиций и от родной основы.

Литература. 1. Крымский, Украинский яз. в последнем (не конченном) изд. Энциклопед. Словаря Т-ва Гранат; та же статья, несколько расширенная, перепечатана по украински в книге: Шахматов-Кримський. Нариси . . . Ср. стр. 117.: „У галицько-малоруській літературній мові самісінька етимологія . . . дійсно малоруська; синтаксис і фразеологія — ті самі, що й у польській літературній мові, цеб-то не раз дуже антималоруські; словарний матеріял мови галицького інтелігента так само захаращений полонізмами, а поруч с тим має чимало незграбних церковно-слов'янізмів, почасти й росіянізмів; не перебувається вона и без самородних, на-ново кованих слів.“ Идеал, к которому укр. язык должен стремиться, по Крымскому: „отак, як говорить простий нарід на Україні — так треба точка-в-точку й писати, не поступившись будь-якими особливостями його мови“ (стр. 115); 2. Он же, Украинская грамматика I. 1. 2. 6., II. 1. М. 1907—1908; 3. Житецкий, Очеркъ литературной исторіи м.-р. нарѣчія въ XVII и XVIII в. Ч. I. Киев 1889; 4. О. Курило, Уваги до сучасної української літературної мови, 3 изд., Киев 1925; 5. Она же, Паралельні форми в українській мові їх значіння для стилю. Киев, 2 изд., 1925; 6. Огієнко, Чистота й правильність української мови. Львів 1925; 7. Симович, Граматика української мови, 2 изд., Лейпциг 1921 (много места уделено возражениям против позиции, занятой Укр. Академией Наук в Киеве по отношению к галицкой разновидности укр. литер. яз.); 8. Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова. Записка акад. Шахматова, Корша, Фортунатова и др. И. Академія Наукъ. Спб. 1905; 9. Шахматов,

Очеркъ исторіи укр. языка. (Украинскій Народъ. II. 1916); то же на укр. языке — в назв. выше книге: Шахматов-Кримський. Нариси; Кульбакин, Украинскій языкъ. Харьковъ 1919.

§ 6. Нынешний белорусский литературный язык возник только в XIX в.; в основе его лежит один из центрально-б.-р. говоров. Вследствие стремления части б.-р. писателей последнего времени порвать со всеми традициями и сделать свой литературный язык отличным и от р. и от укр., в б.-р. литер. язык, особенно в язык научной прозы вошло много чужих элементов, не свойственных ни р. литер. языку, ни живым б.-р. говорам. Ни в какой связи со старым зап.-р. литер. языком XV—XVIII в. он не стоит.

Литература указана у Карского, Белорусы III. 3; Его же, Geschichte d. weißruss. Volksdichtung u. Literatur. Berlin u. Leipzig 1926 (Grundr. d. slav. Philol. und Kulturgesch.).

§ 7. О карпаторусском литературном языке предпочитаю здесь не говорить, надеясь сказать о нём в другом месте.

Литература. Авг. Волошин, О письменном языцѣ подкарпатских русинов. Видавництво Т-ва „Просвѣта“ в Ужгородѣ“. Ужгород 1921; Он же, Методическа грамматика русского языка для народныхъ школь. Унгваръ 1899; 2-е изд., Унгваръ 1907; Он же, Методическа грамматика карпато-русского языка, для народныхъ школъ, в двух частях. Ужгород 1919; Он же, Методична ґраматика карпато-руського языка для низших клас народных шкôл. Видане IV. Ужгород 1924 (обратить внимание на разницу между изданиями 1907, 1919 и 1924 г.!); Гусьнай, Языковый вопросъ; Евм. Сабов, Грамматика русскаго языка. 1 изд. 1890 (были и позднейшие); Он же, Literární jazyk Podkarpatské Rusi в книге: „Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. Red. Jos. Chmelař, St. Klíma, Jos. Nečas.“ Прага 1923; Он же (редактор), Грамматика р. яз. и пр. Ужгород 1924; Д-р. Панькевич, Jazyková otázka v Podkarpatské Rusi, в назв. выше книге Podkarpatská Rus, 130—150; Он же, Граматика руського языка для молодших кляс шкôл середних и горожанських. Мукачево 1922 (ср. рец. Геровского. Slavia VI); Húsek, Národopisná hranice mezi Slováky a Karpatorusy. Bratislava 1925.

Часть I.

ИСТОЧНИКИ.

§ 8. Источниками истории р. языка являются 1. вся письменность на р. языках с её возникновения до последнего времени, а также памятники на других языках, писанные русскими и отражающие в той или другой мере особенности р. языка их авторов или писцов; 2. современные живые русские языки во всех их наречиях; 3. слова, формы и обороты, а частью и фонетические особенности, заимствованные другими языками из р.; 4. исторические свидетельства иностранцев о р. языках.

Глава I.

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ.

1. Эволюция правописания и языка р. письменных памятников с X—XX в.

§ 9. Письменность на Руси возникла в конце X в., но старшие сохранившиеся рукописи, писанные р. писцами, известны только со 2-й полов. XI в.: старшая датированная рукопись — ОЕ 1056. Надписи на монетах Володимира Св. (980—1015) — болгарские [1]), а на монетах Ярослава Мудрого (1019—1054) [2] не дают ничего для суждения о тогдашнем р. языке. Остальные письменные памятники (рукописи, грамоты, надписи) позднее ОЕ. Книгопечатанье на Руси возникло только в XVI в.; впрочем, русская

[1]) Имя в. кн. читается на них: „Владимиръ“; далее везде — „сребро“, и только на одной монете „. . . мире сере . . .“, т. е. „Владимире серебро“. Возможно, что они чеканились в Болгарии или Царьграде.

[2]) Надпись: ꙗрославле съребро.

типография в Кракове появилась еще в конце XV в. Но до конца XVII в. русских и цсл. русской редакции книг печаталось мало, и русская письменность с XVI до конца XVII в. была по преимуществу рукописной.

§ 10. Начиная со 2-й половины XI в. имеется непрерывный ряд памятников, писанных представителями разных русских наречий. Их гораздо больше, чем памятников любого другого слав. языка того же времени. Однако ценность их показаний для истории р. языка сильно уменьшается от того, что обычно они представляют лишь русские списки памятников ю.-сл., а особенности р. языка проскальзывают в них лишь в виде ошибок писцов. Даже оригинальные произведения р. писателей и р. переводы древнейшей эпохи, особенно црк. характера, как напр., жития святых (хотя бы и р.), црк. службы, уставы, поучения и т. п., писаны на том же цсл. языке, и лишь немногие памятники писаны на р. языке, более или менее свободном от цсл. элементов. При всём том даже памятники црк. характера благодаря своей многочисленности и благодаря тому, что помимо ненамеренных отступлений от орфографии ю.-сл. образцов и оригиналов уже в XI в. обнаруживается стремление приспособить правописание к р. произношению, позволяют составить более или менее определённое представление о фонетических и морфологических особенностях некоторых р. наречий, современных этим памятникам.

§ 11. Вместе с тем господство цсл. в р. письменности не было всеобщим и безусловным. Уже древнейшие грамоты почти свободны от элементов цсл. Правда, они или очень невелики по обьёму или чрезвычайно однообразны по содержанию и потому даже при большом обьёме дают мало матерьяла для суждения о языке их составителей и писцов, но есть и грамоты, которые с большими размерами соединяют и богатое содержание: такова, напр., грамота рижан в Витебск около 1300 г., содержащая протест рижан против действий Витебского князя и его наместника в Риге. Кроме грамот имеются и другие памятники подобного рода, писанные русским, а не цсл. языком. Такова, напр, т. наз. Р у с с к а я П р а в д а, сборник уголовных и гражданских законов, составленный в XI в. и сохранившийся в списках, начиная с конца XIII в., и др. Многочисленные русские летописи, старшие части которых вос-

ходят к середине XI в., но сохранились в позднейших списках — XIV в. и позднее, — по языку заметно отступают от норм современного им цсл. языка других р. литературных памятников и содержат частью такие эпизоды, язык которых почти чисто русский. Без сомнения, язык летописей с самого начала, т. е. уже в XI в. отличался от цсл. других памятников и уже тогда в известных эпизодах носил скорее русский, чем цсл. характер. Большое число старых руссизмов, необычных для других р. рукописей XVI в., в списке Слова о полку Игореве в Мусин-Пушкинском сборнике XVI в. позволяет думать, что они принадлежат первоначальному тексту Слова, и что там руссизмов было больше, чем в этом списке, т. е., что его язык отличался от литературного языка переводных памятников и произведений црк. характера и приближался к живой речи тогдашнего придворного класса Ю. Руси. Что касается р. оригинальных произведений црк. характера и р. переводов, поскольку в составлении их не принимали участия вместе с русскими и ю. славяне, то их язык хотя и цсл., всё же отличался уже в XI в. от языка р. списков с памятников ю.-сл. происхождения бо́льшим количеством руссизмов и бо́льшим приближением к р. живой речи, как об этом можно судить по житиям Бориса и Глеба и Феодосия Печерского в УС XII в., где эти жития, будучи писаны теми же писцами, которые переписывали и остальные части УС, содержат руссизмов значительно бо́льше, чем прочие статьи, несмотря на очевидную грамотность писцов и их стремление избегать руссизмов[1]). Заметно отличается от языка р. списков ю.-сл. памятников и язык р. перевода црк. Устава, сохранившегося в отрывке конца XI в. и в полных списках XII в. и позднее. Тем не менее мы до сих пор не располагаем надёжными способами отличать по языку тексты р. происхождения как оригинальные, так и переводные, писанные на цсл., от текстов ю.-сл. происхождения и определять, какие руссизмы надо относить на долю р. автора или переводчика и какие — на долю позднейших переписчиков.

§ 12. До XV в. мы не имеем вполне определённых указаний на существование в пределах русской языковой области других

[1]) Не считая собств. имён (личных и географич.), как Володимиръ, Вьсеволодъ, Вышегородъ, Переяславль, Берестово и др., употребляющихся в обоих житиях исключительно в русском звуковом виде.

литературных языков кроме цсл. Различия между языком памятников сев.-р., зап.-р. и ю.-р., а в ю.-р. области памятников киевских и галицких сводились больше к правописанию и стилю; определённые указания имеются только на то, что еще в XII в., если не раньше, проведено было повсюду разграничение между языком литературным цсл. и деловым р., который допускался и в летописном расказе там, где не преследовались цели литературные. Редкими исключениями являются такие литературные памятники, как Слово о полку Игореве, в котором рядом с элементами цсл. видим намеренное пользование элементами живой речи (может быть, устной поэзии) в широких рамках.

§ 13. В XV в. в Ю.-З. Руси, входившей в то время в состав Литовского в. княжества, деловой язык местных государственных учреждений, в основе которого лежало одно из живых наречий б.-р., становится в тоже время и литературным, на котором уже в том же столетии возникает богатая письменность как переводная, так и оригинальная; на этот язык переводится и Св. Писание, не говоря уже о произведениях не-црк. характера. Впрочем этот литературный язык, первоначально почти чисто русский, лишь с незначительным количеством нерусских элементов, с одной стороны цсл., с другой польских, довольно рано (с XVI в.) подвергся сильному влиянию польского и к XVII в. до того проникся польскими элементами, что литературные произведения на этом языке, возникшие в XVII в., часто трудно отличить от польских, переписанных белоруссом.

§ 14. В XV же столетии, но несколько позже возникает письменность неделового характера и на м.-р. (грамоты на этом языке писались и раньше). В основе его лежат живые м.-р. говоры. Но обще-м.-р. литературного языка до XIX в. не выработалось. Литературный язык ю.-р. письменности XV и XVI в. частью представляет лишь незначительные уклонения от зап.-р. литературного языка, частью изобилует элементами цсл., частью более или менее свободен и от того и от другого, а кроме того представляет и такие видоизменения, которые вызваны диалектическими различиями м.-р. говоров. И этот язык подвергся сильной полонизации подобно зап.-р.

§ 15. В Московской Руси в течение XV и XVI в. на основе местного московского говора (см. ниже) развился собственный деловой язык, принятый затем во всех государственных учреждениях („приказах") и господствовавший там до XVIII в. Этот „приказный язык", почти свободный от элементов цсл., к середине XVII в. достиг большого развития и имел все данные стать литературным. На нём писались не только государственные и юридические акты, договоры и пр., но и почти вся корреспонденция московских в. князей, царей и московской интеллигенции, хотя находились книжные люди, пользовавшиеся и в этом случае цсл., а также статьи и книги самого разнообразного содержания: своды законов, мемуары, хозяйственные, политические, географические и исторические сочинения, лечебники, поваренные книги и т. д. К памятникам, писанным этим языком, относятся между прочим хозяйственные главы Домостроя XVI в., „Уложение" 1649 г., сочинения царя Алексея Михайловича, как напр. его „Урядник сокольничья пути" и др. Сюда же можно присоединить и „Ведомости" начала XVIII в. При всём его высоком развитии он оставался всё время только языком деловой письменности. Литература художественная и церковная в широком смысле до XVIII в. пользовалась только цсл. языком. Всё же элементы этого языка проникали и в традиционный литературный цсл. язык и в конце концов содействовали развитию нынешнего р. литературного языка.

Кроме приказного, в Моск. Руси (как, впрочем, и в Ю. Руси) вырабатывается постепенно, начиная с XV в., особый вульгарно-литературный язык, которым писались популярные литературные произведения, распространённые среди низов читающей публики, и к которому приспособлялись даже записи произведений устной словесности — сказок, песен и т. п. (ср., напр., былины старой записи, напечатанные Тихонравовым в сборнике: М и л л е р ъ и Т и х о н р а в о в ъ, Былины старой и новой записи, Повесть о Горе и Злочастии и др.). В этом вульгарно-литературном языке из цсл. остались только известные штампы в виде отдельных наиболее употребительных в цсл. книгах слов в роде: б ы с т ь, р е ч е, а щ е и т. п., цсл. дублетов с р а, р е, л а, л е и с щ к русским словам с полногласием и ч, некоторых излюбленных форм в роде аористов и имперфектов (особенно часты

формы на -ше и -ша в значении всех лиц и чисел) и причастий на -щий и -ший (часты бесчленные форми на -ще, -ше в значении деепричастий) и некоторых синтаксических оборотов; эти штампы накладывались на чисто русский язык произведения для придачи ему литературности; часть их уцелела до сих пор в языке устной словесности, не только в духовных стихах и легендах, но и в былинах и сказках. Начиная с XVI в., имеются также записи народных песен, пословиц и др. образцов устной словесности ю.-р., зап.-р. и в.-р., язык которых отличается как от литературных, так и от деловых (канцелярских) того же времени.

§ 16. Т. о. общее число дошедших до нас письменных памятников не только цсл. русской редакции, но и собственно русских языков живых или литературных, развившихся на основе живых р. языков, почти с самого начала р. письменности до последнего времени, значительно. К сожалению, только немногие из таких памятников изданы с точностью, дозволяющей их изучение со стороны языка; большая часть их или до сих пор не издана или издана неточно, часто с исправлением правописания.

§ 17. При всём том главная масса памятников, дошедших до нас за период с XI до нач. XVIII в., писана на цсл. Этот язык продолжал оставаться литературным языком не только в Московской Руси, но и в Западной, где политические условия помешали успешному развитию литературного языка зап.-р., вызвав с одной стороны его полонизацию, с другой — возвращение к цсл. литературному языку со стороны зап.-р. писателей, отстаивавших свою национальность и православие.

Цсл. язык русской письменности развился из т. наз. ст.-сл. Когда русские впервые с ним познакомились, т. е. в конце X в., он не был вполне единым всюду, где им пользовались: в ст.-сл. языке этого времени можно различать по крайней мере два литературных диалекта, именно a) македонский, сохранявший до известной степени первоначальный кирилло-мефодиевский облик и b) вост.-болг., представлявший известные изменения первоначального состояния, восходящие ко времени царя Симеона болгарского. Русские получили письменность и знание ст.-сл. от восточных болгар. Но позднее, при Ярославе и его преемниках, русские, повидимому, были в более близких сношениях не с вост. болгарами,

как при Володимире Св., а с зап. или, скорее, с македонцами и сербами. Из зап. Болгарии, Македонии и Сербии приходили на Русь во второй полов. XI в. и позднее образованные люди, приносившие с собой книги, писанные на македонском диалекте ст.-сл. От них усвоили русские иное правописание и иное литературное произношение, чем то произношение и правописание, какие были ими усвоены раньше от вост. болгар [1]). Из соединения элементов вост.-болг. и македонских с русскими, вызванными необходимостью приспособить этот язык к р. произношению, получился цсл. язык древнер. памятников.

§ 18. Т. о. цсл. язык р. памятников как русского происхождения (т. е. русских переводов и оригинальных сочинений), так и ю.-сл. (т. е. р. списков ю.-сл. текстов) уже с самого начала не был тожественным с языком памятников ю.-сл. Уже р. списки ст.-сл. текстов, писанные в XI в., содержат кроме случайных ошибок, выдающих русское произношение писцов, некоторые отступления от ю.-сл. орфографических систем, проведенные последовательно, напр. **ж** вм. ст.-сл. **жд** из осл. dj в АЕ, М 95—97 и позднее, **ъρ, ьρ, ъл** вм. ст.-сл. **ρъ, ρь, лъ, ль** и др. из осл. ъr, ьr, ъl, ьl в ОЕ^1 и позднее, **ꙗ** вм. всякого **ѩ** в начале слога и вм. **ѧ** после мягких **л** и **н** в АЕ^2 и др., instr. sg. на **-ъмь, -ьмь** вм. обычного в ю.-сл. текстах XI в. **-омь, ємь** в ОЕ и др., окончание **-ть** в 3 л. глаголов во всех р. памятниках, начиная с ОЕ, и др. Некоторые особенности правописания, свойственные русским памятникам XI в. и позднее и не противоречащие особенностям р. языка, могли быть и ю.-сл. происхождения, как напр. последовательное употребление **оу, ю** вм. **ѫ, ѭ** в АЕ^2 и др.; другие, неизвестные ю.-сл. памятникам, могут передавать не столько р. живое произношение, сколько специально церковное произношение, представлявшее подражание произношению тех

[1]) Обращу внимание на знакомство р. писцов XI и XII в. с глаголицей, которая, повидимому, в вост. Болгарии не употреблялась вовсе, а была в употреблении только в Македонии, Сербии и Моравии. В р. рукописях XI в. это знакомство обнаруживается в виде глаголических приписок (напр. в КИ, У 142 и др.) и сохранения глаголич. букв оригиналов (напр. в ГБ, ЕПс и др.). Среди р. надписей graffiti на стенах Новгородского Софийского собора есть и глаголические.

ю. славян, от которых русские усваивали ст.-сл. язык. Такое црк. произношение не всегда совпадало с р. живым произношением. Так, написания с шч в таких случаях как отвѣшча в ю.-р. памятниках XI и XII в., неизвестные ю.-сл. памятникам того же времени, но очевидно точно передающие русское црк. произношение, не соответствуют р. живому произношению, где в подобных случаях являлось одно č[1]. Сев.-р. правописание жг вм. ст.-сл. жд не только в таких словах как дъжгь, приговожгенъ, но и прѣжге, могло передавать сев.-р. искусственное церковное произношение с žǵ, вызванное тем, что русские воспринимали ю.-сл. краепалатальное ď в сочетании žď, как ǵ. Впрочем на сев. были и попытки передать это ď иначе: в МЕ буква д в сочетании жд два раза написана с крючком вправо, употребляющимся в том же памятнике при буквах л и н для обозначения их мягкости. Произношение, передававшееся в сев.-р. памятниках на письме сочетанием жг, живой речи могло быть неизвестно. Думаю, что и правописание с ъp, ьp, ъл между согласными вызвано тем, что ю.-сл. произношение сочетаний ръ, рь, лъ, ль в случаях типа тръгъ, пръвын, мльчати

[1]) шч вм. ст.-сл. шт или щ встречается только в ю.-р. памятниках; в сев.-р. в подобных случаях только щ или шт. Но это обстоятельство отнюдь не говорит за то, что с.-р. произношение щ отличалось от ю.-р. Надо думать, что р. црк. произношение щ было всюду одинаково, т. е. что щ везде читалось как šč. Поводом к возникновению шч могло быть обстоятельство, что писцы в своих оригиналах встречали написание шт, противоречившее их традиционному произношению. Ср. такое шт в целом ряде русских рукописей XI в. Произношение ст.-сл. щ как šč находило себе поддержку в р. живом произношении šč в соответствии со ст.-сл. щ из *stj и *skj, но нет достаточных оснований полагать, что оно и возникло на Руси под влиянием р. живого произношения. Повидимому, произношение šč в подобных случаях было известно и некоторым македонским диалектам X и XI в., и к этим диалектам восходят и те нынешние макед. диалекты, в которых такое произношение сохранилось. См. Oblak, Macedonische Studien, 58 слл., Селищевъ, Очерки Македонской діалектологіи. Казань 1918, 128 слл. Можно думать, что и буква щ, имеющаяся и в глаголич. и в кирилл. алфавите, была создана не для передачи сочетания št, а для передачи šč: кирилловское начертание этой буквы легко выводится не только из лигатуры ш + т, но и из ш + ч с прямоугольной чашечкой, глаголическое—только из лигатуры ш + ч.

и т. п. русские воспринимали иначе, чем те же сочетания в случаях типа кръвь, крьстити, сльза и т. п. и потому считали нужным сохранить это различие и на письме.

§ 19. С течением времени число руссизмов, проведенных в р. правописании систематически, мало-по-малу, возрастает. Написания, как оу и ю вм. ж и ѭ, ꙗ вм. ѧ, ж вм. жд из *dj, ър, и пр. вм. ръ и пр., проведенные систематически в XI в. только в некоторых рукописях, в XII в. становятся всеобщими. Возникают новые орфографические особенности. Так, в ГЕ и некоторых других галицких памятниках XII в. вм. всякого ст.-сл. жд, из zdj, zgj последовательно пишется жч. Со 2-й полов. XII в. в Галичине и на Волыни возникает новое правописание, последовательно заменяющее буквою ѣ всякое є перед мягкими в новых закрытых слогах. Это правописание точно передаёт одну из особенностей тогдашнего ю.-р. живого произношения, явившуюся лишь незадолго перед этим после т. наз. падения глухих, т. е. после утраты ъ и ь в слабом положении и распространившуюся, надо думать, тогда же на все ю.-р. говоры, а именно, на совпадение е перед мягкими в новых закрытых слогах с гласной, обозначавшейся буквою ѣ. Но в Киеве, старом культурном центре с установившимися традициями, равно как и в других ю.-р. городах, находившихся в культурной зависимости от Киева, это новое фонетическое явление не повлекло за собою реформы правописания и отражается на письме лишь в виде случайных ошибок писцов и то не во всех рукописях, что, конечно, отнюдь не говорит за то, что Киевскому говору эта фонетическая черта не была свойственна, а свидетельствует лишь об установившейся орфографической традиции. Наоборот, возникновение нового правописания в Галиче, не давая никаких указаний на отличие Галицкого говора от других ю.-р., свидетельствует о том, что Галич стремился стать независимым от Киева даже в таких вещах, как правописание.

§ 20. Т. наз. падение глухих, т. е. утрата ъ и ь слабых и переход ъ и ь сильных в гласные полного образования, совпавшие со старыми о и е там, где эти последние не подверглись удлинению, вызвало большие изменения в р. правописании. Мало-по-малу буквы „ъ“ и „ь“, которые перестали означать особые гласные звуки, отличные от гласных звуков, обозначавшихся

буквами „о“ и „е“, исчезли из правописания в значении букв для гласных звуков и сохранились только как знаки конца слова или как диакритические знаки, указывающие на звуковое значение соседних букв (согласных и т. наз. „мягких гласных“), в значении же гласных заменены буквами „о“ и „е“ всюду, где гласные из старых ъ и ь совпали с гласными из старых о и е; наконец в ряде случаев, где раньше писались „ъ“ и „ь“ для обозначения ъ и ь слабых, эти буквы после утраты слабых ъ и ь перестали писаться без замены их другими буквами. Эти изменения в правописании произошли не сразу. Сравнительно быстро произошло вытеснение букв „ъ“ и „ь“ буквами „о“ и „е“ там, где в произношении звуки, обозначаемые этими буквами, совпали, т. е. в тех положениях, где ъ и ь были сильными, а также в сочетаниях ъг, ьг, ъł между согласными. Уже в XIII в. ряд памятников употребляет последовательно о и е во всех случаях, где старые ъ и ь совпали со звуками, обозначавшимися этими буквами, сохраняя ъ и ь исключительно для обозначения конца слова и слогораздела (первые указания на совпадение ъ и ь с о и е не старше середины XII в.). Но господствующим всюду такое правописание становится только во второй половине XIV в.; единичные следы старого правописания на Севере встречаются еще в начале XV в. Гораздо дольше сохранялись в правописании буквы „ъ“ и „ь“ на месте ъ и ь слабых, т. е. там, где звуки, обозначавшиеся этими буквами, исчезли из произношения. В конце слова ъ и ь в р. письме уцелели до самого последнего времени даже в тех случаях, где с ними не связывается никакого звукового значения, напр., после шипящих и „ц“. Новое правописание, введённое в 1917 г., устранив из правописания букву „ъ“ в конце слова, сохранило букву „ь“ после шипящих. В середине слова „ъ“ и „ь“ еще в XVIII в. писались и там, где с ними не связывалось никакого звукового значения. Раньше, чем установилось правописание, заменившее буквы „ъ“ и „ь“ в значени гласных звуков буквами „о“ и „е“ и оставившее буквы „ъ“ и „ь“ только на месте ъ и ь слабых, совпадение ъ и ь сильных с о и е вызывало у писцов смешение букв „ъ“ и „ь“ с буквами „о“ и „е“, а также и с буквой „ѣ“ там, где буквы „е“ и „ѣ“ смешивались между собою. В памятниках, где наблюдается такое смешение, буквы „о“ и „е“

нередко пишутся не только на месте ъ и ь сильных, но и на месте ъ и ь слабых, что̀, вероятно, объясняется тем, что буквы „ъ“ и „ь“ в азбуке, а также и при диктовке читались, как о и е. К таким памятникам принадлежит между проч. Смоленская грам. 1229 г. в списке А. Единичные памятники с тем же смешением всяких „ъ“ и „ь“ с „о“ и „е“ попадаются еще в XV в.; такова, напр., изд. Сибирцевым и Шахматовым Двинская грам. № 129. Вообще же памятники с подобным разрушенным правописанием редки уже в XIII в. Новое правописание, заменившее „ъ“ и „ь“ в значительной части случаев, где эти буквы писались раньше, буквами „о“ и „е“, не только существенно отличается от правописания предыдущей эпохи, но значительно удалило и самый цсл. язык русской редакции от ст.-сл.

§ 21. Новые изменения в р. цсл. правописании и отчасти в церковном и литературном произношении произвела реформа митроп. Киприана (1390—1406) в конце XIV в. Главными особенностями нового правописания, введённого Киприаном и его сотрудниками, большею частью сербами, были употребление буквы ѫ рядом с оу и ꙋ в том же значении[1], а вм. ꙗ после гласных (добраа, всеа), ръ, рь, лъ, ль между согласными вм. р. ор, ер, ол, жд вм. р. ж в соответствии со ст.-сл. жд. Из назв. орфографических особенностей только с написанием жд связывалось и известное изменение в литературном (прк.) произношении, так как до Киприановской реформы в подобных случаях читалось ž; остальные особенности были чисто орфографическими и позднее, как не соответствующие ни живому, ни литературно-церковному произношению, были из р. правописания устранены уже в XVI в. и в Московской и в Литовской Руси. Что же касается употребления жд, в соответствии с р. ž, болг. žd, то это правописание и соответствующее ему церковное произношение žd сохранились в цсл. р. редакции до настоящего времени, совершенно вытеснив старое правописание с ж и соответствующее произношение, со-

[1]) В тогдашнем болг. правописании ѫ и оу, конечно, различались согласно произношению, но не только р. писцы XIV и нач. XV в. употребляли ѫ только „красоты ради, а не истины“, но и сами сотрудники Киприана, родом сербы, вряд ли различали ѫ и оу этимологически.

гласные с р. живым произношением и господствовавшие в р. црк.-литературном языке до реформы. Это žd сохранилось и в нынешнем литературном русском в очень многих словах и грамматических образованиях (ср. вождь, заблуждаться, побеждать, насаждать, рождение, суждение, надежда, одежда, чу́ждый, прежде, между и т. п.).

§ 22. Хотя Русская земля рано распалась на несколько более или менее самостоятельных областей, литературный цсл. язык р. письменности оставался до XVIII в. единым на всей территории р. языков, различаясь по областям лишь незначительными местными особенностями в правописании и в произношении. Так, совпадение о.-сл. с и č в одном звуке в сев.-р. наречии вызвало подобное же совпадение и в црк-литературно́м произношении в Сев. Руси, на что̀ указывают уже новгородские памятники конца XI в. (М 95—97) с безразличным употреблением букв ц и ч в значении как с, так и č. Возможно, что такое произношение в XI и нач. XII в. в Новгороде считалось нелитературным и избегалось, по крайней мере, при чтении Евангелия в главных Новгородских храмах; так объяснялось бы отсутствие смешения ц и ч в ОЕ, КЛ, МЕ и ЮЕ; почти нет примеров смешения этих букв и в сев.-р. отрывке црк. устава и кондакаре У 142. Частые, иногда систематически проведённые написания жг в памятниках сев.-р., начиная с конца XI в., и жч в том же значении в памятниках галицких также свидетельствуют о различии между црк.-литературным произношением новгородским и галицким[1]). Вообще в правописании галицко-волынских црк. книг XII и XIII в. определённо сказывается тенденция приблизить его к живому местному произношению, наперекор старым традициям, что̀ указывает на сильное влияние живой речи на црк.-литературное произношение в Галиче и на Волыни. В Киеве и в Новгороде в ту же эпоху влияние живою речи на литературный цсл. язык было слабее. В Киеве это объясняется более тесными связями с Балканским полуостровом. Надо думать, что в Киеве до разорения его Батыем всегда проживало

[1]) В живом языке такого различия могло и не быть, т. е. возможно, что и в Новгородском говоре о.-р. žd͡ž из осл. zdj и zgj сохранялось как žd͡ž.

много ю. славян; Галич, наоборот, поддерживал связи больше со своими зап. соседями. Разрыв между Сев. и Ю. Русью в XIII в. и образование на территории Руси двух держав — Московской и Литовской — в XIV в. отражается и на судьбе цсл. литературного языка; создаётся ряд различий между цсл. языком Московской Руси с одной стороны и Литовской с другой. К XVII в. различия между тем и другим становятся довольно значительными, хотя в существенных чертах цсл. языка и Московской и Литовской Руси остаётся единым. Различия касаются места ударения, (ср. сев. на́ землю, во́ вѣки, во́ имя, на́ небеси, ю.-зап. на землю́, во вѣ́ки, во и́мя, на небеси́ и т. п.), немногих особенностей морфологических и таких особенностей в произношении, которые не отражались на правописании; таковы, напр., различия в произношении ѣ, в произношении шипящих и ц, согласных перед е и т. п. Об этих различиях можно составить себе представление путём сравнения ю.-р. (в Евю, 1619 г.) и московского (1648 г.) изданий цсл. грамматики Мелетия Смотрицкого и црк. книг, изданных в Москве до 1654 г., а также книг единоверческой печати, воспроизводящих текст московских дониконовских изданий, с одной стороны и изданных в Литовской Руси (во Львове, Остроге, Киеве, Евю и др.) с другой стороны. О различиях в цсл. произношении между Московской и Литовской Русью, существовавших в XVII в., можно судить по нынешнему церковному произношению сев.-р. старообрядцев поморского согласия с одной стороны и галичан и карпаторусов восточного обряда с другой стороны: и те и другие сохранили до сих пор старое црк. произношение без изменений с XVII в. Црк.-литературное произношение в Литовской Руси в XVII в. не было везде одинаковым: в согласии с живой речью в м.-р. частях Литовской Руси ѣ в црк. чтении произносилось как і, а согласные перед є и и произносились твёрдо, как и в нынешнем црк. чтении галичан и карп.-руссов, в б.-р. же частях ѣ читалось, повидимому, как е, а согласные перед є и и читались мягко. В Московском црк. произношении различались є и ѣ, по крайней мере, под ударением, между проч., тем, что перед є, в отличие от живого произношения, согласные выговаривались твёрдо, а перед ѣ мягко. Указания на эту особенность старого московского црк. произношения можно извлечь не

только из произношения поморских старообрядцев, но до некоторой степени и из самих московских рукописей и печатных книг дониконовского периода[1]). Возможно впрочем, что эта особенность црк. произношения не была в Моск. Руси всеобщей: она не сохранилась у старообрядцев, не принадлежащих к поморскому согласию. Во 2-й половине XVII в. цсл. язык Моск. Руси подвергся сильному влиянию цсл. языка Зап. Руси. Исправление богослужебных книг, проведённое патриархом Никоном в 50-ых и 60-ых годах XVII в., касалось в значительной степени их языка, внося в него изменения согласно нормам цсл. языка Зап. Руси. Московские писатели второй полов. XVII и нач. XVIII в. были или выходцами с Зап. Руси, как Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий, Димитрий Ростовский, Феофан Прокопович, Стефан Яворский и др., или их учениками и подражателями. Поэтому цсл. язык как црк.-богослужебных книг, так и литературы Моск. Руси позднее серед. XVII в. не сохранил многих особенностей цсл. языка Моск. Руси предшествующей эпохи, какие отличали его от цсл. языка Зап. Руси. Эти особенности сохранились лишь у старообрядцев, оставшихся верными старым дониконовским московским традициям.

§ 23. Несмотря на многочисленные отступления от норм ст.-сл. языка, какие допускались в русских литературных произведениях и переводах за всё время существования р. письменности, литературным языком на всей территории р. языка продолжал оставаться цсл., хотя и усвоивший ряд особенностей, больше фонетических, живого р. языка, но в общем коренным образом от него отличавшийся. Зап.-р. литературный язык, возникший в XV в., даже в период своего расцвета не мог вытеснить цсл. не только из богослужения, но и из литературы; попытки писать на м.-р. до конца XVIII в. не привели к созданию обще-м.-р. литературного языка; деловой язык Московских приказов никогда не был языком ни художественной, ни философской и научной литературы. Только с нач. XVIII в. на в.-р. почве эволюция литературного языка решительно вступает на путь сближения с живой разговорной речью образованных классов московского общества, и р. литературный язык постепенно удаляется от цсл. языка бого-

[1]) Ср. Васильев. Изв. X (1905). 2 и XV (1910). 3.

служения, сохраняя при этом генетическую связь с цсл. письменной традицией, идущей со времён славянских Апостолов.

Литература.

1. О литературных диалектах ст.-сл. языка: Jagić, Entstehungsgeschichte der ksl. Sprache. Berlin 1913; Кульбакин, Du classement des textes vieux slaves. RÉSl. II. (1922) 3—4, стр. 175—200; также — работы Евсеева, Михайлова, Погорелова и др.

2. О культурных связях русских с ю. славянами в X—XII вв.: Сперанский, Къ исторіи взаимоотношеній русской и южнославянскихъ литературъ. Изв. XXVI (1921). 143—206.

3. О глаголическом письме на Руси — см. в общих курсах палеографии Соболевского, Карского, Щепкина и у Сперанского, Исторія древней р. литер. I. 147.

4. О цсл. языке русских памятников: Шахматов, Очеркъ, § 265—266; Он-же, Очерк, 6—10, 19—45; Он-же, Нѣск. зам.; Дурново, Очерк, §§ 28, 29, 31, 32, 109—120; Он-же, Русские ркпси; Соболевский, Особенности русскихъ переводовъ.

5. Об изменениях в р. правописании, вызванных т. наз. „падением глухих": Шахматов, Очеркъ, §§ 340—346, 378—384, 411—445,; Дурново, Очерк, §§ 180—190.

6. О галицко-волынском правописании: Соболевский, Очерки; Шахматов, Очеркъ, § 454—459; Ягич, Критическія замѣтки.

7. О Киприановской реформе: Соболевский, Южнославянское вліяніе; Щепкин, Учебникъ, 117—121; Шахматов, Очерк, 11—12, 19—21, 25—27.

8. О зап.-р. литературном языке: Карский, Бѣлоруссы т. I, II. 3, III. 2; Он же, Geschichte der weißrussischen Volksdichtung und Literatur. Berlin u. Leipzig 1926 (Grundr. d. slav. Philol. und Kulturgesch.).

9. О ю.-р. литер. языке до XVIII в.: Житецкій, Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ 1876 (ср. рец. Потебни в Отч. о 20-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ 1877); Он-же, Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в. Часть I. Кіевъ 1889 (ср. рец. Кочубинского в Отч. о 32 присужденіи Уваровскихъ наградъ. 1890); Крымский, Украинская грамматика. I. 1. 2. и 6; II. 1. М. 1907—1908 (ср. рец. Шахматова в RSl. II); I. Свенціцкий, Нариси з історії української мови. Львов 1920 (работа в лингвистическом отношении неудовлетворительная).

2. Обзор русских письменных памятников.

§ 24. К письменным памятникам р. языка относятся *а)* надписи всякого рода: на монетах, медалях, амулетах, печатях, крестах,

образах, камнях, стенах, надгробных и иных памятниках и т. д., *b)* рукописи в тесном смысле, *c)* печатные книги, *d)* грамоты, т. е. всякого рода правительственные и юридические акты: договоры, духовные завещания, купчие, дарственные, судебные решения, циркуляры, воззвания и пр.

Деление это условно: к надписям относятся все письменные памятники не на бумаге (на камне, металле, дереве и пр.); по содержанию и языку некоторые виды надписей однородны с т. наз. вкладными записями в рукописях и вкладными грамотами; часть надписей на стенах храмов и на богослужебных предметах содержит отрывки из молитв; впрочем, для историка языка важен тот факт, что надписи делались не теми лицами, которые занимались изготовлением рукописей и грамот, и потому обычно менее знакомыми с традиционной орфографией, вследствие чего особенности живого языка их изготовителей (резчиков, живописцев и т. п.) проявляются в них иногда сильнее, чем там. Нельзя провести резкой грани между рукописями и грамотами. Так, вкладные записи в рукописях вообще мало чем отличаются от вкладных грамот и по содержанию и по языку. Отдельные юридические акты относятся к грамотам, а сборники таких актов и своды юридических правил — к рукописям: разница в данном случае сводится только к размерам. Различие между печатными книгами и рукописями, которое приходится учитывать историку языка, сводится к тому, что почти каждая рукопись отражает в той или другой мере индивидуальные черты говора писца, в печатных же книгах эти черты в значительной мере стёрты, и что в них к тем двум видам отступлений от норм или оригинала, какие известны из рукописей — ошибкам и опискам, прибавляется третий — опечатки, т. е. ошибки наборщиков, в основе которых лежат ассоциации, отличные от ассоциаций, вызывающих появление ошибок и описок.

a) Надписи.

§ 25. Монеты р. государей и должностных лиц сохранились, начиная с конца X стол.; именно к этому времени относятся монеты в. кн. Володимира Св. (980—1015); к 1-ой половине XI в. относятся монеты Святополка (1015—1019) и Ярослава (1019—1054), но, как сказано выше, для истории р. языка надписи

на этих монетах ценности не представляют, как составленые на болг. языке (надписи на монетах Володимира) или не содержащие таких данных, которыми историк р. языка мог бы воспользоваться. Надписи на монетах более поздних не вносят никаких дополнений в наши знания о древнер. языке по сравнению с другими современными им письменными памятниками.

Надписей на камнях, стенах, надгробных памятниках и т. п. с XI до XIII в. сохранилось немного; все они невелики по обьёму и потому мало дают матерьяла для истории языка, но это не мешает им быть очень ценными, потому что почти все они написаны на чистом русском языке, свободном как от элементов цсл., так и от условностей канцелярского языка грамот. Надписи 2-й полов. XIII в. и позднейшие уже такого интереса, как надписи до XIII в., не представляют.

Ценным памятником р. языка является также подпись королевы Анны, дочери в. кн. Ярослава Володимировича, матери французского короля Филиппа II, на грамоте 1063 г., выданной ею от имени несовершеннолетнего короля. Подпись сделана по-французски, но русскими буквами: ANA РЪНNA и свидетельствует о том, что Анна отожествляла французский звук ә, произносившийся в 1-м слоге слова reina „королева“ (нын. reine), с русским звуком, обозначавшимся буквою „ъ“.

Литература.

1. Издания снимков с древнейших русских монет и их описания: И. И. Толстой, Древнѣйшія русскія монеты в. княжества Кіевскаго. Спб. 1882; Он же, Древнѣйшія русскія монеты X—XI в. Спб. 1893; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. IV. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева. Спб. 1891, вып. V. Спб. 1897; Батюшков, Волынь. Спб. 1888 (снимки с монет Володимира и Ярослава взяты из книги И. И. Толстого); Зубов, Матеріалы по р. нумизматикѣ, Археолог. Изв. 1897. 11; Н. И. Петров, Монеты вел. кн. Изяслава Ярославича. Труды Виленскаго Археологич. Съѣзда, т. I.

2. Перечень надписей, их описание и издание некоторых из них: Срезневскій, Древніе памятники; перечень с указанием изданий: Соболевский, Лекции; Карский, Очеркъ.[1]

3. О подписи королевы Анны: Nyrop, Grammaire historique de la langue française I. Paris 1904, стр. 178; Шахматов, Очеркъ, § 340.

4. Издания отдельных надписей:

1. Надпись на Тьмутороканском камне 1068 г. [Тм.] Камень хранится в Госуд. Эрмитаже в Петрограде. Издавалась несколько раз, между прочим в моей Хрестоматии. Последнее издание в превосходных снимках с эстампажей — в приложении к диллетантской статье Спицына, Тьмутараканскій камень. Петрогр. 1915 (Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи И. Русскаго Археолог. О-ва, т. XI).
2. Надписи, выцарапанные на стене Новгородского храма св. Софии, конца XI или нач. XII в. Изд. в снимках Щепкин, Новгородскія надписи graffitti (Древности И. Московскаго Археолог. О-ва).
3. Надпись на Вилейском камне в Вилейском у. б. Виленской губ., конца XI или нач. XII в. Изд. Романов, Къ археологіи Сѣверо-Западнаго Края Россіи. Вильно 1911. (Записки Сѣв.-Зап. Отдѣла И. Русскаго Географич. О-ва, кн. 2).
4. Надписи на стене Киевского Златоверхого храма св. архангела Михаила после 1108 г. Изд. в снимке Срезневский, Древніе памятники.
5. Надписи, выцарапанные на стене Спасо-Нередицкого храма около Новгорода, XII в. Изд. в снимке Срезневский, Древніе памятники.
6. Надписи на Борисовых камнях до 1128 г. в Могилевской губ. Одну из них, находящуюся в Высоком Городце Сенненского у., изд. Романов, Надпись на Борисовомъ камнѣ. Вильно 1912. Другие также изданы, но не представляют интереса для истории языка.
7. Надпись на Стерженском кресте 1133 г. Крест хранится в Тверском Музее. Изд. Жизневский, Описаніе Тверскаго Музея. Тверь 1880.
8. Надпись на Новгородском антиминсе 1149 г. До революции антиминс хранился в Александро-Невской лавре в Петрограде. Снимок у Срезневского, Древніе Памятники.
9. Надпись на чаре Черниговского кн. Володимира Давыдовича до 1151 г. Чара хранится в Госуд. Эрмитаже в Петрограде. Снимок изд. Бычков в Записках И. Русскаго Археолог. О-ва III; текст имеется у Срезневского, Древніе памятники.
10. Надпись на кресте кн. Евфросинии Полоцкой 1161 г. Изд.: Историческія свѣдѣнія о жизни прп. Евфросиніи Полоцкой. Полоцк 1841; Батюшков, Бѣлоруссія и Литва. Спб. 1890.

11. Надпись на Рогволодовом камне, в 24 км. от г. Орши Могилевской губ. на Днепре, 1171 г. Изд. Батюшков, Бѣлоруссія и Литва Спб. 1890; Романов, Надпись на Борисовомъ камнѣ. Вильно 1912.
12. Надпись на кресте 1211 г. Снимок — у Срезневского, Древніе памятники.
13. Надпись на каменном кресте кн. Святослава Всеволодовича 1224 г., в Юрьеве Польском (Костромской губ., на Волге). Изд. со снимками Шляпкин, Каменный крестъ 1224 г. кн. Святослава Всеволодовича и пр. Спб. 1904.
14. Надпись на камне 1234 г. Снимок — у Срезневского, Древніе памятники.

b) Рукописи.

§ 26. Число старинных р. рукописей до нач. XVIII в., хранящихся в общественных библіотеках и ркп. хранилищах, достигает нескольких десятков тысяч экземпляров. Бóльшая часть их относится к последним трём векам, т. е. XV—XVII, причём число сохранившихся рукоп. XVI в. в несколько раз превышает число рукоп. XV в., а число рукоп. XVII в. в несколько раз больше числа рукоп. XVI в. Рукописей XI—XIV сохранилось всего не более 1000, причом не менее половины их приходится на долю XIV в. Приблизительное представление о том, как они распределяются по векам, даёт подсчёт, произведенный Волковым в 1897 г. По этому подсчёту всех р. рукоп. до XV в. сохранилось 694, из них к XI в. он относит 22, к XII—52, к концу XII или нач. XIII—27, к XIII—110, к концу XIII или нач. XIV—32, к XIV—359 и к концу XIV или нач. XV—82. Подсчёт этот далеко не полный; многих рукописей, имеющихся в наличности, в нём нет; кроме того, он не отличается и точностью: датировки у Волкова часто произвольны и нуждаются в значительных исправлениях, но определение соотношения между количеством рукоп. отдельных веков вряд ли далёко от истины[1]). Сохранившиеся руко-

[1]) По подсчёту Н. К. Никольского (Матеріалы, см. стр. 30), также не точному, к XI в. относится 22 рукоп. (считая здесь же и отрывки), к тому же столетию или нач. XII—17 рукописей и отрывков. Но с датировкой Никольского также не всегда можно согласиться; между прочим, в этот перечень не попали некоторые рукописи, несомненно относящиеся к XI в. Каринский в „Образцах“ относит к XI в. только 20 рукоп., в числе них и такие, которые у Волкова и Никольского отнесены к XII и даже XIII в.

писи XI—XIV в. писаны в разных частях территории, занятой русскими языками: в Новгороде, Пскове, Киеве, Смоленске, Галиче и др.; впрочем в большей части случаев точно определить место написания рукописи не представляется возможным.

§ 27. Бо́льшая часть древнейших рукописей представляет списки с текстов ю.-сл. происхождения, главным обр. богослужебных и вообще церковных: на первом месте — евангелия, затем псалтири, а за ними — другие богослужебные книги, как минеи, кондакари, октоихи и пр., а также црк. поучения и жития святых. Рукописей, содержащих русские переводы и оригинальные сочинения русских авторов, от старшего периода, особенно от XI—XIII вв., сохранилось очень мало. Бо́льшая часть р. переводов и оригинальных произведений этого времени дошла до нас лишь в позднейших списках и переработках. Так, напр., летописное дело возникло на Руси не позже середины XI в., почти одновременно и на Ю. (в Киеве) и на С. (в Новгороде). Но самые старые летописные своды, дошедшие до нас, сохранились в списках не старше конца XIII в., причем к этому времени можно относить только первую часть Патр. (Синод.) списка 1-й Новг. Летоп.; следующий по времени летописный кодекс, содержащий т. наз. Повесть временных лет, Лавр., относится к последней четверти XIV в. (1377); остальные еще позднее. Но оба назв. кодекса в частях, касающихся событий XI в., не являются простыми копиями летописей того времени, а представляют известную их переработку, и первоначальный текст XI в. восстановляется лишь приблизительно путём сравнения этих списков с более поздними, восходящими к тем же прототипам. Сочинения выдающегося црк. оратора и писателя середины XI в., киевского митроп. Илариона и т. наз. Хождение в Св. Землю киевского игумена Даниила нач. XII в. известны нам только по спискам XV и XVI в., Слово о полку Игореве сохранилось только в Мусин-Пушкинском сборнике XVI в., сгоревшем в 1812 г., и т. д. Только немногие р. сочинения и переводы XI в. сохранились в списках более ранних. Сюда относятся Сказание о Борисе и Глебе (относимое впрочем некоторыми учёными не к XI, а к нач. XII в.) и Несторово Житие Феодосия Печерского в УС 2-й полов. XII в., р. перевод црк. устава середины XI в., сохранившийся в отрывке в У142 конца XI в. и полностью

в У 330 второй полов. XII в. (существуют и более поздние списки) и др. Так как р. писатели и переводчики XI и XII в. старались писать свои работы на цсл., а их переписчики при переписке старались стирать и те руссизмы оригиналов, какие допущены были их авторами, поскольку эти руссизмы не согласовались с принятыми нормами цсл. литературного языка и правописания, то поздние списки р. сочинений и переводов XI и XII в. дают обычно для суждения о р. языке этого времени, в особенности о его звуковых и отчасти морфологических чертах, значительно меньше, чем р. списки XI и XII в. памятников ю.-сл. происхождения; но иногда анализ правописания таких поздних списков в сравнении с правописанием современных им списков произведений более позднего или ю.-сл. происхождения позволяет составить известное представление о правописании их прототипов и в связи с этим о фонетических и морфологических особенностях языка их авторов и внести некоторые поправки в то представление, какое получается от изучения списков XI и XII в. памятников ю.-сл. происхождения. Некоторые указания такого рода можно, напр., извлечь из сохранившегося текста Слова о полку Игореве. Особенно ценны в этом отношении показания летописей, где мы имеем возможность сравнивать между собою части разновременного происхождения, начиная с XI вплоть до XIV в., переписанные одним писцом. Безусловно важны поздние списки р. сочинений и переводов древнейшего периода для изучения словообразования, синтаксиса и словаря этого периода, хотя, конечно, и в этом случае следует учитывать изменения, какие вносились в первоначальный текст позднейшими писцами и редакторами.

§ 28. Бо́льшая часть р. рукописей сосредоточена в Московских и Петроградских библиотеках, архивах и музеях. Самым обширным и ценным из М о с к о в с к и х хранилищ рукописей является рукописный отдел Исторического Музея, где сосредоточен ряд рукописных собраний, в том числе старшее р. собрание Патриаршей Б-ки. По количеству пергаменных рукописей XI—XV в. собрание Моск. Истор. Музея занимает 1-ое место среди всех собраний цсл. и р. рукоп. Число слав. рукописей, хранящихся в Истор. Музее, около 20.000. Второе место по числу рукописей в Москве занимает собрание Моск. Публичного и Румянцевского Музея, также соста-

вившееся из ряда отдельных ркп. собраний. Число рукописей этого музея превышает 10.000, но рукописей до XIV в. в нём сравнительно немного; старшая р. рукопись этого собрания — АЕ, ок. 1092 г. К Румянц. Музею причислены находящиеся в Сергиевом Посаде, в 70 км. от Москвы, собрания Троице-Сергиевой Лавры и б. Моск. Духовной Академии, имеющие более 2000 рукописей. Значительно меньше, чем собрания Истор. и Румянц. Музеев, но очень ценно собрание б. Моск. Патриаршей или Синодальной Типографии, имеющее всего около 2000 рукописей; среди них имеется более 100 пергаменных XI—XV в., в том числе около 10 рукописей XI в.; из более поздних рукописей этого собрания заслуживают внимания собственноручные рукописи р. писателей XVII и нач. XVIII в. В настоящее время эта библиотека причислена к Моск. Главному Архиву, но остаётся в собств. помещении. Кроме этих собраний, много старых рукописей в Моск. Главном Архиве (б. Архиве Министерства Иностранных Дел). Старшие рукописи этого собрания относятся к XII—XIII в.

В Петрограде самым богатым собранием рукописей обладает Петрогр. Публичная Библиотека По числу рукописей еще до присоединения к нему собраний б. Петрогр. Духовной Академии оно было первым в России. Общее число хранящихся здесь р. и цсл. рукописей не менее 30.000, в том числе много пергаменных, начиная с XI в. Из р. рукописей XI в. здесь находятся ОЕ, И 76, ГБ и ряд отрывков. После ликвидации духовных академий сюда присоединены и богатые собрания Петрогр. Духовной Академии, содержащие около 4000 рукоп., почти исключительно сев.-р. Значительно меньше — два другие петрогр. собрания — Академии Наук и б. О-ва Любителей Древней Письменности. В обоих есть и пергам. рукописи XI—XV в.

Из ркп. собраний, находящихся в других городах, кроме уже упомянутых собраний Сергиева Посада, назову *a)* обширное собрание б. Казанской Духовной Академии, позднее Казанского Университета, составившееся из рукописей Соловецкого монастыря, почти исключительно сев.-р.[1]); *b)* ркп. собрания Киевских библиотек (сосредоточены большею частью в Црк.-Археолог. Музее при б. Киевской Дух. Академии), *c)* собрание Тверского Музея

[1]) Зимой 1926—1927 г. собрание перевезено в Москву.

в Твери (около 2000 ркпсей); менее обширные ркп. собрания имеются между прочим в Харькове (Университет), Саратове (Университет), Одессе (Университет) и др. городах.

Вне пределов С. С. С. Р. самыми обширными собраниями русских почти исключительно зап.-р., ркп. являются собрания Виленской Публ. Библиотеки и Виленского Музея. Значительное число ю.-р. ркп. сосредоточено во Львове (в Национальном Музее, Народном Доме, Б-ке Наукового Товариства имени Шевченка, монаст. св. Онуфрия и др.); небольшое собрание ю.-р. ркп. имеется и в Ужгороде; кроме того, р. рукописи, частью очень ценные для историков р. языка, имеются в Лондоне, Оксфорде, Стокгольме, Вене, Берлине, Праге и в других местах.

§ 29. В виду того, что многие учреждения, обладавшие ркп. собраниями, в последнее время были уничтожены, а хранившиеся в них ркп. собрания были переведены в другие учреждения, укажу состав ркп. собраний главнейших из таких учреждений.

1. Собрания Моск. Истор. Музея составляют две группы: I. собрание Патриаршей б-ки и II. собств. собрание Истор. Музея; каждая состоит из нескольких собраний: I. 1. основное собрание Патриаршей или Синодальной б-ки (около 1500 ркп.), 2. собрания Московских Кремлёвских соборов (Успенского и Архангельского), 3. Чудова монастыря в Кремле, 4. Новоиерусалимского монаст., 5. Симонова монаст., 5. Новоспасского монаст., 7. Никольского единоверч. монаст. (ркп. этого монаст., около 400 экз., принадлежали раньше Хлудову; в собрание Хлудова вошло и более старое собрание Лобкова), 8. Моск. Епархиальной б-ки, 9. б-ки Училища Синодальных певчих; II. 1. основное собрание Моск. Истор. Музея, 2. собрание Черткова, находившееся в Истор. Музее на хранении, 3. Е. В. Барсова (ок. 3000 ркп.), 4. М. И. Соколова (ок. 100 ркп.), 5. П. И. Щукина, 6. графов Уваровых, находившееся до революции в Поречье Моск. губ. (ок. 3000 ркп.; в собрание гр. Уваровых вошло и собрание Царского, 7. Вахрамеева, раньше находившееся в Ярославле (ок. 2000 ркп.), 8. Забелина (ок. 1500 ркп.) и др.

2. Собрания Моск. Публичного и Румянц. Музея состоят между проч. из следующих собраний: 1. гр. Румянцева (500 ркп.), 2. Беляева, 3. Большакова, 4. Викторова, 5. Григоровича, 6. Муханова, 7. Пискарёва, 8. Андрея Попова, 9. Тихонравова (ок. 700 ркп.), 10. Ундольского (более 1500 ркп.) и др. В приписанном к Румянц. Музею собрании рукописей б-ки б. Моск. Духовной Академии большая часть рукописей поступила туда из Иосифова Волоколамского монастыря.

3. В собрание Моск. Главного Архива вошли: 1. основное собрание Архива, 2. собрание кн. Оболенского и 3. собрание Мазурина.

4. Из многочисленных собраний, вошедших в состав Петроградской Публичной Библиотеки, назову: 1. Богданова, 2. Буслаева, 3. Бычкова, 4. Михайловского, 5. Погодина, 6. Савваитова, 7. Толстого, 8. Хлебникова. Присоединенное к ней собрание б. Петрогр. Духовной Академии составилось главным обр. из 2 собраний: 1. Новгор. Софийского собора и 2. Кирилло-Белозерского монастыря.

5. Ркп. собрание Академии Наук состоит: 1. из основного собрания, куда вошли между проч. рукоп., принадлежавшие некоторым академикам, 2. рукописей, вывезенных с севера из Олонецкой, Архангельской, Вологодской и др. губ. Вс. И. Срезневским, 3. собрания А. И. Яцимирского, 4. ркп., большею частью отрывков, поступивших из Финляндских библиотек. В последнее время сюда же поступило и собрание б. И. Археографической комиссии.

6. Собрание б. Общества Любителей Древней Письменности составилось главным обр. из двух собраний: 1. кн. П. П. Вяземского и 2. гр. С. Дм. Шереметева.

Литература:

Сведения о ркп. собраниях: Карский, Очеркъ[1] и Очеркъ[2] (Очеркъ[1] — подробнее, но в Очерке[2] есть некоторые дополнения, отсутствующие в первом); Соболевский, Лекцiи; Он-же, Сл.-р. палеография; Сперанский, Исторiя древней р. литер. I.

Многие ркп. собрания имеют печатные каталоги и описания рукописей. Перечни таких описаний (неполные) имеются в назв. выше Лекциях Соболевского, Очерке Карского, Истории древней р. литер. Сперанского. Ср. также: Смирнов, Указатель описанiй славянскихъ и русскихъ рукописей отечественныхъ и заграничныхъ. Серг. Посад 1916. О позднейших описаниях см. рецензии в Изв. и в РФВ. (Назаревского, Перетца, Михайлова и др.). Важнейшие из существующих описаний: 1. А. Х. Востоковъ, Описанiе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума. Спб. 1842; 2. (Горский и Невоструев), Описанiе славянскихъ рукописей Московской Синодальной (Патрiаршей) Библiотеки; вышло 7 книг: I. 1. 2., II. 1. 2. 3., III. 1. М. 1855—1869; III. 2. М. 1917; 3. Библiотека Моск. Синодальной Типографiи. Часть I. Рукописи, вып. 1—6 (вып. 1 составл. А. Орловым, 2—4 В. Погореловым и 5 и 6. А. А. Покровским). Кроме того:

список сохранившихся рукописей с XI до нач. XV в. (неполный): Н. Волков, Статистическiя свѣдѣнiя о сохранившихся древне-русскихъ книгахъ XI—XIV вв. и ихъ указатель. Спб. 1897 (Памятники древней письменности и искусства CXXIII);

список р. рукописей XI в. и позднейших рукописей, содержащих р. сочинения XI в.: Н. Никольский, Матерiалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненiй (X—XI вв.). Корректурное изд. Спб. 1906;

список рукописей, содержащих жития р. святых: Барсуков, Источники русской агіографіи. (Памятники древней письм. и искусства).

О происхождении старших р. рукописных собраний и находящихся в них рукописей:

А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наслѣдіе. Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей Типографской и Патріаршей библіотекъ въ связи съ вопросомъ о времени образованія этихъ книгохранилищъ. М. 1916 (Труды XV Археолог. Съѣзда въ Новгородѣ, т. II).

Издания.

§ 30. Из сохранившегося ркп. богатства издана до сих пор лишь незначительная часть; остаются неизданными даже некоторые из древнейших памятников русского письма. Кроме того и изданные памятники далеко не всегда изданы с такою точностью, которая устраняет необходимость обращаться к рукописи при изучении изданного текста со стороны языка. Всё же безотносительно число изданных старинных текстов довольно велико. Печатались они главным обр. в следующих изданиях: 1. в различных публикациях Академии Наук (в Сборнике и Известиях Отд. р. языка и словесн., Памятниках ст-сл. языка, Исследованиях по р. языку и др.), 2. в изданиях И. Археографической Комиссии, в настоящее время слитой с Академией Наук (Арх. Ком. издавала главным обр. летописи и др. исторические памятники; бóльшая часть её изданий до 1900-ых годов выполнена неудовлетворительно: редакторы не только не заботились о точной передаче правописания, но и исправляли правописание, а иногда и текст, руководясь совершенно произвольными соображениями; от этих недостатков свободны издания, вышедшие после 1900 г. и выполненные с большой тщательностью), 3. в изданиях Общества Любителей Древней Письменности (последние распадаются на две серии: *a)* Памятники древней письменности и искусства (ниже: ПДрП) и *b)* Издания ОЛДрП; и той и другой серии вышло до сих пор приблизительно по 200 выпусков), 4. в Чтениях в И. Обществе Истории и Древностей Российских (ниже: ОИДрР), содержащих ряд точных изданий многих древнейших памятников р. письма и языка, 5. в Древностях Моск. Археолог. О-ва и состоявшей при нём Славянской Комиссии (в Древностях самого Общества издавались больше работы по матерьяльной и доисторической архео-

логии, но встречаются и тексты литературные; так напр., там издана т. наз. Екатерининская копия Слова о полку Игореве; в Древностях Слав. Комиссии печатались главным обр. литературные тексты в приложениях к исследованиям историко-литературного характера); 6. в Чтениях в Историческом О-ве Нестора Летописца в Киеве; 7. в Летописи Византийско-Слав. Отделения Историко-Филологического О-ва при Новороссийском Унив.; 8. в Известиях и Записках разных университетов — Киевского, Одесского, Харьковского, Казанского и др.), 9. в изданиях Наукового Товариства имени Шевченка во Львове (главным обр., в Памятках українсько-руської мови і літератури, изд. Франком и, частью, в Записках).

§ 31. Список древнерусских рукописей, преимущественно XI—XIV в., их изданий и исследований об их правописании и языке[1]).

1. Остромирово Ев. а. 1056 г. [ОЕ] (Петр. Пб. Б-ка F. 1. 5), писано для Новгородского посадника Остромира. Бо́льшая часть [ОЕ²], кроме лл. 1—24 [ОЕ¹] и части заголовков [ОЕ³] писана дьяконом Григорием. Изд. 1). Востоков, ОЕ. Спб. 1843; поправки — в статье Козловского; 2). Савинков, Спб. 1883; 3). Он же, ib. 1889 (оба раза в снимке). Более точные снимки с нескольких страниц ОЕ: *a)* Срезневский, Древнія Памятники II, изд. 2; *b)* Палеографическіе снимки съ нѣкоторыхъ греческихъ, латинскихъ и славянскихъ ркпсей И. Публ. Б-ки. Спб. 1914; *c)* Каринский, Образцы. — Исследования: 1. Козловский, О языке ОЕ. Спб. 1885 (Изслѣд. по р. яз. I.); 2. Шахматов и Щепкин, в приложении к книге: Лескинъ, Грамматика старославянскаго (древнеболгарскаго) языка. Русскій переводъ. М. 1890; 3. Волков, О неновгородскомъ происхожденіи діакона Григорія, писца ОЕ (ЖМНПр. 1897. 12); 4. Каринский, ОЕ, какъ памятникъ русскаго яз. (ib. 1903. 5); 5. Фортунатов, Составъ ОЕ. (Сборн. Ламанского II. 1908); 6. Каринский, Письмо ОЕ. (Сборникъ Пб. Б-ки 1920); 7. Он же, Образцы, (введение), ср. рец. Дурново ZslPh. III; 8. Дурново, Русские рукописи.

[1]) В список вошла бо́льшая часть ркп. XI—XIV в., изданных полностью или в части, а также тех, о языке которых есть печатные работы. Из остальных рукописей этого времени упоминаются лишь немногие, по большей части знакомые мне непосредственно. Из позднейших столетий называются рукописи, описанные со стороны языка или изданные, но только некоторые. Перечисление всех изданных или описанных со стороны языка текстов XV—XVIII в. потребовало бы большой работы и при отсутствии многих русских книг в заграничных библиотеках было бы невыполнимо.

2. Изборник Святославов 1073 г. (Моск. Ист. М., Патр. 31) [И 73], списанный для в. кн. Святослава Ярославича со сборника, переведённого с греч. для болг. царя Симеона. И 73 писан двумя писцами: 1. лл. 1—86 и 264—266 об [И 73¹] и 2. лл. 86—264 [И 73²]. Изд. 1. Изборникъ в. кн. Святослава Ярославича 1073 г., иждивеніемъ С. Т. Морозова. Изд. ОЛДрП. Спб. 1880 (снимок); поправки — Шахматов, AslPh. VI (1881), 590 слл.; 2. Бодянский, только первая половина en regard с греч. текстом, Чт. в ОИДрР. 1882. 4. — Исслед.: 1. (Горск. и Невостр.), Описание II. 2, № 161, стр. 365—405; 2. Дурново, Русские ркпси.

3. Изборник Святославов 1076 [И 76] (Петр. Пб. Б-ка, Эрмитажное собр. 20). пис. для того же в. кн. Изд. Шимановский в приложении к диллетантской книге: Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ, Варшава 1887, и вторично отдельно в 1894 г. Издание совершенно неудовлетворительно, но с некоторой осторожностью пользоваться им можно, если принять во внимание замечания Кульбакина в ЖМНПр. 1898. 2. и поправки Боброва в РФВ. XLVII и XLVIII (Къ исправленію печатнаго текста Сборн. 1076 г.). Отрывки имеются в Истор. Хрестоматии Буслаева 1861 г. и в Хрестоматии Каринского. Снимки: 1. Срезневский, Древніе памятники II, изд. 2; 2. Палеогр. снимки (см. выше № 1); 3. Каринский, Образцы.

4. Архангельское Ев. а. конца XI в. [АЕ] (Моск. Рум. М. 1666); писано несколькими писцами: 1. лл. 1—76 об. [АЕ¹]; 2. лл. 77—175 писцом Мичкою [АЕ²], обе части раньше, чем АЕ³, т. е. не позже 1092 г.; 3. лл. 175—177 каким-то попом в 1092 г. [АЕ³], и 4. 178—178 об. [АЕ⁴]; л. 177 об. заполнен кем-то позднее. Изд. в снимке с помощью трёхцветной фотоцинкографии: АЕ. 1092 г. Изданіе Моск. Публ. и Рум. Музеевъ. М. 1912[1]). — Исслед.: 1. Карский, РФВ. LXIX (1912); 2. Дурново, Ст.-сл. смягч. согласные в АЕ. Slavia II. 4; 3. Он же, Русские ркпси[2]).

5—7. Минеи Служебные за сентябрь 1095 или 1096 г. [М 95], октябрь 1096 г. [М 96] и ноябрь 1097 [М 97] (Моск. Син. Тип. 84, 89, 91, по другой нумерации 294, 200, 202). Изд. Ягич, Служебныя Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь по рукописямъ Моск. Синод. Типографіи 1095—1097 гг. (Памятники др.-р. яз.). Спб. 1886. — Иссл. 1). М 95 — М. Корнеева-Петрулан, РФВ. LXXV, LXXVI, LXXVIII; 2). М. 96 — Комарович, Изв. XXX; 3). М 97 — Обнорский, Изв. XXIX.

8—11. То же за январь, апрель, июль и август, конца XI или нач. XII в. (там же 99, 110, 121 125, по другой нумерации 210, 221, 234, 238); принадлежат тому же комплекту, как и предыдущие. Июльская М. 121 (234) содержит службу свв. Борису и Глебу, составленную митроп. киевским Иоанном I греком († 1038).

[1]) Издание до такой степени точно воспроизводит оригинал, что проф. Траутман принял его за подлинную рукопись АЕ (см. LF. XLVIII. 1921. Trautmann, Staroruské Ev. Archangelské).

[2]) Старшую литературу см. у Воскресенского, Ев. отъ Марка.

12. Туровские листки евангельских чтений XI в. [ТЛ] (Вильно. Пб. Б-ка). Изд. 1. **Тyровское Евангеліе**, изданіе Виленскаго Учебнаго Округа. Вильно. 1868 (снимок); 2. Гильдебрандтъ, Туровское Евангеліе. Вильно 1869; 3. Каринский, Хрестоматія (по изд. Вил. Уч. Окр.). — Иссл. Дурново, Русские ркпси.

13. XIII слов Григория Богослова XI в. [ГБ] (Петр. Пб. Б-ка Q. I. 16), списаны с глаголич. оригинала. Изд. Будилович, XIII словъ Гр. Бог. Спб. 1875. — Снимки: 1.) Соболевский, Слав.-р. палеографія; 2.) Каринский, Образцы. — Иссл.: 1. Будилович, Изслѣдованіе о яз. XIII слов Гр. Бог. 1871 (очень слабая работа); 2. Дурново, Русские ркпси (по изд. Будиловича); 3. Васильев, Съ какимъ звукомъ; 4. Он же, Объ одномъ случаѣ.

14. Огласительные слова Кирилла Иерусалимского XI в. (Моск. Ист. М., Патр. 478) [КИ]. Описание и мелкие выдержки у Горск. и Невостр., Описаніе, II. 2, № 114, стр. 44—62. — Снимки: Каринский, Образцы. — Иссл.: 1. Дурново, Русские ркпси; 2. Он же, рец. на книгу Кульбакина о Миросл. Ев. Slavia V. 3.

15. Патерик Синайский или Луг Духовный (Λειμὼν Πνευματικός) Иоанна Мосхова (Ἰωάννης τοῦ Μόσχου) XI в. (Моск. Ист. М., Патр. 551) [СПт]. Изд. небольшую часть Срезневский, Свѣд. и Зам. 83. Снимки у Каринского, Образцы. — Иссл.: 1. Срезневский, о. с.; 2. Дурново, Русские ркпси.

16. Пандекты Антиоха XI в. [ПА] (Моск. Ист. М., Н-Иерус. 30). Изд. 1. две первых тетради ркпси: Бодянский, Пандектъ Антіоховъ XI стол. Чт. в ОИДрР. 1913; 2. небольшие выдержки: Срезневский, Древніе памятники; 3. Он же, Выписки изъ списка Пандектъ Антіоховыхъ XI в. Спб. 1858 (Изв. 2. отд. Акад. Наукъ VII. 1—2), со словарём; 4. Амфилохий, Изслѣдованіе о Пандектахъ Антіоха XI в. М. 1880 (небольшие выдержки и словарь). — Снимки 1. Амфилохий, о. с.; 2. Он же, Снимки съ ркпсей Воскресенской Новоіерусалимской Б-ки. М. 1858—1873; 3. Срезневский, о. с., II; 4. Каринский, Образцы. — Иссл.: 1. Копко, Изслѣдованіе о языке Пандектъ Антіоха XI в. Изв. XX. 3. 4; 2. Дурново, Русские ркпси.

17. Чудовская Псалтырь XI в. [ЧПс] (Моск. Ист. М., Чуд. 7). Изд. Погорелов, Чудовская Псалтырь XI в. (Памятники ст.-сл. яз. III. 1.). Спб. 1910. — Словарь к ЧПс.: Погорелов, Словарь къ Толкованіямъ Феодорита Киррскаго на Псалтырь. Варшава 1910. — Иссл.: 1. Он же, Толкованія Феодорита Киррскаго на Псалтырь въ древнеболг. переводѣ. Варшава 1910; 2. Обнорский, Къ исторіи глухихъ въ Чудовской Псалтыри. РФВ. LXVIII 2.

18. Отрывок жития Кодрата XI в., 2 листа (Петр. Пб. Б-ка. Погод. 64) [ЖК]. Изд. Ягич. AslPh. VI. 228—231. Там же и описание языка, 225—228.

19. Отрывок жития Феклы XI в., 2 л. (Петр. Пб. Б-ка, Погод. 63) [ЖФ]. Изд. Ягич, ib. 236—238. Там же и описание языка, 232—235.

20. Евгениевская Псалтырь — отрывок Псалтыри с толкованиями Афанасия XI в., 20 листов, [ЕПс] (лл. 1—9 и 12—20—Петр. Пб. Б-ка, Погод. 9; лл. 10—11—Акад. Н. 4. 5. 7.). Изд. Срезневский, Древнiе памятники. Поправки к изд. Срезневского и характеристика правописания ркпси — в статье Гринковой, Евгениевская Псалтырь, как памятник русской письменности XI в. Изв. XXIX.

21. Путятина Минея за май XI в. [ПМ] (Петр. Пб. Б-ка, б. Петр.Дух.Акад.,Соф.). Изд. выдержки: 1. Срезневский, Древнiе Памятники; 2. Ягич, Служебныя Минеи, введение, стр. LXIV—LXV и LXXV—LXXVI.

22. Бычковская Псалтырь, отрывок Псалтыри XI в. [БПс] (Петр. Пб. Б-ка, Бычк. 2). Изд. Срезневский, Свѣд. и Зам. 42.

23. Русские дополнения к Савиной книге XI в., р. (Моск. Син. Тип. 14). Снимки у Каринского, Образцы.

24. Отрывок црк. устава и кондакарь конца XI в. (Моск. Син. Тип. 142) [У 142]. Ркпсь — р. список с ю.-р. оригинала. Перевод црк. устава — русский (ю.-р.) середины XI в. Ср. ниже списки того же перевода №№ 62, 139, 147 и др. Изд. небольшие отрывки Амфилохий, Кондакарiй въ греч. подлинникѣ XII—XIII в. М. 1879. — Иссл. Дурново, Русские ркпси.

25. Кирилловская часть Реймского Ев. конца XI или нач. XII в., списана, повидимому, с срб. оригинала [РЕ]. Изд. Louis Léger, L'évangeliaire slavon Cyrillique Glagolitique dit: Texte du Sacre. Édition facsimile en héliogravure, publiée sous les auspices de l'Academie Nationale du Reims précédés d'une introduction historique par Louis Léger. Reims-Prague 1899. — Иссл.: 1. Соболевский, РФВ. XVIII; 2. Дурново, Русские ркпси; 3. Он же, рец. на книгу Кульбакина о Миросл. Ев. Slavia V. 3.

26. Мстиславово Ев. а., до 1117 г. (Моск. Ист. М., Арх. соб.) [МЕ], писано для Новгородского кн. Мстислава Володимировича. Изд. часть, содержащую чтения из еванг. от Марка, Воскресенский, Ев. отъ Марка; записи МЕ изд. Симони, МЕ въ археологическомъ и палеографическомъ отношении. Изданiе ОЛДрП. 123 и 129. Спб. 1904 и 1910. Снимки там же. Описание правописания: Карский, РФВ. XXXIV. 2. Библиография указ. у Симони.

27. Юрьевское Ев. а., около 1120 г. (Моск. Ист. М., Новоиерус. 1003) писано для Новгородского Юрьевского монаст. при игумене Кириаке (1118—1128). Изд. небольшие выдержки: 1. Амфилохий, Описанiе ЮЕ. 1118—1128 г. М. 1877; 2. Срезневский, Древнiе памятники. — Снимки: 1. Срезневский, о. с., II; 2. Амфилохий, Снимки съ ркпсей Воскрессенской Новоiерусалимской б-ки. М. 1858—1873.

28. Галицкое Ев. т. 1144 г. [ГЕ] (Моск. Ист. М. Патр. 404), ю.-р.; листы 1—228 писаны в Галиче в 1144 г., остальное (лл. 229—260) там же приблизительно в XII—XIII в. До 2-й полов. XVII в. принадлежало Галицкому Крылосскому монаст. Изд. 1. полностью, кроме части, писанной позднее: Амфилохий, Четвероевангеліе Галичское 1144 г., сличенное съ древлеславянскими рукописными евангеліями, съ греческимъ еванг. текстомъ и пр., в 2 томах. М. 1882—1883 (3-й том содержит статьи, не имеющие непосредств. отношения к тексту ГЕ). Поправки к тексту ев. от Матфея в этом издании — в диссертации Le Juge (см. ниже); 2. только ев. от Марка Воскресенский, Ев. отъ Марка. Издание Воскресенского точнее, чем Амфилохия, но и оно не удовлетворяет всем требованиям, какие могут быть предьявлены к научному изданию. Небольшие выдержки есть: 1. у Горск. и Невостр., Описание, I, 1. № 20, стр. 208—215; 2. в Историч. Хрестоматіи Буслаева 1861 г.; 3. в моей Хрестоматіи. — Снимки: 1. Погодин, Образцы славянскаго древлеписанія. М. 1840; 2. Савва, Палеограф. снимки съ греч. и слав. ркпсей М. Син. Б-ки VI—XVII в. М. 1863; 3. (Буслаев), Матеріалы для исторіи письменъ ... Изготовлены къ столѣтнему юбилею Моск. Университета, трудами профессоровъ и преподавателей Петрова, Клина, Менщикова и Буслаева. М. 1855. — Опис.: 1. Буслаев, о. с.; 2. Горск. и Невостр., о. с.; 3. Ягич, Четыре критико-палеографическія статьи. Приложение къ отчету о присужденіи Ломоносовской преміи за 1883 г. Спб. 1884. 74—102; 2. Он же, Критическія замѣтки; 3. Le-Juge, Das Galizische Tetroevangelium von J. 1144... Inaugural-Dissertation. Leipzig 1897; 4. (о позднейшей части ГЕ). Соболевский, Очерки; 5. Дурново, К исторіи звуков р. языка. 1. кы и ки в ГЕ. Slavia. I, 1; Он же, Русские ркпси.

29. Стихирарь 1157 г., новгородский (Моск. Ист. М., Патр. 589). Снимки: 1. Погодин, Образцы славянскаго древлеписанія. М. 1840, 2. Матеріалы для исторіи письменъ... (см. № 28); 3. Срезневский, Древніе памятники II.

30. Стихирарь 1156—1163 г., новгор. (Петр., Пб. Б-ка, б. Петр. Дух. Акад., Соф. 384). Отсюда стихиры Борису и Глебу изд. Абрамович, Памятники др.-р. литературы II. Небольшие выдержки: Срезневский, Древніе памятники.

31. Добрилово Ев. 1164 г., ю-р. (Моск. Рум. М. 103), писано дьяконом Добрилом. Образцы текста изд. Соболевский в приложении к Очеркам в Киевских Универс. Известиях 1885. — Иссл. Соболевский, Очерки.

32. Погодинское Ев. а. № 11, нач. XII в. (Петр. Пб. Б-ка, Погод. 11).

33. Типографское Ев. т. № 1, первой половины XII в. [ТЕ 1] (Моск. Син. Тип. 1). Небольшие отрывки изд. Амфилохий, Палеогр.

описаніе греч. ркпсей съ IX—XVII в. М. 1880, стр. 45—46, 71—74. Сведения о правописании и языке: Дурново, Русские ркпси.

34. Пантелеймоново Ев. а. XII в. (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад., Соф. 1), ю.-р.

35. Евангельские отрывки Одесского Университета XII в. Описал Ляпунов, Чтенія въ Одесском О-вѣ Исторіи и Древностей. 1906.

36. Типографское Ев. а. № 7, второй полов. XII в. (Моск. Син. Тип. 7), ю.-р. Образцы текста изд. Соболевский, в Унив. Изв. 1885, как приложение к Очеркам. — Иссл. Соболевский, Очерки.

37. Христинопольский Апостол, второй полов. XII в. (кроме 1-ой тетради, до войны хранился в Ставропигийском Институте во Львове, во время войны был вывезен; где хранится теперь, не известно; 1-я тетрадь — 8 листов — хранится в Киеве и принадлежит б-ке Киевского Унив.), ю.-р. Изд.: 1. Львовскую часть ркпси (кроме 1-ой тетради) Калужняцкий, Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani, saeculo XII scripti, edidit Aemilius Kałužniacki. Sumptibus litterarum Academiae. Vindob. 1896; 2. Первую (Киевскую) тетрадь С. Маслов, Отрывокъ Христинопольскаго Апостола, принадлежащій Библіотекѣ Университета св. Владимира. Изв. XV. 4, со снимками. — Иссл.: 1. и. 2. Калужняцкий и Маслов, оо. сс.; 3. Колесса, Південно-Волинське Городище і городиські рукописні памятники XII—XVI в. I—III. Прага 1923, 15—27 (Науковий Збірник Українського Університету в Празі, т. I).

38. Толстовская Псалтырь, XII в. (Петр. Пб. Б-ка, F. I. 23), с толкованиями Афанасия. Изд. варианты Т. Пс. к Болонской Пс. Ягич, **Словѣньскаꙗ Псалътырь.** Psalterium Bononense. Wien 1907, стр. 742—780. Опис. он же, ib. 851—856.

39. Учительное Ев. Константина Болгарского, XII в. (Моск. Ист. М., Патр. 262). Небольшие выдержки — у Горск. и Невостр., Описаніе II. 2. № 163, стр. 409—434.

40. Беседы на Ев. папы Григория Великого, XII в. (Петр. Пб. Б-ка, Погод. 70), повидимому, с.-р. (Соболевский и Копко ошибочно считают ркпсь галицко-волынской). Из этой ркпси изд. Соболевский Слово болящих ради и врачевальную молитву — Матер. и Изслѣд. IV. Къ хронологіи цсл. памятниковъ, стр. 100—104. — Иссл. 1. Соболевский Цсл. тексты Моравскаго происхожденія. РФВ. XLIII. 1; 2. Он же, Словарный матеріалъ двухъ древнихъ памятниковъ чешскаго происхожденія, в Матер. и Изслѣд.; 3. Копко, Изслѣдованіе о языке Бесѣдъ на Евангеліе (св. Григорія папы Римскаго), памятника XII в. Львовъ 1900 (Научно-Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы).

41.—50. Служебные Минеи Патр. Б-ки XII в. №№ 159—168 (Моск. Ист. М.) за целый год, кроме марта и июля, 10 книг, новгор.

Службы св. Вячеславу Чешскому в Минее 159 за сент. и Димитрию Солунскому в Минее 160 за окт. и ряд небольших выдержек изд. в Описании Горск. и Невостр. III. 2. (здесь эти Минеи описаны под №№ 432—442). Отрывок из Минеи 161 за ноябрь изд. Ягич, Служ. Минеи, стр. 241—264, отрывки из Миней 162—164 и 166—168, за месяцы дек., янв., февр., май, июнь и авг. он же, ib. LIII—LXIV и CV—CXXX.

51. Типографская Служебная Минея № 122 XII в. за июль (Моск. Син. Тип.); отсюда службу свв. Борису и Глебу митроп. Иоанна I, изд. Абрамович, Памятники др.-р. литературы II.

52. Софийская Служебная Минея за сент. и окт., XII в. (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад., Соф. 188). Отрывки изд. Ягич, Служ. Минеи, 13—37, 70—71, 97—101, 107—111, 143, 172—173, 218—223, 226, 227—235. Описал он же ib., XXXIV—XXXIX.

53. Типографская Служебная Минея за ноябрь, первой полов. XII в. (Моск. Син. Тип.). Большой отрывок и варианты к М 97 изд. Ягич, Служ. Минеи 267—274 и др. Описал он же, ib. XLV—XLVII.

54. Трефолой (избранные службы Минеи) за сент., окт. и ноябрь XII в. (Петр. Пб. Б-ка Q. I. 12). Отрывки изд. Ягич, Служ. Минеи, 238—241 и 509—512.

55. Триодь Постная, Патр. № 319, XII в. (Моск. Ист. М.). Отсюда изд. службу на 5-ю неделю (воскресенье) Вел. Поста (т. наз. неделю о богатом и Лазаре) полностью (стр. 507—510) и небольшие выдержки из других служб Горск. и Невостр., Описаніе III, 1.

56. Канонник (сборник богослужебных канонов) Типографский № 80, XII в. (Моск. Син. Тип.).

57. Погодинский Кондакарь № 43, XII в. (Петр. Пб. Б-ка, Погод.).

58. Нижегородский Нотный кондакарь XII в. (Петр. Пб. Б-ка, Q. I. 32). Отрывок изд. Каринский, Хрестоматія.

59—60. Стихирари Патр. Б-ки 279 и 572, XII в. (Моск. Ист. М.). Содержат между проч. стихиры прп. Феодосию Печерскому.

61. Софийский Стихирарь 387, XII в. (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад., Соф.). Тоже.

62. Церковный Устав (Τυπικόν) Студийский XII в.[1]) (Моск.

[1]) В конце ркпси имеются приписки, в которых говорится о построении храма архиеп. Илиёю в 1170 г. и о смерти архиеп. Илии в 1186 г. и его преемника в 1193 г. Приписки писаны другой рукой и, повидимому, позднее, чем сама ркпсь. Если приписки современны тем событиям, о которых в них говорится, то ркпсь написана до 1170 г. Срезневский, Древніе памятники, наоборот на основании этих приписок ошибочно относит ркпсь ко времени после 1193 г.

Ист. М., Патр. 330) [У 330], славянский перевод црк. устава монаст. Феодора Студита в Царьграде, в редакции патриарха Алексия. Перевод русский, серед. XI в., сделан по заказу Феодосия Печерского (ср. отрывок того же перевода выше, № 24). Многочисленные отрывки, частью довольно обширные, изд. 1. Горск. и Невостр., Описание, III, 1. № 380, стр. 230—270; 2. Лисицын, Типиконъ Великой Церкви Алексіевскій. Замечания о языке: 1. Соболевский, Особенности русскихъ переводовъ, 2. Дурново, Русские ркпси.

63. Ефремовская Кормчая XII в. (Моск. Ист. М., Патр. 375), или номоканон 14 титулов без толкований. Изд. Бенешевич, Кормчая XIV титуловъ безъ толкованій. Спб. 1906, параллельно с греч. текстом. — Иссл. Обнорский, Языкъ Ефремовской Кормчей XII в. Спб. 1912 (Изсл. по р. яз. III, 1).

64. Румянцевская Лествица XII в., т. е. Лествица (κλίμαξ) Иоанна Лествичника (Моск. Рум. М. 198). Опис. Владимиров, Пятидесятилѣтіе „Мыслей объ исторіи русскаго языка". Киев 1899 (Универс. Изв.), 38—45.

65. Богословие Иоанна Дамаскина, в переводе Иоанна Ексарха Болгарского, XII в. (Моск. Ист. М., Патр. 108). Изд. 1. полностью Бодянский, в Чт. в ОИДрР. 1877. 4; 2. только предисловие Иоанна Ексарха Ягич, Разсужденіе старины (Изсл. по р. яз. I, 1895), стр. 32—36; 3. отрывки Горск. и Невостр., Описаніе. II.

66. Успенский Сборник XII в. (Моск. Ист. М., Патр., Успенск. Соб. 175. 18), содержит: 1. жития свв. за май, в том числе русские: Сказание о Борисе и Глебе, приписываемое мниху Иакову, и Несторово Житие Феодосия Печерского, 2. слова Иоанна Златоуста и др. Изд. 1). первую половину (лл. 1—112) Шахматов и Лавров, Сборникъ XII вѣка Московскаго Успенскаго Собора, вып. 1. М. 1899 (Чт. въ ОИДрР); 2). житие св. Вита Соболевский, Житія святыхъ въ древнемъ переводѣ на церковнославянскій съ латинскаго яз. Изв. XVIII, 1.; 3). выдержки, частью из 2-й половины, не вошедшей в изд. Шахматова и Лаврова, А. Попов, Библіографическіе матеріалы I, 1879 (Чт. въ ОИДрР). — Изсл.: 1). А. Попов, о. с.; 2). Лукьяненко, О языке Несторова Житія прп. Θеодосія Печерскаго. РФВ. LVIII. 1; 3). Инна Попова, Паннонское Житіе Меѳодія. РФВ. LXIX и LXX; 4. Дурново, Русские ркпси.

67. Житие св. Епифания Кипрского XII в. (Петр., Пб. Б-ка, б. Дух. Акад.).

68. Т. наз. Златоструй XII в. (Петр. Пб. Б-ка F. I. 46), сборник, содержащий слова Иоанна Златоуста, жития свв. и др. статьи, среди них — ряд статей русского происхождения: отрывок Сказания (припис. мниху Иакову) о Борисе и Глебе, сказание о чудесах Николая Чудотв. и мн. др. Значительная часть статей этого сборника издана: 1. Срезневский, Свѣд. и Зам. 22 (описание ркпси и мелкие выдержки),

23 (слово о богатом и Лазаре), 24 (слово о ведре и казнях Божиих), 33 (два русских чуда св. Николая), 38 (апокрифич. Слово апост. Иоанна Богослова о Успении Богоматери); 2. Малинин, Изслѣдованіе о Златоструѣ XII в. Спб. 1888; 3. Он же, Десять слов Златоструя по ркпси XII в. Спб. 1910; 4. Изергин, Матеріалы для литературной исторіи древнерусскихъ сборниковъ. Спб. 1905, стр. 8—15 (Сборн. 81; здесь издана одна глава из Пандектов Антиоха параллельно с греч. текстом); 5. Соболевский, Изъ области древней церковнославянской проповѣди. Изв. XI. 1. (Поучение на Пасху); 6. Абрамович, Памятники др.-р. литературы. II (отрывок Сказания о Борисе и Глебе, приписываемого мниху Иакову); 7. Адрианова, Житіе Алексія человѣка Божія. Петрогр. 1917 (житие Алексия).

69. Троицкий Сборник XII в. (Серг. Посад. б-ка б. Троицкой Лавры 12), по содержанию близок к предыдущему, заключая ряд тех же статей. Ряд статей сборника издан: 1. Срезневский, Древніе памятники, стр. 200—217 (небольшие выдержки); 2. Он же, Свѣд. и Зам. 6 (отрывки из слов Ефрема Сирина), 23 (дополнения и варианты к тексту Слова о богатом и Лазаре, ср. предыдущ. ркпсь), 52 (описание и небольшие выдержки); 3. Бодянский и Лавров, Климентъ еп. Словѣнскій. Чт. въ ОИДрР. 1895 (слова Климента Словенского); 4. Тихонравов, Памятники отреченной литературы, II, 23—29 (Хождение Богородицы по мукам); 5. Петухов, Изв. IX. 4 (Слово Петра Недостойного о посте и молитве, по мнению издателя, русское XI в.); 6. Соболевский, Изв. XIII. 4 (то же слово); 7. Никольский, Матеріалы для исторіи древнерусской духовной письменности. Сборн. 82. (Написание о вере). Описание Сборника со стороны языка: Срезневский, Свѣд. и Зам. 52. О некоторых особенностях правописания — Васильев, Съ какимъ звукомъ.

70. Выголексинский Сборник XII в. (Моск. Рум. М. 1832), ю.-р., содержит жития Нифонта и Феодора Студита. По мнению Соболевского (Особенности русскихъ переводовъ) перевод обоих житий русский. Иссл.: 1. Соболевский, Два древнихъ памятника галицко-волынскаго нарѣчія. РФВ. XII; 2. Он же, Особенности русскихъ переводовъ.

71. Бучацкое Ев. а., XII—XIII в. (Львов, монаст. св. Онуфрия), ю.-р. Изд. образчики текста и несколько снимков Ол. Колесса, Південно-волинське Городище и Городиські рукописні памятники XII—XVI в. IV. Городиське Євангеліє XII—XIII в. Прага 1925 (Ювилейний Науковий Збірник Укр. Університету в Празі, присвячений Т. Г. Масарикові). Иссл. 1. Свенціцкий, Бучацьке Євангеліє. Зап. НТШ. 105. 1911; 2. Ол. Колесса, о. с.

72. Городищенские евангельские отрывки XII—XIII в. (Христинопольский монаст. чина св. Василия в Галичине), 2 листа. Изд. и описал Ол. Колесса, Південно-волинське Городище и пр. (см. выше 71). I—III. Прага 1923 (Науковий Збірник Укр. Унів. в Празі I), с 2 снимками.

73. Типографский Паримейник XII—XIII в. (Моск. б. Син. Тип. 156), содержит рядом с чтениями из Ветхого Завета также и чтения о Борисе и Глебе.

74. Ирмолой Григоровича XII—XIII в. (Моск. Рум. М.), ю.-р. Небольшие отрывки изд. Соболевский в Унив. Изв. 1885 в качестве приложения к Очеркам. Иссл. он же, Очерки.

75. Триодь (постная) Моисея Киянина XII—XIII в. (Моск. б. Син. Тип. 137).

76. Венский Октоих XII—XIII в. (Вена. Национальная Б-ка), ю.-р. Иссл. Соболевский, Очерки.

77. Ярославский список Пандект Никона Черногорца XII—XIII в. (до революции хранился в б-ке Спасопреображенского монаст. или архиерейского дома в Ярославле). Небольшие выдержки изд. Срезневский, Свѣд. и Зам. 55. Описал со стороны языка Тихвинский, РФВ. XXVIII, XXX, XXXI, XXXII.

78. Слово св. Ипполита об антихристе, до 1212 г. (Моск. Ист. М., Чуд. 12). Изд.: 1. вторую половину ркпси Невоструев, Слово Ипполита объ антихристѣ по списку XII в. М. 1868, параллельно с греч. текстом и с переводом на нынешний русский язык, 2. полностью Срезневский, Сказанія объ антихристѣ. Спб. 1874.

79. Софийский Пролог XII—XIII в. (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад., Соф. 1324), нестишной 1-й редакции[1]), сентябрьская половина года, с.-р. Несколько поучений из этого Пролога по мнению издателя русских, издал Петухов, Матеріалы и Замѣтки изъ исторіи древней письмен-

[1]) Пролог — сборник коротких, т. наз. проложных или синаксарных житий свв. расположенных в календарном порядке. В русской письменности было 2 вида прологов — нестишные и стишные. Стишной Пролог, известный по спискам не старше XIV в. (старший список, известный мне, — Чудовской № 17 [Моск. Ист., М.] XIV в.) и мало распространённый, представлял перевод греч. стишного синаксаря. Нестишной Пролог, старшим списком которого является Софийский № 1324, в основной, т. е. житийной части также является переводом греч. синаксаря и именно синаксаря нестишного. Но он рано, может-быть, уже при своём появлении, был дополнен другими статьями, именно, извлечениями из обширных житий, как житие Андрея Юродивого и Николая Чудотворца, разбитыми на небольшие статьи, помещаемые под разными числами месяца, повестями из патериков, поучениями и словами на праздники. Во всех русских списках нестишного Пролога имеется ряд частью несомненно русских статей, как жития русских святых, сказания о русских событиях и пр., частью предположительно русских; к последним принадлежит ряд поучений и слов на праздники. Из житий русских святых во всех русских списках нестишного Пролога за соответствующую половину года (так как каждый список нестишного Пролога обнимает

ности. I—III. Киев 1894 (Изв. Нѣжинскаго Ист.-Филол. Института XII), извлечения из жития Андрея Юродивого Срезневский, Свѣд. и Зам. 87.

80. Финляндский отрывок № 37, XII—XIII в. (Петр. Акад. Наук), содержит отрывок из Слова Илариона митроп. Киевского о законе и благодати. Изд. Ф. Покровский, Изв. XI. 3. Опис. Срезневский, Свѣд. и Зам. 65.

81. Кондакарь 1207 г. (Моск. Ист. М., Успенск. соб. 9).

82. Милятино Ев. а. 1215 г. (Петр. Пб. Б-ка F. I. 7), с-р.

83. Житие Нифонта 1219 г., пис. в Ростове (Серг. Пос., б. Тр. Л. 35). Приготовил к изд. и напечат. Рыстенко (издание в свет не выходило). Опис. Ляпунов, Профессоръ Рыстенко и напечатанные имъ тексты Житія св. Нифонта. Одесса (Изв. Одесскаго Библіогр. О-ва, т. V. в. 6).

84. Ростовский Апостол 1220 г. (Моск. Ист. М., Патр. 7): богослужебные чтения из Деяний и Посланий апостольских с толкованиями. Изд.: 1. небольшие выдержки с описанием Горск. и Невостр., Описание II. 1. № 95, стр. 141—154; 2. текст посланий апост. Павла к римлянам, коринфянам, галатам и ефесянам, без толкований Воскресенский, Древнеславянскій Апостолъ. Посланія св. Апостола Павла и пр., вып. 1. Посланіе къ Римлянамъ. Серг. пос. 1892; вып. 2. Первое посланіе къ Коринѳянамъ, ib. 1906; вып. 3. Второе посланіе къ Коринѳянамъ, посланія къ Галатамъ и Ефесянамъ, ib. 1908.

85. Савина Триодь до 1226 г. (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад., Соф. 85).

только одну половину года) имеются жития первых русских мучеников Варяга и его сына Иоанна, Бориса и Глеба, Володимира, Ольги, Феодосия Печерского; далее, всюду имеются сказания об освящении Киевских церквей, построенных в X и XI в., легенда об апост. Андрее. Из древнерусских поучений в Прологах находим (не во всех) поучение Луки Жидяты, слово, приписываемое Киевскому митр. Илариону, о пользе души и т. п. Самый перевод нестишного синаксаря, составивший основную часть нестишного Пролога, повидимому, принадлежит русскому переводчику или делался при участии русских. Нестишной Пролог сохранился в двух редакциях; 1-я известна только по спискам XIII—XV в.; уже в XV в. она вытесняется 2-й редакцией, появившейся не раньше XIV в. (старшие списки 2-й ред., Патр. 246 и 247, относятся к XIV в.). Списков нестишного Пролога 1-й ред. сохранилось немного более 50. Не менее половины их хранится в б. Моск. Синод. Типогр. Бо́льшая часть этих прологов — новгородские или псковские. Литературу о Прологах см. у Серебрянского, Древнерусскія княжескія житія. М. 1915. Ср. также статью Сперанского, Къ исторіи взаимоотношеній русской и ю-сл. литературъ. Изв. XXVI. 182—190.

86. Толковый Апокалипсис, с толкованиями Андрея Кесарийского, XII—XIII в. (ркпсь принадлежит акад. Н. К. Никольскому), с.-р. Приготовил к изданию Абрамович. Описал Перетц, Slavia II. 141. слл.

87. Трефолой 1252 г. (Моск. Ист. М., Патр. 895), с.-р.

88. Трефолой 1260 г. (Петр. Пб. Б-ка), с.-р.

89. Хлудовский (или Лобковский) Пролог 1262 г. (Моск. Ист. М., Никол. Единов. монаст. или Хлуд. 187), нестишной, новгородский. Отсюда изд. проложное житие Бориса и Глеба Абрамович, Памятники др. р. литературы II.

90. Евангелие 1270 г. (Моск. Рум. М. 105), новгородское.

91. Симоновская Псалтырь ок. 1270—1280 г., новгородская. Изд. Амфилохий, Древлеславянская Псалтырь Симоновская до 1280 года, сличенная... и пр., ч. 1 и 2. М. 1880—1881. Замечания о языке: Ягич, Четыре критико-палеографич. статьи (см. № 28), стр. 36—73.

92. Галицкое Ев. между 1266—1301 г. (Петр. Пб. Б-ка F. I. 64), ю.-р. Изд. выдержки Соболевский, Унив. Изв. 1885, в качестве приложения к Очеркам. Иссл. он же, Очерки.

93. Паримейник 1271 г. (Петр. Пб. Б-ка Q. I. 13), новгородский. Отсюда паримейные чтения о Борисе и Глебе изд. Срезневский, Древніе Памятники; Абрамович, Памятники др.-р. литературы II.

94. Новгородская Кормчая 1282 г. (Моск. Ист. М., Патр. 132). Кроме слав. перевода номоканона, отличного и от перевода в Ефремовской Кормчей (см. выше 63) и от перевода в Рязанской и Устюжской Кормчей (см. ниже 96 и 108), ркпсь содержит и иные статьи, по большей части, церк.-юридич. содержания, в том числе ряд статей русских. Сюда между прочим входят 1). Летописец вскоре (χρονογραφικὸν σύντομον) патр. Никифора в переводе, повидимому, русском, отличном от ст.-болг. перевода в И 73; 2). русское продолжение Летописца Никифора; 3). Русская Правда, составленная, как думают, в середине XI в.; 4). Церковное правило Киевского митроп. Иоанна II († до 1089); правило было написано Иоанном по-гречески и уже с греч. переведено на слав.; 5). Вопросы Кирика (1130—1156) с ответами Нифонта, Савы Новгородского и др.; 6). Церк. правило еп. Илии Новгородского (около 1166 г.); 7). Правило митр. Кирилла 1274 г.; 8). отрывок слова Кирилла Туровского о черноризецком чину; 9). Рѣчь жидовьскаго языка прѣложена на руськую (короткий словарь иностранных слов); 10). и 11). уставы в. кн. Володимира Св. и Ярослава, повидимому, составленные только в XII в. Большая часть назв. статей находится и в других списках Кормчей. Из этой ркпси изд.: 1. Летописец вскоре патр. Никифора и его русское продолжение Степанов, Изв. XVII. 3, en regard с греч. текстом; 2. Русскую Правду Срезневский, Палеографическій снимокъ текста Р. Пр. по новгородской Кормчей книгѣ XIII в., скопированный под наблюденіемъ И. И. Срезневскаго. Спб. 1888—1889; есть и другие, менее

точные издания; отрывки из Р. Пр. есть в Хрестоматиях Буслаева и моей; 3. Статьи под № 4—7 Павлов, Памятники каноническаго права. Русская Историческая Библіотека, т. VI; 4. отрывок слова Кирилла Туровского Буслаев, Историч. Хрестоматія М. 1861. — Иссл. А. Соболевский, Языкъ Русской Правды. ЖМНПр. 1886. 4.

95. Евангелие 1283 г. а. (М. Рум. М. 3168), ю.-р., писано поповичем Евсевием. Иссл. Голоскевич, Евсевіево Ев. 1283 г. Изслѣд. по р. яз. III. 2. 1914.

96. Рязанская Кормчая 1284 г. (Петр. Пб. Б-ка F. II. 1), содержит перевод, повидимому русский, номоканона Фотия с толкованиями Аристина и восходит к болгарскому списку этого перевода, присланному из Болгарии князем болгарским Киевскому митроп. Кириллу II в 1262 г. По мнению Соболевского — Особенности русскихъ переводовъ — переводчиком был русский монах на Афоне в XII в. См. Соболевский, о. с.; Сперанский, Къ исторіи взаимоотношеній русской и ю.-сл. литературъ. Изв. XXVI. Изд. длинную запись писца, излагающую историю появления Кормчей этой редакции на Руси, Срезневский, Древніе памятники, 70—71. См. также его-же, Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги. Спб. 1897 (Сборн. 65). Краткое описание языка Ряз. Кормч. — Ягич, Четыре критико-палеографич. статьи (см. № 28), стр. 100—102.

97. Погодинский список поучений Ефрема Сирина (Петр. Пб. Б-ка, Погод. 71), ю.-р. (волынский); по мнению Срезневского (Древніе Памятники, Свѣд. и Зам.), Карского (Очеркъ[1]) и Шахматова (Очеркъ) — около 1288 г., по мнению Соболевского (Очерки) — список 1492 г. с оригинала конца XIII в. Из этой ркп. изд. Срезневский поучение Георгия Зарубского (русское) в Свѣд. и Зам. 7 и отрывки из поучений Ефрема Сирина ib. 6 и 9 и Соболевский, Очерки, запись писца. — Иссл. Соболевский, Очерки.

98. Псалтырь 1296 г. (Моск. Ист. М., Патр. 235), повидимому, зап.-р. Писец этой Пс. Захария раньше работал на Волоке (т. е. в Волоколамске). Из этой Пс. изд.: 1. небольшие выдержки — Горск. и Невостр., Описаніе I. 1. № 13; 2. молитву Феодосия Печерского (Буслаев). Матеріалы для исторіи письменъ (см. № 28). Описание и библиография — у Карского, Бѣлоруссы II. 1.

99. Пандекты Никона Черногорца 1296 г. (Моск. Ист. М. Патр. 836), писаны в Суздале. Небольшие выдержки изд. Горск. и Невостр., Описаніе II. 3, № 217.

100. Типографское Ев. а. № 5 (Моск. Син. Тип.; по другой нумерации — 6), XIII в., ю.-р. Изд. небольшие выдержки: 1. Соболевский, Унив. Изв. 1885, в качестве приложения к Очеркам; 2. Дурново, Хрестоматія. — Иссл. Соболевский, Очерки.

101. Холмское Ев. а. XIII в. (Моск. Рум. М. 106), ю.-р., с дарст-

венной припиской 1376 г. Небольшие выдержки изд. Соболевский, Унив. Изв. 1885, как приложение к Очеркам. — Иссл. он же, Очерки.

102. Путенское Ев. а. XIII в. (Монаст. Путна в Буковине), ю.-р. Изд. с предисловием Калужняцкий, Monumenta linguae palaeoslovenicae, I. Evangelium Putnanum. Vindobonae 1888.

103. Софийские отрывки Апостола XIII в. (Петр., Пб. Б-ка, Дух. Акад., Соф. 32), всего 24 л. Описал Волков, РФВ. XXIV.

104. Типографская Псалтырь № 27. XIII в. (М. б. Син. Тип.). Описал Погорелов, Б-ка Синод. Типографіи, ч. I. Рукописи, в. 3. Псалтыри, № 45.

105. Паримейник Троицкой Лавры № 4. XIII в. (Сергиев Посад). Содержит между проч. паримейные чтения о Борисе и Глебе.

106. Соловецкий Служебник XIII в. (Казань, б. Каз. Дух. Акад., 1017). Описал с приложением снимка с одной страницы Никифоров, Сол. Сл. XIII в. Казанский Библиофил 1921. № 2.

107. Ярославский Молитвенник XIII в. (до революции хранился в Спасо-Преображ. монаст. или архиерейском доме в Ярославле под № 5—5). Содержит между прочим две молитвы Феодосия Печерского и др. Изд.: 1). молитвы Феодосия Печерского Чаговец, Прп. Θеодосій Печерскій, его жизнь и сочиненія. Киев 1901 (из Унив. Изв. 1901. дек.); 2). молитвы на дьявола и стихотворную молитву с акростихем Соболевский, Матер. и Изслѣд.; 3). девять молитв, перевед. с латинского он же, Изв. X. 4. стр. 68—78.

108. Устюжская Кормчая XIII в. (Моск. Рум. М. 230), перевод византийского номоканона Иоанна Схоластика 50 титулов; ркп. писана в Устюге. Изд. и описана в книге: Срезневский, Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей Книги. Спб. 1897 (Сборн. 65). — Иссл. Schmid, Die Nomokanonübersetzung des Methodius. Leipzig 1922.

109. Житие Савы Освященного XIII в. (Петр. ОЛДрП, б. Вяземского 2004), ю.-р. Изд. параллельно с греч. текстом Помяловский. Житіе св. С. О. Спб. 1890 (ПДрП. 96). Иссл.: 1. Ягич, Критическія Замѣтки; 2. Kolessa, Dialektologische Merkmale des südrussischen Denkmals Žitije sv. Sawy. AslPh. XVIII. 1896.

110. Архивская Лествица XIII в. (Моск. Гл. Арх. 452), ю.-р. Описание и выдержки: Соболевский, РФВ. XII. 1.

111. Троицкий список Хроники Георгия Амартола XIII в. (Серг. Посад, б. Моск. Дух. Акад. 100). Изд. Истрин, Хроника Георгія Амартола въ древнемъ славянорусскомъ переводѣ. Томъ I. Петр. 1920. — Иссл.: 1. Он же, о. с., томъ II. Петр. 1922, стр. 269—309; 2. Weingart, Byzantské Kroniky v literatuře církevněslovanské, č. II, 1. и 2. Bratislava 1923 (Spisy filos. fak. University Komenského v Bratislavě, č. IV); 3. Дурново, К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола. Slavia IV. 3; 4. Лавров, Георгій Амартолъ въ изданіи Истрина, ib. IV. 3. 4.

112. Синодальный список 1-ой Новгородской Летописи XIII и XIV в. (Моск. Ист. М. Патр. 786). Писан несколькими писцами в разное время; первая часть писана, по мнению некоторых, в XIII в. (другие относят и её к XIV в.), остальные позднее. Изд. в снимке: Новгородская 1-я лѣтопись по Синодальному харатейному списку. Спб. 1875. Выдержки имеются в хрестоматиях Буслаева и моей. Иссл.: 1. Ляпунов, Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи. Спб. 1900 (Изслѣд. по р. яз. I. 2); 2. Истрина, Синтаксическія явленія Синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи. Петр. 1923 (Изв. XXIV—XXVI); 3. Она же, Употребленіе именныхъ и мѣстоименныхъ формъ имёнъ прилагательныхъ въ Синодальномъ спискѣ 1-ой Новгородской лѣтописи. Изв. XXIII. 1; 4. Laronde, Les formations verbales de la première Chronique de Novgorod (Mélanges linguistiques offerts à m. Antoine Meillet par ses élèves. Paris 1902).

113. Толстовский Сборник XIII в. (Петр. Пб. Б-ка F. I. 39, Толст. I. 8). Содержит ряд русских статей. Из этого сборн. изд.: 1. апокриф об Афродитиане Тихонравов, Памятники отреченной литературы. II, стр. 1—4; 2. девять слов Кирилла Туровского Калайдович, Памятники Россійской словесности XII в. М. 1821. Небольшие выдержки — у Истрина, Изв. II. 4.

114. Псалтырь Петрогр. Публ. Б-ки F. п. 1., XIII—XIV в., псковская Опис. Сорочан, РФВ. LXV и LXVI.

115. Хутынский Служебник XIII—XIV в. (Моск. Ист. М., Патр. 604). Небольшие выдержки изд. 1. Горск. и Невостр., Описаніе III. 1. № 343; 2. Соболевский в Унив. Изв. 1885, как приложение к Очеркам. — Иссл.: он же, Очерки.

116. Типографский Пролог № 168, сентябрьская половина года, XIII—XIV в. (Моск. Син. Тип.). Отсюда изд. Соболевский, — Изъ области древней цсл. проповѣди Изв. XI. 4, — поучение на день Иоанна Крестителя.

117. Поликарпово Ев. а. 1307 г. (Моск. Ист. М., Патр. 740) ю.-р. Небольшие выдержки изд. 1. Горск. и Невостр., Описаніе I. № 21; 2. Соболевский, Унив. Изв. 1885, как приложение к Очеркам. — Иссл. Он же, Очерки.

118. Псковский Апостол 1307 г. (Моск. Ист. М., Патр. 722). Запись писца и небольшие выдержки изд. 1. Горск. и Невостр., Описание I. № 45; 2. Соболевский, Очерки. — Иссл. ib.

119. Пандекты Антиоха 1307 г. (Львов, Укр. Национальн. Музей, собр. Шептицкого), ю-р. Опис. Панькевич, Пандекти Антіоха 1307 року. Фільольогічна студія. Записки НТШ. Львов. 1917.

120. Псковский Апостол 1309—1312 г. (Моск. Ист. М., Патр. 15). Небольшие выдержки изд. Горск. и Невостр., Описаніе I. № 46; Иссл. Соболевский, Очерки.

121. Цветная Триодь 1311 г. (Моск. Ист. М. 896), писана в Ла-

доге, с.-р. Опис. и небольшие выдержки — Горск. и Невостр., Описаніе III. 1, № 428.

122. Псковский Паримейник 1313 г. (Моск. Ист. М., Патр.). Иссл. Каринский, Языкъ Пскова; Он же, Шестодневъ.

123. Пантелеймоново Ев. а. 1317 г. (Петр. Ак. Наук 2).

124. Пролог Успенского собора № 3, 1322 г., за сентябрьскую половину года. (Моск. Ист. М.).

125. Хлудовское Ев. 1323 г. (Моск. Ист. М., Хлуд. 29), с.-р.

126. Сийское Ев. 1339 (Моск. Ист. М., Антониева Сийск. мон.).

127. Ирмолой 1344 г. (Моск. Ист. М., Патр. 932), псковский. Описал Каринский, Языкъ Пскова.

128. Евангелие 1354 г. (Моск. Ист. М., Патр. 67), писано в пределах Московской или Переяславской епархий, при еп. Авраамии Переяславском, управлявшем тогда временно и Московской епархией. Описаніе и небольшие выдержки — Горск. и Невостр., Описаніе I. № 22.

129. Евангелие 1355 г. (Моск. Ист. М., Патр. 70), новгородское. Описание и небольшие выдержки ib. № 23.

130. Пролог нестишной 1-ой редакции 1356 г. (Моск. Син. Тип. 155), новгородский. Отрывок из этого пролога — в моей Хрестоматии.

131. Евангелие 1357 г. а. (Моск. Ист. М., Патр. 68), писано в Галиче северном (Костромской г.). Опис. Горск. и Невостр. I, № 24.

132. Евангелие 1358 г. а. (Моск. Ист. М., Патр. 69), московское. Опис. ib. № 25.

133. Служебник 1359 г. (Моск. Рум. М. 399); по мнению Соболевского, писан несколько позже, именно, между 1362 и 1389 г.

134. Псковский Параклитик 1369 г. (Моск. Ист. М., Патр. 837). Выдержки и описаніе: 1. Горск. и Невостр., Описаніе III. 1. № 419; 2. Соболевский, Очерки; 3. Каринский, Шестодневъ.

135. Паримейник 1370 г. (Моск. Рум. М. 302).

136. Псковский Шестоднев 1374 г. (Моск. Син. Тип. 67). Иссл. с приложением образчиков текста Каринский, Шестодневъ.

137. Лаврентьевский список летописи 1377 г. (Петр. Пб. Б-ка, F. IV. 2), писан в Суздале мнихом Лаврентием; содержит Повесть временных лет и Суздальскую летопись. Изд.: 1. в снимке: Несторова лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изд., И. Археографической Комиссии. Спб. 1872; 2. обычным типогр. способом: ПСРЛ, т. I. изд. 4. Петр. 1926 (предыдущие издания не удовлетворительны). — Иссл.: 1. Некрасов, Изв. I. 1 и II. 2; 2. Кудрявский, Къ статистикѣ глагольныхъ формъ въ Лаврентьевской лѣтописи. Изв. XIV. 2.

138. Переяславский список слов Ефрема Сирина 1377 г. (Петр. Акад. Наук). Запись писца изд. Срезневский, Свѣд. и Зам. 8.

139. Церковный Устав Патриаршей Б-ки № 329 (Моск. Ист. М.), XIV в. (между 1327 и 1378 г.). Выдержки и описание — Горск. и Невостр. Описаніе III. 1. № 384 (выдержки из той же ркпси приводятся и далее, под № 385).

140. Стихирарь Троицкой Лавры 1380 г. (Серг. Посад, б. Тр. Л. 22), напис., по мнению Соболевского, учеником прп. Сергия, Епифанием Премудрым.

141. Пандекты Никона Черногорца 1381 г. (Моск. Ист. М., Патр. 193), писаны в Серпухове. Краткое описание — Горск. и Невостр., Описаніе. II. 3, № 218. Ср. Соболевский, Особенности русскихъ переводовъ.

142. Евангелие 1383 г., писанное в Царьграде (Моск. Ист. М., Патр. 742). Опис. Горск. и Невостр., Описаніе. I, № 25.

143. Псковский Пролог 1383 г., нестишной 1-ой ред., за мартовскую половину года (Моск. Син. Тип. 172). Отсюда изд. 1. запись писца Соболевский, Очерки; 2. житие Конона Исаврийского Дурново в Древностях, Трудах Слав. Комиссии Моск. Археол. О-ва IV. 1. 1906 и Записках Харьк. Универс. 1914, и 3. повесть о сапожнике Дурново, Хрестоматія. — Иссл.: Соболевский, Очерки.

144. Псковский Параклитик 1386 г. (Моск. Ист. М., Патр. 838). Иссл.: Соболевский, Очерки; Каринский, Шестодневъ; Горск. и Невостр., Описаніе III. 1. № 420.

145. Московское Евангелие 1393 г. (Петр. Пб. Б-ка).

146. Тактикон Никона Черногорца 1397 г. (Петр. Пб. Б-ка, F. I. 41), новгородский.

147. Церковный Устав Патриаршей Б-ки № 333, 1398 г. (Моск. Ист. М.). Опис. Горск. и Невостр., Описаніе III. 1. № 381; выдержки (всего $2^1/_2$ стр.) ib.

148. Московское Евангелие 1399 г. (Моск. б. Син. Тип. 15).

149. Хутынский Служебник 1400 г. (Моск. Ист. М., Патр. 600), с.-р. Опис. и небольшие выдержки — Горск. и Невостр., Описаніе III. 1. № 348.

150. Пролог 1400 г., нестишной (Моск. Ист. М., Патр. № 240).

151. Чудовской Новый Завет (ев. т. и апостол), писанный по преданию митрополитом Алексием († 1378 г.) (до революции хранился в ризнице Чудова монаст. в Кремле; во время революции куда-то исчезло). Изд. 1. полностью в снимке (фототип.) митр. Московский Леонтий, Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа. Трудъ св. Алексія митроп. Моск. и всея Руси. М. 1892; 2. только ев. от Марка и послания апост. Павла к римлянам, 1-е и 2-е к коринфянам, к галатам и ефесянам Воскресенский, Ев. отъ Марка; Он же, Древнеславянскій Апостолъ (см. выше №№ 26, 28 и 84).

152. Лаврашевское Ев. нач. XIV в. (Краков, Б-ка Чарто-

рыйских, 2097), ю.-р. Палеогр. черты и правописание подробно описаны Свенцицким в Изв. XVIII. 1, с приложением более 20 снимков.

153. Евангелие Петрогр. Публичной Б-ки F. I. 15, XIV в., новгородское. Опис. Виноградов, Изслѣдованія.

154. Луцкое Ев. XIV в. (Моск. Рум. М. 112), ю-р. с ю.-р. приписками XV в. Образцы текста изд. Соболевский в Унив. Изв. 1885, как приложение к Очеркам. — Иссл. Он же, Очерки.

155. Ев. Верковича XIV в. (Петр. Пб. Б-ка Q. I. 43). Опис. Никольский, РФВ. XXXII. 2.

156. Ев. Петрогр. Публичной Б-ки F. п. I. 9, XIV в., псковское. Опис. Бандуров, РФВ. LIII. 279—297.

157. Ев. а. Петрогр. Публичной Б-ки F. п. I. 16, XIV в., псковское. Опис. Сорочан, РФВ. LXX.

158. Толстовский Апостол XIV в. (Петр. Пб. Б-ка, Толст., по старой нумер. 5). Изд. текст посланий ап. Павла к римлянам, 1 и 2 к коринфянам, к ефесянам и галатам Воскресенский, Древнеславянский Апостолъ, вып. 1—3. (см. выше №№ 26, 28, 84, 151).

159. Быбельский Апостол XIV в. (с. Быбель Перемышльск. у. в Галичине), отрывки. Изд. и опис. Копко, Apostolus Bybliensis в Denkschriften der Kaiserl. Akademie d. Wissenscb. LI. 1. Wien 1912.

160. Типографская Псалтырь № 28, XIV в. (Моск. Син. Тип.; по другой нумерации — 34. 81. 1286). Иссл.: 1. Соболевский, Очерки; 2. Шахматов, Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава 1894, стр. 230—237; 3. Погорелов, Псалтыри, № 46; здесь же — большие выдержки, стр. 65—68.

161. Типографская Псалтырь № 29, XIV в. (Моск. Син. Тип.; по другой нумерации 35. 103. 1308. 13), псковская. Иссл.: 1. Соболевский, Очерки; 2. Погорелов, Псалтыри, № 47.

162 Румянцевский Толковый Апокалипсис № 8 с дополнительными статьями (Моск. Рум. М.). Отсюда изд. Соболевский, Матеріалы и Замѣтки по древнерусской литературѣ, Изв. XVII. 3, стр. 83—92, толкования Символа веры, молитвы Господней и Херувимской песни, напис. Григорием, которого Соболевский склонен отожествить с Григорием, упоминаемым в послании Климента Смолятича XII в.

163. Устав церковный Патриаршей Б-ки № 328, XIV в. (Моск. Ист. М.). Описание с большими выдержками — у Горск. и Невостр., Описаніе III. 1, № 383 (выдержки отсюда приведены также и под № 385).

164. Служебник митроп. Киприана, конца XIV в. (Моск. Ист. М. 601). Вопреки записи, где сказано, что служебник писан митроп. Киприаном, правописание рукописи показывает, что писцом её был не он, а русский, писавший по до-Киприановской орфографии. Изд. длин-

ную запись писца и др. выдержки Горск. и Невостр., Описаніе. III. 1. № 344. — Опис. ib.

165. Канонник Троицкой Лавры № 254 (по другой нумерации 190), XIV в., содержит между прочим старший известный список молитвы Илариона, митроп. Киевского.

166. Часослов XIV в. Опис. с приложением образцов текста Соболевский, Очерки.

167. Шереметевский Требник XIV в. (Петр., ОЛДрП, собр. гр. Шереметева, 24). Изд. в снимке: ПДрП. 1878 г.

168. Слова Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в. (Моск. Ист. М., Патр. 954). Опис. с образцами текста Горск. и Невостр., Описаніе. II. 2, № 117. По мнению Соболевского, Особенности русскихъ переводовъ, перевод памятника русский домонгольской эпохи.

169. То-же, другой список, с.-р., Описаніе. XIV в. (ib. 43). Опис. Горск. и Невостр., II. 2, № 118.

170. Пандекты Антиоха, Патерик Скитский и др. статьи, Патр. (Моск. Ист. М.) № 3, XIV в., с.-р. Содержит, между прочим русские статьи — вопросы Кирика с ответами Савы и др. о посте в среду и пяток, вопросы Феогноста, еп. Сарайского Цареградскому собору и др. Опис. с приложением многочисленных выдержек текста Горск. и Невостр., Описаніе. II. 2, № 153.

171. Мерило Праведное XIV в. (Серг. Посад, Тр. Л. 15), сборник црк.-юридич. и др. статей, в том числе русских, как выдержки из Русской Правды и т. п. По этой рукописи изд.: 1. извлечения из книги Еноха Тихонравов, Памятники отреченной литературы I, 20—23; 2. выборки из Шестоднева Иоанна Ексарха (отъ Шестоденьца избрано о животѣхъ) Дурново, Къ исторіи сказаній о животныхъ въ старинной русской литературѣ. Древности. Труды Слав. Комиссіи И. Моск. Археолог. О-ва III. 1901; 3. выборки из Пчелы Сперанский, Переводные сборники изреченій. М. 1902 (Чт. въ ОИДрР 1901. 4 и 1902) и др.

172. Румянцевский Измарагд XIV в. (Моск. Рум. М. 186), содержит между прочим ряд русских статей, в том числе несколько слов Кирилла Туровского.

173. Типографский Пролог № 153, XIV в., нестишной 1-й ред., за сентябрьскую половину года. Отсюда изд. Соболевский, Изъ области древней цсл. проповѣди, Изв. XI. 4, слово „Похвала святыхъ отець“.

174. Типографский Пролог № 168, XIV в., нестишной 1-ой ред. Отсюда Соболевский издал Поучение на день Рожества Иоанна Крестителя (ib.).

175. Толковая Палея Александро-Невской Лавры конца XIV в.[1]) (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад.), Отсюда изд., Тихон-

[1]) По мнению Шахматова — 1350 г.

равов, Памятники отреченной литературы I. 96—145, апокрифич. Заветы 12 патриархов.

176. Златая Чепь Троицкой Лавры № 11, XIV в. (Серг. Посад), сборник поучительных статей, среди которых много русских или предположительно русских, как житие Феодосия Печерского, слова Кирилла Туровского и Серапиона Владимирского, слова, приписываемые Кириллу II еп. Ростовскому и Матфею Сарайскому и др. Изд. отсюда: 1. отрывки Буслаев, Истор. Хрестоматія; 2. Слово нѣкоего христолюбца (русское) Тихонравов, Лѣтописи; 3. четыре поучения Серапиона Владимирского Петухов, Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII в. Спб. 1888; 4. несколько анонимных поучений, по мнению издателя русских, Петухов, Древнія поученія на воскресные дни Великаго поста. Сборн. 50.

177. Сильвестровский Сборникъ серед. XIV в. (Моск. Син. Тип. 53), с.-р., содержит оба древних жития Бориса и Глеба (сказание, приписываемое мниху Иакову, и Чтение Нестора), несколько апокрифов и др. статьи. Бо́льшая часть сборника издана: 1. оба жития Бориса и Глеба изд. Срезневский, Сказаніе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій Сборникъ. Спб. 1860 (в снимке); 2. Несторово Чтение о Б. и Гл. — Абрамович, Памятники др.-р. литературы II, 3. Откровение Авраама — Тихонравов, Памятники отреченной литературы I. 32—53; 4. апокрифич. Хождение Зосимы к Рахманам он же, ib. II. 78—90; 5. Послание Пилата (ев. Никодимово) Сперанский, Славянскія апокрифич. евангелія. М. 1890. — Описание: Бодянский в Чт. въ ОИДрР. 1859. 1, и А. Орлов, Б-ка Моск. Синод. Типографіи, I. Рукописи. 1. Сборники, № 1.

178. Чудовской Сборник № 20, XIV в. (Моск. Ист. М.); представляет соединение Златоуста с Торжественником и содержит избранные жития святых, апокрифич. сказания о Христе, Божией Матери и ап. Фоме, похвальные и торжественные слова на праздники, поучения и пр., в том числе ряд статей русских, как Сказание о Борисе и Глебе, десять слов Кирилла Туровского и несколько анонимных слов, повидимому, русских. Изд.: 1. около $^1/_5$ всей рукописи с короткой характеристикой правописания Щепкин, Библіографическіе матеріалы, собранные Андреемъ Поповымъ, XX. Чт. въ ОИДрР. 1889. 3 (Первоев. Иакова, Деяния ап. Фомы, одно слово Кирилла Туровского и отрывок другого слова, мучение Димитрия Солунского, Слова на Покров и в неделю перед Богоявлением, по мнению издателя, русские и др.); 2. сказание о Борисе и Глебе Бодянский в Чт. въ ОИДрР. 1870. 1; 3. отрывок из слова Кирилла Туровского и несколько анонимных слов Невоструев, Древнерусскія поученія и посланія объ иноческой жизни. Духовный Вѣстникъ. Харьков 1862; 4. похвалу св. Кресту Соболевский, Изъ области древней цсл. проповѣди. Изв. VIII. 4.

179. Хлудовский Сборникъ № 30, XIV в. (Моск. . Ист. М.).

Два поучения с именем Моисея, по мнению издателя, может быть, тожественного с игуменом новгородским Моисеем († 1187 г.), из этого сборника изд. Соболевский, Матеріалы и Замѣтки по древнерусской литературѣ. Изв. XVII. 3.

180. Сборник Моск. Публичного Музея № 1548, XIV (Моск. Рум. М.), содержит между прочам старший русский список послания Илариона брату столпнику.[1])

181. Сборник Троицкой Лавры № 9, XIV в. (Серг. Посад). Содержит между прочим т. наз. Иное житие Николая Чудотворца (перевод русский!), сказание о посмертных чудесах Николая Чудотворца и слово Ефрема еп. Переяславского XI в. на перенесение мощей Николая Чудотворца, Сказание о чудесах св. Николая по этой рукописи изд. Леонид, Посмертныя чудеса святителя Николая. ПДрП. LXXII. 1888. Из этих чудес четыре принадлежат русскому автору, остальные, по мнению Соболевского, относятся к числу русских переводов домонгольского периода (Особенности русскихъ переводовъ).

182. Уваровский Сборник № 1045, XIV в. (Моск. Ист. М.). Содержит между прочим слово Ефрема Переяславского на перенесение мощей св. Николая.

183. Сборник Петрогр. Публичной Б-ки Q. I. 12, XIV в. Отсюда Послания Феодосия Печерского келарю издал Чаговец, Прп. Ѳеодосій Печерскій (см. № 107).

184. Сборник Царского № 361, XIV в. (Моск. Ист. М., Увар). Ро этой рукописи 7 слов Кирилла Туровского изд Сухомлинов, Рукописи гр. Уварова. II. 1858.

185. Типографская Псалтырь № 34, XIV—XV в. (Моск. Син. Тип.; по другой нумерации 40. 1284). Подробно опис. со многими выдержками Погорелов. Псалтыри № 52.

186. Церковный устав Патриаршей Б-ки № 332, XIV—XV в. Много выписок и подробное описание — Горск. и Невостр., Описаніе III. 1, № 385.

187. Прилуцкий Пролог XIV—XV в., нестишной, за мартовскую половину года (Петр. Пб. Б-ка Дух. Акад., собр. Спасо-Прилуцкого монаст. А $^{1}/_{264}$). В числе русских статей имеется поучение Луки Жидяты. Изд.: 1. житие Бориса и Глеба Абрамович, Памятники др.-р. литературы II; 2. житие Кирилла Туровского Никольский, Матеріалы для исторіи древнерусской духовной письменности. Сборн. 88. 1907.

188. Патерик Печерский, Софийский список № 1365, XIV

[1]) В принадлежности этого слова митроп. Илариону и в его русском происхождении высказывались сомнения. См. Сперанский, Къ исторіи. Изв. XXVI, стр. 157—159.

—XV в. (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад., Соф.), т. наз. Феодосиевской редакции.

189. Пчела Петрогр. Публичной Б-ки F. п. I. 44, XIV—XV в. Изд. Семенов, Древняя русская Пчела по пергаменному списку. Сборн. 54. 1893, параллельно с греч. текстом; в предисловии дана характеристика правописания. Перевод Пчелы относят к числу русских переводов домонгольского периода.

190. Радзивиловская или Кёнигсбергская летопись XIV—XV в. (Петр. Акад. Наук; старая сигнатура — 5). Изд. в снимке Шахматов, Радзивиловская или Кёнигсбергская лѣтопись. ПДрП. CXVIII. 1902.

191. Софийский Сборник № 1262, XIV—XV (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад., Соф.), псковский; содержит между прочим послание Феодосия Печерского келарю, слова Кирилла Туровского, поучение Луки Жидяты и др. Иссл.: 1. Каринский, Язык Пскова; 2. Он же, Шестоднев; 3. Шахматов, Нѣск. зам.; 4. Ляпунов, Отзывъ о сочиненіи Каринскаго. Сборникъ отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1909 годъ.

192. Паисиевский Сборник XIV—XV в. (до 1412 г.) (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад., Кир.-Бел. 297—1081). Содержит между прочим ряд сочинений русских авторов. Отсюда изд.: 1. небольшие выдержки с описанием всего сборника Срезневский, Свѣд. и Зам. 56 и Древніе памятники; 2. анонимное наставление ереям о покаянии (русское) он же, Свѣд. и Зам. 59; 3. слово Моисея о ротах и клятвах (русское) он же, Древніе памятники; 4. Въпрашание Изяслава князя игумена Феодосия Буслаев, Истор. Хрестоматія; 5. Слово Феодосия о вѣрѣ крестьяньстѣи и латиньстѣи Чаговец, Прп. Ѳеодосий Печерскій (см. №№ 107, 183); 6. одно из слов Серапиона Владимирского Петухов, Серапіонъ Владимірскій (см. № 176); 7. два апокрифа — Варфоломеевы вопросы Богородице и о Макарии Римском — Тихонравов, Памятники отреченной литературы II. 18—22 и 59—65. — Иссл. языка сборника — Матвеева, РФВ. LXXIII. 1. 2.

193. Евангелие 1401 г. (Моск. Рум. М. 118), писано, повидимому, в Зарайске (Рязанской губ.).

194. Коломенская Палея, Толковая Палея писанная в Коломне в 1406 г. Изд.: Толковая Палея по списку, сдѣланному въ Коломнѣ въ 1406 г. Трудъ учениковъ Н. С. Тихонравова. 2 части. М. 1892 и 1896.

195. Патерик Печерский в списке 1406 г., т. наз. Арсениевской редакции (Петр., Пб. Б-ка Q. I. 31). См. издание: Абрамович, Патерикъ Кіевскаго Печерскаго монастыря. Памятники славянской письменности, изд. И. Археогр. Комиссіей. II. 1911 (основной текст в этом издании напечатан по другому списку, т. наз. Кассиановской редакции).

196. Успенский Пролог 1406 г. (Моск. Ист. М., Успенск. соб. 3), нестишной.

197. Лукино Ев. 1409 г. (Моск. Ист. М., Патр. 71), псковское, названо так по имени писца. Иссл. Каринский, Языкъ Пскова. Ср. Шахматов, ЖМНПр. 1909. 7, и Ляпунов, Сборн. отчетовъ о присужденіи премій и наградъ за 1909 г.

198. Вологодская Триодь 1410 г. (Моск. Гл. Арх. 760. 1292), писанная в Вологде.

199. Мусин-Пушкинский сборник 1414 г., с.-р. Оригинал сгорел в 1812 г., но сохранилась довольно точная копия нач. XIX в. Содержал ряд русских статей: Память и похвалу Владимиру и Олье, Слово Илариона митроп., Службу Владимиру и др. См. Срезневский, Зап. Акад. Наук 72. 1893; он же, Свѣд. и Зам. 18; Бугославский, Изв. XXIX.

200. Сборник Петрогр. Публичной Б-ки Q. п. I. 312, нач. XV в. (до 1422 г.). Из этого сборника Соболевский изд. два поучения, по его мнению, русских домонгольского периода: 1. поучение философа еп. Белгородского (в другом списке того же поучения автор назван Григорием, но без упоминания о его сане) — Два русскихъ поученія съ именемъ Григорія. Изв. XII. 1, стр. 254—260; 2. поучение еп. Андрея, которого Соболевский склонен отожествить с еп. Андреем Тверским, упоминаемым в Лавр. под 1295 г., — Матеріалы и Замѣтки по древнерусской литературѣ. Изв. XVII. 3. стр. 80—81.

201. Псковский Пролог 1425 г. (Моск. Ист. М., Патр. 839). Иссл. Каринский, Языкъ Пскова.

202. Церковный устав Савина Сторожевского монастыря 1428 г. (Моск. Рум. М. 445). Савин Сторожевский монастырь на р. Москве в Звенигородском у., 60 км. от Москвы.

203. Пролог Троицкой Лавры № 717, 1429 г. нестишной, за сентябрьскую половину года.

204. Пролог Петрогр. Публичной Б-ки F. I. 48, 1432 г., за сентябрьскую половину года.

205. Церковный Устав Патриаршей Б-ки № 331, 1438 г., тверской (Моск. Ист. М.). Изд. длинную запись писца и большие выдержки из текста Горск. и Невостр., Описаніе III. 1. № 387.

206. Псковский Трефолой 1446 г. Опис. Соболевский, РФВ. XX.

207. Толковая Палея Патриаршей Б-ки 1477 г. (Моск. Ист. М., Патр. 210), псковская. Изд. в снимке — Изд. ОЛДрП. 93. 1892 г. — Иссл. Каринский, Языкъ Пскова.

208. Сборник Патриаршей Б-ки № 154, после 1486 г., содержащий Новгородскую и Псковскую летописи. (Моск. Ист. М.). Иссл. Каринский, Язык Пскова.

209. Октоих 1488 г. (Моск. Гл. Арх. 442), писанный уроженцем Турова, со следами аканья.

210. Минея 1489 г. (до революции хранилась в Киеве, в Црк.-

Археолог. Музее при Киевской Дух. Акад.; в 1923 г. её на месте не оказалось[1]). Описана Карпинским, РФВ. 1889. 1 и др. См. Карский, Бѣлоруссы т. I и т. II. 1.

211. Минея новым чудотворцам 1494 г., б. Каз. Дух. Акад. № 616 (518), писана в Вологде. Содержит службы и жития русских святых, между прочим оба древние жития Бориса и Глеба, Память и похвалу Володимиру и Ольге, службы им же, а также Поучение и наказание к попом Леонтия Ростовского († ок. 1077 г.), слово Илариона и др. Память и похвалу Володимиру и Ольге и древнее житие Володимира по этой Минее изд. Срезневский в Зап. Акад. Наук 1897. № 6, перепечат. Бугославский, Изв. XXIX.

212. Палея Толковая 1494 г. (Моск. Рум. М. 453), псковская. Иссл. Каринский. Языкъ Пскова.

213. Патерик Печерский Арсеньевской редакции, список 1497 г. (Сергиев Посад, Тр. Л. 712).

214. Геннадиевская Библия 1499 г. (Моск. Ист. М., Патр. 915). Подробное описание с многочисленными выписками: Горск. и Невостр., Описаніе I. № 1, стр. 1—164.

215. Церковный Устав Моск. Главного Архива № 560, после 1472 г. повидимому. ю.-в.-р.

216. Октоих и Трефолой Моск. Главного Архива № 626, второй полов. XV в., повидимому, ю.-в.-р. или вост.-б.-р.

217. Архивский Требник № 599, конца XV (Моск. Гл. Арх.), с.-в.-р., с обилием диалектических черт.

218. Лествица Киево-Печерской Лавры XV в., псковская. Опис. Требин. РФВ. LXIX. 4.

219. Патерик Печерский 2 й Кассиановской ред. Румянц. Музея № 305, XV в., после 1462 г. См. выше № 1, 195. Опис. Востоков, Описаніе.

220. Лицевое Житие Бориса и Глеба, собрания Лихачова конца XV. Изд. в снимке в ПДрП. CXXIV. 1907.

221. Ипатьевский список летописи около 1425 г.; содержит Повесть временных лет и летописи Киевскую и Волынскую. Изд.: 1. в снимке: Лѣтопись по Ипатскому списку. Изд. Археогр. Комиссіи. Спб. 1872; 2. типогр. способом—ПСРЛ. т. II, изд. 2-е, под ред. Шахматова. Спб. 1908, 3-е изд. вып. 1. Петр. 1923. (изд. 1-е неудовлетворительно). — Иссл.: 1. А. Никольский, РФВ. XLI и XLII; 2. Шахматов, Нѣск. зам., 117; 3. Виноградов, Изслѣдованія, 256—263.

222. Архивский Хронограф № 279 (658). XV в. (Моск. Гл. Арх.). Содержит мпжду проч. Александрию, изданную по этому списку Истриным, Александрія русскихъ хронографовъ. М. 1893, первую книгу Иудей-

[1]) Перетц, Изв. XXVI, стр. 253, примеч.

ских Древностей Иосифа Флавия, переведённых, повидимому, в Ю. Руси. и др. статьи.

223. Виленский Хронограф XVI в., [Weingart, Byz. kroniky I, стр. 26. 46, 238 (см. ниже § 41, № 21), не видавши рукописи, ошибочно относит её к XIII в.] № 147 (Вил. Пб. Б-ка). По содержанию почти совпадает с предыдущим. Общий оригинал обоих хронографов был составлен или написан в 1262 г. См. Истрин, о. с.)

224. Хронограф Чудова монаст. 51. 353, XV в. Содержит Еллинский летописец 2-й ред. и Александрию русских хронографов 2-й ред.; последняя издана Истриным, о. с. (см. № 222). — Описание рукопьси и извлечения из неё у Попова, Библіографическіе матеріалы. Чт. въ ОИДрР. 1889. 3.

225. Рогожский летописец 1-й половины XV в. Изд. в ПСРЛ. т. XV. 1922.

226. Румянцевский Сборник № 406, XV в. (Моск. Рум. М.); содержит пять поучений Феодосия Печерского, слова Кирилла Туровского, некоторые анонимные поучения русского происхождения, как напр., слово в суботу сыропустную с упоминанием русских свв. и др. статьи. Из этого сборн. изд. 1. ряд мелких выдержек Востоков, Описаніе; 2. пять слов Феодосия Печерского Чаговец, Прп. Θеодосій Печерскій (см. № 107). О более ранних изданиях см. у него же, о. с.

227. Сборник Общества Истории и Древностей Российских № 189, конца XV в. (Моск. Рум. М.), с.-р., (псковский?). Содержит между прочим отрывок Псковской летописи и повесть об Акире. Последнюю по этому списку изд. Григорьев, Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ. М. 1913 (из Чт. въ ОИДрР.) Поправки к изд. Григорьева — Дурново, Къ ист. повѣсти объ Акирѣ (см. ниже, № 251), стр. 93. Характеристика правописания части ркпси, содержащей повесть об Акире, — Григорьев, о. с. 508—522, Дурново, о. с. 91—92.

228. Книги пророков XV—XVI в. (Серг. Посад, Тр. Л. 89). В записи писца говорится, что он списывал с оригинала писанного попом Упирем Лихим в 1047 г. По этому списку книги прор. Осии, Иоиля, Амоса, Авдия и Ионы изд. Туницкий, Книги XII малыхъ пророковъ съ толкованіями, въ древне-слав. переводѣ. Вып. I. Серг. Посад. 1918.

229. Сборник Патриаршей Б-ки № 154, XV—XVI в., псковский (Моск. Ист. М.); содержит новгородскую и псковскую летописи. Иссл. Каринский, Языкъ Пскова.

230. Сборник Патриаршей Б-ки № 277, XV—XVI (ib.) ю.-в.-р., с многочисленными диалектизмами.

231. Сборник Патриаршей Б-ки № 562, XV и XVI в. (ib.); содержит копии с митрополичьих и архиерейских грамот XV и XVI в.

232. Помянник Киево-Печерской Лавры XV—XVI в., м.-р. Изд. Голубев, Чт. въ О-вѣ Нестора Лѣтописца 1892. 6.

233. Патерик Печерский Публичной Б-ки Q. I. 322, 1529 г. (Петр.), по классификации Абрамовича (Изслѣдованіе о Патерикѣ Печерскомъ. Изв. VI. 4, стр. 62), первоначальной редакции.

234. Церковный Устав Патриаршей Б-ки XVI в., до 1548 г., писанный в Коломне (Моск. Ист. М., Патр. 336), с позднейшими записями 1548 и 1608 годов. Опис. Горск. и Невостр., Описаніе III. 1. № 308.

235. Судебник 1550 г. Изд. Калачёв и Строев Спб. 1819.

236. Пересопницкое Ев. 1556 г.; ев. т. в м.-р. переводе, пис. Михайлом из Сянока. Опис. и изд. ев. от Луки по этой рукописи Житецкий, Труды III Археолог. Съѣзда, т. II, стр. 221—230 и прилож. 43–111. Киев 1876.

237. Волынское Ев. 1571 г., ю.-р. Опис. Трипольский, Волынский Историко-Археолог. Сборн. II. 1—144.

238. Малорусская песня про Стефана Воеводу в чешской грамматике Благослава 1571 г., чешскими буквами (Вена, ркп. б. Терезианской б-ки). Изд. Ignác Hradil a Josef Jireček, Jana Blahoslawa Grammatika česká dokonaná l. 1571. We Wídni 1857. Переизд.: 1. в украинской транскрипции, с реставрацией текста Потебня, Малорусская пѣсня по списку XVI в., Филолог. Зап. 1877; 2. Франко, Студії над українськими народними піснями. Зап. НТШ.; 3. Кримський, в книге Шахматов-Кримський, Нариси.

239. Ев. в м.-р. переводе Негалевского 1581 г. (Киево-Михайл. монаст.). Опис. Назаревский, Унив. Изв. 1911, авг., ноябрь, дек. Киев.

240. Вологодское Ев. XVI в. (Петр. Пб. Б-ка). Иссл. Васильев, РФВ. LVII.

241. Богдановский Златоуст XVI в. (Петр. Пб. Б-ка, собр. Богданова). Иссл. Васильев, Изв. X. 3.

242. Псалтырь Публичной Б-ки F. I. 7, XVI в. (Петр.). Иссл. Васильев, О значеніи каморы. РФВ. LVI I. 2.

243. Сборник Софийской Б-ки № 1460, XVI в. (Петр. Пб. Б-ка, б. Дух. Акад.), с.-в.-р. Иссл. Васильев, ib.

244. Часослов Бодлеянской Б-ки XVI в. (Оксфорд, Bodleian-Library, 946 Slav.). См. Сырку, Замѣтки о слав. и русскихъ рукописяхъ въ Bodl.-Libr. въ Оксфордѣ. Спб. 1908.

245. Архивский Церковный Устав № 728, серед. XVI в. (Моск. Гл. Арх.), повидимому, ю.-в.-р., с признаками аканья.

246. Стоглав, списки XVI в. (Моск. Дух. Акад. 194, 3-ей четверти XVI в., Моск. Дух. Акад. 191, Тр. Л. 215, Увар. 508, 1801, Рум. 425, 427). По списку Моск. Дух. Акад. № 194 изд. Субботин, Царскіе вопросы и соборные отвѣты. М. 1890.

247. Погодинский список Псковской летописи № 1413 (Петр. Пб. Б.-ка, Погод.), 2-ой полов. XVI в., псковский. Иссл. Каринский, Языкъ Пскова.

248. Домострой Общества Истории и Древностей Российских. отд. 1. № 340, XVI в. (60-ых годов), с дополнениями конца XVI в. Рукопись содержит, кроме Домостроя: 1. указы о кушаньях, 2. чины свадебные; в дополнении — продолжение свадебных чинов. Изд. полностью (со всеми добавлениями) Забелин в Чт. въ ОИДрР. 1881. 2; опечатки и добавления — ib. 1882. кн. 1 и 2. Поправки к изд. Забелина — Орлов, Домострой. РФВ. LXXV, стр. 41—47.

249. Коншинский список Домостроя (Петр. Пб. Б-ка Q. XVII. 149) конца XVI в., ю.-в.-р. Изд. Орлов, Домострой по Коншинскому списку и подобнымъ. М. 1908 (Чт. въ ОИДрР. 1908). Там же и описание списка со стороны языка.

250. Сборник Мусина-Пушкина XVI в., заключавший Слово о полку Игореве, изданное по этой рукописи Мусиным-Пушкиным в 1800 г. Рукопись сгорела в 1812 г., но текст Слова сохранился не только в издании 1800 г., но и в другой копии, т. наз. Екатерининской, сделанной в 1795 году. Эта копия некоторые места передавала, повидимому, точнее, чем издание Мусина-Пушкина, но в общем является менее удовлетворительной. По Екатерин. копии Слово издано было Пекарским в 1864 г. и вторично, с приложением снимка со всей копии, Симони, в XIII т. Древностей Моск. Археолог. О-ва М. 1890. Изд. 1800 г. перепечатано точно Владимировым в приложении к книге: Древняя русская литература Кіевскаго періода. Киев 1901 г.; затем переиздавалось в снимке Сувориным в 1904 г. (Спб.) и бр. Сабашниковыми в 1920 г. (Москва), с предисловием Сперанского. Языка Сл. о п. Иг. касались многочисленные исследователи Слова (ср. библиографию у Барсова до 1885 г., Владимирова до 1894 г., Гудзия с 1894 до 1914 г. в ЖМНПр. 1914 февр. и Перетца с 1914 до 1923 г. в Изв. XXVIII), но лингвистического значения бо́льшая часть подобных работ не имеет; специально языку сгоревшего списка Слова посвящена статья Каринского, Очерки изъ исторіи Псковской письменности и языка, II. Мусин-Пушкинская рукопись Сл. о п. Иг., какъ памятника Псковской письменности XV—XVI в. ЖМНПр. 1916 (отд. отт. Петрогр. 1917). Ср. Перетц, Изв. XXVIII. 153—155. О взаимоотношении между изд. 1800 г. и Екатерининской копией см. Перетц, Слово о полку Ігоревім. Киев 1926 (Зап. Україньскої Акад. Наук).

251. Соловецкий Сборник № 46, XVI в. (до 1898 г. хранился в Соловецком монаст., позднее?), с.-р., содержит, между прочим Хождение игум. Даниила, Сказание об Индийском царстве и Повесть об Акире; последнюю изд. Дурново, Матеріалы и Изслѣдованія по старинной литературѣ. I. Къ исторіи повѣсти объ Акирѣ. М. 1915, стр. 20—36; описание языка. — ib. 93—94.

252. Сборник Патриаршей Б-ки № 935, XVI в.; содержит слова Кирилла Туровского, правило церковное митр. Иоанна II и др. русские статьи., в.-р., с чертами аканья. Опис. Горск. и Невостр. № 321.

253. Сборник Софийской Б-ки № 1474, нач. XVI в. (Петр. Пб. Б-ка, Дух. Акад., Соф.), содержащий между проч. „Речь тонкословия греческого" (собрание греч. разговоров и слов с русским переводом). Последняя издана 1. Никольским, Рѣчь тонкословія греческаго. ПДрП. 114. Спб. 1896. и 2. Фасмером, Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch. Leipzig 1922. Опис. у Фасмера стр. 5 и 134—136.

254. Сборник Археографич. Комиссии № 454, серед. XVI в. (Петр. Акад. Наук). Содержит между проч. Родословие князей Рязанских, Тверских и др., сочинения Кирилла Белоозерского и Максима Грека Летописец русский и Речь тонкословия греческого. Об этом сборнике — Фасмер, о. с., стр. 6; Никольский, Изв. X. 2. стр., 11, и Симони, ib. XIII. 1. стр. 194.

255. Сборник Казанской Духовной Академии № 970 (Сол. 860). XVI в. Отсюда Речь Тонкословия греч. изд. Симони, Памятники старинной лексикографіи по рукоп. XV—XVII стол. Изв. XIII. 1. 195—212.

256. Сборник копий с митрополичьих и других архиерейских грамот XV и XVI в. (последняя грамота 1543 г.) (Моск. Ист М., Патр. 791).

257. Разрядные книги Московского Государства XVI и XVII в., содержащие разряды XV (начиная с 1476 г.), XVI и XVII в. (имеются в разных собраниях, напр., в Моск. Рум. М., №№ 337—341, Моск. Гл. Арх., Петр. Пб. Б-ке и др.). По языку Разрядные книги являются типичным представителем московского приказного языка. Изд.: 1. Дворцовые Разряды, т. I—IV. 1850—1855; 2. Книги Разрядныя, т. I—II. 1853 и 1855; 3. Милюков, Древнѣйшая Разрядная Книга оффициальной редакціи (по 1565 г.). Чт. въ ОИДрР. 1902. 1. 2. (по ркп. XVI в., с вариантами и дополнениями по ркп. XVI и XVII в.); 4. Белокуров, Разрядные записи за Смутное Время (7113—7121). Чт. въ ОИДрР. 1907. 2. 3. (по ркп. Моск. Гл. Арх. 987/129 и Пб. Б.-ки IV. F. 166).

258. Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 г. (Оксфорд, Bodleian Library, slav.). Изд., со снимками со всего текста Симони, Великорусскія пѣсни, записанныя въ 1619—1620 г. для Ричарда Джемса на крайнемъ Сѣверѣ Московскаго царства, съ полнымъ снимкомъ и текстами всѣхъ шести пѣсенъ по подлинной рукописи, хранящейся въ Оксфордѣ. Сборн. 82. 1907.

259. Пчела 1623 г. (Моск. Ист. М., Патр. 854), писана в Серпухове, с чертами акающего говора. Описание и небольшие выдержки у Горск. и Невостр., Описаніе II. 3, № 314.

260. Церковнославянская грамматика Гербовицкого монаст. в Бессарабии, до 1648 г. Опис. Курдиновский, РФВ. LVII и LVIII.

261. Грамматика Ивана Ужевича 1643 г. (Париж, Bibl.

Nationale, 7568). Опис. Соболевскій, Чт. въ О-вѣ Нестора Лѣтописца. 1906. 19.

262. Грамматика Ивана Ужевича 1645 г. (Аррас) Опис. Ягич, AslPh. XXVII.

263. Дума козацкая о войнi с козаками, малорусское стихотворение о поражении Хмельницкого под Берестечком в 1651 г.; вписано на чистых страницах книги Militia Equestris ок. 1630 г. (изд. в Бельгии), в польской транскрипции. Изд. A. Petrów, AslPh. II. 298—301. Там же напечатана м.-р. транскрипция с реставрацией Житецкого. Перепечатана Крымским, Укр. Граматика I. 1. 258, I. 2. 63—64, 420 α—μ. Ср. другой список тогоже стихотв. в ркп. Публ. Б-ки разноязычн. О. XVII. 11, XVII в., изд. Перетц, Изв. IV. 3.

263 а. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, до 1662 г., автограф (Петрогр., собр. Дружинина). Изд. Археограф. Комиссии, Петрогр. 1916. — Иссл.: 1. В. Виноградов, О задачах стилистики. Русская Речь I; 2. Черных, Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. I. „Житие протопопа Аввакума, им самим написанное“ как памятник северно-великорусской речи XVII-го столетия. Иркутск 1927 (Труды Иркутского Госуд. Университета, вып. XII).

264. Сочинение Котошихина о России, писанное в 1666—1667 г. (Упсала. Университет). Изд. Археогр. ком.: О Россіи въ царствованіе Алексѣя (изд. 1 и 2; Алексія — изд. 3) Михайловича. 1. изд. 1840, 2. изд. 1859, 3. изд. 1884.

265. Книга государя царя и в. кн. Алексия Михайловича всея Руси выходом, каково на государе бывает платье, 1664. Изд. Строев, Выходы государей, царей и в. князей. М. 1844.

266. Ладомировское Учительное Ев XVII в. Описал др. Панькевич, Науковый зборник Товариства Просвѣта в Ужгородѣ II. 1923.

267. Отрывок из Псалтыри и слов Ефрема Сирина, ю.-р. Опис. Гординський, Зап. НТШ. т. 106 (1911) и 126—129 (1918) и Панькевич, AslPh. XXXV. 1914.

268. Малорусский (карп.-р.) сборник Ю. Яворского XVII в., содержащий между прочим апокрифич. житие ап. Петра на м.-р. языке, изданное Ю. Яворским, Изв. XIX. 4.

269. Наука християнская з Евангелия в коротцѣ зложоная барзо простою мовою (Киев, Б-ка Софийск. соб. 180). Изд. Маслов, Зап. НТШ. 79.

270. Лечебник или „Прохладный Вертоград“ собр. Румянцева № 262, XVII в., (Моск. Рум. М.), принадлежавший ранее Хованским. Опис. у Востокова, Описание.

271. Лечебник собрания Ундольского № 696 (Моск. Рум. М.) XVII в. Небольшие отрывки изд. М. Соколов, Новый матеріалъ для

объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками. Древности. Труды Славянской Комиссіи И. Моск. Археолог. О-ва, I. 136—137.

272. Сборник Барсова № 1463. XVII в. (Моск. Ист. М., Барс.) Содержит *a*) Хождение Трифона Коробейникова, *b*) Сказание о киевских богатырях, *c*) Повесть о Димитрии Басарге, *d*) географическую заметку о пути до Камы реки и др. Отсюда статьи *b*) и *d*) изд. Симони, Памятники стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій, вып. I. Петр. 1922 (Сборн. 100), стр. 1—46 и 58—59 [статья *b*) была раньше издана, но без палеографич. точности, Барсовым, Богатырское слово. Сборн. 28, 1881 г., и Сперанским, Былины II (изд. бр. Сабашниковых). М. 1919, 506—515.]

273. Сборник Пазухина, XVII в., содержащий былину о Ставре Годиновиче и др. статьи; писан где-ниб. недалёко от Симбирска. Былину о Ставре по этой рукописи изд. Соболевский, Изв. XVI. 3.

274. Сборник Академии Наук № 33. 4. 32. XVII и XVIII в., с.-р. (Олон.). Часть, писанная в XVII в., содержит между проч. повести о Динаре, Басарге, о старом муже и о молодце и девице; последнюю изд. Вс. И. Срезневский, Изв. XI. 4, с добавлениями по спискам XVIII в.

275. Погодинский Сборник № 1773, XVII и XVIII в. (Петр. Пб. Б-ка), содержит Хождение Трифона Коробейникова, повести о царе Агее, о 7 мудрецах, о Еруслане Лазаревиче, об Азовском осадном сидении, о Девгениевом Деянии и о Горе и Злочастии. Девгениево Деяние по этому списку изд. Сперанский, в Сборн. 99. 1922 г., Повесть о Горе и Злочастии издавалась несколько раз; последний раз с приложением снимков со всего текста Симони, Сборн. 83. 1907 г. Существует популярное изд. Дунаева, Библіотека старорусскихъ повѣстей. II. Повѣсть о Горѣ и Злочастіи. М. 1914 (с соблюдением правописания).

276. Житие Конона на м.-р. языке, ркпсь собрания М. И. Соколова № 190, XVIII в. (Моск. Ист. М.). Изд. Дурново, Матеріалы и Изслѣд. по старинной литературѣ II. Житія свв. Конона и Марины. Записки И. Харьк. Универс. 1914.

277. Сборник Петрогр. Публичной Б-ки О. XVIII. 57, из собрания Буслаева, XVIII в. Содержит три былины, изд. Тихонравовым и Миллером по этому списку в Былинах старой и новой записи М. 1894, Повесть града Иерусалима и Слово о споре скомороха с жидовином, изд. Буслаевым в Истор. Очерках I. 1861, изд. 2. 1909. Былину о киевских богатырях по этому списку изд. вторично Симони в Сборн. 100. 1922 г.

278. Сборник Петрогр. Публичной Б-ки Q. XIV. 19, XVIII в. (Петр.). Из этого сборника 7 интерлюдий изд. Тихонравов в Лѣтописях II. 1859 г.

279. Вологодский сборник интерлюдий 2-й полов. XVIII в. Отсюда 2 интерлюдия: „Шапошник и мужик“ и „Могильщик и кобыльник“ изд. Миллер, Изв. V. 3.

О зап.-р. рукописях, их изданиях и работах, посвящённых изучению их языка, см. Карского, Бѣлоруссы, т. I, II. 1. 3, III. 2. По в.-р. и м.-р. памятникам подобных обзоров не имеется. Библиографические указания у Пыпина (Исторія р. литературы II), Сперанского (Исторія др.-р. литературы 2), в Исторіи р. литературы до XIX в. под ред. Грузинского, т. I, и у Возняка (Історія української літератури, т. I—III и Старе українське письменство) совершенно не касаются работ по изучению языка старинных памятников и не упоминают об изданиях памятников, не нашедших себе места в их схемах истории литературы. Надо заметить, что текстов XV—XVIII в. и в.-р. и б.-р. и м.-р. издано очень много, но работ по изучению языка памятников этого времени очень мало.

c) Печатные книги.

§ 32. Первыми печатными русскими книгами можно считать напечатанные в Кракове в типографии Фѣоля в 1491 г. богослужебные книги на цсл. языке тогдашней русской редакции с чертами б.-р. говора. Затем русское печатное дело замирает, и только в 1517 г. появляются в Праге первые выпуски Библии на б.-р. языке д-ра Франциска Скорины из Полоцка. В 1519 г. вышел последний, 22-й выпуск этой Библии, а с 1525 г. та же Библия выходит другим изданием уже в русском (б.-р.) городе Вильне. Во второй половине XVI в. возникает типография в Москве, скоро впрочем принуждённая закрыться, а затем в ряде городов ю.-зав. Руси — в Несвиже, Львове, Остроге, Евю и др. В Москве печатное дело возобновилось лишь в XVII в. В том же XVII в. появляется типография и в Подкарпатской Руси, где ок. 1770 г. была напечатана 1-я книга на карп.-р. наречии, Урбар.

В Московской Руси всё книгопечатанье в XVI и XVII вв. было сосредоточено в Москве, где печатались почти исключительно книги на цсл. языке, главным образом богослужебные, и лишь в единичных случаях на русском, но в Литовской Руси рядом с книгами на цсл. издавались и книги на литературном зап.-р. языке; таковы издания Скорины, Тяпинского и др. В этих изданиях мы находим более чистый б.-р. язык, чем во всех зап.-р. рукописях того времени, хотя, конечно, известным образом нормированный

по сравнению с тогдашней живой б.-р. речью Вообще же печатные издания для суждения о живом языке дают меньше, чем рукописи, потому что в них правописание нормировано более последовательно, чем в рукописях, где каждый писец мог вносить индивидуальные черты, отражающие его живой говор. Типографии обыкновенно имелись в культурных центрах и были в руках образованных людей, недопускавших в издаваемых им книгах проявления диалектических особенностей говора писцо̂в или наборщиков. Исключение представляют т. наз. лубочные издания XVIII и XIX вв., печатавшиеся не с набора, а с лубочных досок, на которых текст вырезывался мастерами часто малограмотными. Изготовлением лубочных изданий занимались главным обр. в Москве, и московские лубочные издания дают богатый матерьял для изучения московского и подмосковных говоров XVIII и XIX в. Но давая меньше матерьяла, чем рукописи, для изучения истории живого народного языка, печатные издания не менее их важны для изучения литературного языка; издания, печатавшиеся под наблюдением авторов издаваемых сочинений или по их подлинным рукописям, при утрате авторского оригинала, что̂ бывает обычно, конечно, лучше позволяют судить о языке авторов, чем списки их сочинений, сделанные другими лицами и заключающие искажения первоначального текста.

Литература: Карский, Очеркъ; Он же, Бѣлоруссы, т. I. и III. 2 (только о зап.-р. изданиях); Сопиков, Опытъ россійской библіографіи, 5 томов 1813—1821; новое издание Рогожина 1904—1908 г.; Хронологический Указатель слав.-русскихъ книгъ церковной печати съ 1491—1864 г., вып. 1, изд. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ. М. 1878; Ундольский, Опытъ слав.-русской библіографіи. М. 1871; Каратаев, Роспись . . . и Описаніе старопечатныхъ книгъ съ 1491 по 1730 г., ч. 1. съ 1491—1600 г. Спб. 1878; второе изд.: съ 1491 по 1652 г. Спб. 1883 (Сборн. 34). Отдельных изданий не называю, упомяну лишь следующие:

1. Мелетий Смотрицкий, Грамматики Словенскія правильное Сvнтагма. В Евю 1619. Переизд. несколько раз. В сильно переработанном виде изд. в Москве в 1648 г. См. Засадкевич, М. См., какъ филологъ. Одесса 1883; Булич, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. т. I. Спб. 1904, стр. 174—178; Карский, Бѣлорусы I и III. 2.

2. Книга о ратномъ строеніи. Москва 1647.

3. Уложеніе (царя Алексея Михайловича). М. 1649.

4. Вѣдомости времени Петра Великого. М. и Спб. 1703—1725,

Переизд. в 2 томах, т. I. М. 1903, под ред. Погорелова, т. II. М. 1905 под ред. А. Покровского.

5. **Урбаръ на карп.-р. наречии**, около 1770 г. Переизд. и опис. со стороны правописанія и языка А. Л. Петров, Сборн. 84. 1908 г.

d) Грамоты и письма.

§ 33. Этот род письменных памятников имеет особенно большую цену для истории языка, потому что отражает черты живой речи в бóльшей чистоте, чем бóльшая часть собств. рукописей. Бóльшая часть дошедших до нас старых грамот и писем сохранилась в оригиналах или списках, близких по времени и месту к оригиналам, тогда как собств. рукописи почти всегда являются списками с оригиналов, притом не непосредственными, отделёнными от них рядом промежуточных списков, удалёнными от своих протографов часто на целые столетия и написанными нередко в областях, далеких от места возникновения протографа. Однако при изучении языка по грамотам надо иметь в виду, что в канцеляриях, где писались грамоты, вырабатывался свой канцелярский язык, отличавшийся нередко большой консервативностью и условностью и потому постепенно удалявшийся от того живого языка, на почве которого он возник; что в нём с течением времени вырабатывались свои застывшие формулы, несвойственные живому языку; что в него проникали заимствования и из других, нерусских канцелярских языков. Для русских княжеских канцелярий домонгольской эпохи образцом мог быть язык болгарских царских канцелярий, и они переняли оттуда формулу начала княжеских грамот „Се азъ" с болгарским личным местоим. 1. sg. (ср. Мст. гр. 1130); зап.-р. и ю.-р. грамоты XV—XVII в. изобилуют полонизмами, свойственными современным им польским грамотам, вероятно, в значительно бóльшей степени, чем живой б.-р. и м.-р. языки того времени. Кроме того, содержание многих грамот сводится в значительной части к повторению общих формул: так, договоры новгородцев со своими князьями XIV и XV в. повторяли те же условия, какие заключались еще в подобных же договорах XIII в., несколько их дополняя и детализируя; те старые условия, которые переходили в эти грамоты из предыдущих, часто переписывались без изменения в той формулировке, какая дана была

однажды; то же мы видим и в договорах р. князей и городов с немцами и Литвой, в духовных завещаниях, купчих, вкладных, раздельных и др. актах: для всего вырабатывались определённые формулы, которые рано застывали и переходили из грамоты в грамоту в неизменном виде, хотя бы уже давно не соответствовали современному состоянию живого языка. Ср. в московских грамотах еще в XVII в. такие формулы, как „а на то послуси“ (хотя бы и об одном свидетеле) и др. Это придаёт языку грамот характер искусственности и архаичности и создаёт известную бедность языка, что впрочем не мешает проявлению в нём нередко ярких особенностей живой речи. Встречаются и грамоты менее шаблонного содержания, дающие благодаря этому ценный матерьял для истории языка. К таким, напр., относится обширная грамота рижан в Витебск ок. 1300 г., изд. Срезневским, Древние памятники, и Напьерским, Русско-Ливонские акты, содержащая протест, поданный рижанами Витебскому князю Михаилу Константиновичу против действий его и его наместника.

Более свободным, хотя и не вполне, от условностей и потому близким к живому языку является язык писем, сохранившихся от XV—XVII в. Впрочем, и на нём сказывается иногда книжное влияние, и в нём в то же время вырабатываются известные условные формулы, сковывающие его и удаляющие от живой речи. Но расцвет этой шаблонизации эпистолярного языка, вызвавший появление руководств к составлению писем в роде знаменитого „Письмовника“ Курганова начала XIX в., относится уже к XVIII в.

Грамоты.

§ 34. Старшие сохранившиеся русские грамоты относятся к XII в.[1]); это — дарственная грамота кн. Мстислава Новгородскому Юрьеву монастырю около 1130 г. и духовная Варлаама Хутынского около 1192 г. От XIII сохранился ряд грамот из Смоленска и других городов Сев.-Зап. Руси и из Новгорода; старшая из Смоленских грамот — 1229 г., а из Новгородских — ок. 1263. Старшие сохранившиеся грамоты Московские, Твер-

[1]) О французской грамоте 1063 г. с подписью Анны Ярославны см. выше, в главе о надписях.

ские, Рязанские и ю.-р. — XIV в. От позднейшего времени имеется уже огромное количество грамот самого разнообразного содержания государственных и частных из всевозможных городов и местечек в.-р., зап.-р. и ю.-р.

§ 35. Бо́льшая часть государственных грамот и договоров старшего периода сосредоточена в Москве, Риге и Вильне. В Московском Главном Архиве [Моск. Гл. Арх.] хранятся договоры Новгорода со своими князьями XIII—XV в., духовные завещания и др. грамоты московских великих и удельных князей и царей и др. Рижскому Городскому Архиву [Риж. Гл. Арх.] принадлежит ценное собрание новгородских, смоленских, полоцких, витебских и рижских грамот, главным обр. договоров Новгорода и зап.-р. городов с Ригою и Готским Берегом и их дипломатической переписки. В Вильне сосредоточены, в Виленской Публичной Библиотеке [Вил. Пб. Б-ка] и Виленском Городском Архиве [Вил. Г. Арх.] главным обр. грамоты в. князей литовских и др. грамоты Литовского в. княжества с XIV в. Кроме того, богатые собрания грамот, главным обр. более поздних, имеются в Моск. Архиве Комиссариата (раньше — Министерства) Юстиции [АМЮ.], в рукоп. собрании Моск. Румянцевского и Публичного Музеев (собрания Беляева, Муханова, Румянцева и др.), в отделе архивов Моск. Истор. Музея (главное содержание этого архива составляет частная переписка русских дворян XVIII, XIX и нач. XX в. и их родовые архивы), в Петроградском Государственном Архиве, в б. Русской Археографической Комиссии (теперь — отдел Академии Наук) [Арх. Ком.], в архивах Варшавы, Кракова, Львова, в некоторых польских частных архивах — Сангушков, Оссолинских, Чарторыйских и др. и во многих других городских, церковных, монастырских и частных архивах.

Литература. Указатели существующих собраний грамот см. Карский, Очерк [1] и [2]; Он же, Бѣлоруссы I и II. 1; Соболевский, Лекціи; Он же, Слав.-р. палеографія. Список грамот и их изданий: Карский, оо. сс.; Он же, Варш. Унив. Изв. 1903. IV.

Издания и описания грамот: 1. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ (изд. Арх. Ком.). Спб. 1813 [СГГрД]; 2. Акты Юридическіе, изд. Арх. Ком. [АЮ]; 3. Акты Археографической Экспедиціи; 4. Напьерский, Грамоты касающіяся

до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вв., найденныя въ Рижскомъ архивѣ. Изд. Арх. Ком. Спб. 1857, со снимками [Гр. кас.]; 5. Он же, Русско-Ливонскіе Акты. Спб. 1868 [РЛА] (грамоты Новгородские, Смоленские, Полоцкие, Рижские и др. XIII—XIV вв.); 6. Лихачов, Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и библіотекахъ. I. Духовные и сговорные грамоты. II. Грамоты правые. Спб. 1895 [Лихачов, Сб.]; 7. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, несколько томов (т. I. М. 1869); здесь ряд грамот издан полностью напр., в т. IV. Грамоты и акты Архива М. Ю.) [Описаніе АМЮ]; 8. Мейчик, Грамоты XIV—XV в. Моск. Архива Министерства Юстиціи. М. 1883 [Мейчик]; 9. Каталогъ актовъ XIV, XV, XVI и XVII в., принесенныхъ въ даръ Моск. Публичному Музею П. А. Мухановымъ. Спб. 1865 [Кат. Мух.]; 10. Лебедев, Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Ю. Бѣляева. М. 1881 г. [Лебедев] (здесь напечатаны полностью некоторые из старших грамот этого собрания) и мн. др. Большое количество грамот издано во многих томах Русской Исторической Библіотеки, издав. Арх. Ком. [РИБ], Лѣтописи Занятій Арх. Ком. [Лѣт. Зан.] и в Чтеніях въ ОИДрР. К сожалению, почти во всех изданиях текст напечатан без соблюдения палеографической точности. Из изданий снимков с грамот назову: 1. Маркс, Двѣ старѣйшихъ русскихъ грамоты въ дошедшихъ до насъ подлинникахъ. Древности И. Моск. Археолог. О-ва XXIV. М. 1913 (Мстиславова 1130 г. и Хутынская 1192 г.); 2. Соболевский и Пташицкий, Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ, преимущественно XIV в. Изд. Петрогр. Археолог. Института. Спб. 1903 [Соб. и Пташ.]; 3. старое изд.: Сахаров, Образцы древней письменности XII—XVIII в. 1841 [Сахаров, Образцы]. Ср. также Напьерский, Грам. кас. Об изданиях грамот новгородских, двинских, зап.-русских и ю.-русских и об изданиях отдельных грамот см. § 36.

§ 36. Отдельные грамоты и группы грамот и их издания.

1. Мстиславова ок. 1130 г. [Мст. гр.] (до революции — Юрьев монаст. ок. Новгорода). Правописание грамоты выдер-

жанное цсл.; диалектических черт в языке не заметно. Изд. много раз, между прочим в Хрестоматиях Буслаева и моей. Снимок у Маркса (см. § 35) и др.

2. Варлаама Хутынского после 1192 г. [Хут. гр.], вкладная Хутынскому монастырю (до революции — Хутынский монаст. близ Новгорода). Изд. несколько раз, между прочим в моей Хрестоматии. Снимок — у Маркса (см. § 35.) В правописании грамоты есть о вм. ъ в сочетании ол и др.; написание ц вм. ч только один раз в слове цъто; впрочем, это слово, прочитанное Срезневским, в настоящее время разобрать нельзя, и трудно сказать, насколько чтение Срезневского верно.

3. Смоленские, Полоцкие и Рижские XIII и XIV вв. (Риж. Г. Арх., кроме трёх; из них одна, смоленская 1359 г., — в Моск. Гл. Арх. и одна, смоленская 1386 г., — в архиве Чарторыйских в Варшаве). По языку все принадлежат к одной группе: во всех имеется смешение ц и ч, указывающее на то, что Смоленскому и Полоцкому говору XIII—XIV в. было свойственно с.-р. совпадение с и č, неизвестное теперь ни в Смоленске, ни в Полоцке, но сохранившееся к северу от этих городов в пределах старых Смоленского и Полоцкого княжеств. Во всех их имеется смешение оу и въ перед согласными и употребление е вм. ѣ во всех положениях; все имеют о и е вм. ъ и ь, втом числе и в сочетаниях ол, ор, ер. Старшая, смоленская 1229 г., сохранилась в 5 списках — A, B, C, D, E; из них A и B современны договору, C и D приблизительно середины XIII в., а E, с припиской 80-ых годов XIII в., писана тем же лицом, что̀ и приписка. Почти все изд. Напьерский, РЛА, но только одну — 1229 г., по спискам A, B, C, D — с палеографической точностью. Те же грам. имеются в его же Грам. кас. Смоленская грам. 1230, одна из смоленских грам. 1284 и грам. рижан в Витебск ок. 1300 г. изд. у Срезневского, Древніе памятники. В моей Хрестоматии — грам. 1229 г. по списку A перепечатана из РЛА Напьерского. — Снимки с некоторых смоленских грамот: Сахаров, Образцы; Напьерский, Грам. кас.; Соб. и Пташ. Перечень — у Карского, Очеркъ[1] и Бѣлоруссы I. 357 слл. — Иссл. Соболевский, Смоленско-Полоцкій говоръ въ XIII и XIV стол. РФВ. XV; Карский, Бѣлоруссы II. 1, 2, 3; Вино-

градов, Изслѣдованія, стр. 270—281; Тимчинова, К хронологии явлений, предшествующих аканью (о смешении о и е с ъ и ь в грам. 1229 г.). Уч. Зап. Высшей Школы г. Одессы. Отд. гуманитарно-обществ. наук, т. II, Посвящ. проф. Б. М. Ляпунову. Одесса 1922.

4. Новгородские эпохи независимости, XIII—XV в. *a*) договоры и дипломатическая переписка с немцами и датчанами (бо́льшая часть — в Риж. Г. Арх., один из списков договора 1301 г. и договор около 1375 г. — в Моск. Рум. М.); старший — договор Александра Невского с немцами 1262—1263 г.; изданы Напьерским, РЛА; *b*) договоры новгородцев со своими князьями (Моск. Гл. Арх.); старший — с кн. Ярославом Ярославичем 1264—1265 г.; изданы и исследованы со стороны языка Шахматовым, Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ. Спб. 1885 (Изслѣд. по р. яз. I.); *c*) остальные грамоты, частные, хранятся в разных местах; старшая — духовная новгородца Климента, изд. Срезневским, Свѣд. и Зам. 35. — Иссл. (кроме назв. Шахматова): Виноградов, Изслѣдованія, стр. 171—245, 390—403. В правописании новгор. грамот имеется ряд общих черт, в роде смешения ц и ч, отражающих диалектические особенности новгородского говора, но есть и различия (наприм., в употреблении ѣ и е), указывающие на различные говоры или разные стадии в развитии одного говора.

5. Московские XIV—XVII в. К XIV в. относятся *a*) договоры моск. в. князей с удельными и с Литвой (Моск. Гл. Арх.), старшая — договор Симеона Гордого с братьями 1340 г.; *b*) духовные моск. в. князей, старшая — 1-я духовная в. кн. Ивана Калиты ок. 1328 г.; *c*) жалованные и дарственные моск. великих и удельных князей (Моск. Оруж. Палата, АМЮ. и др.); *d*) духовная митр. Алексея до 1378 г. (до революции — Чудов монаст.). Моск. грамот после XIV в. очень много, бо́льшая часть — в Московских архивах (Моск. Гл. Арх., АМЮ., собр. Муханова, Беляева и Румянцева в Рум. Музее и др.); значительная часть их еще не разобрана. В Патр. Б-ке (Моск. Ист. М.) есть два обширных сборника XV и XVI в., № 562 и 791 (см. § 31, №№ 231 и 256), содержащие копии с грамот московских митрополитов и других архиереев XV и XVI в. Изд. — СГГрД, Описаніе АМЮ,

Мейчик, Лебедев, Лихачов, РИБ, Лѣт. Зан., Чт. въ ОИДрР, Акты Моск. Государства, изд. И. Акад. Наукъ подъ ред. Н. А. Попова (Т. I. 1890) и др. — Снимки: Соб. и Пташ., Сахаров, Образцы; снимок с огромной грамоты 1613 г. об избрании на царство Михаила Феодоровича Романова изд. ОИДрР. М. 1904. Текст — Чт. въ ОИДрР. 1906. 3. — Иссл. о языке: 1. Васильев, Къ исторіи звука ѣ въ Московскомъ говорѣ XIV—XVII вѣковъ. Изв. X. 2. стр. 177—227; 2. Он же, Нѣсколько данныхъ для опредѣленія звукового качества буквы ѣ и пр. Изв. XV. 3, стр. 188—219; 3. Виноградов, Изслѣдованія. 4. Стрелков, О языке семи древнейших завещаний Московских великих князей XIV века. Пермь 1927 (Изд. О-ва философских, исторических и социальных наук при Пермском Госуд. Университете).

6. Рязанские эпохи независимости, XIV в. — *a)* Жалованная Ольга Ив. Рязанского 1356 [АМЮ.]. Изд. в моей Хрестоматии. Снимок изд. Моск. АМЮ. В правописании грамоты можно отметить название села „Арестовское", указывающее своим начальным а на аканье (не писцов грамоты, а того района, где лежало село), и прош. на -въ: сгадавъ, возрѣвъ, напоминающие нынешнее м.-р., б.-р. и вологодское произношение этих форм с конечным u неслоговым, но неизвестное нынешним ни ю.-в.-р., ни бо́льшей части с.-в.-р. говоров; диалектизмов, которые указывали бы на говор, однородный по происхождению с нынешними говорами на территории старой Муромо-Рязанской земли, в грамоте не заметно. *b)* Его же поручная запись королю Володиславу 1393 г., писанная белоруссом. Изд. в снимке Соб. и Пташ.

7. Псковские эпохи независимости. В подлиннике сохранилась только одна — кн. Ивана Александровича 1463—1465 г. (Риж. Г. Арх.), отражающая в своём правописании те же характерные черты псковского говора, что̀ и другие псковские памятники XIV и XV в. Изд. и опис. Шахматов, Изв. 1912, 3, стр. 346—350. — Правая грамота кн. Ярослава Ярославича 1483 г. сохранилась в списке XVI—XVII в сборнике Погодина № 1912 (Петр. Пб. Б-ка); изд. в АЮ, № 2. — Псковская Судная грамота сохранилась в списке нач. XVII в. в собр. кн. Воронцова

в Одессе; изд. в снимке Мурзакевичем, Одесса 1868. Обе грамоты иссл. Каринский, Язык Пскова. Особенности правописания их — те же, что и в других псковских памятниках.

8. Тверские эпохи независимости. Может быть, к тверским следует относить некоторые договоры новгородцев с тверскими князьями (Моск. Гл. Арх.), изд. Шахматовым (Изслѣд. о языкѣ Новгор. гр., см. № 5). Безусловно тверская — жалованная князей из рода Михаила Ярославича Тверскому Отрочу монастырю до 1365 г. (до революции — Отроч монаст.).

9. Ярославская эпохи независимости — жалованная кн. Василия Давидовича Спасскому Ярославскому монаст. до 1345 г. (Ярославль, Спасский монаст.)

10. Двинские XV в., из разных мест Двинской области (по течению р. Сев. Двины) (хранятся в разных местах). Изд. 1. вместе с исследованием Шахматов, Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ XV в. Спб. 1903 (Изслѣд. по р. яз., т. II); 2. Сибирцев и Шахматов, Еще нѣсколько Двинскихъ грамотъ. Спб. 1909 (ib.). Язык двинских грамот обнаруживает сходство не столько с нынешними говорями нижнего течения Двины, сколько с говорами в верхнем течении Сев. Двины и по течению р. Сухоны.

11. Грамоты из разных мест Московского государства XV—XVIII в. Таких грамот сохранилось огромное количество. Многие из них еще не разобраны. Часть их издана там же, где и московские грамоты. Будучи писаны в разных частях в.-р. области, они дают ценный матерьял для истории в.-р. говоров, к сожалению до сих пор почти не использованный с этой целью. Показания в.-р. грамот XVI—XVII в. привлекаются только в немногих работах и то в очень ограниченном количестве. Таковы, напр., работы: Зеленин, Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задненебныхъ согласныхъ. Спб. 1913; Виноградов, Изслѣдованія; Селищев, Діалектологическій очеркъ Сибири. Иркутск 1921 (ср. рец. Пруссак, Изв. XXVI и ответ Селищева, Изв. XXVIII), Григорьев, Устройство и заселеніе Московскаго тракта въ Сибири съ точки зрѣнія изученія русскихъ говоровъ. Томск 1921.

12. Западнорусские XIV—XVII в. [между прочим в Моск. Гл. Арх. и АМЮ (т. наз. акты Литовской Метрики), в Вил. Арх.

и Пб. Б-ке, в арх. Чарторыйских в Кракове, Сангушков в Словуте, в Институте Оссолинских во Львове и др.]. Сведения об них и их изданиях — у Карского, Бѣлоруссы, I и II. 1, характеристика их языка ib., также во II. 2. 3. Наиболее удовлетворительно изд. акты Литовской Метрики: Довнар-Запольский, Документы Моск. АМЮ., т. I. Акты Литовской Метрики 1441 — конца XVI в. М. 1897, а также старшие грамоты Литовского в. княжества он же, Акты Литовско-Русскаго Государства, вып. I (1390—1529), Чт. въ ОИДрР. 1899. — Снимки: 1. Соб. и Пташ.; 2. Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся в Виленскомъ Центральномъ Архивѣ и Виленской Публ. Б-кѣ, в. I (1432—1548). Вильно 1884, и др.

13. Южнорусские XIV—XVII в. (по большею частью там же, где и предыдущие). Некоторые издания: 1. Розов, Южно-русскія грамоты т. I. Киев 1917 [1]; 2. Акты, относящіеся к исторіи Южной и Западной Россіи, изд. Арх. Ком., т. I (1361—1598). Спб. 1863; т. II (1599—1637); 3. Архивъ Юго-Западной Россіи, несколько томов; 4. Памятники, изданные Временною Комиссией для разбора древнихъ актовъ; 5. Головацкий, Памятники дипломатического и судебно-дѣлового языка русского въ древнемъ галицко-володимерскомъ княжествѣ въ XIV—XV столѣтіяхъ. Львов 1867 (Науковый Сборникъ Галицко-Русской Матицы 1865—1867 г.); 6. Ульяницкий, Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи и Турціи въ XIV—XVI вв. Чт. в ОИДрР. 1887; 7. Модзалевский, Актовыя книги Полтавскаго городового уряда XVII в., вып. 1. Справы поточныя. 1664—1671. Чернигов 1912; 9. Крымский, Украинская грамматика, т. I, вып. 2. М. 1908; 10. Он же в книге: Шахматов-Кримський, Нариси; 11. Свенціцкий, Нариси з історії української мови. Львов 1920. — Снимки с некоторых старших грамот, XIV и XV в.: Соб. и Пташ. — Иссл.: Розов, Значеніе грамотъ XIV и первой половины XV в. для исторіи малорусскаго языка. Киев 1907 (Унив. Изв.); Он-же, Изслѣдованіе языка южнорусскихъ

[1]) Издание не было выпущено в свет и хранится на складе у издателя; только немногие экземпляры оказались на руках у некоторых киевских учёных.

грамотъ XIV и первой половины XV в. Унив. Изв. 1913, окт. Киев; Он-же, Зап. НТШ. 77 и 78.

§ 37. Частная переписка.

Сохранившиеся памятники этого рода относятся главным обр. к позднейшим столетиям, начиная с XV в., что не мешает им быть особенно ценными для историка языка, в виду тех достоинств, о которых уже сказано выше. Хранятся они в разных местах; в последнее время, благодаря революции, много ценных помещичьих и вообще дворянских архивов, содержащих частную переписку дворян, нередко начиная с XVII в., сосредоточено в немногих центральных учреждениях; самым обширным из них является, кажется, отдел архивов Моск. Истор. Музея. В Моск. Главном Архиве и в Румянцевском Музее, в собраниях Румянцева и Муханова, имеются между прочим письма московских в. князей, царей и бояр, начиная с конца XV в. Много подобного матерьяла и в Петроградских архивах и в родовых архивах польской шляхты. Издавалась частная переписка чаще в следующих изданиях: 1. Акты Историческіе (здесь, между прочим, письма московских в. князей, царей и бояр XV—XVII в.); 2. Лѣт. Зан. (между прочим: Барсков, Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества [т. 24. 1912], содержащие среди других документов переписку дворян Леонтьевых, письма боярыни Морозовой и др.); 3. РИБ; 4. Чт. въ ОИДрР. (кроме более или менее обширных собраний, как напр. приложения к работе Арсеньева, Ближній Бояринъ кн. Н. И. Оболенскій и его переписка съ Галицкой вотчиной, XVII в., Чт. въ ОИДрР 1903. 2, отдельные письма и записки печатались также в отделе Смѣсь); 5. Старина и Новизна, непеWhile ріодическіе сборники О-ва Ревнителей Историч. Просвѣщенія въ память импер. Александра III (здесь, напр., переписка Хованских 1645—1682 г. в книге 10 и архив рода Михалковых за 1613—1631 г. в книге 17. 1914 г.); 6. Сборник Муханова (содержит письма царя Алексея Михайловича к стольнику Матюшину); 7. Русскій Архивъ; 8. Русская Старина (в обоих журналах — документы главным обр. XVIII и XIX в., обыкновенно изданные без соблюдения правописания).

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ И ОРИГИНАЛЬНЫЕ СОЧИНЕНИЯ.

§ 38. Как указано выше, несмотря на старания русских переводчиков и писателей подражать языку ю-сл. переводов и писать на цсл. языке, всё же язык русских переводов и оригинальных сочинений древнего периода отличался в той или другой мере от языка памятников ю.-сл. происхождения; эти отличия дают себя чувствовать даже в поздних списках. Поэтому для историка языка важно выделить из общей массы памятников русские переводы и оригинальные сочинения и определить время их возникновения. Это выделение представляет ряд трудностей, особенно для памятников древнейшего периода, потому что до сих пор не установлены признаки, позволяющие решительно отнести памятник или перевод к числу либо русских либо ю.-сл.

А. Русские переводы XI и XIII в.

§ 39. В летописи есть указания на организацию на Руси переводного дела в. кн. Ярославом Мудрым в 1037. На основании этого указания летописи можно думать, что самые древние р. переводы не старше этого года. До XIV в. переводы на Руси делались почти исключительно с греч., хотя, повидимому, были переводы и с других языков, по крайней мере, с евр.[1]) и с лат.[2]) Бóльшая часть переводов этой эпохи не имеет указаний на национальность переводчика и время и место перевода; всё это

[1]) Сюда относится старый перевод книги Есфирь. (См. § 41. 25).

[2]) Повидимому, сюда относится сказание об Индейском царстве. (См. § 41. 24). К домонгольским переводам Соболевский, Особенности русскихъ переводовъ, относит повести о Шахаише и Динаре (см. § 41. 35, 36). Обе во всяком случае не переведены ни с греч., ни с лат., ни с евр. Повесть о Шахаише, повидимому, проникла на Русь непосредственно из Персии, а повесть о Динаре представляет самостоятельную и вряд ли старую обработку грузинского сюжета. Григорьев, Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ, М. 1913, считает повесть об Акире ю.-р. переводом непосредственно с сирийского, но это предположение основано на незнакомстве с сирийским языком и техникой русских и ю.-сл. переводов с греч. Ряд особенностей слав. текста решительно указывает на греч. оригинал. Греч. же перевод, действительно, был сделан с сир., как указал акад. П. К. Коковцов на моём диспуте в 1916 г.

приходится определять по внутренним признакам, руководясь главным образом показаниями языка переводного памятника, причем приходится считаться с тем, что русские переводчики переводили не на р., а на цсл. язык, что с другой стороны р. писцы вносили руссизмы и в списки ю.-сл. переводов и наоборот писцы, начитанные в ю.-сл. переводной литературе, могли устранять при переписке и те руссизмы, которые находились в переписываемых ими русских переводах. Значительная часть переводных памятников, переведённых по мнению учёных в домонгольскую эпоху, сохранилась лишь в поздних списках: так, Повесть об Акире, История Иудейской войны Иосифа Флавия, Сказание о построени Софии Цареградской сохранились в списках не старше XV в., Девгениево Деяние — только в списках XVIII в. Говоря о р. переводах, повидимому, следует различать два случая: *a)* переводы, сделанные нерусскими славянами при участии русских и *b)* переводы, сделанные русскими переводчиками более или менее самостоятельно. Если организация переводного дела при Ярославе была поставлена так широко, как это представляет себе акад. Истрин[1]), то вряд ли это дело могло быть выполнено сколько-ниб. удовлетворительно одними русскими силами, и необходимо было обратиться за помощью к ю. славянам. Думаю, что к таким переводам, сделанным ю. славянами при участии русских, относятся между прочим переводы греч. нестишного синаксаря, составляющего основную часть слав. Пролога, Хроники Георгия Амартола, Александрии русских хронографов, Повести об Акире и др. Самостоятельно русскими переводчиками, повидимому, сделаны переводы Церковного Устава и Истории Иосифа Флавия. Бо́льшая часть р. переводов, относимых учёными к домонгольской эпохе, носит следы ю.-р. происхождения, заставляющие предполагать, что они возникли скорее всего или в Киеве или в Галиче (менее данных в пользу третьего культурного центра Ю. Руси — Чернигова, как места, где также могли возникать подобные переводы). Указаний на то, что подобные переводы делались и в сев.-р. или зап.-р. культурных центрах, мы не находим.

§ 40. При отнесении того или другого переводного памят-

[1]) Хроника Георгия Амартола, II.

ника к числу переводов русских учёные обыкновенно исходят из употребления в русских списках подобных памятников ряда слов, предположительно русских, неизвестных памятникам ю.-сл. происхождения (Срезневский[1]), Соболевский[2]), Сперанский[3]), Григорьев[4])). Попытка Истрина[5]), не ограничиваясь этим, привлечь для доказательства р. перевода также и правописание старших русских списков памятника, должна быть признана неудачной. Но и метод, базирующийся только на словарных особенностях русских списков переводного памятника, не может считаться достаточно надёжным, пока не приведён в известность словарный матерьял цсл. переводов и сочинений древнейшего периода нерусского происхождения, и пока не исключена возможность того, что русские слова, приводимые в доказательство русского происхождения перевода, внесены русскими писцами или редакторами в текст ю.-сл. перевода. Кроме того, нередко исследователи, обращая внимание на встречающиеся в переводном памятнике слова, по их мнению, русские, не принимают во внимание их остального словарного состава, иногда резко отличного от словарного состава памятников несомненно русских. При всём том русское происхождение значительной части переводов, признаваемых обычно русскими, можно считать весьма вероятным, и в некоторых случаях несомненным[6]).

§ 41. Наиболее полный список предположительно русских переводов домонгольского периода дал Соболевский, Особенности русскихъ переводовъ, Небольшие дополнения к нему находим в работах Истрина. Перечислю русские и предположи-

[1]) Свѣд. и Зам., во многих местах.

[2]) Особенности русскихъ переводовъ.

[3]) Девгениево Деяние (Сборн. 99), Переводные сборники изреченій. М. 1904.

[4]) Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ. М. 1913.

[5]) Хроника Георгія Амартола II. Петрогр. 1922.

[6]) Несомненно русскими или сделанными при участии русских не позже XIII в. мне представляются переводы №№ 1, 4, 6, 8, 9, 10, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 24, 25, 31, 32, 35. Русское происхождение большей части остальных мне кажется весьма вероятным. Повидимому, к числу р. переводов этого времени надо отнести и некоторые другие цсл. переводные памятники, известные по р. спискам.

тельно русские переводы, руководясь, главным образом, списком Соболевского; в скобках сокращённо называю учёных, относящих назв. памятник к числу р. переводов: С — Соболевский, Особенности русскихъ переводовъ. Сп — Сперанский, Исторія др. р. литературы I, М. 1920, и др.; Ср — Срезневский, Древніе памятники, Свѣд. и Зам.; И — Истрин, Очерк истории др.-р. литературы Киевского периода. Петрогр. 1922, и др.

1. Церковный Устав Студийский в редакции патр. Алексия; переведён Ефремом Печерским по поручению Феодосия Печерского между 1062—1074 г.[1]) (С. Сп.)[2]). Старшие списки — *a)* отрывок в У 142 XI в. (Р 24)[3]) и *b)* полный в У 330 XII в. (Р 62). Все списки содержат много руссизмов не только в словоупотреблении, но и в фонетике, морфологии и синтаксисе.

2. Огласительные поучения Феодора Студита (С, Владимиров). Переведены, вероятно, при Феодосии Печерском. († 1074). Старший список — Моск. Дух. Акад. № 4—52, XIV в.

3. Житие Феодора Студита (С). Переведено, вероятно, при Феодосии Печерском. Старший список в Выголексинском сборн. XII в. (Р 70).

4. Житие Андрея Юродивого. Переведено, повидимому, в XI в. (Ср. С. И. Сп.). Старшие списки *a)* извлечения — в Прологах XIII—XIV в. по дпервыми числами окт. (Р 79), *b)* полный список — Тип. 378. XIV—XV в. См. Срезневский, Свѣд. и Зам. 87.

5. Житие Василия Нового (И). Переведено не позже серед. XI в., потому что извлечения из него есть уже в Начальной Летописи под 941 г. Старший текст изд. Вилинский, Житіе Василія Новаго. Одесса 1913. См. Истрин, ЖМНПр. 1913; Он же, Лѣтописныя повѣствованія о походѣ Игоря на Царьградъ. Изв. XXI. 2; Он же, Гдѣ было переведено Житіе Василія Новаго, ib. XXII. 2; Он же, Замѣчанія, Изв. XXVI, стр. 70—75, XXVII, стр. 249.

[1]) См. Житие Феодосия Печ. в УС, л. 37 b, изд. Шахматова и Лаврова, М. 1899, стр. 57.

[2]) Перевод сделан в Царьграде. Соболевский ошибочно относит У 142 и У 330 к разным переводам.

[3]) В скобках с буквою Р — №, под которым указываемая рукопись названа выше в § 31.

6. Житие Стефана Сурожского. Переведено в XI в. (С); сохранилось лишь в поздних списках. Изд. Васильевский, Русско-Византійскія изслѣдованія II.

7. Житие Нифонта. Старший список — в Выголексинском сборн. XII в. (Р 70); старший датированный — 1219 г. (Р 83).

8. Чудеса Николая Чудотворца (кроме 5 чудес, сказания о которых являются оригинальными русскими). Предполагают, что перевод стоит в связи с установлением на Руси празднования дня перенесения мощей Николая Чудотворца в Бари (9 мая) в конце XI в. (после 1087) (С. Сп.). Старший список 8 чудес — в т. наз. Златоструе XII в. (Р 68), полный — в сборн. Тр. Л. 9, XIV в. (Р 181). См. Сперанский, Изв. XXVI.

9. Слово о перенесении мощей Николая Чудотворца. По мнению Соболевского, переведено с греч. в конце XI в.; по мнению других — оригинальное произведение еп. Ефрема Переяславского. Старшие списки — в сборн. Тр. Л. 9 (Р 181) и Увар. 1045 (Р 182), оба XIV в.

10. Житийная часть нестишного Пролога, т. е. перевод греч. нестишного синаксаря (Ср. С. Сп и др.), не позже XII в., точнее, между 1132—1200 г. По мнению Соболевского, перевод сделан в домонгольской Руси; по мнению Сперанского, Изв. XXVI, 188, перевод представляет „совмѣстную работу нѣсколькихъ переводчиковъ славянъ, въ числѣ коихъ былъ русскій" и сделан, вероятно, в Царьграде. Старший р. список — Соф. № 1324, XII—XIII в. (Р 79), старший р. датированный — Хлуд. 1262 года (Р 89). Изд. часть по болг. списку 1339 г., Погод. 58, Розановым и ПДрП. 135, 1916. Литературу о Прологе см. у Серебрянского (назв. выше, Р 79, примеч.).

11. Сказание о создании храма Софии в Царьграде. Перевод не позже XII в. (С). Старший список — Увар. XV в., изд. Леонидом в ПДрП. Ср. также Вилинский, Изв. XIII. 3 и Лѣтоп. Ист.-Филолог. О-ва при Новоросс. Унив. VIII.

12. Пандекты Никона Черногорца (Ср. С. Сп.), старший список — Ярославский XII—XIII. в. (Р. 77), старший датированный — Патр. 1296 г. (Р 98).

13. Толкования Никиты Ираклийского на слова

Григория Богослова (С). Старшие списки: *a)* отрывок в Толст. сборн. XIII в. (Р 113), *b)* полный — в Патр. 954, XIV в. (Р 168).

14. Пчела. Перевод относят ко 2-й полов. XII в. (С. Сп.). Старшие р. списки — XIV в., в том числе — выборка из Пчелы в Троицком Мериле Праведном № 15, XIV в. (Р 171). К XIV в. относятся и сербские выборки из того же перевода Пчелы. По р. списку XIV—XV в. изд. Семенов (см. Р. 189). О переводе см. Сперанский, Переводные сборники изреченій. М. 1904, стр. 329 (из Чт. въ ОИДрР.); Он же, Изв. XXVI, стр. 190—192.

15. Разуми краткострочнии Менандра Мудрого. Переведены, повидимому, одновременно с Пчелой (С. Сп.). Старшие р. списки — XV в., но обширные извлечения из того же перевода имеются в срб. сборнике XIII в. попа Драголя. Р. тексты изд. Jagić, Menandersentenzen usw. Sitzungsber. d. Wien. Akad., phil.-hist. Kl., B. 127, и Семенов в ПДрП. 88, 1892. См. Сперанский, оо. сс.

16. История Иудейской войны Иосифа Флавия (Ср. С. И. Сп. Перетц). Перевод не позже конца XII в., ю.-р. (галицкий?); отмечают стилистические совпадения между этим переводом с одной стороны и Словом о полку Игореве (1185 г.) в Волынской летописью (XIII в.) с другой (Барсов[1]), Орлов[2]), Перетц[3]) и др.). Старшие списки: *a)* 1-я книга в Арх. Хронографе XV в. (Р 222), *b)* полный текст — Барс. 633. XV в., Волокол. 227 (651) XVI в., Кир.-Бел. 64. 1303. XVI в. Отрывки изд.: 1. Срезневский, Свѣд. и Зам. 84, 85; 2. Истрин, Иудейская война Иосифа Флавия в древнерусском переводе. в Уч. Зап. Высшей Школы г. Одессы, отд. гуманит.-обществ. наук. II. 1922. О месте и времени перевода — он же, ib.

17. Девгениево Деяние, перевод греч. поэмы X в. о Василии Дигенисе Акрите (С. Сп.); сделан не позже конца XII в. в Ю. Руси (в Галиче?); стиль перевода обнаруживает большое сходство со стилем Волынской летописи и, отчасти, Слова о полку Игореве. Список Девгениева Деяния был в сгоревшем Мусин-

[1]) Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. I—III. М. 1887—1890.

[2]) К вопросу об Ипатьевской летописи, Изв. XXXI, стр. 117—124.

[3]) К изучению Слова о полку Игореве, Изв. XXIX, стр. 43—55.

Пушкинском сборн. XVI в., заключавшем Слово о полку Игореве, Повести об Акире и Шахаише и Сказание об Индейском царстве. Сохранившиеся доныне два списка оба поздние и неполные, XVIII в.; первоначальный вид текста сохранился более или менее лишь в одном, Тихонр.; другой, Погод. 1773, обнаруживает следы позднейшей переработки. См. Сперанский, Девгеніево Дѣяніе. Петрогр. 1922 в Сборн. 99, где изданы оба списка.

18. Повесть об Акире (С. Сп. И. Григорьев. Дурново); перевод ю.-р., не позже нач. XIII в., так как заимствования из повести есть в Молении Даниила (ок. 1230 г.). Так как руссизмов в переводе сравнительно немного, то возможно, что р. переводчик переводил не один, а вместе с нерусским славянином. Старший р. список — ОИДрР. 189 (Р 227), конца XV в., часть повести, именно — поучение Акира Анадану, но без этих имён, сохранилось в двух русских сборниках XV в. Старший срб. список переработанной редакции, восходящий к тому же переводу — 1468 г. Кроме литературы, указ. выше (Р 227), см. Дурново, разбор книги Григорьева. Изв. XX. 4; Сперанский, Изв. XXVI, 195—196.

19. Александрия русских хронографов[1]), наз. также Псевдокаллисфеновой (С. И.). Старшие списки в Арх. Хронографе XV в. (Р 222) и Виленском Хронографе XV—XVI в. (Р 223).

20. Хроника Георгия Амартола; переведена не позже середины XI в., так как заимствования из этого перевода имеются уже в древнейшей редакции Начальной летописи; сделан в Ю. Руси нерусским славянином при самом незначительном участии р. переводчика. Не исключена возможность и того, что русские в середине XI в. получили из-за-границы уже готовый перевод, и что руссизмы старшей известной нам редакции этого перевода принадлежат не участнику перевода, а р. редактору. Старший список — т. наз. Троицкий XIII в. (Р 111). Русским считает перевод Хроники Истрин; Соболевский и Вейнгарт считают его болгарским, что̀ мало вероятно, Лавров — моравским. К указ. выше литературе добав.: Шахматов, Разысканія о древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, Спб. 1908; Истрин, За-

[1]) Т. е. той редакции, которая находится в р. хронографах.

мѣчанія о началѣ русскаго лѣтописанія. Изв. XXVI, 67—77 (о летописных заимствованиях из Хроники Г. Амартола).

21. Хроника Георгия Синкелла, перев. не позже серед. XI в.; заимствования из неё есть в Начальной Летописи(И.) Единственный полный список — Унд. 1289. XV в., отрывок — в сборн. Патр. 154, XIV в. См. Истрин, Изъ области др.-р. литературы. ЖМНПр. 1903. авг. 382—411; Weingart, Byz. Kroniky. I.

22. Летописец вскоре патр. Никифора, особый перевод, отличный от болг. перевода Симеоновской эпохи, выдержка из которого сохранилась в И 73. Старший список этого особого перевода в Кормчей 1282 г. (Р. 94) — не столько перевод, сколько его сокращенная переделка; может быть, следы самого перевода представляет выдержка из „Летописца" Никифора в Начальной летописи (Степанов). Редакция „Летописца" в Кормчей 1282 г. — работа р. редактора, повидимому, середины XII в.; самый перевод — не позже серед. XI в. и мог быть также русским. См. Степанов, Лѣтописецъ вскорѣ патр. Никифора. Изв. XVII. 2 и 3; Белокуров, Чт. в ОИДрР. 1908; Weingart, Byz. Kroniky I. 58—60.

23. Откровение Мефодия Патарского, особый перевод не сохранившийся полностью, но использованный Начальной Летописью в XI в. (И); к нему, по мнению Истрина, кроме выдержек в Повести временных лет, относится и начало р. списка Патр. № 591, продолжение которого представляет текст 1-й редакции болг. перевода. См. Истрин, Откровеніе Мефодия Патарского и Летопись. Изв. XXIX. 380—382.

24. Сказание об Индейском царстве, переведено во 2-й полов. XII, по мнению Соболевского, с латинского (С); по мнению Истрина, к которому примыкает и Сперанский, перевод не русский, а зап.-сербский. Старшие списки — XVI в. Изд. Истрин, Сказаніе объ И. ц. Древности. Труды Слав. Комиссіи И. Моск. Археолог. О-ва, т. I. М. 1896. О происхождении перевода см. Истрин, о. с.; Он же, Къ исторіи заимствованныхъ словъ и переводныхъ повѣстей. Одесса 1905; Соболевский, Къ исторіи заимствованныхъ словъ и переводныхъ повѣстей. Изв. X 2.

25. Книга Есфирь в переводе с еврейского (С[1]). Перевод не позже нач. XII в., сохранился в списках XIV в.; позднее вошол в состав Геннадиевской Библии 1499 г. См. Евсеев, Замѣтки по древнеслав. переводу Св. Писанія. 1—2. Извѣстія (Bullétins) Акад. Наук 1898, т. VIII, № 5, замѣтка 2-я; Он же, Книга прор. Даніила в переводѣ жидовствующихъ. Чт. в ОИДрР. 1902 (и отдельно: О ереси жидовствующихъ М. 1902); Соболевский, Переводная литература Московской Руси (переводам книги Есфири здесь посьящена особая глава).

26. Христианская Топография Козмы Индикоплова. (С. И. Сп.). Перевод относят к XII—нач. XIII в. Старшие списки: *a*) отрывок в Кормчей 1282 г. (Р. 94), *b*) полный текст, с иллюстрациями, — XVI в., изд. в снимке ОЛДрП. в 1886 г.

27. Физиолог 2-й ред. (С). Старший список — Увар. XVI в. Изд. Карнеев, Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога. ПДрП. Спб. 1890.

28. Апокрифич. Исход Моисеев (С). Сохранился лишь в поздних списках. Изд. Тихонравов, Памятники отреч. литературы I.

29. Апокрифич. сказания о Соломоне (С). Вошли в состав Толковой Палеи со 2-й половины XV в.; в старших списках Толк. Палеи отсутствуют. Поздние списки и переработки сказаний о Соломоне очень часты. Изд. Тихонравов, о. с. и др.

30. Апокрифич. сказание о Макарии Римском (С). Старший список — в Паисиевском сборн. XIV—XV в. (Р. 192). Изд. Тихонравов, о. с. II.

31. Кормчая 14 титулов без толкований. Переведена, повидимому, в серед. XI в. (Павлов, Сп.). Старший список — ЕК XII в. (Р. 63). См. Срезневский, Обозрѣніе списковъ слав. Кормчей, Сборн. 65, 1897 г.; Сперанский, Изв. XXVI, стр. 173; Schmid, Nomokanonübersetzung des Methodius.

32. Кормчая с толкованиями Аристина в 50 титулов., переведена, как думают, русскими монахами на Афоне по поручению Савы Сербского в нач. XIII в. (С. Сп.) Старший р.

[1]) Соболевский, относя этот перевод к домонгольскому периоду, ошибочно считает его сделанным не с еврейского, а с греч. языка.

текст — Кормч. 1284 г. (Р. 96) — списан с болг. оригинала, восходившего к р. протографу; на такой протограф указывают руссизмы старших срб. списков. См. Сперанский, Изв. XXVI, стр. 173—182.

33. Книги законные. Старший список Увар. 264 (Царск. 48), XV в. Изд. Павлов, Сборн. 38. 1886. По мнению Павлова и Сперанского перевод — русский. Соболевский считает перевод сделанным на Афоне и, повидимому, думает, что в изготовлении его принимали участие и русские и ю. славяне, но главная роль принадлежала русскому.

34. Типик Хиландарский. Перевод сохранился только в срб. списках. По мнению Соболевского, переводчиком был р. монах на Афоне (Матеріалы и Изслѣд. 184—185); по мнению Ягича, перевод сделан македонским славянином и редактирован Савой Сербским. См. Сперанский, Изв. XXVI, 179—182.

35. Повесть о 12 снах Шахаиши (или Мамера царя) (С). См. Веселовский, Повѣсть о Шахаишѣ. Сборн. 20, 1879; Рыстенко, Сказаніе о 12 снахъ Мамера царя. Одесса 1904 и 1905. Русским переводом домонгольского периода считает эту повесть только Соболевский.

36. Повесть о царице Динаре Грузинской (С). Повидимому, это не перевод, а оригинальная повесть, в основу которой легли грузинские сказания о царице Тамаре. Сохранилась в списках не старше XVI в. К домонгольскому периоду относит появление повести о Динаре на Руси только Соболевский, но и он в докладе, чит. в 1897 г., относил её к XVI в.; Сперанский, Изв. XXXI, с бо́льшим основанием, считает её возникшей в Московской Руси в конце XV или нач. XVI в.

37. Повесть о царе Адарьяне (С). Старший список — XV в. Изд. Костомаров Памятники старинной р. литературы II. Спб. 1860.

Кроме назв., Соболевский относит к числу р. переводов домонгольского периода ряд небольших статей канонического и легендарного содержания, как *a)* Послание Петра Антиохийского об опресноках (изд. А. Поповым по списку XIV в. в книге: Полемическія сочиненія против латинян, *b)* Толкования на литургию Василия Великого в Кормчей 1282 г. (Р 94), *c)* пролож-

ные (в нестишных прологах 1-й и 2-й ред.) чудеса Георгия Победоносца, *d)* проложное (ib.) чудо Димитрия Солунского с двумя девицами, *e)* проложное (ib.) чудо Иоанна Богослова с мальчиком гусарём (статьи *c*), *d*), *e*) не входят в состав греч. нестишного синаксаря), *f)* сказание об Авгаре.

О русских переводах после XIII в., кроме общих пособий Пыпина, Сперанского, Возняка и др., см. Соболевский, Переводная литература Московской Руси XIV—XVII в. Петрогр. 1903 (Сборн. 74); Он же, Изъ переводной литературы Петровскаго времени. Петрогр. 1908 (Сборн. 84); Карский, Бѣлоруссы т. I и т. III. 2; Перетц, Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. Петрогр. 1926 (Сборн. 101) и др.

B. Оригинальные сочинения русских писателей.

§ 42. Произведения XI—XIII вв.[1]).

a) Летопись.

Древнейшие части старших летописных сводов восходят к 1-ой полов. или серед. XI в. С тех пор летописное дело на Руси не прерывалось: в летописных сводах XIV в. и позднее можно выделить последовательные наслоения второй полов. XI в., нач. XII в. и т. д., вплоть до времени составления этих сводов, потому что редакторы летописных сводов обычно переписывали содержимое предыдущих сводов хотя и с сокращениями или дополнениями, но почти без стилистических поправок. Летописи велись в разных культурных центрах: в Киеве и Новгороде они возникли не позже середины XI в.; в XII в. возникают летописи между прочим в Суздальской и, повидимому, в Галицкой земле: галицкого происхождения — расказ Василия об ослепления Василька

[1]) Кроме назв. ниже монографий назову общие пособия: Срезневский, Древніе памятники; Владимиров, Древняя р. литература Кіевскаго періода. Киев 1901; Пыпин, Исторія р. литературы, т. I и II; Петухов, Русская литература. Петрогр. 1914; Орлов, Лекціи по исторіи др. р. литературы. М. 1916; Сперанский, Исторія др. р. литературы, часть 1 и 2. М. 1920; Голубинский, Исторія р. церкви т. I. ч. 2; Истрин, Очерк истории др.-р. литературы. Петрогр. 1922; Никольский, Матеріалы (см. § 29).

и некоторые другие эпизоды Киевской летописи XII в.; от XIII в. дошла до нас т. наз. Волынская летопись, составленная или на Волыни или в Галичине; в Суздальской земле в XIII в. летописи велись уже в нескольких городах — во Владимире, Ростове и Переяславле Залесском. В XIII же веке возникает Тверская летопись. В Смоленске, Пскове, Москве, Рязани летописи возникают позднее. Старшие списки летописи: 1. Синод. список 1-й Новгородской летописи XIII и XIV в. (Р 112), 2. Лаврентьевский список 1377 г. (Р 137), 3. Радзиловский XIV – XV в. (Р 190), 4. Ипатьевский 1-й полов. XV в. (Р 221). Остальные — XV—XVIII вв. Изд. главным образом в ПСРЛ, немногие — в изданиях ОЛДрП и ОИДрР (в Чтениях). Несмотря на то, что летописи XI—XIII в. сохранились в поздних списках, они дают ценный матерьял для истории р. языка за весь этот период. Летописцы в рассказах о р. событиях менее придерживались норм. цсл. литературного языка чем авторы житий святых, церковных поучений и речей и богослужебных песнопений, и некоторые эпизоды излагали даже почти чистым русским языком. Позднейшие переписчики, хотя и вносили в текст изменения согласно современным им орфографическим и грамматическим нормам, не могли стереть всех следов своих протографов. Данные для истории р. языки за XI—XIII в., извлекаемые из летописных сводов XIV в. и позднее, касаются главным образом синтаксиса, в меньшей степени морфологии и в ещё меньшей фонетики. Литература: Истрин, Замѣчанія, Изв. XXVI и XXVII и назв. там работы Шахматова, Бугославского и др.; Иконников. Опыт р. історіографіи II. 1 и 2. Киев 1908.

b) Другие исторические сочинения.

1. Слово о том, како крестися Володимир возмя Корсунь (т. наз. Корсунская легенда). По мнению Шахматова, составлено в конце XI в., но есть основания думать, что оно было известно еще в серед. XI в. „Слово“ целиком вошло в летопись; существуют и отдельные списки; старшие — XV в.: Соф. № 1365, Кир.-Бел. 53/1130, ок. 1463 г., Погод. 946. См. Никольский, Матеріалы; стр. 8—21, Шахматов, Корсунская

легенда. Спб. 1906 (Сборн. Ламанск. II); Он же, Разысканія; Истрин, Замѣчанія (см. *a*), 95—96.

2. Сказание, чего ради прозвася Печерский монастырь, 2-й полов. или конца XI в., целиком вошло в Повесть временных лет и в Патерик Печерский. См. Шахматов, Разыскания, Истрин и Никольский, оо. сс.

3. Сказание о первых черноризцах печерских, конца XI в. Вошла в Повесть временных лет и Патерик Печерский. См. там же, где и о предыд. статье.

4. Проложные сказания об освящении киевских церквей, построенных в X—XI в.; имеются уже в старших списках нестишного Пролога.

5. Т. наз. Хронологическая статья Кирика („учение имже ведати человеку числа всех лет"), составл. в 1136 г.; сохранилась в поздних списках. Изд. по списку Соф. 475. в Чт. в ОИДрР. 1847. № 6. См. Степанов, Замѣтки о хронологической статьѣ Кирика, Изв. XV. 3.

6. Русское продолжение (о русских событиях) Летописца вскоре патр. Никифора (см. § 41. 22), около середины XII в. По мнению Степанова (Изв. XVII. 3), написано Кириком, автором хронологической статьи и вопросов о посте см. ниже, 7). Старший список в Кормчей 1282 (Р. 94); изд. Степановым, о. с.

7. Рассказ об ослеплении Василька (1097 г.), написанный попом Василием (галичанином или волынцем) между 1112 и 1116 г.; вошол в Повесть временных лет. См. Шахматов и Истрин, оо. сс. (выше, п. 2).

8. Повесть об Евпатии Коловрате. Вошла в Лавр. Летопись Изд. отдельно Срезневский, Свѣд. и Зам. 39.

9. Повесть об убиении Батыя, в летописи под 1247 г. Изд. Розанов, Изв. XXI. 1916.

c) Жития святых и похвальные слова святым.

1. Память и похвала в. кн. Володимиру, мниха Иакова, XI в.

2. Похвала княгине Ольге, повидимому, XII в.; во всех списках имеет добавление, относящееся, повидимому, к XIII в.

3. Т. наз. Древнее Житие Володимира, XI в.

Статьи 1—3 обычно встречаются в этом порядке соединёнными вместе под одним общим заглавием с именем мниха Иакова. Соединение произошло не позже XIII в. По мнению Шахматова, статьи 1 и 3 составляли одно целое уже в XI в., а 2 была вставлена позднее. Список этой компиляции был в сгоревшем Мусин-Пушкинском сборн. 1414 г. (Р. 199). Старший сохранившийся список — Каз. Дух. Акад. № 616 (518), 1494 г. (Р. 211). Отдельные списки Древнего жития Володимира — XVI и XVII в. См. Бугославский, Изв. XXIX. Там же указана и литература.

4. Житие муч. Варяга и сына его Йоанна, XI в. Вошло в Повесть временных лет. и в Пролог.

5. Иное житие в. кн. Володимира, после 1110 г. Старшие списки — XV в.

6. Сказание о Борисе и Глебе, приписываемое некоторыми без достаточных основанний, мниху Иакову, по мнению одних, написано раньше, чем Чтение о Борисе и Глебе Нестора, а именно, приблизительно в 1072 г., по мнению других (Соболевского, Шахматова) — после 1115 г. Старший полный список — в УС. (Р. 66), отрывок — в т. наз. Златоструе XII в. Изд. (кроме издания УС.): Абрамович, Памятники др.-р. литературы II.; Бугославский, Свв. князья Борис и Глеб в др.-р. литературе. Унив. Изв. 1917, стр. 1—178.

7. Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба, написанное Нестором, монахом Киево-Печерского монаст., между 1074—1091, скорее всего в 70-ых годах. Старший список — в Сильвестр. сборн. XIV в. (Р. 177), старший датированный — в Усп. Прологе № 3, 1406 г. (Р. 196). Изд. Срезневский, Бодянский, Абрамович.

8. Скаsание о чудесах Бориса и Глеба, обретении и перенесении их мощей и построении церкви в честь их, XII в. Помещается в мпнеях и сборниках непосредственно за Сказанием о Борисе и Глебе (выше, № 6). Старший список — в УС XII в. Издано там же, где и 6.

9. Паримийные чтения о Борисе и Глебе, вероятно, XII в. Старший список — в Типогр. Паримейнике № 156, XII—XIII в. (Р. 73), старший датированный — в Паримейнике 1271 г. (Р. 93).

10. Житие Феодосия Печерского, написанное Нестором после его же Чтения о Борисе и Глебе, но до 1091 г. (по мнению Абрамовича, — до 1088 г.). Старший список — в УС. XII в. (Р. 66). См. Абрамович, Изв. VI. 9; Бугославский, Изв. XIX. 3.

11. Слово об обретении и перенесении мощей Феодосия Печерскаго. Вошло в летопись и Патерик Печерский. См. Абрамович и Бугославский, оо. сс.

12. Житие Леонтия Ростовского († 1073), конца XII в. Списки поздние.

13. Слово похвально на перенесение мощей Бориса и Глеба, 2-й полов. XII в.

14. Проложные жития р. святых: Володимира, Ольги, Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, кн. Мстислава, Игоря, Варлаама Хутынского, Леонтия Ростовского, Кирилла Туровского и др. XII—XIII в. Из них первые 5 вошли в Пролог, повидимому, уже при его составлении; следовательно, возникли не позже 1-ой половины XII в.

15. Проложные жития Аврамия Смоленского, Михаила Черниговского и др., XIII в.

16. Житие (не проложное) Аврамия Смоленского († 1219), написанное его учеником Ефремом в 1-ой полов. XIII в. Списки — с XVI в. Изд. Розанов, Памятники др.-р. литературы, в. 1.

17. Послание Симона еп. Володимирского († 1226) к Поликарпу о черноризцах печерских. Вошло в состав Патерика Печерского.

18. Послание Поликарпа к Акиндину о черноризцах печерских, ок. 1226 г. Вошло в состав Печерского Патерика. Старшие списки — Петр. Пб. Б-ки Q. I. 31, 1406 г. (Р 195), Рум. № 305, 1462 г. (Р 233) и Тр. Л. № 712, 1497 (Р 213). См. исслед. Абрамовича, Изв. VI. 3. 4, VII. 1—4.

19. Житие Михаила Черниговского, XIII в., после 1245 г. Списки поздние.

29. Житие Александра Невского († 1263), составленное в XIII в., скоро после его смерти. Старшие списки — *a)* отрывок в Лавр. летоп. 1377 г. (Р 137), *b)* полные — в Псков-

ской летописи и отдельно, в сборниках XV и XVI в. Изд., но с исправлением правописания Мансикка, Житіе св. Александра Невскаго. ПДрП. 180. 1913. См. также: Серебрянский, Древнерусскія княжескія житія. М. 1915.

d) Благочестивые сказания и легендъ.

1. Сказание о двух чудесах Николая Чудотворца, совершившихся в Царьграде между 1042 и 1053 г. в бытность там автора сказания (о ковре и о человеке, избавленном св. Николаем от темницы), и о двух киевских чудесах (о детище и о половчине); составлены не позже конца XI в. Изд. вместе с другими, переводными чудесами Леонид в ПДрП в 1881 г. оба цареградских и одно киевское по списку Тр. Л. № 788. XVI в. и в 1888 г. все четыре по рукописи Тр. Л. № 9, XIV в. (Р 181). Пятое русское чудо святителя Николая, о Феостирикте, с упоминанием Акира и Синагрипа, изд. Лопарёвым в ПДрП. 194, 1896 г., встречающееся отдельно и совершенно непохожее на остальные по своему характеру, вероятно, более позднего происхождения.

2. Легенда об ап. Андрее (о посещении им Русской земли), как думают, 2-й полов. XII в. Старшие списки — в Прологах XIII и XIV в. См. Седельников, Slavia III. 2—3, где указаны и издания.

e) Службы святым.

1. Службы Борису и Глебу, составленные митроп. Иоанном I Греком, между 1015—1020 г.; возможно, что Иоанн I написал службу погреч., и что она тогда же была переведена русским переводчиком на цсл. Старшие списки — XII в. (Р. 30, 51 и др.). Изд. Абрамович, Памятники др.-р. литературы. II.

2. Служба прп. Феодосию Печерскому, составленная монахом Григорием в конце XI или нач. XII в. Старшие списки — XII в. (Р. 59—60 и др.).

3. Служба Николаю Чудотворцу на перенесение его мощей 9 мая, составлена тем же Григорием, повидимому, в конце XI в. Старшие списки — в Служебных Минеях XII в.

4. Служба княгине Ольге. Составлена не раньше XII в.

5. Служба в. кн. Володимиру. Составлена не раньше XII в.

6. Служба Леонтию Ростовскому, составлена еп. Иоанном Ростовским (1190—1219), вероятно, около 1194.

Кроме этих, к XII или XIII вв. относятся, вероятно, и другие службы р. святым, канонизованным в промежуток времени XI—XIII в.

f) Паломники.

1. Даниил игумен черниговский. Ходил во Св. Землю в 1106 г. и оставил описание своего путешествия — Хождение Даниила игумена Русской земли во Святую Землю. Старшие списки — XV в.: *a)* распространённой редакции Кир.-Бел. № $^{9}/_{1086}$, 1475 г. и *b)* краткой ред. Петр. Пб. Б-ки Q. XVII. 88, 1496 г. Изд. с исправлением правописания на современное Веневитинов, в Правосл. Палестинском Сборнике 3 и 9, 1883 и 1885 г. Есть и более старые издания.

2. Антоний (Добрыня Ядрейкович) Новгородский, описал своё путешествие в Царьград около 1200 г. Старшие списки — XVI в. Изд. по одному списку XVI в. с соблюдением правописания Савваитов в 1872 г. (изд. Арх. Ком.), и по другому (Яцимирского) Лопарёв в Правосл. Палестинском Сборн. 51. 1899.

g) Юридические и церковно-юридические памятники.

1. Русская Правда. Составлена при Ярославе (1019—1054). Старший список — в Кормчей 1282 г. (Р. 94).

2. Устав в. кн. Володимира Св. (980—1015). Составлен, вероятно, значительно позже, может быть, в XII в. Старший список — в Кормчей 1282 г. (Р. 94), в части, писанной позднее.

3. Устав в. кн. Ярослава Мудрого (1019—1054). Составлен, вероятно, позже, может быть в XII в. Старший список там же.

4. Мерило Праведное, юридич. компилятивный сборник, куда вошли сокращенные выборки из ряда юридических памятников и нравственных руководств; составлен, повидимому, в XII в. Старший список — Троицкое Мерило Праведное № 15, XIV в. (Р. 171).

О других статьях канонического содержания см. *h).*

h) Проповедники, церковные ораторы и авторы поучений.

1. Лука Жидята, еп. Новгородский (1036—1059), автор небольшого поучения к народу. Старшие списки — в сборн. Соф. № 1262, XIV—XV в. (Р 191) и Прилуцком Прологе XIV—XV в. (Р 187). Новейший издатель поучения, Бугославский, Изв. XVIII. 2, считает более первоначальной не редакцию старших списков, а редакцию, включённую в Новгородские летописные своды XV и XVI в. под 1058 г. Текст поучения издан им там же без соблюдения правописания.

2. Иларион, митроп. Киевский (1051—1054, до этого — священник в придворной церкви в Берестове). Ему принадлежат:

a) Слово о законе и благодати и похвала в. кн. Володимиру, произнесённые между 1037—1051 г.,

b) молитва от новопросвещенных христиан,

c) исповедание веры,

d) послание к брату столпнику.

Первые три произведения сохранились в сборнике Патр. № 591, XVI в. (Моск. Ист. М.); изданы по этому списку (Горским) в Прибавленіяхъ къ Твореніямъ свв. отецъ II. М. 1844, под заглавием: „Памятники духовной литературы временъ великаго князя Ярослава“, без точного соблюдения правописания. Отрывок Слова о законе и благодати есть в Финляндском отрывке Акад. Наук № 37, XII—XIII в. (Р. 80), изд. Ф. И. Покровским в Изв. XI. 3; сокращенная редакция того же Слова сохранилась в нескольких списках; старший — Увар. 1772, XIV—XV в. (Царск. 362); изд. по этому списку Бодянский в Чт. ОИДрР 1848; та же редакция с толкованиями имеется в сборн. Моск. Гл. Арх. $^{478}/_{958}$, нач. XVI в.; изд. Никольский, Матеріалы для исторіи др.-р. духовной письменности. Сборн. 88, 1907. Молитва Илариона имеется в нескольких рукописях; старший список — в Канннике Тр. Л. № 254 (190) XIV в. (Р. 105). Послание к брату столпнику сохранилось во многих р. списках XIV—XIX в. (более 100) и в двух сербских XIV—XV в.; кроме того, большая выдержка из того же Послания включена в Слово в суботу сыропустную, составленное в серед. XII в. старший список — XV в.;

см. ниже, 25). Авторство митроп. Илариона устанавливается обоими срб. списками, так как в русских автор назван только по имени. Старший р. список — Моск. Публ. Музея № 1548, XIV в. (Р 180), старшие датированные — сборн. Патр. 1417 г. и Диоптра Патр. 1418 г. По срб. спискам Послание изд. М. П. Петровский в Уч. Зап. Каз. Унив. I. 1865. 57—79 и Туницкий в Юбилейном Сборн. Моск. Дух. Акад. Серг. Посад 1905, стр. 6—8. См. Сперанский, Изв. XXVI, стр. 155—159.

Митроп. Илариону некоторые учёные приписывают, без достаточных оснований, также Поучение Илариона о пользе души, старший список Софийский № 1324. XII—XIII в. (Р. 79) и другие слова с именем Илариона.

3. Феодосий Печерский († 1074). Ему принадлежит несколько поучений к народу и инокам, два послания к кн. Изяславу и несколько молитв. Пять поучений Ф. П. содержатся в Рум. сборн. № 406, XV в. (Р. 226); отсутствующее в этом сборн. слово Ф. П. к келарю имеется в сборн. Петр. Пб. Б-ки Q. п. I. 12 XIV в. (Р. 183) и Соф. № 1262 XIV—XV в. (Р. 191). В Паис. Сб. XIV—XV в. (Р. 192) имеется одно послание Ф. П. кн. Изяславу и приписываемое ему Слово Феодосия о вере варяжской и латинской, принадлежащее, по мнению некоторых ученых не ему, а Феодосию Греку, писателю XIII в. Молитвы Ф. П. сохранились во многих списках. Старший список двух молитв, не вошедших в Житие Ф. П., — в Ярославском Молитвеннике XIII в. (Р. 107) и в Псалтыри 1296 г. (Р. 98). Сочинения Ф. П. последний раз изд. Чаговец, Прп. Ѳеодосій Печерскій, его жизнь и сочиненія. Киев 1901 (из Унив. Изв.). См. Сперанский, Изв. XXVI. 159—161.

4. Митроп. Иоанн II, грек (1080—1089), составил Правило церковное Иакову черноризцу (или Канонические ответы) и Послание папе Римскому об опресноках. Старший р. список Канонических ответов — в Кормчей 1282 г. (Р. 94). Впрочем, р. списки представляют только р. перевод с греч. оригинала митроп. Иоанна, сделанный, очевидно, немедленно по составлении их, может быть под редакцией автора. Сохранились и отрывки греч. текста Ответов, изд. Павловым. Ср. Сперанский, Изв. XXVI. 161—164.

5. Володимир Мономах († 1125). От него сохранилось Поучение детям и письмо к Олегу в единственном списке в Лавр. летописи (Р. 137) под 1099 г. Время написания поучения учёные определяют различно — 1106, 1117 и 1125 г.

6. Митроп. Никифор, грек (1104—1121). Ему принадлежат три послания против латинян, одно послание о посте и поучение иереям и народу о посте, написанные, вероятно, по-гречески и только переведенные русским. Изд. А. Попов, Историко-литературный обзоръ др.-р. полемическихъ сочинений противъ латинянъ. М. 1875.

7. Кирик, иеродьякон, доместик Новгородского Антониева монаст. (род. в 1110 г.). Кроме упомянутой выше Хронологической статьи, нескольких летописных статей в Новгор. летописи и, может быть переделки и продолжения Летописца Никифора (см. выше, b 6), ему принадлежат т. наз. Вопрошания Кирика, содержащие собрание вопросов, частю его собственных, частью других (Илии, Савы и пр.) с ответами еп. Нифонта, Аркадия, Илии и Савы Новгородских, Климента Смолятича и др., составл. между 1130—1156 г. Старший список — в Кормчей 1282 г. (Р. 94). Вопрошания изд. 1. Калайдович, Памятники Россiйской словесности XII в. Спб. 1821; 2 Павлов, Памятники канонческаго права, в РИБ. т. VI; 3. Смирнов, в Чт. в ОИДрР. 1912 (особая редакция).

8. Климент Смолятич, митроп. Киевский (поставлен митроп. ок. 1145 г.), по словам летописи „многа писания оставив предаде“. Но из них сохранилось только Послание к смоленскому пресвитеру Фоме в сравнительно позднем списке, дополненное толкованиями какого-то Афанасия. Изд. Никольский, О литературныхъ трудахъ Климента Смолятича, писателя XII в. Спб. 1892, и Лопарёв, в ПДрП. 90. 1892. Ему же приписывают и некоторые поучения с именем Климента (Слово о любви и Слово в неделю всех святых).

9. Илья (Иоанн II) Новгородский (1164—1186), автор Церковного Правила, старший список которого — в Кормчей 1282 г. (Р 94). Изд. Павлов, Неизданный памятникъ р. церковнаго права XII в. ЖМНПр. 1890. дек.

10. Кирилл еп. Туровский († ок. 1182). Ему приписы-

вают до 14 проповедей и поучений, надписанных в рукописях именем Кирилла, из которых несомненно принадлежащими ему можно считать 10 [1]), несколько молитв и канон покаянный. 10 поучений К. Т. имеются в Чуд. сборн. № 20. XIV в. (Р 178), старший список 7 поучений — в Толст. сборн. XIII в. (Р 113); старший список поучения о черноризческом чине, отсутствующего в Толст. сборн., — в Кормчей 1282 г. (Р 94). Ему же, повидимому, принадлежит и Притча о белоризце или Повесть к Василию игум. Печерскому; старший р. список — в Златой Чепи XIV в. (Р 176), где имеется и другое слово К. Т.; та же притча есть и в сербском списке в сборн. XIII в. попа Драголя. Изд. 1. Калайдович, Памятники Россійской словесности XII в. Спб. 1821; 2. Сухомлинов, Рукописи гр. Уварова' т. 2. Спб. 1858, по списку Царского № 361. XIV в. (Р 184); 3. Пономарёв, Памятники др.-р. учительной литературы. Спб. 1894 (популярное изд.); 4. Щепкин, Библіографическіе Матеріалы, собр. А. Н. Поповым, XX, по Чуд. сборн. № 20. XIV в. (Р 178), только те слова, которые не вошли в издание Сухомлинова; 5. сербский список — М. И. Соколов, Древности. Труды Слав. Комиссии И. III. 1902, стр. 223 слл.

11. Феодосий Грек XII в., переводчик послания папы Льва I патр. Флавиану. Ему приписывают некоторые слова с именем Феодосия, как Слово о вере варяжской и латинской, автором которого другие учёные считают или Феодосия Печерского XI в. или Феодосия II игумена Печерского († 1156). Старший список — в Паис. Сб. (Р 192). Ср. Сперанский, Изв. XXVI, 159—161.

12. Аврамий Смоленский (1146—1219). В житии А. и в летописи говорится о его сочинениях и о его известности в XII—XIII в., но никаких сочинений, надписанных его именем, не сохранилось. С некоторой долей вероятности приписывают ему Слово о небесных силах в Волокол. сборн. № 576.

13. Симон еп. Владимирский († 1226), автор Послания

[1]) Принадлежность К. Т. одного из них, подвергавшегося сомнениям, именно, „Притчи о человеческой души и телеси", для которой автор воспользовался апологом о хромце и слепце, доказана, на мой взгляд, убедительно Ереминым в статье „Притча о слепце и хромце", Изв. XXX. 323—352.

к Акиндину о черноризцах печерских (см. выше, с. 17). Соболевский, Изв. XV. 1, приписывает ему, но, как мне кажется, без достаточных оснований, Послание Изосимы к дщери своей Анастасии (старший список в сборн. Патр. 935, второй полов. XV в., изд. им там же), предполагая, что Анастасия Послания не кто иной, как княжна Анастасия, о переписке с которой упоминает Симон в послании к Акиндину.

14. Серапион еп. Владимирский (еп. 1274—1275, но проповеди его могут относиться и ко времени до его епископства). Сохранилось 5 проповедей Серапиона. Старшие списки — в Златой Чепи XIV в. (Р 176) и в Паис. Сб. XIV—XV в. (Р 192).

15. Иаков мних, автор послания к кн. Димитрию Борисовичу (1253—1294), известного под заглавием „Послание некоего отца духовному сыну“. Старший список — Петр. Пб. Б-ки Q. I. 1130, XV в. См. Соболевский, ЖМНПр. 1906 окт., стр. 392; Бугославский, Изв. XXIX. 107 и 119—120.

16. Кирилл II, митроп. Киевский (1243—1280). Ему принадлежит Поучение к попом, входящее в состав Кормчей в списках XV в. Старший список Поучения — в Златой Чепи XIV в. (Р 176).

Об авторах некоторых сохранившихся проповедей, поучений и посланий ничего не известно, кроме имён:

17. Георгий Зарубский (Заруб — на Днепре против Переяславля Южного). С его именем сохранилось поучение, изд. Срезневским в Свѣд. и Зам. 7 по списку поучений Ефрема Сирина ок. 1288 г. (Р 97).

18. Петр, называющий себя в заглавии своего поучения „недостойным“, автор поучения о посте и молитве в сборн. Тр. № 12, XII в. (Р 69). Поучение считают русским оба его издателя.

19. Афанасий мних, автор толкований на Послание Климента Смолятича, повидимому, не позже XIII в.; толкования изданы Никольским и Лопаревым вместе с Посланием Климента, из которого их трудно выделить.

20. Моисей, по мнению Соболевского, может быть — игумен новгородский † 1187 г. С его именем известно 3 поучения, одно в Паис. Сб. (Р 192), другое — в сборн. Хлуд. № 30, XIV в. (Р 179). Все три изд. Соболевский, Изв. XVII. 3.

21. Григорий еп. Белгородский (до 1231 г., так как скоро после этого года Белгородская епархия была упразднена). Старший список поучения, принадлежащего ему, — в сборн. Петр. Пб. Б-ки Q. I. 312 (Р. 200).

22. Григорий, автор поучения, наз. „Заповеди свв. отец.“ Изд. Бенешевич, Изв. XXII. 1. Этого Григория отожествляют с Григорием еп. Новгор. 1186—1193 г., но без достаточных оснований.

23. Григорий, автор толкований на молитву Господню, Херувимскую песнь и Символ веры в Толковом Апокалипсисе Рум. № 8, XIV в. (Р. 162). Соболевский отожествляет его с Григорием, упоминаемым у Климента Смолятича. Действительно ли все три Григория — разные лица?

24. Еп. Андрей, автор поучения, изд. Соболевским по рукописи Пб. Б-ки Q. I. 312 (Р. 200). Издатель отожествляет его с Андреем Тверским, упоминаемым под 1295 г.

Анонимных поучений и слов, которые по разным признакам считаются русскими, возникшими не позже XIII в., более двух десятков; к числу их принадлежат слова на воскресные дни Великого поста и подготовительных недель перед постом, на некоторые праздники (напр. в неделю перед Богоявлением, на Покров, на день перенесения мощей Николая Чудотворца и др.), поучения против пороков, распространённых в тогдашнем обществе: против лихоимства, пьянства, языческих обычаев и верований и т. п. Списки таких поучений имеются уже в рукописях XII в. и входят чаще всего в сборники, представляющие соединение Златоуста с Торжественником, как напр., т. наз. Златоструй XII в. (Р. 68), сборн. Тр. Л. № 12, XII в. (Р. 69), Чуд. Сб. № 20. XIV в. (Р. 178), Паис. Сб. (Р. 192) и другие сборники определённого состава — Пролог (Р. 79, 116 и др.), Измарагд (Р. 172), Златая Чепь (Р. 176); ряд таких поучений имеется, м. пр., в Рум. Златоусте № 181 и Рум. сборн. № 406. XV в. (Р. 226). Назову наиболее известные слова:

25. Слово в суботу сыропустную, скоро после 1147 г., с упоминанием русских святых; конец Слова взят из Послания митроп. Илариона к брату столпнику. Имеется в Рум. сборн.

№ 406 (Р. 226). Большие выдержки из него приведены Востоковым, Описаніе.

26. Слово некоего христолюбца и ревнителя о правей вере. Старшие списки — в Златой Чепи XIV в. (Р. 176) и Паис. Сб. (Р. 192).

27. Поучение ереям о покаянии, с упоминанием об изгойстве. Старший список — в Паис. Сб. (Р. 192).

i) Поэтические повести или поэмы.

1. Слово о полку Игореве, 1185 г.[1]) (см. Р. 250). Автор Слова, вероятно, принадлежал к дружине Святослава или Игоря; думают, что он был родом черниговец или киевлянин, но очень вероятно также, как думает Орлов[2]), на основании сходства стилистических приёмов Слова с приёмами Волынской летописи и присутствия зап.-сл. элементов в словаре, что он был родом галичанин, прибывший в Новгород Северский со свитой жены Игоря, княгини Ефросинии Ярославны, дочери галицкого князя Ярослава Осмомысла. Обилие русских архаизмов, уцелевших в изданном тексте слова от его протографа XII в., делает его ценным источником для изучения р. языка того времени.

2. Слово о погибели Русской земли, рассматриваемое некоторыми учёными, как начало недошедшей поэмы XIII в. о татарском нашествии. Вернее, вслед за Серебрянским, Др.-р. княжескія житія, считать его введением в житиё Александра Невского недошедшей до нас редакции, несколько отличной от той, к которой оно присоединено в ркпси XV в., содержащей единственный дошедший до нас список этого Слова. Изд. Слово Лопарёв, ПДрП. 84. 1892.

---

[1]) См. Лященко. Изв. XXXI, стр. 136—146. Другие относят Слово о полку Игореве к 1187 г.

[2]) Слово о полку Игореве. М. 1922.

Глава II.

НЫНЕШНИЕ РУССКИЕ НАРЕЧИЯ И ГОВОРЫ.

§ 43. Русские языки, т. е. языки великорусский, белорусский и малорусский или украинский, кроме общего имени, сохранили в своей фонетике, грамматическом строе и словаре ряд общих черт, свидетельствующих о том, что они некогда, уже по распадении о.-сл. языка, составляли один язык, хотя некоторые крупные различия между ними возникли еще в о.-сл. эпоху. Каждый из них в свою очередь распадается на наречия, различия между которыми лишь частью развились после образования этих языков, частью же коренятся в различиях между говорами о.-р. и даже о.-сл. эпохи. Именно, в.-р. язык издавна распадается на наречия с.-в.-р. и ю.-в.-р., б.-р. на наречия с.-б.-р. (или сев.-вост.-б.-р.) и ю.-б.-р. (или ю.-зап.-б.-р.): и то и другое деление несомненно восходят к диалектическим группировкам о.-р. эпохи, т. е. различия между с.-в.-р. и ю.-в.-р. говорами также, как различия между с.-б.-р. и ю.-б.-р. частью старше образования в.-р. и б.-р. языков. М.-р. язык в своём составе также обнаруживает следы своей первоначальной неоднородности. Сравнивая архаичные с.-м.-р. говоры с архаичными карп.-р., мы найдём между ними различия, восходящие к эпохе до образования м.-р. языка, как целого. Остальные м.-р. говоры утратили ряд архаичных черт, сохранившихся в с.-м.-р. и карп.-р., и потому первоначальная основа в них не так ясна; тем не менее, и в них можно выделить группу, первоначально составлявшую одно целое с говорами с.-м.-р., и группу, по происхождению более родственную с говорами карп.-р., т. е. можно думать, что и м.-р. язык восходит к двум диалектическим группам доисторической эпохи. С течением времени бо́льшая часть говоров обеих групп подверглась ряду общих изменений, не затронувших крайние говоры сев. группы,

т. наз. с.-м.-р., и говоры карпатские; последние в силу политических условий, так как носители их были единственной частью м.-р. народа, не вошедшей в состав Польско-Литовско-Русского государства, образовали особую карпато-русскую диалектическую группу.

§ 44. Между наречиями в пределах каждого из 3 русских языков, т. е. между наречиями с.-в.-р. и ю.-в.-р., с.-б.-р. и ю.-б.-р., с.-м.-р. и ю.-м.-р., ю.-м.-р. и карп.-р. в настоящее время резких границ нет, а есть переходные говоры, образующие постепенный переход от одного наречия к другому. Изучая их, можно заметить, что обычно в таких говорах черты одного наречия — основные, первоначальные, а черты другого — вторичные, проникшие в них позднее, под влиянием этого другого наречия, т. е., что эти говоры возникли вследствие объединения наречий, граница между которыми до этого объединения была более резкой. К переходным по происхождению принадлежит и Московский говор, в основе с.-в.-р., испытавший ю.-в.-р. влияние и усвоивший под этим влиянием аканье и другие ю.-в.-р. черты; но благодаря своему господствующему положению, как говор всероссийского политического и культурного центра, он утратил характер переходного говора, т. е. находящегося в стадии перехода от одного наречия к другому, и получил значение *κοινή*, притом не только в области в.-р. языка, но и в области б.-р. и м.-р. языков. Переходные говоры между с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречиями по своей основе — с.-в.-р., а черты, сближающие их с ю.-в.-р. — вторичные. В переходных говорах между с.-м.-р. и ю.-м.-р. и между карп.-р. и ю.-м.-р. основа с.-м.-р. в первом случае и карп.-р. во втором, а ю.-м.-р. черты — вторичные.

Переходные говоры позднейшего происхождения существуют и между отдельными русскими языками. Между ю.-в.-р. наречием в.-р. языка и с.-б.-р. наречием б.-р. языка находится широкая полоса переходных говоров, с.-б.-р. в основе, с ю.-в.-р. наслоением, а между ю.-б.-р. и с.-м.-р. — полоса говоров переходных с с.-м.-р. основой. Переходными по происхождению являются и говоры между с.-в.-р. и с.-б.-р. наречиями. Более резкая граница — между ю.-в.-р. и ю.-м.-р.: на протяжении бо́льшей части этой границы переходные говоры не засвидетельствованы; засвидетель-

ствованы они, именно, говоры ю.-м.-р. по своей основе с ю.-в.-р. или московским наслоением, главным образом, в больших городах.

Названные переходные говоры, очевидно, возникли вследствие объединения диалектических единиц, до того времени разобщённых между собою. Поэтому можно думать, что старые диалектические границы между с.-в.-р. и ю.-в.-р., с.-б.-р. и ю.-б.-р., ю.-в.-р. и с.-б.-р. и т. д. соответствуют каким-нибудь старым политическим или племенным границам.

§ 45. Отдельные наречия разных русских языков имеют некоторые черты, общие им не с другими наречиями того же русского языка, а с наречиями других русских языков. Частью эти совпадения очень старые, указывающие на то, что нынешней группировке русских языков и наречий предшествовали другие. Так, аканье в ю.-в.-р. сближает его с б.-р. языком, отличая от с.-в.-р.; точно также фрикативное произношение согласной из о-сл. *g в том же наречии отличает его от с-в.-р., сближая с б.-р. и м.-р. Ю.-б.-р. наречие имеет ряд совпадений с м.-р., отсутствующих в с.-б.-р. говорах, тогда как с.-б.-р. наречие имеет некоторые совпадения с в.-р., отсутствующие в ю.-б.-р. Наконец, с.-м.-р. говоры сближаются с ю.-в.-р. и б.-р. некоторыми особенностями в произношении безударных гласных, свидетельствующими о том, что эти говоры пережили вместе с ю.-в.-р. и б.-р. отдельно от ю.-м.-р. и с.-в.-р. эпоху сокращения или редукции безударных гласных.

§ 46. Чертами, объединяющими все русские языки, являются, между прочим, следующие:

а) ф о н е т и ч е с к и е[1]):

1. полногласие, т. е. сочетания о г о, е г е, о ł о[2]) из о.-сл. *о r, *е r, *о l, *е l между согласными: м о р о з, б е р е г, ж о л о б;

[1]) В виду того, что существуют ученые (Смаль-Стоцкий, Бузук и др.), строящие на основании арифметического подсчёта отдельных черт в родственных языках заключения о степени родства между ними, считаю нужным предостеречь читателей от подобных ненаучных заключений; в моей работе факты р. языков и наречий разбиты на отдельные черты и перенумерованы исключительно для удобства изложения; вообще же явления языка тесно связаны между собою, и всякое распределение их по отдельным чертам непременно является искусственным: к разным чертам могут быть отнесены явления, представляющие резуль-

2. начальные ro, ło из о.-сл. *or, *ol не под ударением с интонацией акута: рост, лóдка, с.-в.-р. лони́сь и пр.;

3. or, er, oł между согласными из о.-сл. *ър, *ьр, *ъl, *ьl (или r̥, l̥): корм, верх, полный, жолтый и пр.;

4. о из о.-сл. ъ сильного: сон, песок и пр.;

5. совпадение ь сильного по своей судьбе с е старым всюду, где е не подверглось диалектическому удлинению (ср. ниже 10);

6. u из о.-сл. ǫ: гусь, рука, иду и пр.;

7. а после мягких и шипящих из о.-сл. ę: мята, жал;

8. а после мягких перед носовыми согласными в соответствии со ст.-сл. ѣ в таких случаях, как румяный, помянет, грянул гром, голямо, прямо и др.;

9. начальное о из о.-сл. е при известных условиях (озеро и т. п.) и из начального е других языков в словах, заимствованных до XII века (Олена, Ольга и т. п.);

10. о из о.-сл. е и ь после шипящих и в некоторых других случаях перед твёрдыми; после нешипящих о из старого е перед твёрдыми — только в в.-р. и б.-р., тогда как в м.-р. е; но в с.-м.-р. и карп.-р. рефлексы старого е перед твёрдыми в новых закрытых слогах совпадают с рефлексами о.-сл. о в том же положении, отличаясь от рефлексов старого е перед мягкими: l'ᵘod- l'ud- l'üd, t'ᵘotka- t'utka- t'ütka и т. п.; в остальных м.-р. говорах из е перед твёрдыми в новых закрытых слогах получилось i так же, как и из старого о и из старого е перед мягкими;

11. ž из о.-сл. *dj: межа, сажа и пр. (в м.-р. и б.-р. также в известных случаях dž: саджа, виджу);

12. совпадение согласной из о.-сл. *tj и из *kt перед палатальными гласными с о.-сл. č (в бóльшей части с.-в.-р. в звуке c или cᶜ̌, в остальных — в звуке č: свеча, ночь и пр.).

тат одного процесса, и в одной черте могут быть соединены явления, органически неоднородные. Поэтому на основании одного подсчёта черт никаких заключений делать нельзя.

[2]) Здесь и ниже для экономии изложения не приняты во внимание поздние фонетические изменения гласных и отчасти согласных; так, обознач. „oro" соответствует не только произношению oro, но и əra, ərə, aró, əró, órə, смотря по говорам и месту ударения, обознач. „ere" произношению eṙó, iṙó, eṙé, 'aṙé, 'aṙo, éṙi, éṙə и т. п.

13. l' epentheticum из о-сл. j после губных не только в начале слова: люблю, травля, земля, капля и пр.;

14. l из о.-сл. *dl, *tl: ель, сало, мёл и пр.; лишь немногие с.-в.-р. говоры на западе имеют следы сохранения этих групп или изменения их в группы gl, kl (см. ниже § 61);

14 *a*. m из о.-сл. *ьdm: в.-р. семь, семой (литерат. „седьмой" — из цсл.), семёрка и пр., укр. сïм, семий, семеро и пр., б.-р. сем, сямый и пр.

15. cv, zv перед ě из *kw, *gw: цвет, звезда;

16. ź (не $\widehat{dz}$) в результате 2 и 3 палатализации g: князь, в.-р. друзья, м.-р. на дорозі и пр.;

17. ś (не š) в результате 2 и 3 палатализации x: весь, седой; но *sk дало в с.-в.-р. šč (см. ниже § 61);

18. мягкие согласные перед гласными из о.-сл. ě, ę, по крайней мере, под ударением (без ударения согласные перед этими гласными твёрды в с.-м.-р.): сено (укр. сіно), зять и пр.; перед старым і согласные мягки в в.-р. и б.-р., перед гласными из старого е — в в.-р. (кроме немногих говоров) и б.-р., а в м.-р. там, где е удлинилось или изменилось в о, и перед гласными из старого ь — в в.-р. и б.-р., а в м.-р. — там, где ь изменилось в о: (подробнее см. в дальнейших §§);

19. утрата старых долгот и интонаций; —

b) морфологические:

20. окончания instr. sg. сущ. муж. и средн. рода с гласными, восходящими к о.-сл. ъ, ь: укр. село́м, коне́м (не -ім!), ю.-в.-р. задон. селом (не сялу͡ом!) и пр.;

21. гласные, восходящие к старому ě, в окончаниях gen. sg. f., nom.-acc. pl. f. и acc. pl. m., поскольку формы с этими окончаниями сохранились, у имён и местоимений с основами на мягкие неслоговые звуки (м.-р. землі, коні, її, доброї, в.-р. ее, мое, одное, добрые и пр.);

22. окончания падежных форм единственного числа прилагательных: *a*) gen. sg. m. -oγo (с.-в.-р. -ovo получилось из oγo фонетически; с.-в.-р. -ova позднейшее нефонетическое новообразование); *b*) dat. sg. m. -omu; *c*) loc. sg. m., поскольку эта форма сохранилась, -om (с фонетическим изменением о в новом

закрытом слоге в м.-р. в ᵘo, u, ü, i); *d*) dat.-loc. sg. f. -oi̯ (с соответствующими фонетическим изменениями в м.-р.);

22 *a*). употребление gen. pl. от имён лиц в значении acc. pl.;

22 *b*). замена старой формы nom. pl. m. сущ., прилаг. и местоим. старой формой acc. pl. не только у имён неодушевленных предметов и животных и согласованных с ними прилаг., но, по большей части, и от имён лиц и согласованных с ними прилаг.; в последнем случае (у имён лиц, а в в.-р. вообще одушевлённых предметов) старая форма acc. pl. получила значение исключительно nom. pl.: в.-р. на́глые во́ры, укр. дякú, коні и пр.;

22 *c*). утрата родовых различий прилагательными и местоимениями в pl.

22 *d*). распространение dat., instr. и loc. pl. на -am, -ami, -ach на m., n. и, частью, f. т. наз. основ на -i.;

23. отсутствие форм 1 sg. глаголов с окончанием -m, кроме нетематических глаголов быть, есть, дать и ведеть; м.-р. вім, їм, дам, в.-р. ѣм, дам, диал. зап.-м.-р. ем, в praet. типа дав'ем;

24. окончание t' (в б.-р., в силу дзеканья, — ć) и t в 3 лице обоих чисел глаголов;

25. утрата аориста и имперфекта;

26. образование fut. с помощью сочетания инфинитива спрягаемого глагола с глаголом буду или, реже, иму[1]) или имаю.

Кроме названных черт, повидимому, общими всем русским языкам являлись и некоторые черты, в настоящее время утраченные частью русских говоров. Таковы:

27. мягкость s в суфф. śk, сохранившаяся в значительной части с.-в.-р. говоров, в части ю.-в.-р. и в м.-р.;

28. dat. sg. местоимений личных tobě, sobě: в настоящее время эти формы повсеместны в м.-р. и б.-р. и обычны в значительной части с.-в.-р. и ю.-в.-р. говоров; формы t́eb́ě, śeb́ě имеются в русском литературном языке и в части с.-в.-р. и ю.-в.-р. го-

[1]) Образования с иму сохранились только в бо́льшей части м.-р., в ю.-б.-р. и в некоторых с.-в.-р. говорах. Но еще в XV в. в в.-р. они были общеупотребительны.

воров; в последних главным образом там, где имеются черты, заимствованные из московского говора; возможно, что формы t́eb̌ě, śeb̌ě в литературном цсл. происхождения, а в говорах заимствованы из литературного языка, или же это сравнительно поздние новообразования.

Помимо фонетических и морфологических черт, общих всем русским языкам, они содержат также ряд общих им слов[1]), неизвестных в том же значении другим славянским языкам или характерных только для какой-нибудь одной группы славянских языков. Приведу лишь немного примеров:

1. слова, неизвестные другим славянским языкам: числительные сорок и девяносто и слова: белка в знач. „ververra", будни, глаз (в м.-р. и б.-р. редко и обычно только во вторичных значениях), ковш, колокол, корогод, дешевый, селезень, семья, скатерть, собака „canis"[2]) хороший, шолк и др., а также слова, отличающиеся от соответствующих слов других славянских языков суффиксами или представляющие небольшие отличия нефонетического происхождения: багровый (в ю.-сл. языках — с суфф. -en, в зап.-сл. образования с этим корнем не известны), кровать с о в 1-м слоге (в ю.-сл. — е; в зап.-сл. этого слова нет), сорочка (сербохорв. сракица, словин. srakica, srajčica, в других слав. языках нет), утка и др.;

2. слова, известные в томже значении только какому-нибудь одному или двум славянским языкам: беречь (сербохорв.)[3]), гуторить или гутарить (словац.)[4]), ждать „дожидаться" (каш.; в словин. ždęti другой суфф.), зеркало с k (словац. и диалекты словин.; в других слав. языках — с с), колодясь

[1]) Некоторые из таких слов в том или другом русском языке или наречии встречаются лишь диалектически, но известны говорам всех русских языков и обоих наречий в.-р. языка.

[2]) Кашуб. sobaka, как бранное слово, надо считать заимствованием с русского (через посредство гданских купцов, торговавших с Новгородом или позднее, от русских солдат в XVIII в.?). На заимствование может указывать и известность слова только в бранном значении. Иначе Фасмер, RSL. VI.

[3]) Только в старых памятниках до XVII в.

[4]) Только в вост.-словац. (с м.-р.?).

(словин.; в других ю.-сл. языках — с той же основой, но новым суфф. — сербохорв. кладенац, болг. кладенецъ), лебедь болг. и словин.)[1], лошадь (диалект. поль.)[2], свинец (словин.)[3], сябёр (сербохорв.) и др.;

3. слова, известные зап.-слав. языкам, но неизвестные ю.-сл.: баран, бор в знач. „сосновый лес", брюхо, доить в знач. только „брать молоко у коровы или козы"[4], дуже или дюже, кресло, пирог, птах (пташка)[5], правый в знач. „dexter", пыль, ремесло, хворать[6], чужой с начальной согласной из о.-сл. *tj и мн. др.

4. слова, известные зап.-сл. языкам и словинскому, но неизвестные сербохорв. и болг.: борть, верея, весна, гриб, дёготь, попел[7]), сосна, хвост, приставка vy- и др.;

5. слова, известные ю.-сл. языкам, но неизвестные зап.-сл.: коровай, пир, птица, смотреть, соты, четыре с е после č, ср. также год в значении „annus"[8]) (в ю.-сл. в этом значении обычно година, слово, имеющее в зап.-сл. другое значение — „hora", но встречается и год), основы bagr-, kołod-, verev- в словах багровый, колодязь, верёвка, и др.

§ 47. Бóльшая часть фонетических и морфологических особенностей, общих всем русским языкам, доисторического происхождения. Древнейшими памятниками (с XI в.) засвидетельствованы черты 1, 2, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 14 а, 15, 16, 17, 20, 21, 23, 24, 28; к доисторической эпохе относится и изменение ьl в ъł между согласными (засвидетельствованное также памятниками XI в.), откуда позднее oł (3); есть указания в памятниках

[1]) В обоих, впрочем, более обычно с а в первом слоге: словин. labǫd, болг. лабедъ.

[2]) поль. łoszę, łoszątko „жеребёнок", łosza „кобыла".

[3]) svinec „свинец", beli svinec „олово"; слово olovo, как и в других слав. языках, — только „свинец, plumbus".

[4]) В болг., словин. и словац. этот глагол употребляется не только в значении „доить", но и в значении „кормить грудью"; в сербохорв. — только в последнем.

[5]) Зап.-сл. ptak, m.; с х только в р.

[6]) В зап.-сл. обычно без v после х.

[7]) Русское литературное пепел — из цсл.

[8]) В этом значении известно в южной части карп.-р. говоров.

XI в. и на мягкость согласных перед ę (18); черты 22 и 26 также, надо думать, известны были русским языкам еще до начала письменности, хотя и не засвидетельствованы памятниками XI и XII в. Если не все эти черты, то, по крайней мере, часть их возникла еще в о.-сл. эпоху, т. е. можно думать, что в о.-сл. языке еще до его распадения уже существовала особая русская диалектическая группа, отличавшаяся от других диалектических групп в томже языке.

Черты 3, 4, 5, 10, 19 и 25 развились в русских языках уже в историческую эпоху, вне связи с другими славянскими языками, но, может быть, в связи с тенденциями, возникшими в них еще в о.-сл. эпоху, и свидетельствуют о ближайшей связи русских языков между собою и после утраты связи с другими слав. языками, по крайней мере, до середины XII в.

§ 48. Черты 1, 3, 9, 11 не повторяются в других слав. языках; остальные общи русским языкам с той или другой группой слав. языков или с тем или другим отдельным слав. языком. Значительная часть таких совпадений восходит к менявшимся не раз диалектическим группировкам о.-сл. языка. Таковы совпадения русских языков с зап.-сл. по чертам 20, 21, и отчасти 26, с зап.-сл., кроме части словацкого, по чертам 2, 28, с ю.-сл. по чертам 14, 15 и отчасти 17, со всеми кроме польского и болгарского по черте 16, с сербохорватским, чешским, словацким и обоими лужицкими по черте 6 (вместе с русскими эти языки могли пережить изменение носового о в носовое u; утратить носовой элемент они могли и независимо друг от друга), с верхнелужицким, отчасти чешским и словацким и, пожалуй, с чакавскими говорами сербохорватского по черте 7 (в чак. ę изменилось в а только после старых мягких), может быть, также с сербохорватским по черте 22 и с болгарским по черте 24, Совпадение с сербохорватским и словинским языками по черте 13, повидимому, представляет сохранение старины, утраченной болгарским и зап.-сл. языками. Случайными являются совпадение с польским, лужицкими и болгарским по черте 19, с верхнелужицким и некоторыми болгарскими и словацкими говорами по черте 4, с болгарским, лужицкими, чешским и словацким по

черте 5, с польским по черте 8, со словинским и некоторыми чакавскими говорами по черте 12 и с кашубским по черте 23.

Великорусский язык.

§ 49. В.-р. язык характеризуется между прочим следующими чертами, общими и с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречиям:

а) фонетическими:

1. отсутствием различия между гласными из о.-сл. о, е в новых закрытых слогах и теми же гласными в остальных положениях: олово, овцы, год, года и пр.;

2. чертой, свойственной, правда, только части говоров с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречия, но, по некоторым данным, некогда общей всему в.-р. языку и лишь с течением времени утраченной значительной частью его говоров, — именно, изменением о.-сл. о под ударением с интонацией акута в ᵘо: задон. ня стуо͡й, сялуо͡ и т. п. (Ср. ниже, п. 7);

3. произношением i в начале слова из о.-сл. i̯ь в слабом положении: игра, иметь, иголка и т. п. (впрочем, в ю.-в.-р. говорах сохранились кое где следы иной судьбы начального i̯ь);

4. произношением о (с его фонетическими изменениями без ударения) после мягких из е и ь сильного перед твёрдыми (в том числе и перед твёрдыми шипящими): нёс, лён, лёжа и пр.; впрочем, есть говоры и с.-в.-р. и ю.-в.-р., в которых е и ь перед твёрдыми не изменились в о, а дали е;

5. произношением оi̯ из старого уi̯ и произношением еi̯ из старого ii̯ в закрытых слогах и при каких то условиях в открытых: умойся, злой, крою, бей, сам-третей и пр.; в говорах известно и еi̯ после твердых из уi̯, но такие говоры частью имеют такое еi̯ в ограниченной категории случаев, где оно может быть и морфологического происхождения, частью, может быть, являются переходными на б.-р. основе;

6. произношением rо, ŕе, ŕо, łо, l'е, l'о между согласными с их дальнейшими изменениями в зависимости от ударения из старых rъ, rь, łъ, lь не только в новых закрытых слогах, но и в открытых: брови, дрова, греметь, глотать, слёзы, слеза, и т. п.;

7. произношением v перед старым начальным о под ударением с интонацией акута: восемь, вотчина и пр. (такого же происхождения, вероятно, и v перед о в середине слова в таких случаях, как коровод, повост и окончание gen. sg. местоимений -ovo: во всех этих случаях о имело первоначально ударение с интонацией акута);

8. сохранением нёбной согласной из о.-сл. g (с.-в.-р. g, ю.-в.-р. γ);

9. отсутствием придыхания перед начальными гласными;

10. мягкостью всех согласных, кроме š, ž и, в значительной части говоров (между прочим и в литературном языке), c перед всеми гласными, получившимися из о.-сл. палатальных гласных; диалектически встречается впрочем и в с.-в.-р. и в ю.-в.-р. твёрдое произношение s, реже — других согласных перед е (из о.-сл. е, ь); с этими случаями не надо смешивать твёрдость согласных перед е другого происхождения, распространённую во многих говорах [1]);

11. сохранением старого r мягкого (диалектически ŕ -отвердело только в сочетании ri после sk: скрыпка и пр., реже после st, k, g, γ: стрыгу, крыло, грыб и совершенно единичны случаи изменения ŕi > ry не после согласных);

12. твёрдостью простых шипящих š, ž, при сохранении č мягкого всюду, где оно не изменилось в c (č твёрдое в части с.-в.-р. говоров — вторичное, из c); старые šč, žd͡ž в значительной части говоров изменились в š, ž долгие твёрдые, но диалектически сохраняются и мягкие šč, žd͡ž и мягкие š, ž долгие;

13. глухостью всех несонорных согласных в конце слова не перед звонкими шумными и в середине слова перед глухими;

14. сохранением сочетаний согласных с j или i̯ из старых сочетаний согласных с ьi̯ и ii̯ с ь или i слабыми: пла́тье, свинья́ и пр.; впрочем, в некоторых с.-в.-р. говорах эти сочетания изменились в долгие мягкие согласные, вне связи с подобным же изменением в б.-р. и вост.-м.-р.

[1]) Именно: в некоторых падежных окончаниях: тэй, однэй, худэи (nom. pl.) и т. п., gen. pl. косэй и др., в местоимённых наречиях: оттэда, откэда и др., в слове чeлэк.

b) морфологическими:

15. утратой старой звательной формы; сохранившиеся кое-где старые звательные формы на -о, по большей части, совпали по значению с формами nom. sg;

16. распространением новых звательных форм без окончания от имён на -а; дядь, старух, мышк, Вань и пр.;

17. отсутствием dat. sg. на -ovi, -evi;

18. заменой форм на -cě, -zě, -sě от основ на задненёбные формами на k̇ě, ġě (γ̇ě), ẋě: руке́, ноге́, сохе́;

19. распространением форм nom. pl. на -а́ от существительных мужеского и, отчасти, женского рода: дома́, края́ и пр.;

20. отсутствием nom. pl. на -ě в склонении существительных: ключи́, квашни́, зе́мли;

21. употреблением старой формы gen. pl. в значении acc. pl. не только имён лиц, но и имён животных: пасти коров;

22. употреблением формы nom.-acc. числительных два, оба при существительных не только мужеского, но и среднего рода, а двѣ, обѣ — только при существительных женского рода;

23. употреблением формы gen. sg. существительных при nom. числительных два (две), оба (обе), три, четыре: два дома, две сестры, два окна и пр.;

24. исключительным употреблением в 1 pl. окончания -m (без гласной после m): идем, спим и пр. (см. п. 25);

25. употреблением в значении ind. pl. от глаголов дать и есть форм дадим, дадите и едим, едите;

26. употреблением 1 pl. fut. вм. утраченной старой формы 1 pl. imp.: пойдём, будем(те) ждать и пр.;

27. окончанием -iṫe во 2 pl. imp. от всех глаголов, имеющих во 2 sg. imp. окончание -i и отсутствием 2 pl. imp. на -ěte: иди́те, спи́те и пр.;

27 *a*). отсутствием личных суффиксов в praet. и у частицы бы;

28. заменой старых свистящих нёбными у глаголов с основой на задненёбные в imp.: пеки, -ите, беги, -ите, ляг, -те и пр.;

29. стабилизацией возвратной частицы -ся непосредственно после глагола и слиянием её с глаголом в одно слово;

c) **словарными:**

в.-р. язык имеет много слов, общих и с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречию и отсутствующих в м.-р. и б.-р. или одном из них; таковы, напр., слова: башня, бросать, вор в значении „furo“, воровать, врать в значении „лгать“, второй, забота, лягушка, очень, роща, русло, ужин, чаща и мн. др. Значительная часть подобных слов не известна и другим славянским языкам.[1]).

§ 50. Все фонетические и морфологические различия между в.-р. в целом и другими русскими языками, кроме 3 и, может быть, 9, возникли в историческую эпоху и вызваны изменениями, произошедшими в течение этой эпохи либо в в.-р. (напр., 2, 5, 6, 7, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29), либо в м.-р. и б.-р. (напр., 1, 8, 9, 11, 14, 24), либо в каждом из них в отдельности (напр., 4, 10). Ни одно из этих изменений не датируется памятниками раньше середины XII в. Самое старое из них, хотя и не засвидетельствованное памятниками старше XVI в., это — черта 2; но и оно вряд ли старше XII в. Черта 3, первоначально, повидимому, была свойственна только тем говорам, которые потом образовали с.-в.-р. наречие, а на ю.-в.-р. говоры распространилась лишь позднее.

Черты 4, 10 и 13 общи в.-р. языку с б.-р., а 1, 9, 17, 20, 22, 24, 25, 27 — с сев.-б.-р. говорами и, вероятно, возникли еще до образования б.-р. и в.-р. языков; черта 11 свойственна и значительной части м.-р.; в данном случае в в.-р. и части м.-р. имеется лишь сохранение старины, утраченной в б.-р. и другой части м.-р.

Чертами 4, 10 и 13, т. е. как раз теми, какие общи ему с б.-р., в.-р. язык сближается до известной степени с польским языком. Других совпадений в чертах, отличающих его от б.-р. и м.-р., с другими слав. языками в.-р. в целом не обнаруживает,

[1]) Слово „второй“ сохранилось только в болг. (втори, ср. глаг. вторя), поль. (wtóry) и в.-луж. (wutory), но та же основа сохранилась во всех слав. языках в названии дня „вторник“; слово ужина f- (ср. то же слово в Домострое) имеется во всех ю.-сл. языках (словин. južina) со значением „полдник, еда между обедом и ужином“; в зап.-сл. не известно.

кроме случайных или представляющих только отсутствие изменений, развившихся в м.-р. и б.-р. Что̀ касается начального i из о.-сл. i̯ь, то эта черта, как уже указано, первоначально отсутствовала в ю.-в.-р. Черты 17, 18, 22 и 27, конечно, явились в в.-р. независимо от аналогичных явлений в первом случае в ю.-сл. языках, во втором — в словацком, словинском и чакавских говорях сербохорв.[1]) в третьем — в сербохорв. и словинском, и в четвертом — в сербохорв., словинском, словацком и старопольском.

Северновеликорусское наречие.

А. Общие северновеликорусские черты.

§ 51. С.-в.-р. наречие в его непереходных говорах характеризуется следующими общими чертами:

а) фонетическими:

1. оканьем, т. е. сохранением различия между безударными о и а, по крайней мере, после твёрдых; после мягких это различие в общем также сохраняется, но в известной степени стёрлось во многих говорах вследствие диалектического изменения а после мягких в е с одной стороны и диалектической замены о безударного после мягких через е с другой стороны;

2. нередким выпадением i̯ между гласными и вызываемым этим стяжением гласных, однако часто рядом с сохранением i̯ между гласными у тех же лиц и в тех же словах: бываёт, жалѣёт, моёт, торгуёт, бываэт, жалѣэт, моэт, торгуэт, быват, жалѣт, мот; Микола́в, Ондре́в (заметим, что ое стягивается в о, а не е);

3. g взрывным пз о.-сл. g; только в части говоров Олонецкой губ. такое g между гласными изменилось в γ; звук γ в gen. sg. местоимений и прилагательных в некоторых с.-в.-р. говорах другого происхождения;

[1]) Любопытно, что как раз в словацком и части говоров словинского k в соответствии с с других слав. языков — и в слове „зеркало" — слов. zrkadlo, диал. словин. zrká́lo (не смешивать со словин. zŕkalo „зрачок", где r в о.-сл. было с окраской ъ, и k по закону 2-й палатализации не подлежало изменению в с).

b) морфологическими:

4. формами gen.-acc. sg. личных и возвратного местоимений на -á: меня, тебя, себя;

5. твёрдым -t в окончании 3 лица обоих чисел глаголов; только в части говоров Олонецкой губ. встречаются формы 3 pl. глаголов 1-го тематического спряжения на -ut' с t мягким; но в 3 sg. t твёрдо и там.

Следующие черты свойственны бóльшей части с.-в.-р. говоров:

6. склонность а после мягких к переходу в е; в одних говорах в е перешло лиш а неударяемое (напр., в зап.-новгор.), частью только перед мягкими, частью и перед твёрдыми: в грезú, грезнá, но грязь, — в других также и ударяемое а, но только перед мягкими: грезь, пре́ник, но гря́зно; а между мягкими сохраняется и под ударением и без ударения в бóльшей части говоров, отнесённых в „Опыте“ МДК к Владимирско-Поволжской группе, а спорадически и в других;

7. совпадение о.-сл. с и č (а также совпавшей с č согласной из о.-сл. *tj и *kt) в одном звуке, в бóльшей части говоров — в звуке с мягком или твёрдом, в небольшой части — в звуке č мягком и в части в шепелеватом звуке, среднем между с и č: хоцу, ноц, цас и пр.; Но во многих говорах известны оба звука — с и č; в части таких говоров они смешиваются, т. е. вм. этимологического с является č и наоборот: отечь, пец, и пр.; такие говоры восходят к говорам, в которых с и č совпали; в другой части с.-в.-р. говоров с и č различаются этимологически правильно. Некоторые из них, повидимому, также восходят к говорам, не различавшим с и č, и восстановили правильное употребление с и č под влиянием других; таковы напр. говоры части Новгородской, Петроградской, Тверской и Олонецкой губ., сохранившие следы более раннего цоканья в произношении деепричастий ушотцы и т. п., повидимому, московский говор, сохранивший также несколько слов со свистящими вм. старого č, говоры с твёрдым č, заменившим в них более старое с твёрдое из первоначального č, и др. Но в одной группе с.-в.-р. говоров, повидимому, с и č различались правильно уже в древнейшую эпоху: это — группа залесских

говоров в нын. Ярославской, Владимирской и Костромской губ. Территория, занятая этими говорами, в глубокой древности выделялась среди остальной с.-р. территории. Это был степной остров („поле“) среди лесов, покрывавших с.-р. равнину. Население его политически в историческую эпоху никогда не тянуло ни к Новгороду, ни к Твери и, наоборот, еще со времен Владимира Св. поддерживало связи с Южной Русью. Возможно поэтому, что отсутствие как цоканья, так и ряда других характерных для остальных с.-в.-р. говоров черт в этой группе стоит в связи с давней обособленностью её от других с.-в.-р. говоров. Отсюда уже правильное различение c и č с течением времени могло распространиться на соседние говоры; присутствие же цокающих говоров кое-где и на названной категории могло быть вызвано позднейшими колонизациями;

8. мягкость s в суфф. śk и śtv: женьской, балось[т]во; твёрдо s в этих суффиксах только в говорах Владимирско-Поволжской группы;

9. переход сочетания dn (из о.-сл. dьn или dъn) в n долгое: онна́, совонни; dn сохраняется без перехода в n долгое главным обр. в говорах Владимирско-Поволжской группы. Подобным же образом во многих говорах bm изменилось в m долгое: омман, а n в mn: дамно́, ро́мной, но эти изменения, повидимому, возникли позднее и не получили такого распространения;

b) морфологические:

10. dat.-loc. sg. на -y, i от имён на -a: к горы, на земли;

11. instr. pl. на -m, т. е. совпадение instr. pl. с dat. pl. в одной форме: со своим друзьям; в части говоров известны также instr. pl. местоим. на ḿa-: имя́, темя́, всемя́, реже худы́мя, сущ. на -ma, реже -my: де́вкима, песка́мы, и прилаг. на -ma: золотыма; при этом формы на -ma, -ḿa встречаются и в значении dat. pl. Формы instr. pl. на -mi в с.-в.-р. говорах редки и часто смешиваются с dat. pl. на -m; поэтому их можно считать заимствованием из ю.-в.-р. или из литературного языка;

12. сохранение старого места ударения во многих случаях, где оно не сохранено в ю.-в.-р.; вообще с.-в.-р. ударение архаичнее и более подвижно, чем ю.-в.-р.; так, с.-в.-р. наречие по большей части сохранило старое ударение на предлоге, подвижное ударение в склонении (рукá — рýку и т. п.), старое место ударения в спряжении (вари́ш, краси́ш, идитé и пр.), хотя имеются и некоторые специально с.-в.-р. новообразования и в этой области. Но некоторые архаичные черты в ударении, свойственные большинству с.-в.-р. говоров, утрачены говорами Владимирско-Поволжской группы, как, напр., ударение на конце во 2 pl. некоторых глаголов (спи́те, иди́те вм. спитé, идитé других говоров);

13. сохранение инфинитивов на -či (-ci) при ударении на окончании, частью с заменой их новообразованиями на -kči (-kci): печи́, пекчи́ и пр.;

14. постпозитивный член -ot, -ta, -to: дом-от, избу-ту.

Синтаксических и словарных особенностей с.-в.-р. в целом не называю.

B. Ярославская и Владимирско-Поволжская диалектические группы.

§ 52. Как видно из перечня черт, общих бóльшей части с.-в.-р. говоров, среди них выделяется особая группа, в которой некоторые из этих черт отсутствуют. Эта группа, которую назову условно Ярославской, представляет следующие черты:

1. произношение ě как e;

2. сохранение a между мягкими без перехода в e как под ударением, так и без ударения;

3. сохранение этимологического различия между c и č, причём c произносится твёрдо, č мягко;

4. отвердение s в суфф. sk и stv;

5. сохранение группы dn;

6. утрата некоторых архаизмов в постановке ударения; так, во 2 pl. глаголов ударение никогда не бывает на конце;

7. dat.-loc. sg. на -ě от имён на -a;

8. отсутствие 3 sg. и pl. глаголов без -t;

9. l мягкое после губных и шипящие перед оконч. 1 sg. гла-

голов 2-го тематич. спряжения (на -i-) с основой на губные и зубные (в других говорах части формы, как спю, молотю, видю, просю);

10. отсутствие 2 sg. на -si от нетематических глаголов: ѣш, даш;

11. отсутствие инфинитивов на -ti с ударением на основе (инфинитивы на -ti с ударением на конце сохраняются) и инфинитивов на -či.

Словарный состав этой группы говоров также отличается от словарного состава других с.-в.-р. говоров. Отмечу исключительное употребление слов бороновать (не „волочить“), лошадь (не „конь“ или „комонь“), пахать (не „орать“), зола (не „попел“), пахарь (не „ратай“) и др., отсутствие ряда слов, свойственных другим с.-в.-р. говорам, как баской, и др.

Другие черты этих говоров частью являются общими им с говорами Восточной группы, как изменение конечного е в о, звук v в окончании gen. sg. местоимений и прилагательных, и др., частью с говорами Северной группы, как мягкость конечных губных, v и f из. о.-сл. wъ перед согласными и в конце слова, сохранение ł без изменения в u̯, и др.

В „Опыте“ МДК эти говоры не выделены в особую группу, а отнесены к группе Владимирско-Поволжской вместе с другими, сходными с ними по судьбе ě и некоторым другим чертам. Эти другие говоры, заключая ряд особенностей, общих им с говорами Ярославской группы, по другим чертам отличаются от них, совпадая частью с говорами Северной, частью с говорами Восточной группы. Повидимому, основа их иная, чем у говоров Ярославской группы, и, может быть, не одна и та же у разных говоров, но будучи оторваны от своей первоначальной основы, они подверглись сильному влиянию со стороны говоров Ярославской группы и Московского *κοινή*.

C. D. Северная и Восточная диалектические группы.

§ 53. Говоры, не входящие в состав Владимирско-Поволжской группы, по своим особенностям не однородны. Оставляя в стороне позднейшие наслоения, вызванные влиянием одних говоров на другие, укажу наиболее заметные диалектические различия:

а) фонетические:

1. о.-в.-р. ᵘо из о.-сл. о под ударением с интонацией акута изменилось в о, совпавши таким образом со старым о неакутованным в говорах Поморской, Зап.-Новгородской и, повидимому, части Олонецкой групп, и сохранилось в говорах Восточной группы[1]): куожа, коруова, сёлуо; может быть, в связи с этим стоит и различие между этими говорами по судьбе окончания gen. sg. m. местоимений и прилагательных;

2. ě в одних говорах произносится всюду как е[2]), в других обнаруживает склонность к переходу в і: в части говоров ě перешло в і только перед мягкими: се́но, но на си́ни; в другой — как перед мягкими, так и перед твёрдыми: сино; архаичные говоры, где ударяемое ě произносится, как іе, различаются по судьбе ě безударного, произносимого в одних из них везде как е, в других — как і перед мягкими и е или о перед твёрдыми: в лёсу, лисник. К говорам, не изменяющим ě в і, относятся говоры Поморской и Олонецкой групп, к говорам с і из ě в том или ином положении, — Восточной и Новгородской групп; в первой из них і из ě — только перед мягкими, во второй — и перед твёрдыми;

3. конечное е (именно, в окончании 2 pl. глаголов и из ě после i̯ в падежных окончаниях) дало в говорах Поморской, Олонецкой и Зап.-Новгородской групп е под ударением, е, ӓ и а после ударения: спите́, зна́ете(тя), а в говорах Восточной группы — о в обоих случаях: спитё, зна́итё;

4. старое wъ в конце слога дало в зап. говорах Восточной группы u̯: короў, даўно, в остальных — v перед звонкими, f перед глухими и в конце слова;

5. ł в конце слога в зап. говорах Восточной группы перешло в u̯: воўк, даў; в остальных сохранилось, как ł;

5 *а*). в тех же зап. говорах Восточной группы вм. ł перед гласными часто произносится l среднее;

[1]) Пользуюсь для краткости обозначениями, принятыми в „Опыте“ МДК., хотя сам предлагаю здесь другое деление.

[2]) Конечное і в loc. sg. сущ. m. и n. и dat.-loc. sg. сущ. на -а, в говорах Архангельской губ., повидимому, морфологического происхождения.

6. k и g твёрдые после мягких неслоговых звуков смягчились в значительной части говоров Восточной группы: хозе́йкя, до́цкя, сохранились без смягчения в остальных; —

b) морфологические:

7. в gen. sg. m. и n. местоимений и прилагательных в говорах Поморской и Олонецкой группы являются окончания -ogo или -oγo; те же окончания — в архаичных говорах Новгородского уезда; в части поморских и в самой сев. части Вологодской губ. имеется oo; в говорах Восточной и Зап.-Новгородской группы — окончание -ovo, у прилагательных также -avo и -ova. Звук v в этом окончании происхождения фонетического: согласная между двумя o фонетически выпадала, а затем между ними, перед ударяемым ᵘo из старого акутованного o развивалось v, как и в начале слова; ударение на конце в этой форме в с.-в.-р. некогда имели не только местоимения, но, может быть, и прилагательные с ударением на окончании, ср. такие фамилии, как Дурново́ и др. Так как в тех же говорах g между гласными не выпадает, ср. погода, рогожа и пр., то в окончании gen. sg. следует предполагать для древнейшей эпохи звук, отличный от g, т. е. γ или h. Звук v в том же окончании известен также и ю.-в.-р. говорам, но там он явился не органически, а под влиянием московского *κοινή*; архаичные ю.-в.-р. говоры имеют γ. Отсутствие формы gen. sg. m. местоимений и прилагательных с v в говорах Поморской группы, может быть, стоит в связи с ранней утратой ᵘo.;

7 *a*). в немногих говорах Восточной группы, между прочим, в Сибири, числит. 5—30 могут иметь для косв. падежей формы pl.: пяти́х, пятёх и пр.;

8. глаголы 1-го тематического спряжения (с тематической гласной e) с основой на задненёбные в поморских, олонецких и зап.-новгородских говорах имеют обычно перед окончанием 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. мягкие нёбные согласные, в вост. — твёрдые: арханг. пекёт, жгёт, волог. пекот, жгот;

9. в говорах Вост. группы употребительны образования fut. с глаг. иму: иму́ коси́ть и пр.

Есть между этими говорами и довольно значительные словарные различия, которых здесь не касаюсь.

§ 54. Перечисленные черты позволяют выделить среди с.-в.-р. говоров (за исключением говоров *B.*, рассмотренных выше) две основные группы — *C*, Северную и *D*, Восточную. Наиболее чистыми представителями *C* являются говоры поморские, *D* — вологодские и вятские; *C* характеризуется: 1. отсутствием ᵘo из акутованного o, 2. отсутствием изменения ě в i, 3. звуком e из e в конце слова, 4. звуками v и f из wъ в конце слога, 5. отсутствием u̯ из ł, 6. отсутствием смягчения k, g после мягких неслоговых, 7. окончаниями -ogo, -oγo, -oo в gen. sg. m. и n. местоимений и прилагательных, 8. мягкими согласными перед окончанием 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. глаголов с основой на задненёбные.

§ 55. *D* характеризуется 1. сохранением ᵘo из акутованного o, 2. изменением в известных положениях ě в i, 3. o из e в конце слова, 4. u̯ из wъ в конце слога, 5. u̯ из ł в конце слога, 6. смягчением задненёбных после мягких неслоговых звуков, 7. окончаниями -ovo, -avo, -ova в gen. sg. m. и n. ср. р. местоимений и прилагательных, 8. твёрдыми согласными перед окончаниями 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. глаголов с основами на задненёбные.

§ 56. Говоры олонецкие и зап.-новгородские соединяют особенности *C* и *D*; можно их рассматривать, как говоры по происхождению переходные; первоначальная основа их, повидимому, северная, а восточные черты в них представляют в таком случае позднейшие наслоения. В говорах Новгородской группы некоторые черты, как утрата цоканья, отсутствие e из a между мягкими под ударением и т. п. могли явиться также под влиянием говоров Ярославской группы или Московского говора. Черты, отличающие нынешние зап.-новгородские говоры от говоров *C*, не были известны новгородскому говору до XVI в.

§ 57. Названные группы могут быть установлены в области с.-в.-р. наречия лишь в самых общих чертах: все с.-в.-р. говоры почти всё время своей исторической жизни были тесно связаны между собой и по большей части составляли единое целое; поэтому разные диалектические черты, поскольку они возникали в том или другом областном центре неодновременно или обладали различной степенью усвояемости и устойчивости, в с.-в.-р. области имеют

разные районы распространения, и ясно обозначенных границ между говорами, как совокупностями диалектических особенностей, в пределах с.-в.-р. наречия почти нет, тем более, что разные говоры в разное время влияли друг на друга; в то же время на изменение состава с.-в.-р. говоров оказывали влияние многочисленные переселения, из которых немало исторически засвидетельствовано, и отхожие промыслы, сильно распространённые в некоторых районах. Господствующие тенденции в современной эволюции с.-в.-р. говоров определяются влиянием московского *κοινή* и, отчасти, говоров Ярославской группы.

§ 58. Из черт, характерных для с.-в.-р. наречия или его говоров, сохранение старины представляют черты *A* 1, 3, 8, 12, 13, *B* 2, 3, 5, 7, 9, *C* 3, 5, 6, 7 и *D* 1. Выпадение i̯ между гласными (*A* 2) могло быть очень старым, но по памятникам не может быть прослежено; стяжение гласных засвидетельствовано лишь поздними памятниками. Совпадение c и č в одном звуке (*A* 7) относится к доисторической эпохе, так как засвидетельствовано новгородскими памятниками уже в XI в. Различие между говорами с u̯ из wъ и говорами с v и f могло быть очень старым; впрочем в с.-р. памятниках „оу" вм. „въ" раньше XIII в. не встречается. Остальные черты возникли позднее и засвидетельствованы памятниками не старше XIII и XIV в.

§ 59. Черты *A* отличают с.-в.-р. наречие от ю.-в.-р. в его целом (кроме *A* 8, так как мягкое s в суфф. śk известно и в некоторых ю.-в.-р. говорах); в ряде случаев эти различия восходят к эпохе до образования в.-р. языка и даже к доисторической эпохе. Таковы различия по чертам 3 и 7. Из диалектов с.-в.-р. ближе других к ю.-в.-р. стоят говоры *B*, совпадающие с ю.-в.-р. в целом по чертам 2, 3, 5, 6, 7, 10, 11 и с бо́льшей частью ю.-в.-р. говоров по черте 1; черты *B* 4, 8, 9, а также характерные для *B* черты *C* 4 и *D* 3, 7 повторяются и в значительной части ю.-в.-р., но являются в них не исконными, а вторичными, вызванными московским влиянием; впрочем *C* 4 для восточной части ю.-в.-р. говоров может считаться исконной. Говоры *C* сближаются с ю.-в.-р. по чертам 2 (не вполне) и 5, с архаичными ю.-в.-р. говорами по чертам 3 и 7, с частью говоров по черте 1 и с частью (северными и восточными) по черте 4. Говоры *D*

сближаются со всеми ю.-в.-р. только чертой 6, с частью (главным образом вост.) по черте 1 и с частью (ю. и зап.) по черте 4. В генетической связи между собою могут стоять случаи совпадения *B* со всеми ю.-в.-р. говорами; случаи совпадения *B* с частью ю.-в.-р. говоров по большей части вызваны московским влиянием в ю.-в.-р. области, т. е. генетичсекая связь между *B* и ю.-в.-р. имеется и в этих случаях; черта *D* 4 вряд ли стоит в генетической связи с аналогичным явлением в ю.-в.-р. Остальные диалектические совпадения с.-в.-р. и ю.-в.-р. случайны.

§ 60. С м.-р. языком с.-в.-р. в целом или в бо́льшей части его говоров сходится только отсутствием некоторых новообразований, развившихся в ю.-в.-р., или сохранением архаизмов, утраченных в ю.-в.-р. Таковы черты *A* 1, 8, 13, формы 2 sg. ѣ с и, д а с и, ударение на конце во 2 pl. и др., между прочим, ряд слов, утраченных в ю.-в.-р., как к о н ь, о р а т ь в значении „пахать" и др. Совпадения с.-в.-р. с частью м.-р. говоров по чертам *A* 5 и 6 и части с.-в.-р. говоров с м.-р. и др. по чертам *D* 4 и 5 случайны, т. е. следует думать, что соответствующие черты развились в с.-в.-р. и м.-р. независимо. Наоборот, совпадения с.-в.-р. с северными говорами с.-б.-р. наречия по чертам *A* 7, 9, 11 указывают на старую связь между с.-в.-р. и с.-б.-р., существовавшую еще до образования в.-р. и б.-р. языков.

§ 61. С прочими славянскими языками или с некоторыми из них с.-в.-р. наречие совпадает в немногих случаях, где сохраняет о.-сл. старину, утраченную в ю.-в.-р.; таковы черты *A* 1, 3, *C* 6; кроме того, некоторые новообразования с.-в.-р. наречия, фонетические и морфологические, тожественны или сходны с соответствующими новообразованиями тех или других славянских языков или их говоров. Бо́льшую часть их с.-в.-р. наречие и другие славянские языки развили независимо друг от друга, и только по отношению к *A* 7 мы не располагаем данными, чтобы решить, является ли совпадение с и č в с.-в.-р. и совпадение свистящих и шипящих в мазуракающих говорах польского языка результатом их общей жизни в доисторическую эпоху или возникли в них независимо в одном от другого, потому что эти явления произошли до появлення древнейших письменных памятников сев.-русских и польских, а других старых

черт, сближающих с.-в.-р. наречие только с вост.-польскими говорами, мы не знаем.

Можно указать еще две черты, сближающие с.-в.-р. наречие или часть его говоров с зап.-слав. языками.

Сочетания kl, gl вм. о.-р. l: перецок „перечёл“, прицклась „причлась“, жагло „жало“, и praet. типа ушот с t вм. о.-р. l в некоторых зап. с.-в.-р. говорах представляют следы такого говора, в котором о.-сл. tl, dl не изменились в l; с течением времени эти сочетания или получившиеся из них kl, gl в середине слова и t в конце слова почти всюду в этом говоре были утрачены и заменены нефонетически звуком l под влиянием других с.-в.-р. говоров, сохранившись лишь в немногих отдельных словах. Этой чертой зап. говоры с.-в.-р. наречия сближаются с зап.-сл. языками. Совпадение это могло быть органическим, т. е. могло быть вызвано тем, что часть с.-в.-р. говоров некогда входила в зап.-сл. диалектическую группу и только позднее, после того, как в русской группе tl, dl изменились в l, примкнула к этой последней. Но так как в отсутствии изменения tl, dl в l можно видеть сохранение старины, то возможно, что зап. говоры с.-в.-р. наречия, как наиболее удаленные от того центра, из которого шло изменение tl, dl в l, не усвоили этой черты вследствие своей удалённости независимо от подобного же явления в зап.-сл. языках[1]).

Чертой, сближающей с.-в.-р. наречие в отличие от ю.-в.-р. с зап.-сл. языками является, может быть, и šč с его позднейшими изменениями из о-сл. *sk перед ě и i из oi̯ в начале некоторых основ; такое же šč было перед теми же гласными и в падежных окончаниях, но было очень рано заменено новообразованиями с сочетанием śḱ; в начале слова такое šč — в словах щѣпка и щѣрить и в производных от тех же основ; те же основы

[1]) Если принять гипотезу Трубецкого (ZslPh. II. 117—121), что в известную эпоху сочетания tl, dl одного слога в о.-сл. всюду изменялись в l, и что tl, dl в середине слова в зап.-сл. сохранилось потому, что там слогораздел в этом случае приходился между t или d и l, и что такой слогораздел представлял диалектическое новообразование зап.-сл. группы, то совпадение зап. говоров с.-в.-р. наречия с зап.-сл. языками по этой черте надо будет считать органическим.

есть и в ю.-в.-р. и в б.-р. и м.-р., но во всех их имеются или имелись и образования с начальным sk; есть основания думать, что в этих случаях образования с начальным šč в ю.-в.-р. — из с.-в.-р. (т. е. непосредственно из московского), а в м.-р. и б.-р. — с польского. В таком случае šč из *sk перед ě является характерной чертой только с.-в.-р.; стоит ли она в органической связи с šč из sk перед ě и i из oi̯ в зап.-сл. языках, сказать трудно, потому что в последних её можно связывать со свойственным только этим языкам изменением ś в š, неизвестным большинству с.-в.-р. говоров.

Южновеликорусское наречие.

§ 62. Ю.-в.-р. наречие в целом характеризуется следующими чертами:

а) фонетическими:

1. аканьем, т. е. совпадением старых безударных а, о и ъ сильного не после мягких и совпадением а, о, е, ě и ь сильного после мягких и шипящих; гласные, получившиеся из старых а, о, ъ и из старых а, е, ě, ь различны, смотря по их фонетическому положению и по говорам (примеры см. в § 63);

2. переходом ударяемого ě почти во всех говорах в е, открытое перед твёрдыми, закрытое перед мягкими; в немногих архаичных говорах ě сохраняется, как дифтонг ie или гласная неоднородной артикуляции, начинающейся с i и кончающейся е; i из ě — только в одном глаголе jiśt́ (inf.);

3. фрикативным γ из о.-сл. g в соответствии с с.-в.-р. g; перед глухими и в конце слова не перед звонкими шумными γ изменилось в x;

4. смягчением k после мягких неслоговых: до́нькя, но̀чкю и пр.; говоры, где такого смягчения не наблюдается, — переходные, т. е. по своей основе с.-в.-р. или б.-р., частью — ю.-в.-р., испытавшие сильное влияние московского *κοινή*.

5. отсутствием дзеканья, т. е. произношения со свистящими мягкими аффрикатами из смягчённых t, d;

6. сохранением этимологического различия между всеми шипящими и свистящими;

7. мягкостью č (соответственно и d͡ž перед звонкими);

8. произношением š, ž долгих твёрдых из старых šč, žd͡ž;

9. твёрдостью звука c;

10. сохранением старого сочетания xv без изменения в f.

b) морфологическими:

11. формой instr. sg. f. (т. е. старых основ на -a, -i и согласные) на -ui̯ при ударении на основе: под застрéхуй, óсенюй, ночюй, ма͡терюй (и матерьюй) и пр.; при ударении на окончании сохраняются формы на -oi̯, ju: асянью́, рукóй; впрочем, названные формы на -ui̯ распро͡странены не всюду, и есть говоры, со͡храняющие неударяе͡мые окончания -ai̯ или əi̯ (из oi̯) и ju;

12. распространением формы loc. sg. на -u на имена мужеского рода с неподвижным ударением и, частью, на имена среднего рода: на жениху́, на концу́, на коню́, при отцу́, на дяви́шнику, на стóлику, у полю и т. п.

12 *a.* распространием оконч. loc. sg. -ě (с ударением на окончании) на имена женского рода т. наз. основ на -i: в грязѣ́, в пылѣ́ и пр.

13. образованием nom. pl. на -á не только от имён мужеского рода, но и от имён женского рода: хлопотá, деревня́, волостя́, зеленя́, площадя́, степя́ и пр.;

14. сохранением старого этимологического различия между dat. и instr. pl., причом последняя форма всюду оканчивается на -ḿi: лесами, горами, людьми́ или людя́ми, злыми, теми, нами, двуми́, трюми́;

15. сохранением γ в gen. sg. m. и n. местоимений и прилагательных: тагó, злóґа;

16. формами gen.-acc. sg. личных и возвратного местоимений на e: менé, тебé, себé;

17. формой dat.-loc. sg. личного местоимения 1 лица менѣ́;

18. окончаниями acc. sg. f. прилаг. -úja под ударением, -aju (əju) без ударения: злу́я, дóбраю;

19. произношением jé (не jó) в gen.-acc. f. местоимений ее, тое, самое, всее, одное там, где эти формы не заменены новообразованиями на -ju (яю́, таю́, всяю́ и пр.);

20. формой nom. pl. местоим. аны;

21. отсутствием форм ѣси́, даси́ (употребляются только формы ѣш, даш);

22. t' мягким в 3 л. обоих чисел глаголов: бяги́ть, жнуть; t' может отсутствовать в 3 sg. глаг. 1 спр. (с гласной е) и глаг. с ударением на основе, реже, в 3 pl. глаг. 2 спр. (с гласной i) при ударении на окончании: несе́, ґаря́;

23. совпадением окончаний 1-го и 2 спр. (с гласными е и i) при ударении на основе: во 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. перед согласной окончания всюду i, в 3 pl. u (ü), при отсутствии t' в 3 sg. a с его фонетическими заменами: ко́лить, мо́лить, идуть, хо́дють, пиша, су́ша, идя, хо́дя;

24. гласной е (не о) в окончаниях 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. глаголов 1 спр. при ударении на окончании: несе́ш, -е́ть, е́м;

25. отсутствием инфинитивов на -ti, -či, заменённых всюду инфинитивами на t́, č: месть, несть, печь, лечь, иди́ть и пр.;

26. употреблением деепричастий на -mšy: идёмши и пр.;

27. некоторыми новообразованиями в постановке ударений: *a)* переносом ударения с предлога на существительное или с приставки на основу: на во́з, под но́сом, под ко́рень, на бе́рег, за го́род, отда́л, прожи́л, вымо́ю и т. п.; *b)* неподвижным ударением на окончании у имён женского рода со старым подвижным ударением: руку́, зямлю́, нагу́, сасну́ и пр.; *c)* тенденцией, не проведенной впрочем последовательно, к прикреплению ударения на основе у прилагательных: гу́стай, на́гай, про́стай, то́лстай и т. п.; *d)* утратой старого ударения на конце во 2 pl.; всюду только: спи́те, хоти́те, иде́те; *e)* тенденцией, не проведенной последовательно, к переносу ударения на основу во 2 и 3 sg. и в pl. у глаголов, имевших первоначально в этих формах ударение на окончании: ва́лиш или во́лиш, во́риш, до́риш, падо́риш, ко́тиш, кра́сиш и кро́сиш, ма́ниш, со́диш, пасо́диш, то́щиш, хоро́ниш (в большей части примеров о вторичное вм. а) и т. п.

Из названных черт некоторые в настоящее время утрачены частью ю.-в.-р. говоров и заменены соответствующими чертами московского говора; таковы черты 4, 8, 10, 15, 19, 24, а также формы 3 лица глаголов без -t' и некоторые новообразования в постановке ударения; черты 10, 15, 19, 24, сохраняются

только в наиболее архаичных ю.-в.-р. говорах. Утрата тех или других ю.-в.-р. черт частью ю.-в.-р. говоров стоит в связи с более сильным московским влиянием, вызванным более частыми или удобными сношениями населения с Москвой, присутствием в составе населения переселенцев из-за Москвы, продолжительным влиянием школы и т. п.

§ 63. Главнейшие диалектические различия в ю.-в.-р. гово-рах:

а) фонетические:

1. Различный характер аканья. Этот характер связан с действием двух факторов: диссимилирующего влияния гласных следующего (главным образом ударяемого) слога и влияния твёрдости или мягкости неслоговых звуков, предшествующих неударяемому гласному звуку или следующих за ним. Твёрдость и мягкость предшествующего согласного звука отражается в той или другой мере на произношении безударных гласных звуков во всех ю.-в.-р. говорах, но в части говоров — лишь до некоторой степени: или в обоих случаях является а с более задней или более передней артикуляцией, частью в зависимости от названных условий, или в обоих случаях — звуки среднего или верхнего подъёма, среднего ряда (ә, у и т. п.) после твёрдых, переднего после мягких; эти гласные в зап. говорах ю.-в.-р. наречия артикулируются ниже, чем в восточных: диалектологические записи из Курской губ. имеют в таких случаях после мягких „и", а из Воронежской — „е". Кроме того, положение после мягких более способствует сохранению диссимилятивности в аканье, чем положение после твёрдых: во многих, если не в большинстве ю.-в.-р. говоров, сохраняющих диссимилятивность после мягких, после твёрдых она утрачена, или же, при сохранении диссимилятивности после твёрдых, гласная отличная от а в этом положении артикулируется значительно ниже, чем после мягких: так, в говорах Курской губ. при і после мягких, после твёрдых при тех же остальных условиях является гласный звук пониженно-среднего подъёма. Принцип диссимилятивности в аканье состоит в том, что характер гласного звука зависит от характера гласного звука следующего слога: перед слогом с гласными верхнего подъёма или начинающимися с артикуляции верхнего подъёма старые безударные гласные среднего

и нижнего подъёма дали а, поскольку этому не мешает редукция звука в положении не непосредственно перед ударением, и, в части говоров, положение перед мягкими неслоговыми звуками; перед слогом с гласными среднего и нижнего подъёма, поскольку принцип диссимилятивности сохраняется, являются гласные среднего или верхнего подъёма, т. е. отличные от а. К гласным верхнего подъёма или начинающимся с артикуляции верхнего подъёма в ю.-в.-р. первоначально принадлежали u, у, і, ударяемое ě и ᵘо из старого ударяемого акутованного о, к гласным среднего и нижнего подъёма — о из старого ударяемого о с интонацией циркумфлекса, из ъ и из ė и ь перед твёрдыми и е из старых е и ь не перед твёрдыми. Первоначальный характер диссимилятивного аканья сохранился во всех говорах, где сохранилось различие между ᵘо и ě с одной стороны и о и е с другой, поскольку в них сохранилось само диссимилятивное аканье. Но во многих говорах совпадение ᵘо с о, а ě с е вызвало изменения в диссимилятивном аканье. По имеющимся записям диалектологических матерьялов и описаниям говоров эти изменения можно проследить только на произношении предударных гласных после мягких, так как после твёрдых диссимилятивность в большей части ю.-в.-р. говоров или утрачена или не отмечена наблюдателями. В произношении же гласных после мягких в диссимилятивно акающих или якающих[1]) ю.-в.-р. говорах в настоящее время различаются следующие типы: 1. архаичный, с а перед гласными верхнего подъёма и перед ᵘо и ě и с гласными среднего или верхнего подъёма, в западных говорах і, в восточных -е, в остальных положениях; 2. донской, с а перед слогом с гласными верхнего подъёма (u, у, і) и с ẹ или і перед слогом с остальными гласными (в том числе перед о разного происхождения и перед е из ě), 3. суджанский, с гласной а перед слогом с гласными верхнего подъёма, а также перед о из старых о, ъ и с гласной і перед слогом с гласными из старых ě, е, ь, а, 4. щигровский, с гласной а перед слогом с гласными верх-

[1]) Диссимилятивно-якающими называю говоры, сохраняющие диссимилятивность в произношении безударных гласных после мягких; относительно сохранения диссимилятивности после твёрдых в таких говорах имеющиеся сведения не достаточны.

него подъёма, перед о из старых о и ъ и перед ě и с гласной і или е перед гласными из старых е и ь. Первый из этих типов, как архаичный, встречается в разных местах; главным образом отмечен в Обоянском у. Курской губ. еще в 50-х годах XIX в., а недавно в Задонском и Землянском уездах Воронежской губ.; записи из Обоянского у. 50-х годов (Машкина) не дают указаний на отличие ᵘо от о (пишется одинаково „о") и ě от е (буквы „ѣ" и „е" различаются этимологически); возможно, что это отличие в говоре еще существовало; в записях из Задонского и Землянского уездов (Тростянского) определенно указывается на отличие в произношении ᵘо и ě от о и е. Говоры с яканьем[1]) суджанского типа занимают зап. часть Курской и Орловской губ.; говоры с яканьем щигровского типа — восточные уезды Курской и Орловской губ., ю.-зап. угол Тульской губ. и самую зап. часть Воронежской, говоры с яканьем донского типа — Донские округа Донской области.

В говорах вост. части ю.-в.-р. области диссимилятивность в аканье или отсутствует вовсе или нарушена новым процессом ассимиляции предударной гласной ударяемому а. В первом случае является сильное яканье,[2]) т. е. такое, в котором а безударное (гл. о. предударное) произносится и после твёрдых и после мягких неслоговых звуков и в начале слова, независимо от твёрдости или мягкости следующих согласных[3]) и от характера гласной следующего слога. Во втором случае — яканье ассимилятивно-диссимилятивное: после твёрдых независимо от характера следующего слога является, судя по ответам на программы, а,[4]) после мягких перед слогом с u, у, і и с о из старых о и ъ

[1]) См. предыдущее примечание.

[2]) Не смешивать с частым в более ранней литературе термином „сильное аканье", под которым обычно объединяются все виды аканья ю.-в.-р., б. р. и ср.-в.-р., кроме иканья и еканья. Ср. примеч. к стр. 128 и 129.

[3]) Не считая некоторого передвижения артикуляции а вперёд перед мягкими.

[4]) Возможно, впрочем, что программы не отмечают существующего в говорах различия между а и звуком отличным от а в зависимости от характера ударяемой гласной, если звук, отличный от а, произносится с пониженно-средней артикуляцией.

произносится а, перед слогом с гласными из старых е и ь — е или і; перед слогом с ě в одних из таких говоров произносится а, в других — е или і; повидимому, это различие стоит в связи с диалектическим произношением ě как гласного звука неоднородной артикуляции, начинающейся с і (или как дифтонга іе) в части таких говоров[1]). Граница между говорами с яканьем сильным и ассимилятивно-диссимилятивным точно проведена быть не может: оба типа отмечены между прочим в одних и тех же уездах Рязанской, Тамбовской и Воронежской губ. и Донской области. Сильное яканье могло развиться на почве диссимилятивного путём перехода всякого предударного е в а, причём посредствующей ступенью к этому могло быть аканье ассимилятивно-диссимилятивное.

Другим фактором, более новым, определяющим различия в характере аканья, является в ю.-в.-р. положение перед твёрдыми или мягкими согласными. В охарактеризованных выше говорах твёрдость или мягкость следующих согласных на произношение гласных не влияет; в других говорах это влияние выражается в тенденции предуударных гласных из а, ь, е, ě, а, ę после мягких к переходу в і или е[і] перед мягкими и в а перед твёрдыми; на почве диссимилятивного аканья эта тенденция выразилась или в переходе всех подобных гласных перед мягкими в і или е[і] при сохранении диссимилятивности перед твёрдыми (я к а н ь е д и с с и м и л я т и в н о е - у м е р е н н о е) или к переходу их перед твёрдыми в а при сохранении диссимилятивности перед мягкими (я к а н ь е у м е р е н н о - д и с с и м и л я т и в н о е); при отсутствии диссимилятивности получилось у м е р е н н о е я к а н ь е[2]), состоящее в том, что перед твёрдыми является в предударном слоге вместо названных гласных а, перед мягкими і или е закрытое, независимо от характера ударяемой гласной. Говоры с этими

[1]) Такое произношение ě отмечено, между прочим, в ответе на прогр. МДК № 7 по Рязанскому уезду.

[2]) Не смешивать с употребительным у многих термином „умеренное аканье", которым большинство обозначает иканье и еканье, а Карский также (Белоруссы I, стр. 194, II. 1, стр. 143, Русская Диалектология, стр. 118) называет и диссимилятивное аканье и неполное аканье ю.-б.-р. говоров. Ср. примеч. к стр. 127 и 129.

тремя типами аканья распространены главным образом в сев.-зап. части ю.-в.-р. области, именно, в сев.-зап. уездах Орловской и большей части Тульской губ. и севернее, причём умеренно-диссимилятивное и диссимилятивно-умеренное яканье известно только в ю. части этого района. Присутствие в таких говорах черт, свойственных московскому говору, и обычность умеренного яканья в говорах средневеликорусских (см. § 69) позволяют думать, что умеренное яканье проникло в ю.-в.-р. говоры из ср.-в.-р. и затем уже повлияло на образование умеренно-диссимилятивного и диссимилятивно-умеренного яканья на основе первоначального диссимилятивного.

Кроме названных типов аканья в ю.-в.-р. известны еще яканье ассимилятивное, иканье и еканье. Первое в области ю.-в.-р. говоров отмечено до сих пор только одним наблюдателем в одной местности Ливенского уезда Орловской губ.,[1]) но распространено в зап. части ср.-в.-р. говоров. Более распространены иканье и еканье[2]), т. е. аканье с произношением после мягких і или е как перед мягкими, так и перед твёрдыми, независимо от характера гласной следующего слога. Эти типы аканья или принадлежат выходцам из области ср.-в.-р. говоров или занесены из Москвы и свойственны в таком случае главным образом речи торговцев и мещан.

Примеры[3]). Аканье диссимилятивное: в саду, ваду, взайду, бəрану́, гəлаву́; даю, тваю, взавьюсь; давить, насить, взайти, свинья апəрасилась; дары, вады и пр., с отчётливым а; перед слогом с о, е в записях только а: залог, задок; вадой, сталом; зашьеть, пайдеть, сарветь и пр., но есть примеры с пропуском гласной после плавных: парсёнак; перед слогом с а: дəвай, вəда, сəбрал, и, с пропуском гласной после плавной: варта, галва.

[1]) Ю.-в.-р. прогр. МДК 75. См. мои Разысканія, стр. 222.

[2]) Два последние типа известны под названием „умеренного аканья“ (не смешивать с умеренным яканьем!); пользующиеся этим термином обыкновенно не различают оттенков остальных типов аканья, обьединяя их под общим термином „сильного аканья“. Ср. примеч. к стр. 127 и 128.

[3]) Примеры привожу, по возможности, на все первоначальные предударные гласные, совпавшие между собою в силу аканья, т. е. а, о, ъ после твёрдых, а, ę, е, ь, ѣ после мягких в разных положениях.

Аканье недиссимилятивное: давай, вада, сабрал; гəлава́, вəрата́, пəрасёнак или прасёнак; в саду, ваду и пр.

Яканье диссимилятивное: *a*) архаичного типа: 1. задон.: нясу, беряжку́, сялу, лянку, слязу, бяду, у пяску, святуя, пряду; вялю, тярплю, мяньшу́я, пяють, сямью, пятью; няси, вялить, вярнись, з дятьми, глядиш, пряди, запряги, дьячки; сястры, слязы, бяды, святым; сялуо, ня хуочить, ня пуой, слязуой, гнядуова, святуом; вялѣл, увяздѣ, гняздѣ, глядѣла; — сестра, слезами, зерна, беда, из гнезда, гнедая, светая, запрега́й; велять, серча́я, семья, гледять; не ско́ра, не в пору[1]); селом, песок, гнедой nom. sg. m., ребой nom. sg. m.; берёза, твете, девчонка, пее „поёт“, преде „прядёт“; бережо́к, селезе́нь, меньшой nom. sg. m., серде́чкя, семе́йкя, детей, дьечок и пр.;

2. обоян.: сялу, сястру, пяку, жыряпцу́, вярнусь, бягу, бяду, к вянцу, сядуя, пряду, рябуя; дярю́га, зямлю, сямью, пятью; пяки, вярнись, бягить, пряди, пяти; сястры, гарямыка, навсягды, бяды, сядыя, сябры nom. pl.; ня бойси, ня стой[2]), сяло, стюдяно, пянькёвай, вядро, сядой gen.-dat.-loc. sg. f., заняло, рябой gen.-dat.-loc. sg. f.; сястрѣ, бядѣ, грядѣ́; — сила gen. sg., систра, стюдина́, свирка́я, видра gen. sg., бида, сида́я, питак, сибра „сябра“ gen. sg., занила́, риба́я; зимля, пинькя nom. sg., дирвяннай (с пропуском гласной после главной), бидня́га, зитья; ни ровня, ни родам[3]); силом, день диньской, пад винцом „под венцом“, сидой nom. sg. m., ритком „рядком“, рибой nom. sg. m.; висёлая, пикеть, придеть „прядёт“, тисёмка, плитень, жырбец (с пропуском гласной после плавной), динёчик, свитёл „светлый“, винец, чижолай „тяжолый“;

b) донского типа: сялу, вясну, нясу, бирягу, слязу, у пяску, ряку, бяду, сядуя, пряду, шырстянуя; вялю, смяются; вясны, слязы, бяды, ямшык, шырстяныи; няси, вялить, биряги, слязинка, пряди, гляди; — сила gen. sg., висна, нисла, слиза,

[1]) В словах скоро и пору ударяемое о в о.-сл. имело интонацию циркумфлекса.

[2]) В словах бойся и стой ударяемое о имело в о.-сл. интонацию акута, ср. задон. буойси, стуой.

[3]) Слова ровня, родом имели в о.-сл. ударение с интонацией циркумфлекса.

рика, бида, прила „пряла“, шырстина́я; вилять 3 pl., смиялси, глидять; сило, висной, слизой, за рикой, бидой, сидой nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., шырстиной nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f.; писок; зилёнай, нисеть, биригéть, смиéтси, придеть „прядёт“; видерный; виснѣ, тимнѣть, в бидѣ, в рикѣ, глидѣть;

c) суджанского типа: сялу, нясуть, зиляну́я, лянку, твятуть, ряку, гняду́я, запрягу́, рябуя, пляшу; вялю, зямлю, змяю, пяють, йичмяню́; зиляны́и, тямны, гнядыя, рябыя, язык; няси, слязинка, у двяри, ряки, ляни́вай, глядить, пяти, яиц, ядри́стай; сяло, зиляной nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. f., стякло, слязой, гнядой nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., дялов, рябой nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f.; зямлёй, змяёй, бяльё; сялом, лянок, стяклом, твяток; — сила gen. sg., зилина́я, слиза, тимна, рика, гнидая, рибая, плисать, ица „яйца“, паиса́ nom. pl.; зилиня́ nom. pl., змия, двиря́ми, билья, игняты; бирёза, нисеш, твитеть, запригеш, идрёнай, игнёнка, ичмень; дививéнь, вирёвка, скатиртéй, динёк, вистей, свитёл „светлый“; на силѣ, смилѣй, глидѣть;

d) щигровского типа: вяду, зиляну́я, слязу, ряку, сядуя, святуя, пряду; пастялю, сямью, пятью; симяры́х, тямны, сядыя, святым; вялик, слязьми, дяти́на, пяти, яритца; нядѣля, сярбѣть, в рякѣ, глядѣть; сяло, зиляной nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., слязой, святой nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f; лядок, витяро́к, вянок; — сила gen. sg., рика, слиза, тимна, свитая nom. sg. f., взила, питнадцать; зилиня́, минять, глидя́ть; видеть, висёламу, јидрёнай, придеть „прядёт“, вирёвка, двирей, дитей, книзей.

Яканье сильное: сяла gen. sg., нясла, сястра, зиляна́, слязами, бяда, сядая, взяла, рябая, баба яга; сяло, сястрой, зиляно́, слязой, бядой, сядой nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., рябой nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. f., яйцо; ня скора; сялом, стяко́лушка, лясок, пятьсот, паясок; сялу, нясу, сястру, зиляну́я, слязу, в лясу, бяду, сядуя, рябуя, трясу, ягу; свякры, слязы, бяды, ясны; вялять, тялят, змяя, сямья, сяням, ядять, глядять; нясе, бярёза, змяёй, сямьёй, смяетси, трясеш; плятень, сястёр, жырябец, сярдечкя, дянёчик, вянец, святёл „светлый“, в сянёх, рячей, князёк; вялѣл, тямнѣя, бядѣ, ягѣ; няси, слязьми, змяи, сямьи, ядим, тряси, гляи „гляди“, јајичкя; у куряню, змяю, смяюсь, пятью.

Яканье ассимилятивно-диссимилятивное: *a*) сяла gen. sg., сястра, сляза, зярна, бяда, взяла, святая; сяло, сястрой, слязой, зярно, гнядо, пятно; ня скора; свякровья, сялом, зярном, гнядом, пясок, святой nom. sg. m. и nom.-gen.-dat. f.; сялу, сястру, нясу, слязу, бяду, пряду, запрягу, святуя; сястры, слязы, бяды, язык; зямля, вялять, змяя, смяяться, ядять; няси, вялить, слязинка, звярина, ядим, пяти; ня любя, зямлю, асяню́, смяются; — зилёнай и зиле́най, нисе, силизе́нь, смиетси, запригем; видерный; в силѣ, систрѣ, зимлѣ, в пичѣ, тимнѣя, в бидѣ, в гниздѣ, глидѣть;

b) то же, но: в сялѣ, сястрѣ, зямлѣ, в пячѣ, тямнѣя, в бядѣ, в гнядѣ, глядѣть.

Яканье диссимилятивно-умеренное: нясуть, сястру, сляду; зиляныи, твяты; сяло, в зиляном, твятов; — систра, зилина́, лихка, рика, твитами, румпна́; дися́тай, адия́ла; либётку, нисеть; каринёк, динёчик, нимецкай; систрѣ, ниси, тимни́цу, диви́чий, зимлини́чка; пастилю, миньшую, асвичу; перед о из ъ в записях — и „я" и „и": зиляной, сядой nom. sg. m., крястом, и: свикровья, слидочки, смилой nom. sg. m.

Яканье умеренно-диссимилятивное: *a*) вяла, зиляна́я, тямна, ряка, бяда, пятак; сяло, слязно, зиляной nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., гнядо; пясок, зимляной nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f.; вяду, вярнусь, у пяску, пряду, тяну; симярых, бяды; вяликай, ямки „ухват", дяви́шник, тянитя, пяти, зимляника, яритца; вялю, зямчужна; вилять, зилиня́, минять, абридять; видеть, зилёнай, придеть „прядёт"; видернай; систрѣ, тимнѣя, бидѣ, гниздѣ, глидѣть;

b) то же, но: сястрѣ, тямнѣя, бядѣ, гнядѣ, глядѣть;

c) то же, но: вядеть, зялёнай, прядеть; вядернай; сястрѣ, тямнѣя, бядѣ, гнядѣ, глядѣть; — велять, зеленя, менять, абредять.

Яканье умеренное: *a*) сяла gen. sg., сястра, зиляна, вярста, бяда, сядая, взяла; сяло, сястрой, зиляной nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., вярстой, днявной nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., бядой, сядой nom. sg. m. и gen.-dat.-loc. sg. f., поднялo; сялом, ягольник „игольник", звярок; бяруть, сястру, зиляну́я, вярсту, бяду, сядуя, пятух, прядуть; свякры, вярсты, бяды, яды

gen. sg., святым; — зилиня́, вилять, патиряла, в синях, дьȷичкя; биреть 3 sg., висёлый, бильё, придём „прядём“, ȷичмень; систёр, динёчик, двирей, винец, звирей; в силѣ „в селе“, литѣл, вирстѣ, бидѣ, глидѣть; бири, сирьди́та, дилить, триси́на, ȷиви́лись; вилю, змию и пр.;

b) то же, но: зеленя, велять, пэтеряла, в сенях, дьȷечкя, береть и т. д.

Иканье: вила, слиза, бида, грида; сило, бривно, гниздо, питно; виду, слизу, биду, ȷиду, гриду, приду „пряду“, миды, слизы, цвиты, гриды и т. д.

Яканье ассимилятивное: *a*) (в ю.-в.-р. говорах не отмечено, в ср.-в.-р. очень редко): сяла gen. sg. сястра, вяла, вярста, зярна, бяда, ляса nom. pl., бягла, гряда, пряла; вялять, зямля, змяя, сямья, бядняга, в сянях, зятья, глядят; — сило, систрой, зирно, бидой, питно, гридой; силом, зирном, писок, лисок, питном; силу dat. sg., систру, виду 1 sg., вирсту, в лису, бигу, гриду acc. sg., приду „пряду“; систры, вирсты, ȷизык; видёт, бильё, симьёй, придёт „прядет“; плитень, двирей, синей gen. pl., дьȷичок; в силѣ, систрѣ, вирстѣ, бидѣ, гридѣ, глидѣть; вилить, види, зимли, симьи, биги, приди „пряди“, глиди; вилю, плитню, змию, смиюсь и пр.;

b) сяла, сястра, вяла, вярста, зярна, бяда, ляса, бягла, гряда, пряла; вялять, зямля, змяя, сямья, бядняга, в сянях, зятья, глядят; сяло, сястрой, зярно, бядой, пятно, грядой; сялом, зярном, пясок, лясок, пятном, сялу, сястру, вяду, вярсту, в лясу, бягу, гряду, пряду; сястры, вярсты, язык; — видёт, бильё, симьёй, придёт „прядёт“; плитень и т. д., как в *b*).

2. сохранение или утрата ᵘо из старого акутованного ударяемого о и ⁱе из старого ě; говоры, сохранившие ᵘо и ⁱе, известны в настоящее время главным образом на востоке, но встречаются и на западе: сялуо, мнуога, даруога;

3. различная судьба о.-сл. wъ: в ю. и зап. части говоров wъ после гласных дало вообще u неслоговое, в начале слова — u слоговое: у ся́, у лясу́, у полю, роўна, галоўка, кароў, в вост. и сев. части в обоих случаях v не перед глухими в том же слове и перед звонкими шумными следующего слова, не отделённого заключительной интонацией, и f перед глухими и в конце слова не перед звонкими шумными: фся, в лясу́, ф по́лю,

р о́ в н а, г а л о́ ф к а, к а р о́ ф; граница между этими двумя типами говоров идёт с зап. на вост. по Тульской губ. в её ю. части и с сев. на юг. несколько западнее Дона;

4. различная судьба старого е перед твёрдыми: при обычном почти везде о после мягких, шипящих и с, немногие говоры как Восточной (в Рязанской, Воронежской и Тамбовской губ.), так и Западной (в ю. уездах Тульской губ.) группы имеют в этом случае е: з е л е́ н а я, ч е т ы р е́ х, с е́ л а nom. pl., с е л gen. pl., м е л praet. „мёл“ и пр.;

5. различное произношение согласных перед е: при обычном мягком произношении, в немногих говорах согласные в этом положении твёрды: а т э ц, д э р э в н я и пр.; такие говоры попадаются в ю. уездах Рязанской и Тульской губ. и в Калужской губ.;

6. твёрдое или мягкое произношение губных в конце слова и перед j; в большей части ю.-в.-р. говоров губные в этом положении произносятся мягко, но в части говоров, главным образом на зап. — твёрдо, как и в соседних б.-р. и м.-р. с ы п, с е м, к р о ў;

7. s твёрдое вм. с в меньшей части говоров при сохранении с в остальных говорах: я й s о, к а н s ы, к у р и s а, с э р s а и т. п.; говоры с s вм. с встречаются главным образом в зап. части ю.-в.-р. области, но не занимают одной сплошной территории; на тесную связь этих говоров по происхождению указывает присутствие в них и других черт, отсутствующих в говорах, сохраняющих с без перехода в s, а также некоторые особенности в быте носителей этих говоров.

8. ṫ (мягкое) вм. всякого мягкого k: р у ṫ и, т р о й ṫ я и т. п. в некоторых менее архаичных говорах, чаще всего в Тульской губ., при сохранении k мягкого в большей части говоров; так как ṫ вм. k мягкого распространено в ср.-в.-р. говорах, то возможно, что такое ṫ в говорах Тульской губ. стоит в связи с ср.-в.-р. произношением.

b) м о р ф о л о г и ч е с к и е:

9. ряд диалектических особенностей в склонении, представляющих либо архаизмы, сохранившиеся лишь в некоторых говорах и неизвестные как другим ю.-в.-р. говорам, так и с.-в.-р.,

как напр. nom. sg. свякры́ „свекровь,“ либо, чаще, новообразования, не распространившиеся на другие ю.-в.-р. говоры, как напр., acc. sg. f. сущ. ма́терю, до́черю, местоим. таю́,аднаю и т. п., формы местоим. и прилаг. с гласной е после твёрдых в окончаниях вм. о и у других говоров: тэй, худэ́и, сырэ́х и т. п.;

10. замена шипящих и сочетаний губных с l' у глаголов 2-го тематического спряжения (с тематической гласной i) с основой на зубные (t, d, s, z) и губные перед окончанием -u в 1 sg. теми же согласными, какие являются перед окончаниями остальных лиц (т. е. мягкими губными и зубными) в значительной части говоров как зап., так и вост.: спю, любю, лавю, кармю, прасю, катю, видю и пр., при сохранении шипящих š и ž[1]) и сочетаний губных с l' в остальных говорах; в виду широкого распространения в ю.-в.-р. говорах новообразований с мягкими губными и мягкими зубными нешипящими вместо старых сочетаний губных с l' и шипящих перед окончанием 1 sg. и отсутствия их главным образом в говорах, подвергшихся московскому влиянию, возможно, что эти новообразования происхождения обще-ю.-в.-р., а старые формы с шипящими и сочетаниями губных с l' заимствованы вновь из московского говора;

11. замена шипящих перед окончаниями 2 и 3 sg. и 1 и 2 pl. глаголов с основой на задненёбные, имеющих эти задненёбные перед -u в окончаниях 1 sg. и 3 pl., мягкими средненёбными: пикеш, стиригеть, лягиш, магиш, бяги́ш[2]) и пр., в значительной части говоров при сохранении форм с шипящими в остальных говорах; и здесь возможно, что формы с мягкими средненёбными по происхождению обще ю.-в.-р., а формы с шипящими вновь заимствованы из Москвы.

12. замена форм среднего рода существительных и согласованных с ними слов (прилагательных и родовых форм глагола) формами женского рода, отмечаемая наблюдателями во многих говорах, главным образом Восточной группы; существительные среднего рода с ударением на основе нередко образуют все па-

[1]) Образований на -d͡žu от основ на d, имеющихся в м.-р. и б.-р., ю.-в.-р. говоры не знают: вижу, хажу, сижу.

[2]) Ср. 3 pl. того же глагола: бига́ть (вм. бижать, из о.-сл. *bě-zętь) рядом с бягу́ть.

дежные формы sg. по склонению имён женского рода на -а, в соответствии с чем и согласованные с ними слова ставятся в женском роде: у нас нет мя́сы, у́зил с пла́тьяй, но́ваю пла́тью, сваю го́рю и пр.; при ударении на окончании существительные сохраняют старое склонение, а согласованные с ними прилаг. и местоим. в nom. и acc. sg. и родовые формы глаголов ставятся в женском роде: бальша́я акно́, мая писмо́, эту всю бельё, пришла́ писмо́ и пр., но: грязнөва билья́, маиму́ писму́, пад на́шим акно́м и пр.

Остальных морфологических особенностей, свойственных лишь части ю.-в.-р. говоров, не называю.

Различаются между собою ю.-в.-р. говоры и в словаре, но на этих различиях здесь не останавливаюсь.

§ 64. По указанным диалектическим чертам можно различать среди ю.-в.-р. говоров три группы, разграниченные между собою территориально, как это и сделано в Опыте диалектологической карты: группу А, Западную (в Опыте — „Южная") с преобладанием диссимилятивного аканья или яканья диссимилятивного и умеренно-диссимилятивного, с высокой артикуляцией гласной, являющейся перед слогом с ударяемыми а и е (бида́, виде́ть)[1] и с u (слоговым и неслоговым) из старого wъ; к этой же группе примыкают и ю.-в.-р. говоры южных округов Донской области; — группу Б, Тульскую, менее архаичную и менее цельную, с преобладанием умеренного яканья, с высокой артикуляцией безударных гласных между мягкими согласными, но с различной судьбой старого wъ, именно, с v и f в сев. говорах и с u в южных, — и группу В, Восточную с преобладанием яканья сильного или ассимилятивно-диссимилятивного, с более низкой по сравнению с А и Б артикуляцией безударных гласных в тех случаях, когда они отличаются от а (ведеть), и с v или f из старого wъ; с этой группировкой совпадает и употребление некоторых других диалектических черт, общих не всем ю.-в.-р. говорам. Границы между диалектическими группами в пределах ю.-в.-р. наречия не являются резко очерченными благодаря тем же причинам, какие указаны для с.-в.-р. говоров. И в ю.-в.-р. наречии

[1]) Кроме самых восточных говоров этой группы (в Воронежской губ.).

можно установить действие той же тенденции, как и в с.-в.-р., к сближению с московским κοινή: диссимилятивное аканье и яканье заменяется через посредство переходных типов — умеренно-диссимилятивного и диссимилятивно-умеренного — яканьем умеренным; умеренное яканье в некоторых пунктах вытесняется иканьем; аналогичные явления наблюдаются и в говорах Восточной группы (В.) Равным образом произношение u вм. wъ заменяется произношением v и f, хотя до сих пор во многих местах нынешние границы между этими двумя произношениями совпадают с границами, существовавшими еще в XV в. Влиянием Москвы вызваны, и вытеснение е в окончаниях gen.-acc. f. местоимений и в личных окончаниях глаголов 1 спр. звуком о и широкое разпространение окончания gen. sg. прилаг. со звуком v вм. старого γ. В виду этого можно смотреть на черты говоров Тульской группы (Б), отличающие её Западной (А), как на вторичные, вызванные московским влиянием, и этим влиянием обьяснять не только умеренное яканье говоров этой группы и ряд несомненно с.-в.-р. черт, но и отсутствие u из wъ в её северных говорах; совпадение части границ u из wъ в пределах этой группы с политическими границами Московского и Литовского государства в XV в. может указывать на то, что вытеснение u из wъ частью произошло еще до XVI в.

§ 65. Кроме территориального принципа и влияния центра в образовании и сохранении диалектических различий в пределах ю.-в.-р. наречия видную роль сыграл ещё один принцип — различия в социальном происхождении носителей этого наречия. Многие сообщения по ю.-в.-р. говорам указывают на ряд различий между говорами мещан (т. е. городских или бывших городских жителей), однодворцев и крестьян экономических или монастырских и помещичьих. Часть таких различий связана с происхождением той или другой части населения от переселенцев из других областей; таких переселенцев много было среди крестьян помещичьих и монастырских, и следы такого происхождения во многих случаях вполне отчётливы. Но одними переселениями все диалектические различия, связаные с бывшей принадлежностью населения к разным социальным группам, не объяснимы: говоры помещичьих и экономических крестьян, напр., во многих местах

выработали такие свойственные только им диалектические черты, которые не объясняются из говоров тех областей, откуда могли быть переселены их носители. Очевидно, здесь действовала известная обособленность разных групп населения: однодворцы, напр., поддерживали знакомство и роднились главным образом с однодворцами же, крестьяне помещичьи между собою и т. д. Диалектические различия такого рода ещё в бо́льшей степени, чем диалектические различия территориальные, связаны с различиями в быте, в постройках, домашней обстановке, одежде и т. д.

§ 66. Из черт ю.-в.-р. наречия, не представляющих сохранения о.-сл. старины, утраченной с.-в.-р. наречием, черты 1 и 3 были известны ему еще до появления древнейших дошедших до нас ю.-в.-р. письменных памятников, относящихся ко времени не раньше XIV в. До этого времени возникло и различие между говорами с u и u̯ и говорами с v и f из о.-сл. wъ. Черта 4 явилась много позднее, так как старшими ю.-в.-р. памятниками не засвидетельствана. К позднему времени относится и ряд других ю.-в.-р. новообразований.

§ 67. Если не считать случаев сохранения старины, утраченной в с.-в.-р., то ю.-в.-р. наречие сближается с м.-р. и б.-р. по чертам 3 (м.-р. и б.-р. h из о.-сл. g, несомненно, получились через посредство γ), 12, 17 и с одним б.-р. по чертам 1, 9, 23, а бо́льшая часть ю.-в.-р. говоров также по черте 2. Западные говоры ю.-в.-р. наречия обнаруживают бо́льшую близость к м.-р. и б.-р. изменением wъ > u (слоговое и неслоговое) и твёрдостью губных в конце слова и перед j. В то же время они стоят ближе к с.-б.-р. по присутствию в них диссимилятивного аканья со звуком i после мягких перед слогом с a. Совпадения с б.-р., особенно с с.-б.-р. указывают безусловно на ближайшую связь ю.-в.-р. с с.-б.-р. в прошлом. Совпадения и с б.-р. и с м.-р. по черте 3 и, может быть, 17 тоже свидетельствует об их общей жизни в отдалённую, еще доисторическую эпоху. Повидимому, раньше таких совпадений было больше (ср. выше, § 49 о судьбе начального *i̯ь и § 61 о судьбе *sk перед ě, i из oi̯). Широкое распространение loc. sg. на -u относится, повидимому, к сравнительно поздней эпохе независимой от м.-р. и б.-р. жизни ю.-в.-р.,

но может корениться в тенденциях, возникших еще в доисторическую эпоху.

§ 68. Из черт, сближающих ю.-в.-р. с другими слав. языками, совпадение со всеми слав. языками, кроме русских, по черте 21 не имеет значения, потому что формы даш, ѣш обычны и в с.-в.-р. и в м.-р., и, следовательно, всё различие в данном случае сводится только к сохранению архаических образований в с.-в.-р., б.-р. и м.-р., а не к существованию в ю.-в.-р. новообразований, отсутствующих в этих языках. По черте 25 ю.-в.-р. сближается со всеми зап.-сл. языками и отчасти словинским[1]), но и это совпадение на особую близость ю.-в.-р. к зап.-сл. языкам не указывает, потому что и в с.-в.-р. безударное і в окончании инфинитива отпало почти всюду, а в б.-р. и м.-р. говорах инфинитивы на согласную также обычны. Во всех зап.-сл. языках ударение на конечном слоге слова не сохранилось, и таким образом условия отпадения конечного і в инфинитиве в зап.-сл. те же, что и в с.-в.-р. Явление это происходило в разных славянских языках не одновременно и, очевидно, независимо в одном от другого. Остальные совпадения ю.-в.-р. с другими слав. языками по чертам, отличающим его от с.-в.-р., общи ему с м.-р. и б.-р. или с одним б.-р. Так, по черте 3 ю.-в.-р., б.-р. и м.-р. сближаются с языками чешским, словацким, верхнелужицким и сев. говорами словинского, по черте 12 — с языками зап.-сл., по черте 17 — с сербохорватским и словинским, а по черте 9 ю.-в.-р. и б.-р. — с польским, кашубским и лужицкими. Можно думать, что черта 3 является результатом общего процесса, пережитого ю.-в.-р., м.-р., б.-р., чеш., словац., в.-луж. и сев. говорами словин. еще в доисторическую эпоху, и свидетельствует о бывалом единстве этих языков или наречий. Черты 12 и 17 могли возникнуть в русских и других слав. языках в силу одинаковых морфологических причин независимо[2]), но не исключена возмож-

[1]) Конечное і в инфинитиве в чешском и словинском — только на письме и в книжной речи.

[2]) Ср. в некоторых с. в.-р. говорах gen-acc. местоим. 1 sg. мня, новообразование, однородное с ю.-в.-р. dat-loc. менѣ, но в другом направлении; как ю.-в.-р., м.-р. и б.-р. в данном случае совпадают с ю.-сл., так и с.-в -р. — с зап.-сл. И в том и в другом случае совпадение может быть случайным.

ность, что и они восходят к диалектическим тенденциям о.-сл. эпохи. Отвердение с (черта 9) известно и значительной части с.-в.-р. говоров; явление это сравнительно позднее и возникла в в.-р. независимо от лехитских и лужицких языков.

Средневеликорусские говоры.

§ 69. Так называются говоры, по происхождению с.-в.-р., развившие в себе аканье под влиянием ю.-в.-р. говоров. Эти говоры не составляют единого целого ни по своей основе, так как в основе их лежат разные говоры с.-в.-р. наречия, ни по тем новым чертам, которые наслоились на эту основу, так как эти черты развились в них под влиянием разных частью ю.-в.-р., частью ср.-в.-р. говоров, раньше испытавших подобную эволюцию, ни по самой эволюции, так как представляют разные стадии однородных процессов; тем не менее, в силу однородности пережитой или переживаемой ими эволюции, ср.-в.-р. говоры имеют ряд общих черт, одинаково отличающих их как от с.-в.-р., лежащих в их основе, так и от ю.-в.-р., под влиянием которых они возникли. При своём возникновении ср.-в.-р. говоры были переходными к ю.-в.-р., т. е. находившимися в стадии перехода от с.-в.-р. к ю.-в.-р. Но с течением времени один из таких переходных говоров — московский — стал языком господствующих классов населения и получил значение образцового, *κοινή*. Это обстоятельство остановило его эволюцию, как переходного говора, и вызвало изменение в направлении эволюции других ср.-в.-р. говоров, которая стала определяться нормами не ю.-в.-р., а московскими. Начало образования ср.-в.-р. говоров восходит к эпохе не позже XIV в.: от этого времени до нас дошли, между прочим, московские памятники со следами аканья; с тех пор этот процесс не прекращался до настоящего времени, и теперь аканье успешно продолжает распространяться среди с.-в.-р. наречия вместе с рядом других черт, свойственных московскому говору.

Ср.-в.-р. говоры занимают широкую полосу между чистыми с.-в.-р. и чистыми (исконными) ю.-в.-р. говорами, но, кроме того, есть области, занятые такими говорами, и вне этой полосы. Самый большой остров ср.-в.-р. (акающих) говоров среди с.-в.-р. находится в Костромской губ., в верхнем течении р. Костромы.

Бо́льшая часть тех особенностей ср.-в.-р. говоров, которые не вызваны влиянием ю.-в.-р. или московского говоров, та же, что̀ и в соседних окающих с.-в.-р. говорах; только черты московского говора распространяются на эти говоры более интенсивно, чем на говоры, сохраняющие оканье. Из ю.-в.-р. черт они усваивают главным образом те, какие имеются и в московском; но проникают и другие ю.-в.-р. черты; между прочим довольно значительная часть говоров на ю.-зап. ср.-в.-р. территории и небольшая часть говоров лесной части Рязанской, Тамбовской и Пензенской губ., т. наз. „мещерских“, имеет -ť в 3 лице глаголов, а говоры мещерские также и фрикативное γ: на с.-в.-р. основу этих говоров указывает цоканье и некоторые другие с.-в.-р. черты. Впрочем возможно, что некоторые акающие говоры с умеренным яканьем или иканьем, относимые нами к ю.-в.-р. по признаку отсутствия цоканья и наличности фрикативного γ и ť в 3 лице глаголов, но заключающие ряд московских черт в фонетике (напр., отсутствие смягчения задненёбных после мягких неслоговых, мягкое š долгое из о.-сл. šč и др.), морфологии (напр., московское употребление формы loc. sg. на -u, отсутствие acc. sg. f. прилаг. на -úja, отсутствие форм 3 sg. без -ť) и словаре (бороновать, ухват вм. скородить, рогач и др.), должны считаться также переходными на с.-в.-р. основе.

Аканье ср.-в.-р. говоров, как развившееся на почве с.-в.-р. оканья в виде подражательного процесса, а не органически из тех основ, к которым восходит аканье в ю.-в.-р., отличается от ю.-в.-р. аканья. В бо́льшей части ср.-в.-р. говоров распространены умеренное яканье, иканье и еканье, известные и в сев. части ю.-в.-р. говоров. Но, как сказано выше, есть основания считать эти три типа аканья в ю.-в.-р. перенесёнными из ср.-в.-р. говоров. Четвёртый, также распространённый тип ср.-в.-р. аканья, яканье ассимилятивное, (см. § 63; обычно в ср.-в.-р. говорах только ассим. яканье типа b); тип a) почти не встречается), в ю.-в.-р. говорах почти не известен. Яканье сильное, более или менее одинаковое с сильным яканьем ю.-в.-р. говоров, распространено значительно менее и отмечено до сих пор только в лесной части Рязанской, Тамбовской и Пензенской губ.; кроме говоров с этими типами аканья встречаются изредка ср.-в.-р. говоры, отличающие

предударное а после мягких от е и ё тем, что в первом случае произносится а, во втором е, или предударные а и е после мягких от ё тем, что в первом случае произносится а или е, во втором i.

Кроме особенностей в аканье характерной чертой значительной части ср.-в.-р. говоров, отличающей их как от с.-в.-р., так и от ю.-в.-р., является произношение d́, t́ мягких вместо g, k мягких. Произношение t́ вместо k мягкого известно и части ю.-в.-р. говоров, но только той, в которой имеются и другие черты, характерные для ср.-в.-р. говоров. Возможно, что t́ вм. ḱ явилось в ср.-в.-р. говорах вследствие утрированного применения к ю.-в.-р. произношению, так как в некоторых ю.-в.-р. говорах ḱ отличается от с.-в.-р. заметно бо́льшей степенью мягкости. Такое очень мягкое (краепалатальное?) ḱ отмечено, напр., в ю.-в.-р. говорах Зарайского уезда Рязанской губ.

С.-в.-р. говоры с намечающейся переходностью.

§ 69 *a*. Кроме ср.-в.-р., есть с.-в.-р. говоры, в которых московское или ю.-в.-р. влияние привело лишь к частичному совпадению безударных а и о и частичному устранению безударного о. Во многих говорах безударное о сохраняется последовательно только в 1-м предударном слоге, а в остальных может заменяться тем же редуцированным звуком, какой произносится в тех же положениях и на месте старого а: мəлода́, бəлова́ть, дəлёко́, де́вəк, да́рəм, о́ддəл, нə хоро́шə ме́ста. В некоторых говорах о 1-го предударного слога сохраняется после твёрдых, а после мягких является в одних говорах е, в других а: вода́, но весна́ или вясна́; в других наоборот о сохраняется после мягких, а после твёрдых является а: вёсна́, но вада́. Есть также говоры, где предударное о после твёрдых сохраняется не перед слогом с а, а перед слогом с а перешло в а: ровно́, зову́т, стои́т, воде́, но вада́, бальша́я, хазя́ин. В бо́льшей части таких говоров, в силу их переходности, полной последовательности в произношении безударного о не наблюдается, и можно лишь установить направление, в каком осуществляется тенденция к устранению безударного о.

Белорусский язык.

§ 70. Б.-р. язык в его непереходных говорах характеризуется следующими чертами:

а) фонетическими:

1. аканьем (см. § 71. 1);

2. сочетаниями yį (при диалектических əį, eį) и iį из о.-сл. yi, ii в соответствии с в.-р. oį, eį: злый, мыю, шыя;

3. сочетаниями ry, ły, li из о.-сл. rъ, łъ, rь, lь между согласными в слабом положении: крыви́, хрысци́ць, блыха, слиза и т. п.;

4. переходом старых е и ь сильного в о перед твёрдыми нешипящими согласными, кроме с; в силу аканья такое о — только под ударением; перед шипящими и с из е и ь получилось е: дзешава, адзежа, печ и пр.;

5. редукцией в известных случаях начального неударяемого u (главным образом в предлоге и приставке u) и переходом такого u в неслоговое после конечной гласной предшествующего слова: ў сына, ўмёр, ўви́дзяў, ўбогий, ўданый, ўме́ць;

6. утратой начального įь в слабом положении или переходом его в i редуцированное или неслоговое: граю, голка, маю, предлог з и пр.; няйдуть, зайграць и т. п.;

7. развитием w перед начальным о и u (а также и перед неударяемым а из о): вочы, восянь, вулица, вагонь, кроме небольшого района на западе, где в подобных случаях h (см. § 71. 4);

8. u неслоговым из старого wъ и wь: сыноў, траўка, дзяўчонка, здароўя, дзярэўня, няўзяў; в начале слова не после конечной гласной предударного слова в той же фразе в таких случаях — u редуцированное: ўся, ўзяў и пр.

9. переходом ł в конце слога в u неслоговое: воўк, ўзяу и пр. (в nom. sg. сущ. на ł и в образованиях с суффиксом -ka согласная ł в большей части говоров сохраняется без перехода в u неслоговое, может быть, нефонетически: стол, гарэлка);

10. дзеканьем, т. е. мягкими свистящими аффрикатами d͡z и c вм. ď и ť; в части говоров свистящий элемент таких аффрикат, повидимому, слабее, чем в твёрдых аффрикатах d͡z и c (из о.-сл. c): сидзяць, адзин, дзед, ў лапцёх и пр.;

11. придыханием h из о.-сл. g;

12. мягкостью согласных, кроме шипящих, с и г, перед всеми гласными из о.-сл. палатальных гласных;

13. отвердением г мягкого или употреблением г твёрдого и мягкого не согласно их старому этимологическому употреблению: гразь, карэння, бяроза, ракá, бяры, гаварý и пр.; также: старяцца и пр.;

14. твёрдостью всех шипящих, в том числе и č: жыць, шыю, чыста, яшчэ и пр.;

15. сочетанием šč (твёрдым) из старого šč: шчука; говоры с š долгим твёрдым в таких случаях — переходные к ю.-в.-р.;

16. твёрдостью старого с: канцы, жанцэ;

17. переходом dn (из о.-сл. *dъn и *dьn) в n долгое: аннá „одна“, иннём „днём“; впрочем, известно и сочетание dn;

18. изменением t́c (из tьc и dьc) после гласных в середине слова в i̯c: малайцý, айца „отца“;

19. сохранением твёрдых задненёбных после мягких неслоговых звуков: тройка, бацька, бяленька, также дочка и пр.;

20. долгими согласными из сочетаний зубных в широком смысле (т. е. d, t, l, n, шипящих и свистящих) согласных с j или i̯, получившихся после утраты ъ и ь или y и i слабых (т. е. из о.-сл. сочетаний согласных с ъj, ьj, yj, ij или ъi̯, ьi̯, yi̯, ii̯); долгие согласные такого происхождения, кроме шипящих и, диалектически, r (обычно rj сохраняется) — мягки; диалектически известны и долгие мягкие губные из сочетаний губных с j; примеры: наллю́, вяселля, карэння, свиння, калосься, з гразьзю, судьдзя, жыцьцё, перра и перря (обычно перъя), ноччу, збожжа, рыббя (обычно рыбъя) и пр.;

21. твёрдостью губных в конце слова и перед j (там, где сочетание губной с j не изменилось в долгую мягкую губную);

b) морфологическими:

22. сохранением звательной формы: брáця, вóўче, кóню, внýчко; впрочем, в с.-б.-р. зват. форма сохраняется не везде;

23. сохранением i в dat. loc. sg. имён на -а и в loc. sg. m. и n. с основами на мягкие: зямли́, дяжы́;

24. сохранением свистящих перед ě падежных окончаний у имён с основой на задненёбную: руцэ, сасé, на дарóзи;

25. распространением формы loc. sg. на -u на имена мужеского и среднего рода независимо от характера ударения: у мяшкý, на кóнику, на каню́, у пáльцу, у дзёхцю, у пóлю;

26. отсутствием nom. pl. на -á от имён несреднего рода: лясы́, гырады́, бирагí, глáзы;

27. окончанием -у в nom. pl. всех имён существительных с основой на твёрдую при ударении на основе: вароты, вокны, сёлы, дрóвы и пр.;

28. употреблением старой формы gen. pl. в значении acc. только от имён лиц, преимущественно, мужеского рода, но не животных: братóў, но валы́, и возможностью употребления старой формы nom. acc. pl. в применении к именам лиц женского пола: хвалю жанкé и пр.;

29. употреблением в gen. sg. местоимений и прилагательных мужеского и среднего рода только окончания -oho (с соответствующими фонетическими изменениями о без ударения): кагó, майгó, злóга, дóбрага и пр.;

30. формами gen.-acc. sg. личных местоимений и возвратного на е: мянé, цябé, сябé;

31. образованием косвенных падежей числительных по склонению существительных в pl.: пяцёх, пяцём, пяцьма и пр.;

32. употреблением при nom. числительных 2—4 формы nom. pl. существительных мужеского рода: два сталы́ и т. п.;

33. неупотребительностью особых предикативных (т. е. кратких или бесчленных) форм прилагательных;

34. сохранением архаичных форм 2 sg. нетематических глаголов ясí, дасí;

35. мягким ć (из t) в 3 лице обоих чисел глаголов: идзець, спиць, ходзюць;

36. заменой старых свистящих шипящими перед окончаниями imp. у глаголов с основой на задненёбные; пячы, памажы́;

37. стабилизацией возвратной частицы ся непосредственно после глагола и слиянием её с глаголом в одно слово;

38. сохранением инфинитивов на -ći (из -ti) при более частых инфинитивах на ć (t) и инфинитивов на -čy, поскольку они

не заменены новообразованиями на -kčу, -хčу и -kći, -хći: пячы́, пякчы́, берахчы́ и пякци́, берахци́, рядом с менее употребительными инфинитивами на -č;

39. сохранением старых форм sg. существительных с основой на -ęt: циля́ (или цяля́) — циля́ци (цяля́ци) и пр.;

40. некоторыми особенностями в ударении: *a)* тенденцией к сохранению ударения на существительном, при сочетании последнего с предлогом: на во́з, на гару́; *b)* ударением на окончании в acc. sg. имён на -а со старым подвижным ударением: руку́, зямлю́, гылаву́ и пр.; впрочем, в ю.-б.-р. известны кое-где те же формы и с ударением на основе; *c)* сохранением форм 2 pl. глаголов с ударением на конце: спице́ или спицё и т. п.

§ 71. Главнейшие диалектические различия в б.-р. говорах: *a)* фонетические:

1. Аканье. По различию в характере аканья б.-р. язык распадается на две диалектические группы — *a)* сев.-вост. („с.-б.-р.“) с аканьем диссимилятивным, и *b)* югозап. („ю.-б.-р.“) с аканьем недиссимилятивным (т. е. с отсутствием диссимилятивности как в произношении гласных после твёрдых, так и в произношении гласных после мягких). В большей части говоров группы *a*) диссимилятивное аканье одного типа, отличного от ю.-в.-р. типов диссимилятивного аканья: непосредственно перед ударением гласные, отличные от а, являются только перед слогом с ударяемым а; перед слогом с остальными ударяемыми гласными — только а: вазо́к, пясо́к, бяро́за, на санёх, вядзець, дзярэ̆уня и пр., но: выда́, галыва́, висна и пр., и только в немногих говорах на сев., по соседству со ср.-в.-р. говорами Псковской губ. и на вост., по соседству с ю.-в.-р. говорами, встречается аканье, близкое к аканью Суджанского типа. Во всех говорах группы *a*) после мягких и в начале слова перед слогом с ударяемым а произносится i или звуки близкие к i (в записях везде „и“); после твёрдых по большей части — у или звуки близкие к у (в записях, обычно — „ы“), но в части говоров той же группы, главным образом на зап., — звуки, передаваемые записывателями народной речи и наблюдателями буквой „а“; возможно, что в этих говорах, как и в ю.-в.-р. говорах с диссимилятивным аканьем,

гласная перед слогом с ударяемым а частью совпала с а, частью отличается от а, произносимого перед слогом с другими ударяемыми гласными, но произносится с пониженно-средней артикуляцией и потому воспринимается наблюдателями, как а. В говорах группы *b*), кроме небольшой части екающих говоров Гродненской губ., яканье сильное. Вместе с тем почти во всех их в слогах, непредшествующих непосредственно ударению, безударное о совпало с а не во всех случаях и при известных условиях, чаще после ударения, сохраняется, как о, или заменяется звуком ŭ (последнее только в некоторых окончаниях: золато́я, бѣлога, по́водам, пахо́дом, зе́лляйко, зелёнаго, на́шум loc. sg. m., пад гру́шкуй, у но́вуй ха́ци, ма́ткую instr. sg.

2. В ю.-зап. говорах б.-р. языка из ě и, при известных условиях, из е и о получились под ударением т. наз. „дифтонги", точнее, гласные неоднородной артикуляции, именно, из ě и из е, не изменявшегося в о, — ⁱе, а из о и е, изменявшегося в о, — ᵘо. Условием изменения е и о ударяемых в „дифтонги" было положение их в новых закрытых слогах: пиэч, нюос, суоль и т. п., а для ᵘо из о, может быть, и происхождение из старого акутованного о: руосочка, варуона, жывуога, дачкуою и пр.; ᵘо такого происхождения, повидимому, встречается много реже и непоследовательно. Безударное ě совпало с безударным е, а безударные е и о в новых закрытых слогах с теми же гласными в других положениях, и только в некоторых падежных окончаниях из о в новых закрытых слогах в этих говорах является ŭ. В остальных говорах ě ударяемое совпало с ударяемым е, а гласные из ударяемых е и о в новых закрытых слогах не отличаются от тех же гласных в остальных положениях, точно также, как и о из старого о акутованного не отличается от о другого происхождения. Граница между говорами с „дифтонгами" и говорами без них, повидимому, некогда более или менее совпадала с границей между диссимилятивным и недиссимилятивным аканьем: самые северные записи, указывающие на „дифтонги", относятся к уездам, через которые проходит граница диссимил. и недиссимил. аканья (Свенцянскому и Борисовскому), причом в Борисовском у. „дифтонги" отмечены в говоре с диссимилятивным

яканьем. Но вообще теперь северная граница дифтонгов, по Карскому, проходит южнее.

3. В небольшой группе говоров в ю.-зап. части б.-р. территории сочетание аu̯ изменилось в оu̯: тро҃ука „травка" и т. п.; граница этого явления не совпадает с назв. выше границами, но почти вся проходит по территории говоров, определяемых другими чертами, как ю.-б.-р.

4. На ю.-зап. б.-р. области, в говорах части б. Гродненской губ., перед начальным а и, частью, перед начальными о и u является придыхание h; в сев.-вост. части начальное h только из о.-сл. g, а также в словах гуж и гусеница (ср. в.-р. гуж и гусеница), в междометиях (га, гой, гей) и в указательных местоименных словах, начинающихся с частицы he: гэный, гэтый, гэтако, гэдак, гэстый, гэлико, где начальное h могло быть о.-сл. происхождения;[1] в остальных случаях в с.-б.-р. придыхание отсутствует, а перед начальными о и u является v.

5. В зап. части б.-р. территории, по соседству с польским языком, вм. долгих мягких зубных из сочетаний зубных с j являются краткие: вясéля и пр.; эта черта, повидимому, не органическая, а вызвана польским влиянием.

6. В части говоров как с.-б.-р., так и ю.-б.-р. из сочетаний г и губных с j получились долгие г (частью твёрдое, частью мягкое) и мягкие губные: перра и перря, рыбьбя и пр.; в бóльшей части говоров сохраняются гj и сочетания твёрдых губных с j: перъя, рыбъя.

7. В ю.-зап. части б.-р. говоров известно только твёрдое г; в сев.-вост. встречается и ѓ мягкое, но непоследовательно; в части таких говоров г твёрдое и мягкое вообще различается этимологически правильно, но не во всех случаях: в тех же говорах известно и г твёрдое вм. старого ѓ мягкого и наоборот; в части говоров преобладает произношение с г твёрдым, но встречаются более или менее многочисленные случаи с г мягким как на месте старого г мягкого, так и на месте старого г твёрдого. Граница между говорами с исключительным употреблением

[1]) Впрочем, по Бузуку (Да характарыстыкі паўночна беларускіх дыялектаў, стр. 7—8), бóльшая часть с.-б.-р. говоров знает только произношение етый (i͡étyi͡) и пр.

г твёрдого и говорами, знающими и г мягкое, проходит северовосточнее границы диссимилятивного и недиссимилятивного аканья, деля территорию диссимилятивного аканья на две почти равные части: югозап., с исключительным употреблением г твёрдого, и сев.-вост., с обоими видами г.

8. В значительной части б.-р. говоров, как с.-б.-р., так и ю.-б.-р. l мягкое отвердело перед твёрдыми n и c: болна, палцы и т. п.; впрочем, в тех же записях, в которых отмечается это явление, есть и указания на мягкое произношение l в тех же положениях; на вост., в Смоленской, Калужской и Орловской губ., твёрдое ł перед n и c может рассматриваться, как один из признаков принадлежности говора к б.-р., а не ю.-в.-р. Не отмечено ł в подобных случаях в с.-б.-р. цокающих говорах и во всех говорах Витебской губ.

9. В сев. уездах Витебской и Смоленской губ. отмечено цоканье, т. е. совпадение старых c и č в одном звуке c (твёрдом); в части этих говоров наблюдается смешение c и č. В большей части б.-р. говоров, как ю.-б.-р. так и с.-б.-р., c и č различаются этимологически правильно.

10. В части ю.-б.-р. говоров в dat. sg. имён лиц и животных мужеского пола может являться окончание -ovi: Данилави, жерабцови и пр.; в остальных говорах как с.-б.-р., так и ю.-б.-р. в dat. sg. всех имён муж. р. является только окончание -u.

11. В ю.-зап. части б.-р. говоров употребление формы gen. sg. от имен неодушевленных предметов мужеского рода в значении acc. sg. чаще, чем в сев. и вост. части; обычно такое употребление, между прочим, у имён деревьев (в с.-б.-р., как и в ю.-в.-р., только от названий грибов): сцяў дуба и т. п.

12. В ю.-б.-р. говорах обычны формы nom. pl. на -ě от имен существительных мужеского и женского рода с основами на мягкие: канѣ, зямлѣ и пр., а по аналогии с ними и от основ на твёрдые, причом зубные и губные перед таким ě не смягчаются, а задненебные не заменяются свистящими: валэ̑, галубэ̑, жанце́, мужыке́, жанке́, дзяўке́ (или: валы͡э, жанкі͡е и т. п.); в с.-б.-р. nom. pl. существительных мужеского и женского рода может окончиваться только на -у, -і (кроме таких случаев, как мища́ня и т. п.).

13. В instr. pl. в сев. уездах Витебской и Смоленской губ., там же, где имеется цоканье, является окончание -m: с рукам и пр.; в немногих ю.-б.-р. говорах — окончание -mу; в остальных как с.-б.-р., так и ю.-б.-р. — только m̓i: дрывáми, руками, сталами, сяньми́, слязьми́ и пр.

14. При числительных две, обе, обедве, тры, чатыры в nom. от имён женского и среднего рода в ю.-зап. части б.-р. говоров употребляются формы на -ě: дзве руцé, тры бядзé, чатыры сялé; в с.-б.-р. — формы nom. pl., но с ударением gen. sg.: дзве рукі́, два сялы́ и т. п.

15. Числительные два и оба в nom. при именах среднего рода имеют в ю.-б.-р. говорах форму дзвé, вобе, в с.-б.-р. — два, воба.

16. Nom. sg. m. прилаг. в с.-б.-р. оканчивается на -yi̯, ii̯ (в части с.-б.-р. говоров -ei̯, см. п. 18), в ю.-б.-р. — на -у, i: стары́, си́ни.

17. Loc. sg. m. и n. прилагательных в с.-б.-р. оканчивается на -ym или -im, т. е. совпал с instr. sg.: ў чыстым полю, на чужым двару; в ю.-б.-р. в этой форме является ᵘom (в говорах, утративших т. наз. дифтонги, -om) под ударением и -um (реже -am, -om) без ударения.

18. В с.-б.-р. употребляются падежные формы от существительных и прилагательных с основами на твёрдые согласные с гласной е перед i̯ в окончаниях, причём согласные, кроме задненёбных, перед таким е твёрды; такое е является в окончаниях instr. sg. f. сущ.: бабэй и пр., в nom. sg. m. прилаг.: сляпэй, другей, такей, глухей, в gen.-dat.-instr. sg. f. прилаг.: старэй, дурнэй и пр. и в nom. pl. прилаг.: старэя, лю́бэя и пр.; в ю.-б.-р. такие формы не употребительны.

19. В 1 sg. глаголов 2-го тематич. спр. (с гласной i) с основой на d перед окончанием в ю.-б.-р. говорах является аффриката d͡ž, в большей части с.-б.-р. — ž: вид͡жу и вижу и т. п.

20. С.-б.-р. говорам не известны формы 3 sg. глаголов без окончания -ć; в ю.-б.-р. употребляются как формы с окончанием -ć, так и формы без окончания; последние — только у невозвратных глаголов 1-го тематического спряжения (с гласной е),

а у глаголов 2-го тематич. спр. при ударении на основе: люб я, гавóра и пр.

21. В 1 pl. глаголов с.-б.-р. говоры имеют окончание -em или -om в 1-м тематическом спряжении при ударении на окончании, -im у остальных глаголов, причом согласные, кроме r и шипящих перед такими окончаниями мягки: идзём, нясём, грабём, бярóм, пячом, носим, ляжым, стaним, дадзíм и пр.; в ю.-б.-р. говорах может являться также окончание -mo или -ma (в ind. редко): нóсимо (нóсима) и пр., а перед om в 1 pl. глаголов 1-го тематич. спр. согласные обычно твёрды: идом, нясом, живом, магом. Впрочем, формы типа идóм встречаются и в с.-б.-р. говорах даже по соседству с ю.-в.-р.

22. В ю.-б.-р. говорах распространены формы 1 pl. imp. на -mo от глаголов, у которых конечное i во 2 sg. imp. отпало; окончание -mo у таких глаголов присоединяется непосредственно к форме 2 sg. imp.: сядзьмо, бягáймо; в с.-б.-р. подобные формы не известны.

23. В окончаниях 1 и 2 pl. imp. глаголов как 1-го, так и 2-го тематич. спр. при ударении на окончании в ю.-б.-р. говорах является ѐ: нясѐм, нясѐця, хвалѐм, хвалѐце; в с.-б.-р. в окончании 2 pl. i: нясíця, хвалíця.

24. Во 2 pl. глаголов при ударении на конце в ю.-б.-р. обыкновенно произносится е, в с.-б.-р. о: ю.-б.-р. спицé, с.-б.-р. спицё.

25. 3 sg. глаг. „быть“ в с.-б.-р. говорах произносится с гласною о: ёсь[ць], ё, в ю.-б.-р. — с гласною е: есь[ць], е.

26. Будущее время в ю.-б.-р. может образовываться не только с глаголом буду, но и с глаголом му, сливающимся с инфинитивом спрягаемого глагола в одно слово: хадзицьму, нясцимеш и пр.; в с.-б.-р. обычны формы с буду и лишь изредка встречаются образования с глаголом маю.

27. В ю. части б.-р. говоров, на юг от Гродна, Новогрудка, Слуцка и Речицы, у т. наз. сакунов, возвратная частица ся произносится с твёрдым s: баю́са, смяя̆уса, в остальных говорах — с мягким: баюся, смияўся.

§ 72. Названные диалектические различия позволяют разделить б.-р. язык на две группы говоров или два наречия, от-

личающиеся друга от друга рядом черт: наречие с.-б.-р., занимающее сев. и вост. части б.-р. территории, и ю.-б.-р., занимающее ю.-зап. часть той же территории. С.-б.-р. характеризуется, между прочим, следующими чертами: 1. диссимилятивным аканьем (1), 2. отсутствием т. наз. „дифтонгов“ (2), 3. отсутствием нового придыхания перед начальными гласными (4), 4. отсутствием nom. pl. существительных на ˙-é (12), 5. отсутствием форм на ě при nom. числит. две (14), 6. nom. два при именах среднего рода (15), 7. окончаниями -yi̯, -ei̯, ii̯ в nom. sg. m. прилагательных (16), 8. совпадением loc. и instr. sg. m. прилаг. (17), 9. наличием падежных окончаний -ei̯, -əi, -ej a после твёрдых согласных (18), 10. произношением ž перед окончанием 1 sg. ind. глаголов 2-го тематич. спр. с основой на d (19), 11. отсутствием формы 3 sg. ind. глаголов без -ć (-ť) (20), 12. отсутствием окончания 1 pl. ind. и imp. -mo (21, 22,), 13. формами 2 pl. imp. на -íće (23), 14, звуком o в окончании 2 pl. глаголов при ударении на конце (24), 15. звуком o в глаг. ёсь[ць] (25), 16. отсутствием образований fut. с глаголом му (26) и некоторыми другими чертами.

Сев.-вост. говорам названной группы свойственны также следующие черты, неизвестные ю.-б.-р. говорам: 17. наличие r мягкого (7), 18. цоканье (9), 19. instr. pl. на -m (13).

§ 73. Ю.-б.-р. наречие характеризуется 1. аканьем недиссимилятивным, по большей части с сильным яканьем (1), 2. сохранением безударного o или заменой его u в известных условиях после ударения (1), 3. т. наз. „дифтонгами“ (2), 4. отсутствием мягкого r (7), 5. отсутствием цоканья (9), 6. образованием nom. pl. на -ě (т. е, i͡e, y͡e) с сохранением твёрдых и нёбных согласных у основ на твёрдые (12), 7. формами на ě при nom. числит. двѣ (14), 8. nom. двѣ и пр. при именах среднего рода (15), 9. окончаниями -y, -i в nom. sg. m. прилагательных (16), 10. отсутствием совпадения loc. и instr. sg. m. прилагательных (17), 11. отсутствием падежных окончаний ei̯, ej a после твёрдых (18), 12. произношением d͡ž перед окончанием 1 sg. ind. глаголов 2-го тематич. спр. с основой на -d- (19), 13. наличием форм 3 sg. ind. глаголов без окончания -ć (-ť) (20), 14. наличием окончания -mo (без ударения также -ma) в 1 pl. глаголов, наряду с окончанием -m (21, 22), 15. формами 1 и 2 pl. imp. на -ěm, -ěće (23),

15. звуком е в окончании 2 pl. глаголов при ударении на конце (24), 16. звуком е в глаг. есь[ць], е (25), 16. употреблением образований fut. с глаголом му (26) и некоторыми другими чертами.

Только в говорах этой группы встречается оu̯ вм. аu̯ (3), придыхание перед начальными гласными (4) и твёрдое s в возвратной частице (27).

§ 74. Границы явлений, свойственных той или другой группе, не совпадают, но тем не менее обе группы выделяются довольно отчётливо. По поводу несовпадения границ ср. выше замечания о границах диалектических групп в с.-в.-р. и ю.-в.-р. Впрочем, границы между с.-б.-р. и ю.-б.-р. более отчётливы, чем между различными группами говоров с.-в.-р. и ю.-в.-р., что̀ отчасти объясняется тем, что на б.-р. территории переселения не играли такой большой роли, как на в.-р. территории, и что крестьянское население на б.-р. территории и в социальном отношении было издавна однороднее, чем на в.-р.

Не стоят в связи с делением б.-р. языка на наречия с.-б.-р. и ю.-б.-р. только немногие черты, как 5 (полонизм), 6, 8.

§ 75. Древнейшие памятники, писанные в сев.-вост. части нынешней б.-р. территории, относятся к 1-ой половине XIII в. В них, кроме старых черт, обще-б.-р. (§ 70): 2, 15, 19, 22, 23, 24, 26, 29, 30, 34, 35 (—„ть"), 38, 39 и с.-б.-р. (§ 72): 7, 10, 11 и сохранения различия между г твёрдым и мягким, имеется также замена „въ" и „вь" через „оу" и смешение „ц" и „ч". Старшие памятники, несомненно писанные в ю.-зап. части нынешней территории б.-р. языка, относятся к XIV в. В них нет смешения „ц" и „ч", но есть „оу" вм. „въ" и „вь", указания на отвердение г мягкого а также мягких губных перед j и в конце слова, передача g в литовских именах через „кг", указывающая на то, что буква „г" имела другое значение, и формы 1 pl. глаголов на —„мо". Указания на отвердение г мягкого имеются и в письменных памятниках того же времени с сев.-вост. части б.-р. территории. Указания на аканье попадаются в зап.-русских памятниках, начиная со 2-ой полов. XIV в. Ясных указаний на т. наз. „дифтонги" из ě, о, е древнейшие зап.-р. памятники не дают, хотя можно думать, основываясь на показаниях ю.-р. памятников XII в., что и в ю.-зап. части зап.-р. наречия такие

„дифтонги“ существовали еще до появления старших зап.-р. памятников. Но Смоленские и Полоцкие грамоты XIII в., совершенно не различающие по значению букв „ѣ“ и „е“, может быть, говорят о совпадении старого ě с е, что̀ равнялось бы указанию на отсутствие дифтонгов[1]) в сев. говорах зап.-р. наречия. Остальные характерные черты б.-р. языка и его говоров засвидетельствованы памятниками не раньше XV в. и вряд ли много старше этого времени.

§ 76. Б.-р. язык в целом (§ 70) совпадает со всем в.-р. только чертами 4, 12 и 13; совпадений со всем с.-в.-р. наречием по чертам, отсутствующим в ю.-в.-р., в нём нет, но есть ряд совпадений с той или другой частью с.-в.-р. говоров: *a*) с сев. и вост. говорами он совпадает по чертам 17, 34, 38 и 40 с; черты 34, 38 и 40 с — архаизмы, общие б.-р. языку и с м.-р., черта 17 — новообразование, неизвестное другим русским языкам и диалектам; *b*) с сев. говорами — по чертам 19 и 29; обе — архаизмы, общие б.-р. языку с м.-р., а первая и с ю.-в.-р.; *c*) с вост. говорами — по чертам 8, 9, 21; все три — новообразования, общие б.-р. языку и с м.-р., а частью и с зап. говорами ю.-в.-р.; *d*) с разными с.-в.-р. говорами по чертам 7, 10, 15, 16, 20 (Сибирь), 31; черта 16 является общей б.-р. языку и с ю.-в.-р., а 15, 20 и 31 — с м.-р.; можно заметить, что черта 15, кроме того, представляет архаизм, и что в с.-в.-р. говорах, сохраняющих š č, это сочетание мягко; черта 10 является новообразованием, общим б.-р. языку с некоторыми цокающими или шепелявящими с.-в.-р. говорами в разных частях с.-в.-р. области, наиболее частым в её западной части.

§ 77. Со всем ю.-в.-р. или его архаичными говорами б.-р. сближается по чертам 1, 11 (в смысле фрикативности согласной из о.-сл. g), 16, 25, 27, 29, 30, 35, 40 a и 40 b. Из этих черт 1, 27, 40 a и 40 b общи ему только с ю.-в.-р., 16 также с частью с.-в.-р. говоров, 11, 25, 29 и 30 — с м.-р. и 35 — с вост.-м.-р. (в ю.-в.-р. и м.-р., конечно, не -ć, а -t́). Архаизмами, т. е. сох-

[1]) Возможно, однако, и то, что „ѣ“ и „е“ смешивались только потому, что обозначаемые этими буквами звуки совпали лишь в положении без ударения, а кроме того е произносилось и под ударением в некоторых случаях, где полагалось писать „ѣ“.

ранением о.-сл. старины, являются черты 29 и 30, а также 35, поскольку о.-сл. ŧь с ь слабым во всех русских языках дало фонетически ŧ (откуда б.-р. ć). Остальные — новообразования.

С зап. говорами ю.-в.-р. наречия б.-р. сближается чертой 8, общей ему также с м.-р. и восточными с.-в.-р. говорами.

§ 78. С м.-р. языком б.-р. совпадает по чертам 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 15, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 36, 39, 40 с; из них с одним м.-р. по чертам 2, 3, 6, 20, 22, 24, 26, 28, 32, 36, 39, 40 с и отчасти 11 (в ю.-в.-р. о.-сл. g перешло в γ, но не изменилось в придыхание); часть таких совпадений относится к архаизмам, утраченным в в.-р. и свидетельствует только о явлениях, пережитых всеми в.-р. говорами и не затронувших б.-р. и м.-р., но не говорит прямо об их единстве; это — совпадения по чертам 2, 15, 22, 24, 26, 39; общими с м.-р. новообразованиями являются 3, 6, 20, 28, 31, 32, 36 и, до известной степени, 11 (переход $\gamma > h$). Об остальных чертах см. выше.

С частью (в некоторых случаях с бо́льшей) м.-р. говоров б.-р. совпадает также по чертам 7, 13, 14, 35, 37, 38; из них 37 — новообразование, общее б.-р. с в.-р. и с полесскими и вост.-укр. говорами м.-р., 7, 13 и 14 — новообразования, общие б.-р. языку только с частью м.-р. говоров (в в.-р. шипящая č — мягкая везде, где не возникла вторично на месте твёрдого с), и 35 и 38 — архаизмы, сохранённые в 1-м случае ю.-в.-р., во 2-м — частью с.-в.-р. говоров.

§ 79. Совпадения б.-р. с в.-р. в целом являются несомненно результатом общего процесса, пережитого и б.-р. и в.-р.

Из совпадений с с.-в.-р. говорами 15, 19, 29, 34, 38, как архаизмы, на связь с с.-в.-р. говорами не указывают; совпадения с Восточной группой с.-в.-р. говоров по чертам 8, 9 и 21 являются результатом одинаковых процессов, пережитых б.-р. и м.-р. языками с одной стороны и Восточной группой с.-в.-р. говоров с другой. Эти черты стоят в органической связи между собой, а потому одновременное появление их всех в совокупности в разных говорах не говорит еще об общей жизни этих говоров. Что касается черт 10 и 17, представляющих новообразования, неизвестные ю.-в.-р. и м.-р., то они могли развиться в б.-р. и неза-

висимо от с.-в.-р., но не исключена возможность и генетической связи между этими явлениями в с.-в.-р. и б.-р., ср. ниже ряд черт с.-б.-р. наречия, общих ему с с.-в.-р. говорами.

§ 80. Новообразования, общие б.-р. языку с ю.-в.-р., все свидетельствуют об их общей жизни в прошлом, относясь к двум эпохам: эпохе общей жизни б.-р. с ю.-в.-р. и м.-р. (черта 11) и эпохе общей жизни б.-р. только с ю.-в.-р. (черты 1, 16, 40 a, 40 b и, может быть, 27). См. выше, о ю.-в.-р.

Новообразования, общие б.-р. языку с м.-р. и отсутствующие в других русских языках и наречиях, безусловно являются результатом общей жизни этих языков по отделении их от в.-р.

§ 81. С.-б.-р. наречие (§ 72) сближается со всем в.-р. по чертам 3, 4, 5, 6, 7, 12 и 13, а также 2, поскольку в нём нет „дифтонгов" из е и о в новых закрытых слогах, и 10, поскольку нет форм 1 sg. на -dž u от глаголов с основами на d. Сев.-вост. говоры с.-б.-р. наречия сближаются с в.-р. и наличием ґ мягкого (17). Во всех случаях, кроме 4, 5 и 6, мы имеем дело лишь с отсутствием новообразований, общих ю.-б.-р. с м.-р., что̀ не указывает само по себе на ближайшую связь с.-б.-р. с в.-р., а только на отсутствие подобной связи в данных случаях с ю.-б.-р. и м.-р. Черта 4 представляет общую с.-б.-р. с в.-р. утрату старых форм nom. pl. на ѣ от основ на мягкие и общее ему с в.-р. и м.-р. отсутствие форм nom. pl. на ѣ (y͡e, e) после твёрдых, известных только ю.-б.-р.

Со значительной частью в.-р. говоров как северных, так и южных с.-б.-р. сближается отсутствием т. наз. дифтонгического произношения ѣ и совпадением ѣ с е как без ударения, так и под ударением, а также отсутствием ^{u}o из старого ударяемого о с интонацией акута, известного ю.-б.-р. наречию. Мы не располагаем такими данными, которые позволяли бы нам утверждать с полной уверенностью, что отсутствие ^{u}o из акутованного о в с.-б.-р. является результатом утраты такого произношения, а не представляет исконной черты этого наречия, но относительно ѣ имеем достаточные основания предполагать, что дифтонгическое произношение ѣ было некогда обще всему русскому языку, и отсутствие его в с.-б.-р. есть результат его позднейшей утраты, которая могла произойти в нём независимо от в.-р., но может рассматриваться и как факт общей жизни с.-б.-р. с западными

в.-р. говорами, сохранившими как раз меньше всего следов первоначальных дифтонгов.

§ 82. Общих со всем с.-в.-р. новообразований в с.-б.-р. нет. Со значительной частью с.-в.-р. говоров с.-б.-р. наречие сближается чертой 8 (loc. sg. m. прилаг. = instr. sg.), с восточными — чертой 13 (2 pl. на -t̄o) и с разными (Олон., Влад.-Поволж.) — чертой 9. Северные говоры сближаются с большей частью с.-в.-р. цоканьем (18) и instr. pl. = dat. pl. (19). Так как последние две черты несомненно представляют результат общей жизни с.-б.-р. и с.-в.-р. говоров в прошлом, и так как есть данные, указывающие на то, что ю. граница цоканья в б.-р. области раннее была много южнее, можно думать, что и формы loc. sg. прилаг. = instr. sg. являются результатом той же общей жизни.

§ 83. С ю.-в.-р. в целом с.-б.-р. наречие общих черт, отсутствующих в ю.-б.-р., не представляет; с зап. говорами ю.-в.-р. наречия сближается диссимилятивным яканьем и произношением i из предударных а, е, ě, ь после мягких перед слогом с а; можно заметить, что все ю.-в.-р. говоры с аканьем такого типа знают общее с б.-р. изменение о.-сл. wъ > u, тогда как говоры с v и f в этом случае имеют аканье недиссимилятивное. Совпадение с.-б.-р. наречия с западными ю.-в.-р. говорами по характеру аканья указывает на ближайшую связь между ними в эпоху образования аканья в б.-р.

§ 84. С м.-р. совпадений, не имеющихся в ю.-б.-р. наречии, с.-б.-р. не представляет.

§ 85. Ю.-б.-р. наречие (§ 73) совпадает с теми или другими в.-р. говорами вообще только теми чертами, которые общи ему с м.-р., кроме одной — ^{u}o из о.-сл. о под ударением с интонацией акута. В м.-р. ^{u}o такого происхождения нет; трудно допустить, чтобы оно возникло в ю.-б.-р. независимо; против этого говорит как характер ю.-б.-р. наречия, не имеющего таких черт, которые не были бы ему общими с с.-м.-р. или с.-б.-р., так и непоследовательность в употреблении такого ^{u}o, являющегося не во всех случаях, где его следовало бы ждать, что̀ может указывать на неорганичность его в ю.-б.-р. Связь ю.-б.-р. по этой черте с в.-р. представляется очень вероятной, но непосредственной связи с в.-р. или его говорами в других случаях ю.-б.-р.

не представлает. Поэтому можно думать, что ᵘо из акутованного о было некогда известно и с.-б.-р. наречию, но потом было в нём утрачено, как утрачено и ⁱе из ě, может быть, одновременно с утратой таких гласных и в соседних в.-р. говорах.

Ближайшая связь ю.-б.-р. наречия с м.-р. сомнению не подлежит.

Совпадение части ю.-б.-р. говоров со многими с.-в.-р. говорами по произношению s твёрдого в возвратных глаголах случайно.

§ 86. Отвердение l перед n и c в большей части б.-р. говоров как северных, так и южных, — черта, общая им с одной стороны с Северной и Восточной группами с.-в.-р. говоров, где такое отвердение наблюдается с главным образом перед n, c и š, причём ł такого происхождения в говорах Восточной группы, где старое ł изменилось в u неслоговое, сохраняется без перехода в u̯, как и в б.-р., с другой стороны — с м.-р., где в таком положении l не мягкое, а среднее, одинаковое с l перед гласными из старых e и i. Вероятнее всего, что б.-р. отвердение l перед n и c стоит в органической связи с аналогичным явлением или в м.-р. или в с.-в.-р. Не исключена и возможность самостоятельного развития этой черты в б.-р.

§ 87. О совпадениях б.-р. (§ 70) с другими славянскими языками, общих ему с в.-р. или отдельными наречиями в.-р. языка, см. выше, § 50, 61, 68 Совпадения, общие с м.-р. языком, будут рассмотрены ниже. Здесь отмечу совпадения по чертам, неизвестным другим русским языкам или известным им только диалектически. По черте 10 б.-р. язык сближается с лехитскими и лужицкими языками, по чертам 14 и 18 — с польским и по черте 7 — с н.-луж. и каш. и отчасти с разговорным чеш. и большею частью говоров польского языка, где v развилось только перед начальным o; из этих черт 10 известна и с.-в.-р. говорам а 14 — м.-р. Ср. совпадения б.-р. с польским и, частью другими зап.-сл. языками, общие ему с в.-р. или одним из в.-р. наречий (4, 12, 16 и др.) или с м.-р. (6, 21, 25, 28, 36 и др.), а также совпадение со значительной частью говоров польского и других слав. языков, общее ему с м.-р., по черте 9.

С.-б.-р. наречие (§ 72) представляет некоторые совпадения с лехитскими или вообще зап.-сл. языками, общие ему с частью в.-р.

говоров, именно: чертой 8, общей ему со значительной частью с.-в.-р. говоров, оно совпадает с лехитскими и верхнелужицким языками, чертой 9, известной также части с.-в.-р. и ю.-в.-р. говоров — с зап.-сл. языками вообще, поскольку в них различаются согласные твёрдые и мягкие перед е, чертой 18 (цоканьем) — с мазуракающими польскими говорами.

Ю.-б.-р. (§ 73) совпадает со всеми остальными слав. языками, кроме русских, окончанием nom. sg. прилаг. -у, і (известным впрочем и говорам м.-р.) и с польским отсутствием мягкого г.

Цоканье, может быть, представляет следы еще доисторической связи сев.-русских говоров с соседними зап.-сл. языками. Остальные случаи совпадения с лехитскими языками, свойственные только б.-р., могли быть вызваны польским влиянием. Польским же влиянием в б.-р. могут объясняться и некоторые черты, общие ему с частью в.-р. говоров, как с.-б.-р. 8 и 9; в таком случае остаётся неясным их отношение к аналогичным явлениям в.-р. говоров.

§ 88. Между областью южновеликорусского наречия и белорусского языка расположена широкая полоса говоров переходных на б.-р. основе к ю.-в.-р. Характерная черта их — присутствие некоторых фонетических и морфологических черт, несвойственных чистым б.-р. говорам; таковы — диссимилятивное аканье суджанского типа, а также яканье диссимилятивно умеренное и умеренное, мягкое č, долгое š вм. šč, k мягкое после мягких неслоговых и т. д. При этом аканье диссимилятивное Суджанского типа, развившееся на б.-р. почве, представляет известные отличие от того же типа аканья в ю.-в.-р. говорах; б.-р. говоры, усвоившие мягкое k после мягких неслоговых, обыкновенно сохраняют его после č и т. д. Точное разграничение между говорами чистыми б.-р. и переходными с одной стороны, переходными на б.-р. основе и ю.-в.-р. с другой — затруднительно.

Малорусский язык.

§ 89. Черты общемалорусские.

1. о и е старые в новых закрытых слогах дали — в одних говорах только под ударением, а без ударения лишь в некоторых окончаниях, в других и без ударения — гласные, отличные от

о и е в других положениях или из старых ъ и ь: укр. ніс, збіжжя, слів (gen. pl.), лід, сіл (gen. pl.), полес. нуос, збуожже, слуов, люод, сюол, карп.-р. нус, збужа, слув, или нїс, збїжа, слїв, люд, сюл, укр. и карп.-р. ячмінь, полес. ячміень и т. п., но везде: носа, слово, леду, села (nom. pl.), ячменя, также: сон, гвоздок, овес, конець и пр., где о, е из ъ, ь.

2. Старые е и ь сильное изменились фонетически в о перед твёрдыми только после шипящих, а также в тех немногих случаях, когда предшествующая им нешипящая мягкая согласная почему либо не отвердела: жонатий, шостий, чобіт, щоби, йорж, сьомий, жовтий, шовк, чорний, копійок, льон, сльози. Ср. также изменение е в новых закрытых слогах перед твердыми в полес. и карп.-р. в те же округлённые гласные, какие получились и из старого о в том же положении, со смягчением предшествующих нешипящих согласных.

3. Из о.-сл. ě получились — в одних говорах только под ударением, а без ударения лишь в конце слова в падежных окончаниях, в других независимо от ударения — гласные, отличные от е (именно, і или іе), со смягчением предшествующей согласной: укр. и карп.-р. сіно, місяць, полес. сіено, міесець, ср. везде села, десять, овес, день.

4. О.-сл. у, і перед i̯ сохранились без изменения в о, е, лишь с теми фонетическими изменениями, каким подверглись всякие у, і и в других положениях.: укр.: злий, мию, шия, пий, карп.-р. злый, мыю, шия, пий.

5. О.-сл. rъ, rь, łъ, lь между согласными в слабом положении дали сочетания отличные от ro, re, ło, le: укр. дрива, кривавий, гримить, слиза, карп.-р. дырва, кырвавый и т. п.

6. u в начале слова в известных случаях подверглось редукции: ўмію, ўчити, ўмерла, а после гласных (как того же слова, так и в конце предыдущего слова) может становиться неслоговым: не вмію, на Вкраїні, навчити и т. п.[1])

[1]) Буква „в“ в украинском правописании не перед гласными передает u неслоговое. Впрочем, в зап.-укр. и карп.-р. такое u неслоговое (или w) как из старого u, так и из старого w перед согласными может переходить в v (перед звонкими и сонорными) и f (перед глухими).

7. О.-сл. начальное i͡ь неударяемое в слабом положении или отпало: голка, грати, му 1 sg., маю, міти, предлог з и т. п., или редуцировалось и после гласной дало і неслоговое: не йде и т. п.; известны и случаи отпадения начального і старого: ськати „искать вшей.“

8. О.-сл. wъ, wь не после согласных дало u, слоговое (нередко редуцированное) в начале слова не после конечной гласной предыдущего слова в той же фразе, неслоговое в остальных случаях: ў дова, ў хаті, молода вдова, там удова ходила, як у воду впав, правда, волів.

9. ł не перед гласными изменилось в u неслоговое; впрочем во многих морфологических категориях сохраняется в большей части говоров ł (диалектически l), а именно — в конце слова в падежных формах существительных с основой на ł и перед суфф. -k: вовк, жовтий, прийшов (f. прийшла) и пр., но стіл, сіл gen. pl., голка, кілка́ gen. sg. (при диалектич. стів, сів, говка и пр.).

10. Из о.-сл. g получилось придыхание (h): город, нога и пр. = hórod, nohá.

11. Перед начальными гласными из старого о в новых закрытых слогах развилось w: вівса, вівця, вікно, він и пр. (овса, овца, окно, он); такое же w получилось и перед начальным u: вухо, вулиця и пр.; впрочем, существует и произношение с начальным u: ухо, улиця.

12. Согласные перед старыми е (из о.-сл. е и ь) и і и их фонетическими рефлексами твёрды, в том числе и с, мягкое в остальных положениях, и l, n, r из о.-сл. l, n, r мягких: до него, з ним, поле и пр.

13. Губные почти всюду отвердели; мягкие губные являются, и то не во всех говорах, только перед і новым (из ě и т. наз. дифтонгов) бідний, він, а также перед а из о.-сл. ę, если ему предшествует согласная: святий, різдвяний, червяк, тмяний и др.; мягкие губные перед а из ę не после согласных, а также перед гласными из старого е в новых закрытых слогах в тех случаях, где это е не перешло в і, изменились в сочетания твёрдых губных с j либо (губные неносовые не в начале слова перед а) с l' и (губная m) с ń: п'ять, голуб'я, в'язати, де-

рев'яний, жаб'ячий, м'ясо, сім'я (семя), солом'яний, жеребля́, здоро́вля, деревляний, жаблячий, мнясо, сімня, соломняний, с.-м.-р. п'юок, зав'юов, зам'юов, карп.-р. п'юк, зам'юв, ув'юв, м'юд и пр.; сочетание mj или mń является и перед u в dat. sg. n. на -mja (о.-сл. основ на -men): ім'ю, сім'ю и т. п.

14. с вообще мягко и отвердело только во всех говорах перед старыми е, і (см. выше 12) и, диалектически, в немногих говорах, в конце слова и в суфф. -ca.

15. О.-р. šč и ždž (из о.-сл. sk', skj, stj) сохраняются всюду, как šč, ždž, по твёрдости и мягкости однородные с остальными шипящими (т. е. в большей части говоров твёрдые во всех положениях, кроме положения перед і новым).

16. В.-р. сочетаниям зубных в широком смысле, кроме r, (т. е. d, t, n, l, s, z, š, ž, č) с j (из о.-сл. сочетаний „согласная + ъį или ьį“) соответствуют долгие в одних говорах, краткие в других мягкие зубные и шипящие; последние в этих случаях во многих говорах (не только там, где мягкие шипящие сохранились вообще) мягки, но в значительной части говоров отвердели, как и в других случаях: життя, груддя, насіння, весілля, колосся, полоззя, збіжжя, обличчя, ніччю, роскішшю или збіжжа, обличча, ніччу, роскішшу и житя, грудя и пр.; в положении после согласных мягкие согласные и шипящие такого происхождения всюду кратки: щастя, смертю и т. д.

b) морфологические:

17. Сохранились старые звательные формы: чоловіче, синку, мамо и пр.

18. Сохранились свистящие согласные у имён с основой на задненёбные перед ě (т. е. i͡e или і) в падежных окончаниях: на руці, на нозі и т. п.

19. В loc. sg. m. и n. получили большое распространение формы на -u, хотя в бо́льшей части говоров такие формы употребительны менее, чем в ю.-в.-р. и б.-р. благодаря вытеснению их во многих случаях формами на -ovi или -ovї.

20. Сохранились nom.-acc. pl. на -ě от сущ. мужеского

и женского рода с основами на мягкие: коні, землі, ножі, душі, с.-м.-р. песніе и т. п.

21. Gen. pl. в значении acc. pl. употребляется только от имён лиц мужеского пола: синів, гостéй, п'яниць, суддів и пр.; acc. pl. от имён животных совпадает с nom. pl.: воли́, корóви, свині и пр.; впрочем, в вост. говорах употребителен и gen. pl. в значении acc. pl. и от имён лиц женского пола: жінóк, сестéр и пр., а частью и от названий животных: пасти волів, доїти коров и пр. Такие формы встречаются и в литературном языке, хотя новейшие писатели их вообще избегают.

22. Nom. pl. на a от имён мужеского и женского рода отсутствует, кроме нескольких существительных мужеского рода: вýса, рукáва, хлібá, вівсá, очеретá и немногих др.

23. При nom. числит. 2, 3, 4 существительные мужеского рода ставятся в nom. pl., но, по крайней мере в литературном укр., с ударением gen. sg.: два си́ни, чотири двори́ и пр.

24. При тех же числит. от существительных женского и среднего рода *a)* употребляются формы на -ě: дві кни́жці, дві відрі и т. п.; но *b)* употребительны и формы, тожественные с в.-р.: дві кни́жки (удар. gen. sg.!), два відрá.

25. Числ. два, оба, оби́два при существительных среднего рода имеют ту же форму, что и при сущ. женского рода, — на ě (i, ie), но употребляются и формы на -a; в связи с этим различием стоит и различие в форме существительных; см. 24.

26. В nom. и acc. sg. f. и n. и nom.-acc. pl. прилаг. бóльшая часть говоров знает только стяжённые формы на -a, -e и -ї или i; нестяж. формы sg. f. и pl. встречаются только в полесских говорах, а нестяж. формы sg. n., кроме того, также в карп.-р.

27. В gen. sg. m. и n. местоимений и прилагательных окончание oho: старого, синього, того и пр., с.-м.-р. и вост.-укр. його, всього и др.; в зап.-укр. есть и -eho, но только в местоименном склонении: его, сего, всего.

28. Gen.-acc. sg. личных местоимений и возвратного оканчивается на -e: мене, тебе, себе.

29. Dat.-loc. sg. личного местоим. 1-го лица — мені (с.-м.-р. меніе).

30. Косв. падежи числит. 5—80 имеют окончания -ох, -om, -ma: п'ятьóх, -ьóм, -ьма и т. д.

31. Глаголы с основой на задненёбные заменили их в личных формах ind. и свистящие в imp. шипящими: печу, печуть, печи, печім, печіть, ляжу, можу и пр., также: біжу, біжать и т. д.

32. В 3 sg. окончание t, мягкое в одних говорах, твёрдое в других имеют всюду только глаголы 2 тематического спряжения при ударении на окончании: стоїть, сидить и пр., и нетематические глаголы їсти, дати и -вісти; отсутствует окончание -t только у невозвратных глаг. 1 тематич. спр.: иде, несе, знае; впрочем в некоторых говорах, между прочим у бойков (карп.-р.) обычны стяж. формы на -at от основ на -a: він ся пытат, сідат, завертат, сховат и т. п.; возвр. глаголы 1 спр. имеют постоянно -t в тех говорах, где возвратная частица ся слилась с глаголом в одно слово: береться; в некоторых говорах известны и формы 3 sg. без -t от глаголов 2 спр. с ударением на основе: хóде, но везде: сидить и т. п.

В 3 pl. всюду все глаголы имеют в окончании t мягкое или твёрдое (-ut, -at, или -ut, -at).

33. В 1 pl. ind. и imp. рядом с окончанием -m известны и окончания с гласной после m, именно, — окончание -mo — во всех говорах кроме карп.-р. и -me в карп.-р.

34. В 1 и 2 pl. imp. перед согласными окончаний под ударением или после известных групп согласных является ě как у глаголов 1, так и у глаголов 2 спр.: несім, несіть, ходім, ходіть (полес. несіем и т. д.)

35. 2 pl. imp. оканчивается на -te после неслоговых звуков и на -t или t после i: ідіть, ходіть, бувайте, ляжте и пр.

§ 90. Диалектические явления малорусского языка.

1. По условиям, при которых гласные o и e в новых закрытых слогах и ě изменились в гласные, отличные от o и e другого происхождения (т. е. из o и e не в новых закрытых слогах и из е и ь), все м.-р. говоры распадаются на две группы: *A* говоры, в которых эти гласные подверглись такому изменению

только под ударением, а также в падежных окончаниях, и *B*. говоры, где это изменение произошло независимо от ударения. К групе *A* принадлежат все полесские[1]) говоры, в которых эти гласные отличаются от і, и прилегающая к ним полоса говоров, имеющих в этом случае і („полесско-украинских“): полес. жуонка, нуоч, руодни nom. sg. m. adj., загуон, принюос, пieч, ячміень, дієд, біедни nom. sg. m. adj., но жонкі, ночліег, родня́, ви́гон, метла́, на при́печку, дедо́к, беда́, полес.-укр. кінь, но: конця́; остальные говоры принадлежат к группе *B*, причём в эту последнюю также входят как говоры с і из е и о в новых закрытых слогах, так и говоры с гласными того же происхождения, отличными от і: укр. жінки́, вікно́, чо́біт, по́піл, ве́чір, о́сінь, спідни́ця, сільски́й, мішо́к, біда́, бідола́ха и пр.; ю.-карп. во́зур „окно“, на́рут „народ“, кусја́, „косьё“, кусце́ви dat. sg. „коспу“, вутцю́, кра́юв, біда́, бічи́, „бежать“ бе́сіда, ви́дiлам 1 sg. f. praet.

По качеству гласных, получившихся из старых о и е в новых закрытых слогах и из ě, между м.-р. говорами существуют следующие различия:

α) Из старого ě и из того старого е, которое являлось в новых закрытых слогах в положении перед мягкими, получилось, под ударением в говорах *A* и независимо от ударения в говорах *B*: *a*) і, перед которым согласные всюду мягки, во всех говорах *B* и в ю. части говоров *A*; *b*) т. наз. „дифтонг“ іе, точнее — гласная неоднородной артикуляции, под ударением и і в безударных окончаниях, причём согласные перед таким іе и і также всюду мягки, в архаичных полесских говорах. В тех говорах, где шипящие и г вообще отвердели, перед ⁱе и і такого

[1]) Термином „полесские“ обозначаю говоры, назыв. в „Опыте“ МДК. северномалорусскими, т. е. как собственно полесские, так и подляшские; зап.-полесские говоры настоящей книги соответствуют подляшским, зап.-полесским и среднеполесским говорам „Опыта“. „Полесско-укр.“ называю полосу говоров с і из о, е в новых закрытых слогах только под ударением (в „Опыте“ — северноукраинские); термины „вост.-укр.“ и „зап.-укр.“ соответствуют ю.-вост. и ю.-зап. говорам Ганцова, за вычетом из последних говоров карп.-р.; „карп.-р“ называю закарпатские говоры, кроме гуцульских в округах Ясіня и Рагово в вост. части Марамарошской жупы, и говоры лемков и бойков.

происхождения они сохраняют мягкость, и только в немногих говорах отвердели, причём после r перед i развилось i неслоговое; подобным же образом в некоторых говорах губные перед таким i изменились в сочетания твёрдых губных с i неслоговым. Без ударения из e перед мягкими в новых закрытых слогах и из ě не в окончаниях в говорах *A* [как в группе *b*), так и в группе *a*)] получилось e, совпавшее с e другого происхождения; согласные перед ним вообще твёрды. Впрочем, есть говоры, которые по судьбе безударных o и e в новых закрытых слогах относятся к группе *A*, но имеют i из ě и в предударных слогах.

β) Из старого e перед твердыми и из старого o получились в новых закрытых слогах (под ударением и в окончаниях в говорах *A* и независимо от ударения в говорах *B*): *a*) в части полесских говоров т. наз. „дифтонги“, т. е. гласные неоднородной артикуляции, u͡o, u͡ȯ, u͡ə, ü͡ö, ü͡e и т. п. под ударением и u в безударных падежных окончаниях; *b*) в другой части полесских говоров разные гласные, отличные от i (u, ü, ö, ï и др.); *c*) в говорах южно карпатских — u в ю. части и ü в сев., частью, на крайнем западе, гласные менее округлённые; *d*) во всех остальных говорах *B* и ю. части говоров *A* — i. Перед гласными такого происхождения, отличными от i, согласные твёрды, если эти гласные получились из старого o, и мягки, если они восходят к старому e, кроме шипящих и r, в тех говорах, где эти согласные отвердели и перед гласными из старого ě; перед i такого происхождения из старого e согласные всюду мягки, и перед i из o твёрды в говорах *A* и большей части зап.-укр. говоров и мягки в говорах вост.-укр. и некоторых зап.-укр. Примеры см. выше и в § 89. 1. 3.

2. *a*) В говорах *A* гласная a после мягких (из о.-сл. a и ę) обычна только под ударением и в окончаниях; без ударения ей соответствует e; согласные (кроме j) перед таким e твёрды[1]): п'ять, взяв, зять, тяжко, номіесець, зéрнетко, гледжý, хóдеть 3 pl. и пр.; *b*) в говорах *B* гласные из о.-сл. a после мягких и ę без ударения не отличаются от гласных того же про-

[1]) Примеры для e такого происхождения после твёрдых известны только из о.-сл. ę.

исхождения под ударением, а согласные перед ними вообще мягки (кроме случаев, назв. ниже в п. 16, 20, 21): укр. п'ять, взяв, зять, тя́жко, мі́сяць, гляджу́, хо́дять и пр.; гуцул. п'еть, кьишко „тяжко" взьив „взял", розийза́в, „развязал", де́сїть ти́сьич и др.

3. О.-сл. у и і *a)* в большей части говоров совпали в одном звуке; *b)* различаются только в собств. карпаторусских говорах, занимающих Закарпатье (в пределах Чешскословацкой республики) и сев. склоны Карпат (область т. наз. замішанцев, лемков и бойков), кроме вост. части Карпат на обоих склонах, занятых гуцульскими говорами, далее — в говорах ю.-зап. части Вост. Галичины к зап. от Львова и в некоторых подляшских говорах. Гласная, соответствующая о.-сл. у, в карп.-р. говорах заметно отличается от в.-р. у несколько пониженной артикуляцией и слабым округлением, дающими впечатление некоторой близости к о или ȯ; в большей части карп.-р. говоров эта гласная (передаваемая в карп.-русском письме и в украинских записях из области карп.-р. говоров буквою „ы") — заднего ряда, т. е. более задняя, чем в.-р. у. Гласная, соответствующая о.-сл. і, в карп.-р. говорах частью близка к украинской гласной, передаваемой буквою „и", частью является более передней; и в том и другом случае она принадлежит к гласным верхнего подъёма, артикулируясь выше, чем напр., в соседних галицких и гуцульских говорах, и не даёт впечатления близости к е. В говорах, где о.-сл. у и і совпали, получившаяся от этого совпадения гласная, передаваемая в украинском письме буквою „и", заметно отличается от в.-р. і более задней и, по большей части, более или менее пониженной артикуляцией, переходя в некоторых говорах в е. Диалектические различия в произношении этого звука состоят в бо́льшем или меньшем передвижении артикуляции назад — в зап.-укр. он более задний, чем в вост.-укр., — и в большей или меньшей склонности к е; произношение его как е или близкое к е наблюдается чаще всего в зап.-укр. (особенно в Галичине и у гуцулов) и в подляшских говорах, значительно реже — — в вост.-укр.; в собственно полесских и полес.-укр. говорах он заметно отличается от е. Ниже условно звуки, получившиеся в результате совпадения і и у, обозначаю буквою ї.

4. *a)* Зїлинський, RSl. IX. 2. 240, 244, отмечает в некоторых зап.-полесских, галицких и карпаторусских говорах сильно пониженную артикуляцию е, звучащего почти как чистое а: подляш. вжа, дварі, васна́, карп.-р. да- в дахто[1]) и т. п., тара́лик, тра́ба и др. *b)* В бо́льшей части говоров подобное явление не отмечено, а е безударное произносится даже закрыто (см. п. 6).

5. *a)* Зап.-укр. и подляшским говорам свойственна т. наз. гармония гласных, выражающаяся в том, что безударное о переходит в u перед слогом с гласными (как ударяемыми, так и безударными) верхнего подъёма, т. е. с u и і, и сохраняется как о перед слогом с гласными среднего подъёма, т. е. с о и е, а также и перед слогом с ї; безударное е может изменяться в і перед слогом с і и u и сохраняться как е, ясно отличающееся от ї, перед слогом с е и о. Так, в записях Голоскевича из Ушицкого у. Подольской губ.[2]) последовательно: subí, čułuvík, stujít, du vuhńú, ná huru, uzmút, — s sobóju, vohoń, na doróži, koróbočko, vozméš, konéc, voný, horýt, ozmý, kobýła и т. п., — mińí, jimú, — mené, tebé, peréd, jehó, nakładženo (но также: ny búło, ny móž, vyrbóju). Перед слогом с ї в этих записях вм. е последовательно — у (т. е. ї): łyžyt, ožynýu̯śa и др.; перед слогом с а безударное о сохраняется, но вм. е является у: voná, stroml'aju „сую“ и пр., vyrbá, čykaje, nymá. То же явление отмечается и в ряде других записей и сообщений из области подляшских и зап.-укр. говоров. *b)* В вост.-укр. говорах подобная гармония гласных наблюдается редко, в собственно полесских, полес.-укр. и в большей части карп.-р. отсутствует. Не стоит в связи с указанным явлением произношение а вм. о перед слогом с а в словах бага́то, ганчар, гаразд, гарячий, кажан, калач, качан, хазяин, халява „голенище“, известных с таким произношением главным образом в вост.-укр. (в зап.-укр. обычно богато,

[1]) Частица да в дахто и т. п. (= укр. де) мне известно из таких карп. говоров, где е пониженной артикуляции не имеет, и, очевидно, примером, указывающим на существование такой артикуляции служить не может.

[2]) Дурново. Хрестоматія по м.-р. діалектології 58—60.

гончар, горячий и пр.) говорах, где гармония гласных не наблюдается, и где в других словах в том же положении безударное о сохраняется.

6. *a)* Безударное е ясно отличается от ї неударяемого в говорах, отнесённых в п. 1 к группе *A*, кроме части зап.-полесских, и в карп.-р.; *b)* в вост.-укр. и зап.-укр. звучит близко к неударяемому ї и частью (в части говоров или в известных положениях) совпадает с ним; о произношении е в говорах, знающих гармонию гласных, см. п. 5.

7. *a)* В говорах вост.-укр. и зап.-укр., имеющих і из старого неударяемого о в новых закрытых слогах, такое же і является в нескольких словах вм. старого неударяемого u: за́між, дібро́ва, о́гірок „огурец" ма́біть „должно быть" и некоторые др. *b)* В говорах, имеющих і (или другие гласные, отличные от о) только под ударением, и в говорах карп.-р. u в этих словах сохраняется всюду (т. е. не только там, где и из о в новых закрытых слогах имеется u).

8. а после мягких и шипящих *a*) сохраняется под ударением в большей части говоров полесских и полес.-укр. и независимо от ударения в вост.-укр., карп.-р. и части зап.-укр. и *b*) изменилось в е с сохранением мягкости предшествующих согласных в части зап.-полесских и в значительной части зап.-укр., между прочим у гуцулов, в зап. Волыни, Холмщине, Буковине и Покутье: евір, ема, п'етница, мне́со, взьи́ти, кьи́шко, жьи́лібно[1]), ше́пка.

9. В окончании nom.-acc. сущ. среднего рода после долгих или кратких мягких и шипящих из старых сочетаний согласных с j *a*) в вост.-укр., карп.-р. и части зап.-укр. говоров является а, *b*) в полесских, полес.-укр. и другой части зап.-укр., главным образом в галицких и гуцульских, — е с сохранением мягкости предшествующей согласной: життя́, життe, житя, житe, збіжжя, збіжя, збіже (или -жжа, -жа, -же), збу͡ожже, збужа и пр.

10. i̯ неслоговое после гласных и между гласными в м.-р. говорах имело разную судьбу:

[1]) Эти 3 примера взяты из записей, сделанных у гуцулов, где гласная, обозначаемая буквою „и", произносится почти как е.

α) после ї в окончании nom. sg. m. прилаг. оно *a)* отпало в полесских говорах: з л и, с т а р и, м о л о д и, и *b)* сохранилось в остальных: укр. з л и й, с т а р и й, м о л о д и й, карп.-р. м о л о д ы й;

β) после i̯ в конце слова или перед согласными оно *a)* отпало в большей части вост.-укр. и зап.-укр.: у б і л і с о р о ч ц і, п і д у, с и л н і ш и й и пр., и *b)* сохранилось в полесских, полес.-укр. и карп.-р.

γ) в nom. sg. и acc. sg. f. прилаг. *a)* в вост.-укр., зап.-укр. и карп.-р. употребляются формы только со стяженными окончаниями -a и u, получившимися из a a, u u после выпадения i̯; *b)* в полесских рядом с этими формами известны и нестяжённые с сохранением i̯: д о б р а я, д о б р у ю.

δ) в nom.-acc. sg. n. прилаг. *a)* в вост.-укр. и зап.-укр. известны только формы с оконч. е из стяжения o + e после выпадения i̯ д о б р е, м а л е́; *b)* в полесских рядом с такими формами употребляются и формы на e j e с сохранением j: д о б р е е и пр.; в карп.-р. обычны только формы на o i̯ e, -o e, o e̯ (откуда o i̯) без стяжения доброе, доброй.

ε) в instr. sg. f. *a)* в полесских, полес.-укр. и вост.-укр. и части зап.-укр. употребляются только формы на -o j u, -e j u, (без ударения также -u j u) с сохранением j: р у к о ю, з е м л е́ ю, б і́ д н о ю, д о р о́ г у ю и пр., *b)* в карп.-р. и части зап.-укр. — формы на -o u̯, где произошло выпадение i̯ между гласными: р у к о ў, з е м л ь о ў и пр.

ζ) в личных формах с -a j e- глаголов на a *a)* в части говоров употребляются стяжённые формы с a вм. a j e; главным обр., в 3 sg.: п и т а́ „спрашивает“, з н а (у бойков — п и т а т, з н а т), реже 2 sg. п и т а́ ш, з н а ш; *b)* значительная часть говоров знает только нестяженные формы.

η) i̯ после гласных перед глагольными окончаниями, а также в окончании nom.-acc. sg. n. прилаг. *a)* выпало в значительной части карп.-р. говоров, причом стяжения не произошло: з н а́ у, з н а́ у т, я с я б о́ у „боюсь“, д о́ б р о е и пр.; *b)* в остальных говорах i̯ в этих случаях сохраняется (кроме nom.-acc. n. прилаг., где почти все говоры имеют стяжённую форму с e).

ϑ) *a)* в говорах лемков стяжение гласных, вызванное выпадением i̯, произошло не только у глаголов с основой praes.

на -ai̯, но и у глаголов с основой на -ui̯: годé, бесідé и пр. (= годує, бесідує). *b)* остальные говоры подобных форм не знают.

Все назв. случаи выпадения i̯ и стяжения ограничиваются определёнными грамматическими категориями, а потому не могут считаться явлениями чисто фонетическими.

11. На месте о.-сл. rъ, rь, łъ, lь между согласными в слабом положении в 1-м слоге слова *a)* в полесских, полес.-укр., вост.-укр. и части зап.-укр. говоров являются обычно сочетания rї, lї, если не заменены нефонетически сочетаниями ro, lo, re, le по аналогии со случаями, где ъ, ь были в сильном положении: дрива (и дрова по аналогии с дров), кривавий, криниця „колодец, родник, ключ", гриміти, блиха, слиза и т. п., *b)* в карп.-р. и части зап.-укр., главным образом в Галичине, в подобных случаях являются также сочетания їr или yr и їw или yw: галиц. кирвáвий, кирниця, хирбет, тирвога, карп.-р. дырва (и дрыва), кырвавый, кырниця, гырмит, хырбет, сывза (но также блыха и т. п.) и пр.

12. В говорах, имеющих i на месте о.-сл. о в новых закрытых слогах, согласные перед этим i *a)* в одних говорах тверды, *b)* в других мягки; твёрдые согласные произносятся во всех полес.-укр. говорах, в значительной части зап.-укр. говоров (напр., в сев. части Вост. Галичины, частью у гуцулов и др.) и в части карпаторусских говоров (у лемков и в закарпатских говорах Верховины), мягкие — в вост.-укр. и в части зап.-укр. и карп.-р.

13. На месте о.-сл. ky, gy, xy *a)* в полесских, полес.-укр. и зап.-укр. говорах произносится ki, hi, xi с мягкими согласными, *b)* в вост.-укр. kї, hї, xї и *c)* в карп.-р. ky, hy, xy (со звуком, соответствующим в этих говорах о.-сл. y).

14. На месте старых сочетаний зубных согласных с j (из о.-сл. сочетаний с ъi̯ и ьi̯ *a)* в полесских, полес.-укр. и вост.-укр. говорах являются долгие мягкие и шипящие согласные (за исключением положения после согласной), *b)* в зап.-укр. и карп.-р. — краткие.

15. Старые звонкие согласные перед глухими и в конце слова *a)* сохранились в полесских, полес.-укр., вост.-укр. и вост.

части зап.-укр. и *b)* перешли в глухие в зап. части зап.-укр. и в карп.-р.

16. г мягкое *a)* сохранилось в вост.-укр., гуцульских и большей части карп.-р. (кроме лемков и замишанцев); *b)* в вост.-полесских оно сохранилось только перед а не в окончаниях, и то не везде, и перед ě (т. е. i͡e или і), в остальных положениях отвердело; *c)* в прочих говорах г вообще отвердело; в зап.-укр. отвердение г надо считать более поздним, чем в полесских, ср. полес. бура, вечерать, зап.-полес. порадок и зап.-укр. бурйа, порйадок.

17. l немягкое звучит, *a)* как l среднее („европейское"), в вост.-полеских, вост. части полес.-укр., вост.-укр., а также на Буковине, у гуцулов и в большей части карп.-р. говоров и *b)* как ł твёрдое — в зап.-полесских, зап. части полес.-укр., в зап.-укр. (кроме Гуцульщины и Буковины), у лемков и у галицких бойков; *c)* в некоторых галицких говорах ł может переходить в u̯ неслоговое: bu̯ухá, stiu̯, biu̯š „больше". По крайней мере в части говоров, знающих ł, встречается в известных положениях и l среднее, а в вост.-укр. при известных положениях возможны оттенки l близкие к ł.

18. *a*) В зап.-укр. и карп.-р. говорах обычно l' после губных неносовых и ń после m из j или i̯, именно, как из старого j (i̯), оказавшегося после согласных после утраты между ними старой редуцированной гласной, так и из нового j (i̯), развившегося после отвердевших губных перед непалатальными гласными (а, о, u) при утрате этими губными палатальности: здоровля, жеребля, кровльов „кровью", камняный, сімню „семени" и т. п., хотя возможны и произношения в роде здоров'я; *b*) в полесских, и вост.-укр. такие образования с новым l' вообще редки, кроме 3 pl. глаголов 2-го спряжения, где такое l' является правилом, в том числе и после m, и явилось, очевидно, не столько фонетически, сколько морфологически, по аналогии с 1 sg.: люблять, дивлять „смотрят", куплять, ломлять.

19. ń перед k в суфф. -k- *a*) перешло в i̯ неслоговое в части зап.-полесских, в зап.-укр. и карп.-р. говорах на галицком (сев.) склоне Карпат и *b*) сохранилось в вост.-полесских, части

зап.-полесских и в вост.-укр.: зап. козачейко, сонейко, темнейко, вост. козаченько и пр.

20. Шипящие *a*) в большей части говоров твёрды, кроме положения перед і новым (из ě и т. наз. „дифтонгов“) и шипящих (долгих или кратких) из старых сочетаний шипящих с j, получившихся вследствие выпадения редуцированных гласных; *q*) в части полесских говоров, а также у гуцулов и в Покутье вообще мягки, кроме положения перед е и ї (из старых е, ъ, і); *c*) диалектически в некоторых вост.-укр. шипящие мягки также перед а в оконч. 3 pl.: біжять, мовчять, лишять и пр.; — долгие и краткие шипящие из старых сочетаний шипящих с j *d*) мягки в вост.-полес. и значительной части вост.-укр. и *e*) твёрды в зап.-укр. и части вост.-укр.

21. с в конце слова и в окончаниях *a*) отвердело в части зап.-укр. (между прочим у гуцулов) и в зап. части карп.-р. (главным образом у лемков), *b*) в остальных вообще сохраняется как с мягкое.

22. s мягкое в конце слов и в суфф. -sk *a*) отвердело в части зап.-полесских, в подляшских, в значительной части зап.-укр. и в карп.-р., *b*) в остальных полесских и вост.-укр. сохраняется, как s мягкое.

23. Конечные мягкие согласные, кроме c, r, t в окончаниях 3 лица обоих чисел ind. и 2 pl. imp. и шипящих, *a*) сохранились всюду, кроме говора лемков, и *b*) отвердели в говоре лемков.

24. Вм. ď, ť мягких *a*) в части зап.-укр. говоров, между прочим у гуцулов, произносятся ǵ, ḱ мягкие: neǵil'a, ǵido, xoḱitї, xoǵet 3 pl., xoḱet 3 pl. и т. п.; *b*) в остальных ď, ť сохраняются.

25. В части зап.-укр. и карп.-р. говоров известно f в заимствованных словах, а также вм. u неслогового других говоров перед глухими и из xv: фтїк, фара „приход“, фала́бу „слава Богу“ и пр.

26. Ударение — *a*) свободное почти во всех м.-р. говорах и *b*) неподвижное на предпоследнем слоге у лемков; повидимому, в говорах со свободным ударением экспираторная сила ударения не одинакова по говорам; в карп.-р. ударение слабее, чем в

остальных м.-р. Кроме того, есть различия между говорами со свободным ударением и в месте ударения. Эти различия по большей части носят не фонетический, а морфологический характер. Таково, напр., различие в акцентовке глагольных форм: *c*) в полесских и вост.-укр. сохраняется ударение на конце в таких формах, как кажу́ „говорю", прошу́, ходжу́, несемо́, несете́, несла́, була́, було́, нести́ и т. п., *d*) в зап.-укр. и карп.-р. ударение перенесено на предыдущий слог: ка́жу, про́шу, хо́джу, несе́мо, несе́те, не́сла, бу́ла, бу́ло или бы́ла, бы́ло, не́сти и пр. Аттракция ударения в зап.-укр. и карп.-р. чаще, чем в полес. и вост.-укр. Ср. такие случаи, как бою́ ся и я ся бо́ю, бере́ ся и він ся бе́ре, карп.-р. верхов. оте́ц його и його о́тец.

Явления морфологические:

27. В dat. sg. m. и n. основ на -o, -jo, -u *a*) в вост.-полес. и значительной части зап.-полес. известно только окончание -u: сину, чоловіку, коню, життю и пр., *b*) в вост.-укр. кроме -u известны и окончания -ovi, -evi у m., главным образом названий живых существ: синові, чоловікові, коневі, шевцеві и пр., *c*) в другой части зап.-полес., в зап.-укр. и карп.-р. — оконч. -ovï, реже evï у m. и n., обозначающих как живые, так и неживые существа: синови, чоловікови, коньови (реже: коневи), шевцьови (реже -еви), житьови, вікнови и пр.

27 *α*. В вост.-укр. и, частью, зап.-укр. формы dat. sg. m. и n. существительных на -ovi (ovï), -evi и u и местоим. и прилаг. на -omu часто употребляются в значении loc. sg.: на козакові, у полю, в гаеви, на ньому, на Чорному морі и т. п. Такое употребление обычно и в литературном укр. языке.

28. В склонении основ на мягкую *a*) в вост.-полес. и вост.-укр. сохраняется е (из о.-сл. е и ь): ковалеві, ножеві, ноже́м, земле́ю, по́лем, теля́тем, життем (вост.-укр. также життя́м), *b*) в зап.-полес., зап.-укр. и карп.-р. обычно в таких случаях о: ковальови, ножови, ножом, земльою, польови, телятьом, житьом и пр. Ср. обратное соотношение между вост.-укр. и зап.-укр. говорами в употреблении е и о в склонении местоимений и прилагательных.

29. В loc. sg. m. и n. и dat. loc. sg. f. основ на мягкую и шипящую *a*) в вост.-полес. и вост.-укр. является окончание ě (вост.-полес. i͡e или i под ударением, i без ударения, вост.-укр. i): на землі, в каші, на полі, на печі, *b*) в зап.-укр. и карп.-р. — ï (восход. к старому i): на земли, на печи, на кони, на поли и пр.

30. В gen. pl. основ на -i *a*) в полесских и вост.-укр. является оконч. ei̯: гостéй, людéй, ночéй, кóней и пр., *b*) в зап.-укр. и карп.-р. — -ïi̯: гостúй, людий, ночий, коний и пр.

31. У прилагательных со старой основой на мягкие зубные (ń, t́) *a*) в вост.-укр. мягкие согласные являются во всех формах, в связи с чем старому i в падежных окончаниях соответствует не ï, а i, а старому e — гласная o: синій, третій, синього, треттього и пр., *b)* в зап.-укр. и карп.-р. в этих случаях — гласные ï и o с предшествующими твёрдыми согласными: синий, третий, синого.

32. В nom. pl. местоим. и прилаг. *a)* полесские говоры имеют окончание ï, а у прилаг. также ïje или ïji: ти, добри или добрие (добриï); *b)* вост.-укр., зап.-укр. и карп.-р. -i с мягкостью предшествующей согласной: ті, добрі (то же i и в остальных падежах: добріх).

33. В части зап.-полес., в зап.-укр. и карп.-р. известны краткие формы местоимений, отсутствующие в вост.-полесских и вост.-укр.: мня (= мя), тя, ся, ми, ти, си, го, му.

34. В gen. и dat.-loc. m. и n. местоимений мягкого различия *a)* в полес., вост.-укр. и карп.-р. являются окончания -oho, -omu с мягкими согласными перед окончаниями: його, в нього, цього, сього, всього, йому, к ньому и пр., *b)* в зап.-укр. -eho, -emu с твёрдыми согласными (кроме j): его, в него, сего, всего, ему, к нему и пр.

35. *a)* В полес., карп.-р. и части вост.-укр. и зап.-укр. шипящие в 1 sg. глаголов 2 спр. с тематической гласной ï (= старому i) сохраняются: хóджý, лечý, вóжý, нóшý; *b)* в в.-укр. и в значительной части зап.-укр. заменены мягкими нешипящими: хóдю, летю, вóдю, нóсю; в связи с этим стоят шипящие в полесских и мягкие нешипящие в значительной части

вост.-укр. и зап.-укр. в таких формах, как полесское закручувать при вост.-укр. закрутювати.

36. Во 2 sg. нетематических глаголов їсти и дати *a)* в значительной части м.-р. говоров сохранились старые формы їси́, даси́, но *b)* рядом с ними употребительны и формы даш, їш, тожественные с подобными формами в в.-р. и почти во всех других слав. языках, и *c)* чисто м.-р. новообразование — їси́ш, даси́ш. Каково распределение этих трояких образований по говорам, за недостатком точных указаний сказать трудно. В литературном укр. употребительно и їси, даси и їш, даш.

37. В 3 sg. глаголов 2 спр. при ударении на основе *a)* в вост.-укр. и зап.-укр. кроме форм на -ť или -t могут употребляться и формы без -ť: ходе, робе, носе и пр., *b)* в полес. и карп.-р. — только формы на -ť или -t: ходить, робить, носить.

38. В стяженных формах 3 sg. глаголов 1 спр. с основой на -ai̯ *a)* в части зап.-укр. (в Галичине) и карп.-р. может являться оконч. -t: пытат, сїдат, повідат, сховат и пр.; *b)* в остальных говорах в 3 sg. невозвратных глаголов 1 спр. окончание -ť (t) отсутствует.

39. В 3 sg. возвратных глаголов 1 спр. окончание -t перед возвратной частицей ся *a)* сохраняется везде, где эта частица составляет с глаголом неразрывное целое, помещаясь всегда после глагола в его невозвратной форме, и *b)* отсутствует (кроме диалектических форм на -at) там, где частица ся является подвижной: полес. и вост.-укр. миеться, береться, продаеться, зап.-укр. він ся мие, мие ся и пр., карп.-р. вун ся мые, мые ся и пр.

40. ť в оконч. 3 sg. и pl. *a)* мягко в вост.-полес., большей части зап.-полес., в вост.-укр. и в ю.-карп., и *b)* твёрдо в части зап.-полес., в зап.-укр. и сев.-карп. (на галицком склоне Карпат, на Верховине, у лемков и замишанцев).

41. В 1 pl. *a)* в карп.-р. говорах является окончание -me: ходиме и пр.; *b)* во всех остальных -m и -mo: хо́дим, беремо́ и пр.

42. ť в окончании 2 pl. imp. на -iť (-i͡eť) *a)* мягко везде, где мягко ť в оконч. 3 sg. и pl. и *b)* твёрдо в значительной

части говоров, имеющих t твёрдое и в 3 sg. и pl.: ходіть и ходіт.

43. *a)* В собственно полесских и вост.-укр. говорах употребительно fut. на -mu, -meš и пр., слитыми с инфинитивом спрягаемого глагола в одно слово: ходитиму, писатимеш и пр.; *b)* реже — с глаг. буду и инфинитивом спрягаемого глагола: буду ходити; *c)* в зап.-укр. и карп.-р. обычны бо́льшею частью только последние; *d)* лишь в некоторых зап.-укр. (именно, в буковинских и холмских) говорах употребляются и образования с глаг. му, меш и пр. и инфинитивом спрягаемого глагола, но, в отличие от полесских и вост.-укр., глагол му не сливается с инфинитивом в одно слово и может стоять и перед ним; *e)* в подляш. и в части зап.-укр. говоров известны и образования fut. типа буду ходив, буду ходила, как в польском языке.

44. *a)* В зап.-укр. и карп.-р. глаголы в прошедшем времени и условная частица би в 1 и 2 sg. и pl. могут иметь личные окончания -m (-em, -jem), -ś (-eś, -jeś), -śmo [в карп.-р. -śme], -ste: m. ходивем, ходив'єм, f. ходилам, бим и пр.; *b)* в полес. и вост.-укр. подобные формы отсутствуют: я (ти) ходив, -ла, ми (ви) ходили и т. п.

45. *a)* В полес. обычны инфинитивы на t' после гласной вм. старого -ti (при исконном ударении на основе); *b)* в вост.-укр. употребительны и инфинитивы на -tï и инфинитивы на -t'; *c)* в зап.-укр. и карп.-р. — исключительно инфинитивы на -tï.

46. У глаголов с основой на h и k инфинитивы *a)* в полес. и вост.-укр. обычно оканчиваются на -ktï, -htï: пекти́, стерегти́ и пр., *b)* в зап.-укр. и карп.-р. — на -čï, -kčï, -hčï, -xčï: печи́, стеречи́ или пекчи́, стерегчи́.

47. Возвр. частица ся *a)* в собственно полес. и вост.-укр. всегда стоит после глагола, сливаясь с ним в одно слово: ми́юсь, миється, митиметься, *b)* в подляшских, зап.-укр. и карп.-р. может стоять и перед глаголом и может отделяться от него другим словом: миє ся и він ся миє, він ся не миє, зачав ся Богу молити и пр.

48. В inf. и praet. глаг. быть и в глаг. бывать *a)* в полес., вост.-укр. и большей части зап.-укр. (между прочим в Подольщине, Буковине, Гуцульщине и в сев.-зап. части Галичины)

в 1 слоге произносится и: бути, був, була, бувати, также: забути и т. п.; *b)* в карп.-р. и части галицких к Ю. от Львова -у: быв, была, быти, бывае и пр. (в этих говорах исконное у не совпало со старым і).

49. *a)* В вост.-укр. говорах употребляются местоим. оцей или цей (gen. m. цього́ и пр.), той, та, те, *b)* в зап.-укр. и карп.-р. сей или сесь, ceся́, ceсе́, тот, тота́, тото́ (или тотѐ), тамто́т, тамта́ и т. п., неизвестные ни вост.-укр., ни полесским говорам.

50. Числит. „1" *a)* в полесских и вост.-укр. является в форме один, одна, одно и пр., *b)* в зап.-укр. и карп.-р. еде́н, една́, едно́ или їде́н, їдна́, їдно́.

§ 91. Бо́льшая часть м.-р. говоров объединяется в одно целое двумя фонетическими новообразованиями: изменением старых о и е в новых закрытых слогах в і (в одних говорах только под ударением, в других независимо от ударения) и совпадением і и у старых в одном звуке более заднего образования, чем гласные из старого і во всех других слав. языках; гласный звук, получившийся в результате этого совпадения, не одинаков по говорам, но не подлежит сомнению, что диалектические варианты этого звука все одного происхождения. Однако отсутствие первого из этих двух новообразований (о > і) в говорах полесских с одной стороны, ю.-карпатских с другой и второго (у = і) в говорах подляшских с одной стороны, карпаторусских с другой не даёт права рассматривать, как одно целое, не только эти говоры в совокупности, но и отдельно группу говоров ю.-полесских и группы говоров карп.-р. (с у отличным от і) или ю.-карп. (с о > u или ü), так как обе черты являются отрицательными и свидетельствуют только о том, что эти говоры не пережили процессов, пережитых всеми остальными говорами. Кроме того, можно заметить, что обе фонетические черты, свойственные большей части м.-р. говоров, обнаруживают тенденцию к распространении за счёт говоров с отсутствием этих черт, а потому они сами по себе не достаточны, как основа для классификации м.-р. говоров: в числе говоров с і из о и с одной гласной из старых і и у, несомненно, имеются переходные, в которых эти черты явились недавно.

§ 92. Ряд черт указывает на давнее различие между сев. и ю. группами м.-р. говоров. Буду называть их, как и выше (п. 1), группами *A* и *B*. Территории, занимаемые той и другой, приблизительно указаны в п. 1; впрочем, области распространения отдельных черт, характерных для каждой из них, не вполне совпадают (ср. замечания по аналогичным поводам при характеристике говоров с.-в.-р., ю.-в.-р. и б.-р.).

A. Группа *A* характеризуется 1. изменением о и е в новых закрытых слогах и ě в гласные, отличные от о и е, только под ударением (1) и 2. произношением в безударных слогах е после твёрдых и после j вм. старого ę (2). Кроме того, говорам этой группы свойственны между прочим следующие черты: 3. отсутствие т. наз. гармонии гласных и изменения безударного о в u (5); 4. отсутствие совпадения безударных е и ї (6); 5. сохранение u в з а м у ж и т. п. (7); 6. сохранение ударяемого а после мягких без перехода в е (8); 7. произношение е в ж и т т е и т. п. (9); 8. отсутствие конечного i̯ в nom. sg. m. прилаг. (10 α); 9. сохранение i̯ после і из о, е, ě (в говорах, где такое і есть; в остальных i̯ может быть только после других гласных, после которых оно вообще сохраняется) (10 β); 10. сохранение нестяжённых форм прилаг. (10 γ, δ); 11. instr. sg. f. на -oju и т. п. (10 ε); 12. ї после плавной в случаях типа д р и в а (11); 13. твёрдые согласные перед гласными из о в новых закрытых слогах, в том числе и перед і (12); 14. произношение ki, hi, xi (13); 15. долгие мягкие согласные из сочетаний с j (14); 16. сохранение звонких шумных в конце слов и перед глухими и в связи с этим отсутствие перехода u неслогового перед глухими в f (15); 17. отвердение ŕ, повидимому, более старое, чем в зап.-укр.; мягкое ŕ сохраняется только в немногих положениях и то лишь в вост.-полес. (16); 18. отсутствие или редкость вторичных l', ń после губных (18); 19. сохранение мягкого ś в конце слова и в суфф. śk (22); 20. сохранение в известных случаях старого места ударения (26); 21. отсутствие dat. sg. на ovi или ovї (27); 22. gen. pl. на ei̯ (30); 23. nom. pl. местоимений и прилаг. на ї или їjе (їji) (32); 24. о после мягких в падежных формах местоим. типа й о г о (31. 34); 25. шипящие перед окончанием 1. sg. глаголов 2 спряжения с основами на d, t, z, s (35);

26. отсутствие 3 sg. без ť от глаголов 2 спряжения (37); 27. ť мягкое в окончании 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. ïmp. (40. 42); 28. 3 sg. возвратных глаголов 1 спряжения на -еться (39); 29. 1 pl. на mo (41); 30. fut. типа нестиму при отсутствии fut. типа му нести и буду ніс (43); 31. отсутствие личных суффиксов в praet. и у частицы би (44); 32. inf. на ť после гласных (45); 33. inf. на kti, -hti от основ на k, h (46); 34. слияние возвратной частицы ся в одно слово с глаголом (47); 35. u в бути, був и пр. (48); 36. предлог од (не „від").

Из этих черт только *А* свойственны 1, 2, 8, 10 (в карп.-р. сохраняются нестяжённые формы только nom. sg. n.), 21, 23 и отчасти 32 (inf. на ť есть и в вост.-укр., но менее употребительны).

Общи *А* с вост.-укр. из ап.-укр., отличая их от карп.-р., черты 23 и 35.

Общи *А* с вост.-укр., отличая их от большей части зап.-укр., черты 3, 6, 11, 12, 15, 16, 18, 19, 20, 22, 24, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 36, отчасти 32.

Общи с зап.-укр. или частью зап.-укр. черты 7, 13, 14 и, отчасти, 17; впрочем, совпадение по черте 7 может быть случайным, потому что в зап.-укр. е в жите и т. п. может стоять в связи с переходом а после мягких в е и отсутствует там, где а после мягких сохраняется, а в *А* является всюду и при сохранении а после мягких.

Общими с карп.-р. являются черты 4 и отчасти 10, а также некоторые общие карп.-р. с вост.-укр., как 6, 24, 27. Кроме того, все рефлексы старых о и е в новых закрытых слогах, имеющиеся в карп.-р. (не наоборот!), именно u, ü, у, ï, і, имеются и в говорах *А*, а характерное для карп.-р. сохранение различия между старыми у и і известно части подляшских говоров. Эти совпадения впрочем не указывают на принадлежность *А* и карп.-р. к одной группе, а только на сохранение в них по отношению к этим чертам той стадии развития, от которой уже отошли укр. говоры.

Те из назв. черт, которые отличают говоры группы *А* от зап.-укр., общи не всем говорам этой группы: в говорах, находящихся в непосредственном соседстве с зап.-укр., и в части зап.-полесских встречаются между прочим следующие черты, сбли-

жающие их с зап.-укр.: 1. т. наз. гармония гласных (5), 2. произношение безударного е как ї (6); 3. е вм. а после мягких и шипящих не только без ударения, но и под ударением с сохранением мягкости предшествующих согласных (8); 4. nom. sg. m. прилаг. только на -ї i̯ (10 α); 5. отсутствие нестяженных форм прилаг. (10 γ, δ); 6. краткие мягкие согласные из сочетаний с j (жите и т. п.) (14); 7. твёрдое s в суфф. -sk- (22); 8. dat. sg. m. и n. на -oвї (27); 9. 1 sg. типа ходю (35); 10. t твёрдое в оконч. 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. imp. (40. 42); 11. fut. типа буду ходив (43); 12. личные суфф. в praet. и у частицы би (44); 12 а. отсутствие inf. на t′ (45); 13. inf. на -kčї, -hčї от основ на k, h (46); 14. неслитное с глаголом употребление частицы ся (47); 15. числит. їден и др. В виду того, что эти черты неизвестны большинству зап.-полес. говоров, в том числе некоторым говорам в самой зап. части м.-р. территории, и даже некоторым подляшским, можно думать, что они для этих говоров вторичные и развились под влиянием зап.-укр. говоров. Такие черты, как fut. типа буду ходив и praet. с личными суфф. в подляшских говорах могут быть также и непосредственными заимствованиями с польского, влияние которого сказывается на этих говорах очень сильно. Обратное предположение, что зап.-украинские черты в зап.-полес. говорах старые, а вост.-украинские черты развились под влиянием вост.-укр. говоров, мало вероятно, потому-что назв. вост.-украинские черты встречаются как в самых западных собственно полесских говорах, которые по своему географическому положению вряд ли могли подвергнуться влиянию со стороны вост.-укр., так и в части говоров подляшских.

§ 93. Характерные черты группы В (включая сюда вост.-укр., зап.-укр. и карп.-р.): 1. изменение о и е в новых закрытых слогах и ě в гласные отличные от о и е независимо от ударения (1); 2. а после мягких из о.-сл. ę независимо от ударения; в говорах, где а после мягких изменилось в е, согласные перед таким е сохраняют свою мягкость (2, 8); 3. совпадение или близость между собою неударяемых е и ї (3); 4. сохранение конечного i̯ в nom. sg. m. прилаг. (10 α); 5. отпадение или выпадение i̯ после i (из о, е, ě) (10 β); 6. отсутствие нестяжённых

форм nom. и acc. sg. f. и nom.-acc. pl. прилаг. (10 γ); 7. dat. sg. m. -ovi или -ovï (27); 8. nom. pl. местоим. и прилаг. на i с мягкими согласными перед окончанием (32); 9. inf. на -tï после гласной (вост.-укр. рядом с более редкими inf. на -t').

§ 94. Говоры группы *B* в свою очередь можно делить на 3 группы: *a)* вост.-укр., *b)* зап.-укр. и *c)* карп.-р. Характерные черты каждой из них:

§ 95 *a)* вост.-укр.: 1. отсутствие т. наз. гармонии гласных (5); 2. сохранение a после мягких без перехода в e (8); 3. a в окончании таких слов, как життя (9); 4. отсутствие нестяжённых форм прилагательных (10 γ, δ); 5. instr. sg. f. на -oju (10 ε); 6. сохранение i̯ после гласных перед u в оконч. 1 sg. и 3 pl. глаголов (10 η); 7. гласная после плавной в случаях типа дрива (11); 8. мягкость согласных перед i из o (12); 9. ï после заднеnёбных (13); 10. долгие мягкие согласные в случаях типа життя (14); 11. сохранение звонких шумных перед глухими и в конце слова (15); 12. сохранение r мягкого (16); 13. менее велярное произношение l немягкого, чем в зап.-укр. (17); 14. отсутствие или редкость вторичных l' и ń после губных (18); 15. сохранение ń перед k (19); 16. мягкость долгих шипящих из сочетаний с j, а диалектически и шипящих в некоторых других положениях (20); 17. сохранение ś в конце слова и в суфф. śk (22); 18. отсутствие изменения d́, t́ в ǵ, ḱ (24); 19. сохранение u̯ без перехода в v и f (25); 20. сохранение ударения на конце в глагольных формах: прошу́, несемо́, несете́ и пр. (26); 21. dat.-loc. sg. m. на -ovi, -evi (с i, не с ï!) (27); 22. сохранение e в падежных окончаниях существительных с основами на мягкие (28); 23. оконч. i (не ï!) в loc. sg. m. и dat.-loc. sg. f. (29); 24. gen. pl. на -ei̯ (30); 25. мягкие зубные во всех падежных формах прилаг. со старой основой на мягкие (31); 26. отсутствие кратких форм личных местоимений (33); 27. o после мягких в падежных окончаниях мягкого различия местоимений и прилагательных (31, 34); 28. 3 sg. глаголов 2 спр. с ударением на основе без оконч. -t́ (подобные формы в вост.-укр. только диалектические, известны не всем говорам и не вошли в литературный укр. язык) (37); 29. 3 sg. глаголов 1 спр. на -e̋ca (-еться) (39); 30. мягкость t́ в 3 sg. и pl. ind. и во 2 pl. imp. (40, 42); 31. окончания

-m и -mo в 1 pl.; 32. преимущественное употребление fut. с глаг. му, слитым с инфинитивом спрягаемого глагола в одно слово, и отсутствие образований типа „буду ходив“ (43); 33. отсутствие личных окончаний в praet. и у частицы би (44); 34. преимущественное употребление inf. на -tï при редких инфинитивах на -t' после гласной (45); 35. инфинитивы на -ktï, -htï от основ на -k и -h (46); 36. слияние возвратной частицы с глаголом в одно слово (47); 37. произношение u в глаг. бути и пр. (48); 38. употребление местоим. цей или оцей, той, та, те и отсутствие удвоенных указательных местоимений (49); 39. употребление числит. один (50).

§ 96 *b)* зап.-укр. 1. сильно пониженная артикуляция ï, с переходом ï в части говоров в е (3); 2. пониженная артикуляция старого е (? 4); 3. т. наз. гармония гласных (5); 4. переход а после мягких и j в е (8); 5. е в жите и т. п. (9); 6. отсутствие нестяжённых форм прилагат. (10 γ, δ); 7. instr. sg. f. на -oṷ (10 ε); 8. сохранение i̭ после гласных перед оконч. 1 sg. и 3 pl. глаголов; 9. гласная перед плавной в случаях типа кирвавий (11); 10. твёрдость согласных перед i из o (12); 11. i (не ï!) после k, x, h (13); 12. краткие мягкие согласные из сочетаний согласных с j (14); 13. глухие вм. звонких шумных перед глухими в конце слова (15); 14. отсутствие мягкого г (16); 15. более велярное или округлённое произношение немягкого l, чем в вост.-укр. (17); 16. вторичные l' и ń после губных (18); 17. i̭ вм. ń перед k (19); 18. твёрдость шипящих в случаях типа збiже, ключа и т. п. (20); 19. твёрдость s из ś в конце слова и в суфф. -sk- (22); 20. ǵ, ḱ вм. d', t' (24), 21. f вм. u̯ перед глухими (25); 22. перенос старого ударения на конце в глагольных формах на предпоследний слог (26); 23. dat. sg. m. на -ovï и распространение этого окончания на имена среднего рода (27); 24. о в падежных окончаниях существительных (28); 25. ï в окончании loc. sg. m. и dat.-loc. sg. f. основ на мягкие (29); 26. gen. pl. на -ï i̭ (30); 27. твёрдые зубные перед о, е и ï падежных окончаний местоим. и прилаг. мягкого различия (31, 34) 28. употребление кратких форм личных местоимений (33); 29. е после твёрдых согласных в соответствии с о после мягких вост.-укр. говоров в падежных формах местоимений мягкого различия

(31, 34); 30. 3 sg. глаголов 2 спр. с ударением на основе без оконч. -t (37); 31. отсутствие -t в оконч. 3 sg. возвратных глаголов 1 спр. (39); 32. твёрдое -t в 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. imp. (40, 42); 33. 1 pl. на -m и -mo (41); 34. образование fut. посредством глаг. буду с inf. спрягаемого глагола; только в буковинских и холмских говорах известны обороты с глаг. му, не слитым с инфинитивом в одно слово, и в части говоров обороты типа буду ходив (43); 35. личные суфф. в прошедшем времени и у частицы би (44); 35. отсутствие инфинитивов на -t′ (45); 37. инфинитивы на -čї, -kčї, -hčї, -xčї от основ на -k- и -h- (46); 38. употребление частицы ся не слитно с глаголом (47); 39. u в глаг. бути и пр. (48); 40. употребление указательного местоим. сей, удвоенных указательных местоим. сесь и тот и сложных тамтот и пр. (49); 41. числит. еде́н или їден.

§ 97 *c)* карп.-р. Значительная часть особенностей карп.-р. те-же, что̀ и в зап.-укр., а именно зап.-укр. черты 7, 9, 10, 12, 13, 16, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 31, 34 (только буду с inf.), 35, 36, 37, 38, 40, 41; отличия — следующие: 1. u, ü и другие гласные из о, е в новых закрытых слогах (1), 2. сохранение различия между старыми у и і; пониженное и несколько округлённое произношение у и сравнительно с зап.-укр. более высокая артикуляция ї из старого і (3); 3. отсутствие совпадения между безударными е и ї (6); 4. отсутствие изменения а после мягких в е (8); 5. а в житя́ и т. п. (9); 6. отсутствие стяжения в nom. sg. n. прилагательных (10 *δ*); 7. выпадение i̯ перед u в оконч. 1 sg. и 3 pl. глаголов после гласных (10 *η*); 8. у после k, h, x (13); 9. сохранение г мягкого (16); 10. произношение l немягкого, как т. наз. l европейское (17); 11. сохранение d′ и t′ без перехода в g′, k′ (24); 12. о после мягких в падежных окончаниях прилаг. и местоим. мягкого различия (31. 34); 13. отсутствие форм типа ходе 3 sg. (37); 14. мягкое t′ в 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. imp. (40, 42); 15. 1 pl. на -me (41); 16. у в глаг. быти и пр. (48). В словаре карп.-р. говоров, кроме присутствия большого количества мадьярских слов и заимствований из словацкого и румынского, важно отметить сохранение ряда слов, утраченных соседними галицкими говорами, а частью и остальными м.-р. говорами и сохранившихся из р. языков только

в в.-р., а также и таких, которые нигде в р. языках, кроме карп.-р. говоров, не сохранились.

§ 98. Из назв. групп наиболее отчётливо выделяется группа вост.-укр. Вост. говоры зап.-укр. группы являются в той или другой степени переходными к вост.-укр., а зап. говоры этой группы в свою очередь в силу частью политических, частью географических условий имели неодинаковую судьбу; поэтому некоторые черты, указанные выше, как характерные для зап.-укр. говоров, не характеризуют всей зап.-укр. группы, а только ту или другую её часть. Говоры с instr. sg. f. на -оu̯ (§ 96. 7), быть может, следует рассматривать, как переходные от карп.-р. к зап.-укр. Общее значительной части зап.-укр. твёрдое произношение согласных перед і из о отсутствует не только в говорах, которые можно считать переходными к вост.-укр., но и в некоторых галицких. Велярное или сильно округлённое ł, характерное для значительной части зап.-укр. говоров, отсутствует в группе гуцульских и буковинских говоров, и как раз именно гуцульским и соседним с ними говорам свойственны последовательная замена d′, t′ через ǵ, ḱ (20), неизвестная другим зап.-укр. говорам, мягкие шипящие и твёрдое с в конце слова. Не характеризуют всей зап.-укр. группы, если даже вычесть все говоры, какие можно считать переходными к вост.-укр., также и изменение а после мягких в е и связанное с этим произношение е в окончании имён среднего рода: жите́, весіле, поросе, теле и т. п.

Сев. часть карп.-р. говоров испытала на себе влияние зап.-укр. и образовала группу переходных говоров к зап.-укр. на карп.-р. основе. К этой группе относятся говоры Ю.-Галичины (т. наз. бойков, замишанцев и лемков) и говоры закарпатской Верховины с і из о и е в новых закрытых слогах, с t твёрдым в окончании 3 sg. и pl. ind. и 2 pl. imp. некоторыми другими зап.-укр. чертами.

§ 99. Из обще-м.-р. особенностей черты фонетические 4, 14, 15 и морфологические 17, 18, 20, 22, 24, 25, 28, 32, как и различение старых е и ě (3), h в окончании gen. sg. m. и n. местоимений и прилагательных (27) и гласные из старого ě в pl. imp. 1 спряжения (34) представляют сохранение о.-сл. старины, но гласные, соответствующие старому ě, в pl. imp. 2 спряжения —

новообразование, общее с б.-р. Диалектической чертой о.-сл. языка, представляющей чуть ли не диалектизм о.-и.-е. эпохи, некоторые склонны считать и окончания -mo и -me в 1 pl. (33), но, повидимому, это — сравнительно поздние новообразования, только случайно совпавшие с подобными же новообразованиями других слав. языков.[1]) В ю.-р. памятниках -mo засвидетельствовано достоверными примерами не раньше XIV в.,[2]) а -me в карп.-р. значительно позже.

Черта 10 (о.-сл. *g > h или, может быть, только первая стадия этого изменения — *g > *γ) восходит к доисторической эпохе (ср. § 68).

o из e после шипящих (2) в падежных окончаниях засвидетельствовано памятниками с XII в., в других положениях — с XIII в.[3])

Черты 6, 7, 8, 11 отражаются на правописании памятников с XIII в.[4]) и, очевидно, возникли раньше этого времени. Коренятся они, повидимому, в диалектических особенностях еще доисторической эпохи.[5]) К тому же XIII в. относится и старший пример написания „лы“ между согласными для передачи сочетания, восходящего к о.-сл. lъ в открытом слоге (5).[6])

К черте 1-ой относятся изменения *a)* o в новых закрытых слогах, *b)* e в новых закрытых слогах перед твёрдыми и *c)*

[1]) -mo могло явиться или тогда, когда в языке еще различались субъективно согласные в сочетаниях с гласными палатальными и непалатальными, или после того, как возникли 2 pl. imp. на -t́ [mo: te = m: t́].

[2]) Крымский, Нариси 104, приводит один пример 1 pl. на „-мо“ из УС XII в. (в статье ю.-сл. происхождения), из которого, конечно, было бы слишком неосторожно делать какие либо заключения о произношении этой формы в тогдашних ю.-русских говорах.

[3]) В полногласном сочетании olo o после шипящих могло явиться и раньше. Ср. чоловѣка И 73 (не думаю, чтобы это была описка).

[4]) Редкие случаи смешения „въ“ и „вь“ с „оу“ в р. памятниках XI в. известны только из таких рукописей, которые другими чертами своего правописания указывают на сербский прототип или влияние сербской графики, где такое смешение обычно уже в XII в. (достоверных памятников срб. письма от XI в. не сохранилось). См. Slavia V. 569—571.

[5]) Ср. Шахматов, Очеркъ. §§ 35, 40, 359, 364, 440—443.

[6]) иблъко Житие Савы XIII в. (Р. 109).

е в новых закрытых слогах перед мягкими. Последнее по своей судьбе во всём м.-р. совпало с ě, и это совпадение засвидетельствовано ю.-р. памятниками со 2-й полов. XII в.[1]) Изменению подверглись в том же положении и о.-сл. е перед твёрдыми и о, но это изменение долго не могло быть отмечено памятниками за неимением для этого графических средств и надобности, и только позднее, там, где гласные, получившиеся в результате такого изменения, совпали с u или i, оно находит себе отражение в смешении букв „о" и „е" с „оу" или „у" и „ю" (с XIV в.) и с „и" (с XV в.).

Черты 9 и 16 в памятниках засведетельствованы только с XIV в., но возникли, вероятно, несколько раньше, так как являются общими всем м.-р. и б.-р. говорам.

Время появления черты 12 по памятникам не может быть прослежено. Правописание одной группы ю.-р. памятников XI—XIII в., различающих цсл. л и н мягкие и немягкие перед е и делающих ошибки в обозначении их мягкости перед i, не может служить свидетельством в пользу того, что n и l мягкие и немягкие перед е в говоре их писцов еще различались,[2]) тем более, что другие несомненно ю.-р. ркпси XII этого различия не отмечают. Во всяком случае эта черта старше черты 16, но вряд ли старше середины XII в.[3])

Из морфологических черт некоторые, как напр., 19, 21, 29, могли возникнуть еще в доисторическую эпоху (о 29 см. § 67); черта 35 появилась во всяком случае до полного отвердения согласных перед е. Из диалектических различий (§ 90) различие между говорами *A* и *B* по чертам 1 и 2 — вряд ли позже изменения о и е старых в новых закрытых слогах в т. наз. „дифтонги" и во всяком случае ранее отвердения согласных перед е.

Вост.-укр. kï, hï, xï и зап.-укр. ki, hi, xi (13) восходят к старым ki, hi, xi, получившимся из о.-сл. *ky, *gy, *xy не позже середины XII в.[4]) Сохранение ky, hy, xy в карп.-р. может

[1]) Ср. выше, § 19; Шахматов, Очеркъ, §§ 455 слл.

[2]) См. Дурново, К истории звуков р. языка. II. Slavia, II. 4.

[3]) См. Трубецкой, Einiges über die russische Lautentwicklung (см. стр. 2).

[4]) См. Шахматов, Очеркъ, § 475; Дурново, К истории звуков I. Slavia I. 1.

объясняться тем, что переход ky, hy, xy > ki, hi, xi не распространился на карп.-р. говоры; это указывало бы на то, что карп.-р. говоры уже в XII в. были до известной степени изолированы от остальных м.-р., но вероятнее вторичное диалектическое изменение ki, hi, xi > ky, hy, xy, так как эти группы были единственными, где k, h, x, оказывались перед палатальной гласной.

Сравнительно старым является конечное а вм. е после мягких в случаях типа життя (9), засвидетельствованное уже памятниками XIII в.

Свойственное большей части м.-р. говоров совпадение у и і (3) вряд ли много старше XIV в.[1])

§ 100. Со всем б.-р. языком м.-р. язык в целом (§ 89) совпадает чертами фонетическими 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 15, 16 и морфологическими 17, 18, 19, 22, 23, 27, 28, 30, 31. Из них черты 4, 5, 15; 17, 18, 22, 27, 28 представляют сохранение о.-сл. старины и сами по себе не указывают на ближайшую связь м.-р. с б.-р., а только на то, что оба языка не подверглись тем изменениям, какие были пережиты великорусским. Появление черт 6, 7, 8, 10 или, по крайней мере, начало тех изменений, которые привели к появлению этих черт, относится к доисторической эпохе, что свидетельствует о ближайшей связи м.-р. с б.-р. еще тогда; может быть, к доисторической эпохе относятся и черты 19 и 29[2]). Черты 10, 19, 27, 28 и 29 общи обоим языкам с ю.-в.-р.[3]), а 8 — с зап. половиной ю.-в.-р.; есть основания думать, что и черта 7 некогда была также известна ю.-в.-р. (ср. § 67). Кроме того, м.-р. совпадает с ю.-в.-р.

[1]) Случаи смешения „ы“ и „и“ в русских (исключительно црк.!) рукописях XI—XIII в. очень редки и объясняются из ю.-сл. графики.

[2]) Отсутствие dat. sg. менѣ в старших ю.-р. памятниках может объясняться так же, как и отсутствие в тех же памятниках nom. sg. личного местомения 1-го лица я. Что касается р. частых в тех же памятниках тобѣ, собѣ, то эти формы, очевидно, проникли из живой р. речи и в литературный язык в силу потребности различать gen. и dat. и недостаточности для этого цсл. пары тебе, себе — тебѣ, себѣ, благодаря црк. произношению ѣ, как е.

[3]) Употребление loc. sg. на -u (19) в ю.-в.-р. очень близко к с.-м.-р. и б.-р. и отличается от с.-в.-р. и московского.

(и с ю.-б.-р.) по черте 32: образование 3 sg. и pl. в ю.-в.-р. тожественно с вост.-укр. (3 sg. без -ť только от глаголов 1 спр., а от глаголов 2 спр. только при ударении на основе; конечное t мягко; возвр. только на -ťśa). Поэтому можно думать, что в доисторическую эпоху говоры, образовавшие позднее м.-р. и б.-р. языки и ю.-в.-р. наречие в.-р. языка, составляли одну группу. В пользу этого говорят и некоторые словарные совпадения ю.-в.-р. с м.-р. и б.-р., не разделяемые им с с.-в.-р. и московским.

Со всем с.-в.-р. наречием м.-р. язык в целом совпадает отсутствием аканья, т. е. чертой отрицательной, и с частью с.-в.-р. говоров чертами 8, 9, 14 и 30. Из них 14 — общее ему с этими говорами сохранение старины, а 30 — новообразование, возникшее, надо думать, в них независимо от м.-р.

§ 101. Говоры группы А[1]) сближаются с б.-р. чертами 1, 2 (см. дальше), 6, 7, 10, 11, 12, 15, 17, 20, 21 (бо́льшая часть), 22, 24, 25, 27, 28, 31, 32, 34. По отношению к черте 1 совпадение с А представляют лишь говоры ю.-б.-р.; по черте 2 полного совпадения с А ни ю.-б.-р., ни с.-б.-р. говоры не представляют; тем не менее можно усматривать связь между А и б.-р. в целом по отношению к чертам 1 и 2 в той роли, какую играет в данном случае положение гласных звуков под ударением и без ударения.[2])

С ю.-б.-р. те же говоры сближаются, кроме того, чертами 8, 29, 30 и 33.

Со всем в.-р. говоры А совпадают по чертам 10, 11, 14, 21, 22, 31, 34; восточные говоры А также и по некоторым другим, напр., по употреблению числит. о д и н (не „їден“). Все эти черты общи А и с б.-р.

С ю.-в.-р. они сближаются чертами 1 и 2 (см. выше), а также чертами 6, 27, 28 и 32. Все эти черты также общи А с б.-р.

Общей с с.-в.-р. чертой является 26, — очевидный архаизм.

С частью говоров как ю.-в.-р., так и с.-в.-р., А сближается чертами 19 и 25, представляющими сохранение старины (впрочем, с тем отличием, что в в.-р. у глаголов с основой на d в 1 sg.

[1]) § 92.

[2]) Ср. Г а н ц о в, Класифікація, стр. 27.

не dž, а ž), и чертой 24 (ср. с.-в.-р. и ю.-в.-р. диалектич. в с ё й, м о ё й и т. п.); последнее совпадение, несомненно, случайно.

Некоторым с.-в.-р. говорам известны также долгие мягкие и шипящие согласные из сочетаний с j типа п л а т т е, г у л я н н е, н о ч ч у, особенно распространённые в Сибири[1]) (ср. А 15), образование fut. с помощью глаг. и м у, не слитым, впрочем, с инфинитивом в одно слово (30) и инфинитивы на -kti (33)[2]). Первая и вторая черты — новообразования, не стоящие в органической связи с м.-р., вторая архаизм: образование fut. посредством соединения глаг. и м у с инфинитивом некогда было известно всем р. языкам; в в.-р. оно было общеупотребительным еще в XV в.

§ 102. Вост.-укр. (§ 95) сближается со в с е м в.-р. чертами 5, 6, 12, 15, 18, 33, 36 и 39, с ю.-в.-р. чертами 2, 23 (н а н о ж ѣ, н а з е м л ѣ, в г р я з ѣ), 28, 29, 30, с ч а с т ь ю в.-р. говоров, как ю. так и сев., чертами 17, 19, 27 и с ч а с т ь ю с.-в.-р. чертами 2, 10[3]), 13[4]) и отчасти 3[5]), 32[6]) и 34[7]). Из этих черт только 3, 12 и 34 не являются общими ему с А; из них 12 и 34 — несомненные архаизмы. С б.-р. вост.-укр. совпадает только теми чертами, которые общи ему с А.

§ 103. Зап.-укр. (§ 96) сближается с б.-р. чертами 5, 8, 13, 14, 15, 18, 24, 25 и с большею частью б.-р. говоров чертой 37. Из них черты 5, 8, 14, 24 общи зап.-укр. с А, остальные известны зап. говорам А. Со всем в.-р. зап.-укр. сближается чертами 8, 13, 24; все они общи зап.-укр. и в.-р. с б.-р., а 8 и 24 с м.-р. говорами А. Все зап.-укр., кроме буковинских

[1]) См. С е л и щ е в, Діалектологическій очеркъ Сибири 71—73 и 221—223.

[2]) Между проч., в вост. части б. Новгор. губ., (нын. Череповецкой губ.), в Вятской губ. и в Сибири.

[3]) См. выше, стр. 108. 14.

[4]) Произношение l невелярного известно значительной части Вологодских говоров (стр. 116. 5 а) и др.

[5]) В с.-в.-р. такое а известно диалектически только без ударения.

[6]) См. стр. 103. 26 и 117. 9. Fut. с и м у в с.-в.-р. постепенно вытесняется образованиями с б у д у.

[7]) В тех с.-в.-р. говорах, где инфинитивы на -t i после гласной сохраняются, они всё же менее употребительны, чем инфинитивы на -t.

и холмских, знающих fut. с му, и говоров, соседящих с польским языком, знающих fut. типа буду ходив, совпадают с большею частью в.-р. и б.-р. тем, что имеют fut. только типа буду ходити. Черта 32 сближает зап.-укр. со всем с.-в.-р., 19 — со значительной частью в.-р. говоров, имеющих s твёрдое в суфф. sk, 21 — с большею частью с.-в.-р. и вост. половиной ю.-в.-р., 4, 25 и 37 — с некоторыми с.-в.-р. говорами. Употреблением fut. с му, не слитым с инфинитивом (34), холмские и буковинские говоры сближаются также с некоторыми с.-в.-р. Совпадения зап.-укр. с с.-в.-р. единичны: е вм. а после мягких (4), dat.-loc. sg. на старое і от основ на мягкие (25), инфинитивы на -kči (37) и fut. с глаг. иму (34) известны не одним и тем же с.-в.-р. говорам. Кроме того, условия перехода а после мягких в е в с.-в.-р. не те, что в зап.-укр., а черты 25 и 34 — архаизмы.

§ 104. Карп.-р. говоры (§ 97) сближаются с б.-р. и в.-р. чертами 2 и 16 (архаизмы); остальные черты, сближающие их с другими р. языками или их говорами, общи им либо с А, либо с вост.-укр., либо с зап.-укр.

§ 105. Черты, отличающие м.-р. в целом (§ 89) от в.-р., частью общи ему с другими слав. языками. Со всеми ими он совпадает чертами 4, 16,[1] 17, 20,[2] 22, с большею частью чертой 18; все эти черты, общие ему и с б.-р., архаизмы, кроме 16. Со всеми зап.-сл. языками его сближают черты 7, 23, 24, 25, общие ему также с б.-р. или с ю.-б.-р.; черта 7, повидимому, была некогда известна и ю.-в.-р.[3]). Черты 23, 24 и 25, кроме зап.-сл., известны также части словинских и хорватских говоров, тогда как бо́льшая часть словинских и сербские говоры совпадают в этом случае с в.-р. Черта 7 восходит, повидимому, к диалектизму о.-сл. эпохи, 24 и 25 — сохранение старины, а 23 — новообразование; в виду того, что м.-р. и б.-р. территориально примыкают к зап.-сл., возможно, что эта черта проникла в них с запада, но можно заметить, что новообразований, общих всему

[1]) Замечу, что согласные из сочетаний с j в других слав. языках всюду кратки, как и в зап.-укр. и карп.-р., в отличие от вост.-укр. и полес.

[2]) В ю.-сл. здесь — гласные, совпавшие по своей судьбе с о.-сл. ę.

[3]) См. § 67, стр. 138.

м.-р. языку с зап.-сл. и неизвестных в то же время в.-р., вообще немного (не считая большого количества заимствованных с польского слов и некоторых словообразовательных элементов), и что данная черта легко могла возникнуть в м.-р. и независимо от зап.-сл., ср. ту же черту в хорватских, далматинских и истрийских говорах. По черте 21 м.-р. язык стоит ближе к словацкому, польскому, кашубскому и лужицким языкам, чем к в.-р., но не совпадает с ними вполне, потому что диалектически ему известно и употребление gen. pl. в значении acc. pl. от имён лиц женского пола и от имён животных. Б.-р. в этом случае совпадает с м.-р. Повидимому, м.-р. и б.-р. в данном случае стоят лишь на более старой стадии развития, чем в.-р., прошедший её раньше; до сих пор с.-в.-р. говоры Сибири сохраняют старую форму acc. pl. = nom. pl. от имён животных[1]. Со всеми живыми зап.-сл. языками в бо́льшей части их говоров м.-р. и б.-р. совпадают произношением č и ž в imp. основ на k, h[2]) и с большей частью чешских и болгарских говоров — произношением č и ž в 1 sg. и 3 pl. тех же основ (31). И в том и в другом случае это совпадение на органическую связь между явлениями м.-р. и б.-р. языков с одной стороны, других слав. языков с другой стороны не указывает и может объясняться независимым в разных языках действием одной и той же аналогии в сравнительно позднюю эпоху. По черте 8 м.-р. и б.-р. языки и часть в.-р. говоров сближаются с одной стороны с сербохорв. и зап.-болг., в которых известно начальное u из wъ (unuk, udova и пр.), с другой — с частью говоров словацких, чешских, польских и кашубских, где о.-сл. wъ и wь после гласных соответствует u̯. По черте 9 м.-р. и б.-р. также сближаются со многими говорами словинского, чешского, словацкого, польского и кашубского языков, а отчасти и с сербохорватским, где l после гласных дало o, а l слоговое — u. В непосредственной связи малорусское и белорусское изменение l в u̯ с аналогичными диалектическими явлениями других слав. языков не стоит, но известность этого

[1]) См. Селищев, Очеркъ, стр. 129.

[2]) В чеш. imp. pec, pomoz — формы литературного языка; в живом языке обычно č, ž.

изменения значительной части говоров почти всех слав. языков может свидетельствовать о том, что l немягкое в о.-сл. эпоху было сильно округлённым и, повидимому, велярным. С чеш., словац., в.-луж. и сев. частью словин. совпадают м.-р. и б.-р. языки и ю.-в.-р. наречие в.-р. языка чертой 10[1]. По чертам 28 и 29 м.-р., б.-р. и ю.-в.-р. совпадают с сербохорв., словин. и, может быть, с болг.[2]. Что касается твёрдости согласных перед старыми e и i (12), то эта черта резко отличает м.-р. не только от поль., каш., лужицких и словац., но и от чеш., сербохорв. и словин. В отличие от всех этих языков в м.-р. перед e и i старыми отвердели не только о.-сл. немягкие, но и о.-сл. смягчённые; согласные, отвердевшие перед старыми e и i, могут быть мягки в других положениях; поэтому ни в одном слав. языке нет такого противоположения между твёрдостью согласных перед старыми e и i и мягкостью их-же в других положениях в тех же основах. Черта 1 до некоторой степени сближает м.-р. с зап.-сл.: все зап.-сл. языки знают изменение o в известных положениях в звук, отличный от обычного o, причём таким звуком в одних языках является uo, звук более или менее тожественный с тем uo, какое известно из некоторых полесских говоров, в других — u, как в южных карп.-р. и в некоторых полесских. Одним из положений, вызвавших появление таких звуков, является положение в новых закрытых слогах. Но ни в одном из зап.-сл. языков такое uo или u не является во всех новых закрытых слогах, как в м.-р., а кроме того в бо́льшей части зап.-сл. языков является при известных условиях и не в новых закрытых слогах.

§ 106. Говоры группы А (§ 92) сближаются со всеми зап. и ю. слав. языками отсутствием конечного i̯ в nom. sg. m. прилаг. (8)[3]. (Эта черта у них — общая с ю.-б.-р.). Отсутствие ŕ (17) также сближает их и б.-р. со всеми слав. языками, кроме лужицких, так как в поль. и чеш. старое r мягкое изменилось в ř или ž и š, а в словац. и ю.-сл. различие между r твёрдым и мягким утрачено. Черта 29 (1 pl. на -mo), общая А с вост.-укр.

[1], [2] См. § 68, стр. 139.

[3] Чешское конечное i̯ в nom. sg. dobrej и т. п. (пишется dobrý) — вторичное, вследствие изменения старого y долгого в ei̯.

и зап.-укр., сближает их с сербохорв., словин. и говорами словац.[1]) Из этих совпадений, по крайней мере, совпадения по чертам 17 и 29 не органические.

Из вост.-укр. особенностей (§ 95) черта 4 является общей вост.-укр. со всеми нерусскими слав. языками, черта 13 — со многими слав. языками, е из oje в nom. sg. n. прилагательных (4) и употребительность dat. sg. на -ovi (21) — с языками зап.-сл.[2]), 34 — только с сербохорв. Последняя черта — архаизм уцелевший в укр., сербохорв. и диалектически в с.-в.-р. независимо в каждом из них от остальных[3]); черта 13 не стоит в органической связи с подобной же чертой других слав. языков; черты 4 (отсутствие нестяжённых форм прилагательных, nom. sg. n. прилагательных на -е) и 21 — или развитие диалектических тенденций о.-сл. эпохи или, быть может, заимствования с польского.

Из зап.-укр. особенностей (§ 96) о чертах 6, 23 и 36, как общих зап.-укр. с вост.-укр. (4, 21, 34), сказано выше; черты 5, 12 и 38 общи зап.-укр. со всеми нерусскими слав. языками, черта 7 — с чеш. и словац., 16 отчасти (только mń из mj) с диалектами поль., чеш. и словац., 34 отчасти (только наличность fut. типа буду ходив) — с поль., каш. и словин. и 35 с поль. Черта 5 — или архаизм по сравнению с вост.-укр. и карп.-р. или фонетическое изменение а в е после мягких (ср. черту 4) и на органическую связь зап.-укр. с другими слав. языками не указывает. Черта 38 — архаизм, утраченный всеми русскими языками, кроме диалектов зап.-укр. и карп.-р. Зап.-укр. и карп.-р. окончание instr. sg. -oṷ (7) была попытка поставить в органическую связь с чеш. и словац. -ou, старосербским „-овь“

[1]) См. § 99.

[2]) Собственно говоря, вост.-укр. -ovi не тожественно этимологически с зап.-сл. -ovi, так как конечное i указывает на старое этимологическое ě, но это -ovi, несомненно, из более старого -ovï.

[3]) inf. на -ti в чеш. и словин. свойственны только литературному языку и почти не известны живой речи, но указывают на сравнительно позднюю утрату их живой речью.

и т. д.[1]), но более вероятно, что это — сравнительно позднее новообразование зап.-укр. и карп.-р. говоров, возникшее независимо от аналогичных форм чеш. и словац. вследствие выпадения i̯ между гласными перед u. Черты 12 и 16 могли развиться и независимо от соседних слав. языков. Числительное єден или ïден (ï — из косв. падежей) (41) может восходить к старому *jedьnъ или же представляет словарное заимствование из поль. или словац.

Из карп.-р. особенностей (§ 97) черта 15 — общая карп.-р. со словац., чеш. и болг.; возможно, что она заимствована из словац. Диалектическая карп.-р. форма instr. sg. на -om от имён женского рода на -a (руком, земльом и т. п.) и верховинское тко вм. кто случайно совпадают с подобными же новообразованиями в сербохорв.

§ 107. Из фонетических новообразований, отличающих м.-р. от в.-р., лишь немногие сближают его с польским языком или его говорами, но не являются тожественными с аналогичными польскими новообразованиями; остальные фонетические новообразования резко отличают его от польского языка. Наоборот, среди новообразований морфологических рядом с чисто м.-р., неизвестными другим слав. языкам, в м.-р., особенно в зап.-укр., есть ряд новообразований, общих с польским языком[2]), число которых увеличивается по направлению к границам польского языка. Это позволяет думать, что, по крайней мере, часть их возникла в м.-р. не органически, а заимствована с польского.

Литература:

а) Общее пособие: Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ съ приложеніемъ Очерка русской діалектологіи. М. 1915 (Труды Моск. Діалектологической Комиссіи, в. 5). — Здесь, между прочим, довольно полные библиографические указания и подробное описание границ рус-

[1]) Nahtigal, Instrumental sing. fem. -oi̯ǫ : oǫ : ǫ. Časopis za slovenski jezik, kjniževnost in zgodovino. III. 1—2 (1921). Ср. Н. Ван-Вейк, По поводу славянскихъ формъ творительнаго падежа сд. ч. на -ou̯, ov, Slavia II. 1 (1923)

[2]) в том числе и такие, какие известны и другим нерусским слав. языкам.

ских языков и главных наречий; с.-в.-р. и переходные говоры охарактеризованы подробнее, чем в настоящем „Введении". Поправки и дополнения: Якобсон, ЭО. 1916, № 1—2; Ганцов, ZslPh. II. 1—2, III. 1—2; Зїлинський, RSl. IX. 2; Дурново, Очерк, 69—100[1]).

b) Труды и сборники, содержащие сведения о говорах разных русских языков: 1. Зеленин, Описаніе рукописей Ученаго Архива Р. Г. О. по отдѣлу этнографии, т. I—III. Петрогр. 1914—1916 (Содержит, между прочим, извлечения из сообщений о говорах и характеристики языка записей, сделанных с попыткой передать особенности местного говора); — 2. Труды МДК, вып. 8. М. и Казань 1919, вып. 9. Петрогр. 1927, вып. 10 (печатается).

c) Работы по диалектологии Сибири (главным образом великорусские говоры): 1. Селищев, Діалектологическій Очеркъ Сибири. Вып. I. Иркутск 1921; ср. рец. Пруссак в Изв. XXVI и ответ Селищева, Изв. XXVIII; — 2. Черных, Особенности говора Тулунского у. Иркутской губ. Иркутск 1921; — 3. Он же, Русские говоры Мамырской волости Тулунского у. Иркутской губ. Иркутск 1923. — 4. Виноградов и Черных, Русские говоры центральной части Тулунского у. Иркутской губ. Иркутск 1923; — 5. Виноградов, Замечания о говорах Тункинского края. Иркутск 1926; — 6. В. Малаховский, Об изучении русских говоров Сибири. С приложением очерка П. Черных, Итоги и задачи диалектологического изучения Сибири. Иркутск 1925; — 7. Григорьев, Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. Записки Томского Университета, 1921 (ср. статью Селищева, К изучению русских говоров Сибири, Вестник Просвещения Татарской С. С. Р., Казань 1922); — 8. Черных, Несколько сибирских диалектизмов в „Коньке Горбунке" Ершова. Иркутск 1924. — Статистические сведения о населении Вост. Сибири: Георгиевский, Русские на Дальнем Востоке. Владивосток. 1926.

d) Работы по великорусской диалектологии вообще. 1. Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ, вып. X и XI, Сборн. 99. 1922; — 2. Дурново, Діалектологическія Разысканія въ области великорусскихъ говоровъ I. Южновеликорусское нарѣчіе, в. I. М. 1917, в. II. Шамордина Пустынь 1918. Труды МДК, вып. 6 и 7 (вопреки названию, в книге говорится не только о ю.-в.-р., но и об акающих ср.-в.-р. и б.-р. говорах); — 3. Гвоздев, Типы великорусских говоров Пензенской губ. Пенза 1925.

e) Северновеликорусские говоры: 1. Мансикка, Замѣтки о говорѣ Никольскаго у. Вологодской губ. Изв. XIX. 4; — 2. Виноградов Н. Н., Послѣконечное ы въ народномъ говорѣ Шунгенской

[1]) Дальше указываются только работы, появившиеся после выхода „Опыта".

волости Костромского уезда. Изв. XXII. 2; — 3. Еремин, Описание Уломскаго и Ваучскаго говоровъ Череновецкаго у. Новгородской губ., Сборн. 99. 1922; — 4. Гринкова, Очерки по русской диалектологии. 1. К вопросу о сицкарях, 2. О говорах с.-вост. части Моложского у. Яросл. губ., 3. К диалектологии Ленинградской губ. Изв. XXX.; — 5. Черных, Очерки по истории северновеликорусского наречия. I. и 2 Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Иркутск 1927 (два выпуска); — 6. Якобсон, Фонетика одного северновеликорусского говора с намечающейся переходностью. Прага 1927.

f) Южновеликорусские говоры: 1. Тростянский, Къ изученію народныхъ говоровъ Воронежской губ. Сборн. 95. 1916 (о говорах Задонского и Землянского уездов); — 2. Ю. В. Петровская, Къ діалектологіи рязанскихъ говоровъ. Описаніе говора села Матыръ Зарайскаго уѣзда. Сборн. 99. 1922; — 3. Дурново, Діалектологическія Разысканія, вып. I (см. выше, *d*; здесь приведён и систематизован, по возможности, весь печатный и рукописный матерьял по вопросу об аканье, заключающийся в описаниях говоров, ответах на программы и записях народной речи; для этой цели использованы архивы МДК, Р. Г. О. и Акад. Наук). — 4. Селищев, Замѣтки по великорусской діалектологіи. I. Къ изученію типовъ аканья (о говоре ю. части Ливенского у. Орловской губ.). Slavia VI.

g) Белорусские говоры: 1. Карский, Этнографическая карта белорусского племени. Петрогр. 1918; — 2. Он же, Белорусская речь. Петрогр. 1918; — 3. Он же, Беларускі народ і яго мова. Минск 1920; — 4. Он же, Замѣтки по б.-р. нарѣчію. РФВ. LXXVI. 1; — 5. Расторгуев, Белорусская речь в её современном и прошлом состоянии, в Курсе Белоруссоведения, 1918—1920; — 6. Сербов, Бѣлоруссы сакуны, Сборн. 94. 1916; — 7. Брок, Говоры к Западу от Мосальска. Петрогр. 1961; — 8. Бузук, Да характарыстыкі пауночна-беларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяліскага паветаў. Менск 1926.

h) Малорусские говоры: 1. Ганцов, Діялектологічна класифікація українських говорів (з картою). Зап. Істор.-Філолог. Відд. Укр. Акад. Наук IV. Киев 1923; — 2. Он же, Характеристика поліських дифтонгів та шляхи їх фонетичного розвитку. Ib. III. 1923; — 3. Он же, До історії звуків в укр. мові, ib. VII—VIII. 1926; — 4. Он же, Das Ukrainische in neueren Darstellungen russischer Mundarten. ZslPh. II. 1—2, III. 1—2; — 5. Зїлинський, Українськи діялекти на карті Московської Комісії. Rsl. IX. 2; — 6. Он же, До питання про діялектологічну класіфікацію укр. говорів. Ювилейний Збірник НТШ. Львов 1926; — 7. Гаевський, Говірка села Михиринець Старо-Константиновського повіта Волинської губ. Зап. Укр. Наукового Товариства в Київі. XIV. 1916; — 8. Курило, Фонетичні та деякі морфологічні особливости говірки села Хоробричів, давніше Городнянського повіту, тепер Сновської округи на Чернигівщині. Киев 1924; — 9. Она же, До характеристики

і процесу монофтонгізації чернигівських дифтонгічних звуків, Україна 1925.5; — 10. Яцимирский, Описаніе говора Старой Ушицы Подольской губ., Сборн. 94.1916; — 11. О. Д., Сторінка для характеристики говірки села Хоцьок Переяславського повіту на Полтавщині. Зап. Укр. Наукового Товариства в Київі. XIV. 1915. — 12. Я. Янов, Gwara małoruska Moszkowiec i Siwki naddniestrzańskiej z uzwzględnieniem wsi okolicznych, Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie. Dział I. tom III, zeszyt 1. Львов 1926, 232 стр.

Назову некоторые издания фольклорного матерьяла, вышедшие позднее „Опыта" МДК:

a) из области в.-р. говоров: 1. Зеленин, Великорусскія сказки Вятской губ., Зап. Р. Г. О. XLII. 1915 (почти все записи — в более или менее точной фонетической транскрипции); — 2. Смирнов, Сборникъ великорусскихъ сказокъ архива Р. Г. О., в двух томах, Петрогр. 1917 (не все записи одинакового достоинства, но есть записи, передающие особенности местной речи очень точно); — 3. Б. и Ю. Соколовы. Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края, М. 1915, изд. Второго Отд. Акад. Наук; — 4. Діалектологическіе матеріалы, собранные Тростянскимъ, Гришкинымъ и другими, подъ редакціей Шахматова, Сборн. 95, 1916 (матерьялы из Задонского и Землянского у. Воронежской губ., Егорьевского Рязанской и Котельнического Вятской, все в очень точных записях); — 5. Матеріалы по русской діалектологіи. под ред. Карского, Варш. Унив. Изв. 1914. VII и IX (записи Левочкина из Донской области, Нечаева из Стародубского у. Черниговской губ. [б.-р.] и Яштайкина из Курмышского у. Симбирской губ.); — 6. Азадовский, Ленские причитания. Чита 1922; — 7. Он-же, Сказки Верхоленского края, вып. I. Иркутск 1925.

b) из области б.-р. говоров: 1. Сербов, Бѣлоруссы сакуны (см. выше); — 2. Нечаев (см. выше, а 5).

c) из области м.-р. говоров: 1. Бессараба, Матеріалы по этнографіи Херсонской губ., Сборн. 94.1916; — 2. Гнедич, Матеріалы по народной словесности Полтавской губерніи. Роменскій уѣздъ. Полтава 1915 (три выпуска).

Не называя предшествующей литературы, перечислю только главнейшие издания, на страницах которых печатались по преимуществу записи диалектологического материала: 1. Этнографическій Сборникъ (издавался Р. Г. О. в 50-ых годах XIX в.), 2. Записки Р. Г. О. (вышло около 50 томов; здесь, между прочим, сборники Садовникова, Ончукова, Зеленина, Добровольского, Смирнова и др.), 3. Живая Старина (периодическое издание Р. Г. О., выходившее с 1890—1916 г.), 4. Памятники и Образцы народнаго языка и словесности русскихъ и западныхъ славянъ, 1852—1856, изд. 2 Отд. Акад. Наук), 5. Сборник Отделения русского языка и словесности Акад. Наук (вышли 101 том), 6. Известия того же Отделения (периодическое издание, выходит с 1896 г.), 7. Русскій Фило-

логическій Вѣстникъ (периодическое издание, выходившее с 1879—1918 г.), 8. Етноґрафічний Збірник НТШ, 9. Матеріяли до укр. етнольоґії, изд. НТШ, 10. Збірник фільольоґічної секції НТШ, 11. Записки НТШ.

Обширный ненапечатанный диалектологический материял по русской диалектологии, по большей части в виде ответов на программы, хранится 1. в архиве 2-го Отделения Акад. Наук (Петрогр.),[1]) 2. в архиве Р. Г. О. (Петрогр.)[2]) и 3. в архиве МДК.[3]) Материалы по б.-р. диалектологии, кроме того, — в Минске, в Фольклорно-Диалектологической комиссии при Институте Белорусской Культуры, а материалы по м.-р. диалектологии — в архивах Укр. Акад. Наук в Киеве и НТШ. во Львове; по карпато-русской диалектологии также в Школьном реферате в Ужгороде и Славянском семинарии в Братиславе.

---

[1]) Перечень хранящихся там ответов на академические программы по великорусским говорам имеется в IX выпуске Матеріалов для изученія великорусскихъ говоровъ.

[2]) Описание рукописей этого архива составлено Зелениным, см. выше, b.

[3]) Список имеющихся в архиве МДК ответов на её программы будет напечатан в 10 вып. Трудов МДК.

Глава III.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО В ДРУГИХ ЯЗЫКАХ.

§ 108. При изучении истории языка ценный матерьял иногда дают и заимствования из него в других языках, особенно такие, которые были сделаны в эпоху, не засвидетельствованную письменными памятниками этого языка или засвидетельствованную слишком недостаточно. Изучая такие заимствования, необходимо, конечно, учитывать те изменения, какие заимствованные факты претерпели в другом языке как при своём усвоении, так и позднее, при последующих изменениях этого языка. Так напр., не зная законов мадьярского языка, мы могли бы думать, что мадьярское szelemen „балка“ = ст.-сл. слѣмѧ из о.-сл. *selmen восходит к полногласной форме этого слова, т. е. заимствовано из какого-то русского диалекта; на самом деле здесь е перед l вторичное[1]), вызванное тем, что в мадьярском языке не допускается сочетание двух согласных в начале слова. В русском языке слова, заимствованные с греч. до утраты носовых гласных, до прекращения закона об изменении начального е в о и до изменения е после мягких перед твёрдыми в о, подверглись в своё время действию соответствующих фонетических законов; поэтому греч. *σάββατον* (произносившееся в X в., как sambaton), *Ἑλένη* изменились в субота, Олена (м.-р. Олена, в.-р. Олёна).

§ 109. Русские славяне издавна, еще с о.-сл. эпохи, находились в непосредственном соседстве с финскими, балтийскими, турецкими и иранскими народностями и еще в доисторическую эпоху вступали в тесные сношения с германскими народностями,

[1]) Соответствующее своё слово в р. языке в XI в. звучало, как соломя (ср. соломена в И 73).

именно, с готами и скандинавами, позднее, уже в историческую эпоху, с тевтонами. Поэтому в нынешних языках потомков этих народностей много заимствований из русского языка, начиная с той эпохи, когда он был еще только диалектом о.-сл. Нынешние финские, балтийские и турецкие языки на территории России, а также Польши, Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии, равно как и язык осетинский, единственный потомок иранских языков Юга России, содержат многочисленные заимствования из русского языка, проникавшие в них во всё время их соседства с русскими, начиная от о.-сл. эпохи, до самого последнего времени. Заимствования из р. в скандинавских языках относятся главным образом к эпохе наиболее усиленных сношений скандинавов с русскими славянами, а именно, к VIII—IX в., и не многочисленны. Есть заимствования из р. языка и в других европейских языках, но они относятся почти все к значительно более позднему времени и для истории русского языка мало интересны.

§ 110. В нынешних финских и в литовском языках есть заимствования из русского языка, сделанные еще в доисторическую эпоху, т. е. до появления древнейших памятников русского письма. Так, среди финских заимствований есть такие, в которых русскому u из о.-сл. ǫ соответствуют сочетания на носовые: финск. suntia или suntio „церковный служитель“ из р. судья, эст. suńd „суд“, ливск. suńd „судить, наказывать“, финск. kuontalo „пакля“, ср. р. кудель, ст.-сл. кѫдѣль, эст. und, ливск. u͡nda͡ „удочка“; эти заимствования, очевидно, сделаны еще тогда, когда в р. языке в соответствующих словах еще звучало u носовое (из о.-сл. ǫ). Финское artti „спор, ссора“ получилось из славянского слова, соответствующего старорусскому рать „война“, тогда, когда еще не произошло перестановки гласной и плавной в начале слова в о.-сл. сочетаниях типа *ort. Ряд финских и литовских заимствований сохраняет сочетания на плавную там, где в р. языке уже в XI в. было полногласие: финск. palttina „холст“, varpu „воробей“, talkoo „толока“, talkkuna „толокно“, лит. karvõjas „коровай“, šalmas „шелом“ и др. В ряде финских и литовских заимствований являются гласные u и i на месте славянских ъ и ь даже там, где эти гласные в русском языке были утрачены не позже XII в., ср. выше приведенные

финск. talkkuna, palttina, а также финс. lusikka „ложка", akkuna „окно", лит. tùlkas „толк", šilkaĩ „шолк", ridikas „редька", stiklas „стекло", (старорусское скло, б.-р. шкло); очевидно, во время заимствования ъ и ь слабые не только сохранялись, но и звучали близко к u, i.

По поводу финских и литовских заимствований из русского с сочетаниями на носовую в соответствии с русским u из о.-сл. ǫ, с сочетаниями на плавную перед согласными в соответствии с русскими полногласными сочетаниями и с гласными u, i на месте старых ъ и ь не только сильных, но и слабых, ставился вопрос, можно ли их считать заимствованиями из русского или из о.-сл. языка. Вопрос этот в сущности сводится к другому вопросу: сохранялось ли о.-сл. единство в ту эпоху, когда делались эти заимствования. Утвердительный ответ на последний вопрос не мешает признать, что русская диалектическая группа уже к тому времени достаточно обособилась, и что говоры, из которых были сделаны назв. заимствования, принадлежали именно к этой группе. На это, может быть, указывает финская передача о.-сл. ǫ сочетанием на носовую с гласной u. Что касается сочетаний на плавную вместо р. полногласных сочетаний в некоторых финских и литовских заимствованиях, то в р. языке такие сочетания, повидимому, сохранялись еще в середине X в., когда в ю.-сл. языках они давно уже заменились сочетаниями с гласной после плавной.

Литература:[1])

I. О заимствованиях из русского языка в финских языках: 1. Mikkola, Berührungen zwischen der westfinnischen und slawischen Sprache. I. Helsingfors 1894; — 2. Jalo Kalima, Die russischen Lehnwörter im Syrjanischen; — 3. Он же, Финно-угорские языки и Финскій язык, в 43 томе Энциклопедич. Словаря библіографич. Института „Гранат", изд. 7; — 4. Шахматов, Очеркъ, стр. XI, XIV—XV, XVIII, 112—113; — 5. Он же, Введеніе, стр. 28—29, 34—35, 55—56; — 6. Погодин, Варш. Унив. Изв. 1904, IV.

[1]) Называю только некоторые работы, так как бо́льшая часть трудов по вопросу о заимствованиях из р. языка в других языках осталась мне недоступна.

II. О русских элементах в балтийских языках: 1. Карский, Культурные завоевания русского языка на западной окраине его области. Изв. XXIX; — 2. Georg Gerullis, Die Herkunft der slavischen Lehnwörter im Preussisch-Litauischen. IF. XLII; — 4. Karłowicz, O języku litewskiem. Rozprawy i sprawozdania z posiedzień wydziału filologicznego Akad. umiejętności w Krakowie. I, Kraków 1875; — 5. Kazim. Bugas, Die litauisch-weißrussischen Beziehungen und ihr Alter. ZslPh. I. 1; — 6. A. Brükner, Litauische Studien. I. Die slavischen Fremdwörter im litauischen. Weimar 1877; — 7. Эндзелин, Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ. ЖСт. 1899. III.

Глава IV.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ИНОСТРАНЦЕВ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

§ 111. Старшие свидетельства такого рода имеются в известиях о Руси арабских географов IX—X в. — Ибн-Хордадбега (ок. 845 г.), ибн-Росте (или Ибн-Даста, после 900 г.), ибн-Фадлана (922 г.), Мас'уди (947 г.), Истахрия (ок. 950 г.), ибн-Якуба и др.; сюда же относится письмо хозарского царя Иосифа к раввину Хаздай-ибн-Шапруту нач. X в. и известия т. наз. анонимного персидского географа X в. и персидских географов XIII в.; последние заимствованы у старших арабских географов. Но эти известия, интересные с точки зрения истории политической и культурной, для истории русского языка почти ничего не дают. Это — несколько географических и племенных названий и собственных имён и 2—3 отдельных слова, но в такой неточной передаче, что не всегда можно догадаться, о каком имени или слове идёт речь. Таковы — географические имена: Kujâbe „Киев", Rûs „Русь", Džârwât или Džarvâb — название города „Хорват"?, племенные названия: s(a)qlâb „славяне", V(e)n(e)ntit или Vantit „вятичи", Dulâbe „дулебы" [1]), S(e)w(e)r „северяне", собств. имена князей: Mâdžek (?), Wândžslâwe „Вячеслав", 'al Dîrâ (Дир?); отдельные слова: q(i)nâz „князь", '(a)l-s(a)dž(u) „напиток из мёда" (съчь?) [2]).

Единственное, что̀, кажется, можно извлечь из этих свидетельств, это — указание на сохранение носовых гласных (Wântit, Wândžslâwe).

[1]) Некоторые учёные, впрочем относят это название не к русским дулебам, а к чешским дудлебам.

[2]) Заметим, что арабское письмо обладает очень несовершенными способами передачи гласных, и произношение гласных в классическом арабском языке в IX в. точно нам не известно.

§ 112. Более ценны — сведения о Руси Константина Багрянородного (*Πορφυρογέννητος*) в 9 и 37 главах его сочинения „о народах“ (*περὶ ἐθνῶν*), написанном в 949 г.[1]). В 9-й главе, озаглавленной *περὶ τῶν ἀπὸ τῆς Ρωσίας ἐρχομένων Ῥῶς* . . . ., даётся подробное описание пути русов от Новгорода до Царьграда, с названиями русских племён, городов, рек и Днепровских порогов, а также говорится о поездках русских князей на полюдье (*εἰς τὰ πολύδια*) за сбором дани; в 37 главе говорится о печенегах и русских племенах, живущих по соседству с печенегами. В этих двух главах имеются следующие русские слова: 1. имена князей: *Σφεντοσϑλάβος* „Святослав“, *Ἴγγωρ* „Игорь“; 2. названия городов: *Νεμογαρδάς* (gen.) „Новгород“, *Μιλινίσκαν* (acc.) „Смоленск“, *Τελιούτζαν* (acc.) (?)[2]), *Τζερνιγώγαν* (acc.) „Чернигов“, *Βούσεγραδέ* (gen.) „Вышегород“, *Βιτετζέβη* (gen.) „Витичев“, *Κιοάβα, Κιόβα* и *Κίαβος* „Киев“, в одном месте — *Κιοάβα τὸ ἐπονομαζόμενον Σαμβατάς* „Киев, называемый Субота“[3]); 3. названия рек: *Δάναπρις* „Днепр“, *Σελινάν* (acc.) „Сулина“?, *Δανουβίου* (gen.) „Дунай“, *Διτζίναν* (acc.) „Дичина“; 4. славянские[4]) названия Днепровских порогов: *Ἐσσουπή* „не спи“ („не съпи“)[5]), *Ὀστροβουνίπραχ* „Островной („островьный“) порог“, *Νεασήτ* „Неясыть“[6]), *Βουλνηπράχ* „Вълны (или „вълньный“) по-

[1]) В науке известно больше под латинским заглавием: „De administrando imperio“.

[2]) Обыкновенно толкуют это слово, как название города Любеча, предполагая описку вместо τὴν Λιούβτζαν, но такое толкование совершенно невероятно: славянское ü (буква „ю“) Константин передавал через υ, а ιου могло бы передавать скорее слав. iw или ьw (т. е. по цсл. орфографии ивь или ьвь).

[3]) Другие учёные толкуют это имя иначе или вовсе отказываются его понять.

[4]) σκλαβινιστί „по-славянски“; кроме славянских Константин приводит и „русские“ (ῥωσιστί „по-русски“), т. е. скандинавские названия порогов.

[5]) Предыдущее слово оканчивается на ν (τὸν ἐπονομαζόμενον ἐσσουπή); возможна описка — пропуск второго ν, т. е. в протографе могло читаться νεσσουπή.

[6]) Нынешнее название „Ненасытецкий“, но чтение „Неясыть“ подтверждается словами Константина „διότι φωλεύουσιν οἱ πελικάνοι εἰς τὰ λιϑάρια τοῦ φραγμοῦ“.

рог“ [1]), *Βερούτζη* „Въручи“ [2]), *Ναπρεζή* „Напрязи“ [3]); 5. названия племён: *῾Ρῶς* „Русь“, *Κριβιταιηνοί* и *Κριβιτζῶν* (gen.) „кривичи“, *Λενζανῖνοι* (гл. 9) и *Λενζενῖνοι* (гл. 37) „ляжане“)[4], *Σκλαβίνιοι* и *Σκλάβων* (gen.) „славяне“, *Δερβλενίνοις* (dat., гл. 37) и *Βερβιανῶν* (gen., гл. 9, очевидно, описка, вм. *Δερβ*...) „деревляне“, *Δρουγουβιτῶν* (gen.) „дреговичи“, *Σερβίων* (gen.) „северяне“ (?), *Οὐλτίνοις* (dat.; описка вм. *Οὐλιτίνοις*?) „уличи“?; 6. отдельные слова: *τα πολύδια* „полюдье“, *γύρα* (? слово скандинавское ?)[5]).

При анализе русских слов и названий, приводимых Константином, следует учитывать 1. неточность передачи, вызванную отсутствием соответствующих звуков в греч. языке, resp. букв в греч. письме: р. č передается через *τζ* (*Τζερνιγώγαν*, *Βιτετζέβη*, *Βερούτζη*, *Κριβιτζῶν*) и, может быть, через *τ* (*Οὐλτίνων*, *Δρουγουβιτῶν*), р. у — через *ου* один раз после губной (*Βουσεγραδέ*) и через *ι* или *η* после других согласных (*Κίαβα* и др., *Νεασήτ*, *᾿Οστροβουνίπραχ*, *Βουλνηπράχ*), р. ъ через *ου* (*᾿Εσσουπή*; второе *ου* в *Δρουγουβιτῶν*?), р. ь то через *ι* (*Μιλινίσκαν*), то через *ε* (*Τζερνιγώγαν*, *Βερούτζη*, оба раза перед *ρ*), то через *ου* (*᾿Οστροβουνίπραχ* — после губной перед твёрдой) и т. д.; 2. искажения, вызванные другими причинами, частью описками: *Μιλινίσκαν* (вм. *Σμο-*), *Τζερνιγώγαν* (второе *γ* вм. *β*), *Βερβιανῶν* (вм. *Δ-*), *Οὐλτίνοι*, *Νεμογαρδάς* (*εμ* вм. *οβ*?), *Δρουγουβιτῶν* (пер-

[1]) διότι μεγάλην λίμνην ἀποτελεῖ; ῥωσιστί βαρύφορος „Barufors = порог волны“.

[2]) или „Вьручии“, part. praes. от вьрѣти „кипеть“, ср. у Константина „ὅ ἐστι βράσμα νεροῦ“, т. е. „кипение воды“.

[3]) imp.? у Константина Μικρός φραγμός „малый порог“.

[4]) т. е. поляки, неизвестные начальной летописи под этим именем, а только под именем ляхов; как имя ляхи, так и ляжане образованы от одной основы lęd-, имеющейся в летописном названии области ляхов лядьская земля (ср. калуж. полехи „жители лесов“, б.-р. полешуки id. и сев. залешане). См. Ильинский, Кто были Λενζανῖνοι Константина Багрянороднаго? Slavia IV. 2. (1925).

[5]) В греч. литературном произношении X в. η читалось как i, υ — как ü, αι — как e, ι перед гласными могло иногда читаться, как i неслоговое, β читалось как v, но после μ как b, ϑ как англ. th, но после σ — как t, γ — как звонкая фрикативная задненёбная, γ перед γ — как задненёбная носовая, ζ — как z (звонкая фрикативная), τζ — как c.

вое *ου* вм. *ε*?): в 3-х случаях написана буква следующего слога, в одном — буква предыдущего слога и в одном пропущена буква, повторяющаяся в следующем слоге; всё — описки обычного типа; 4. то обстоятельство, что сведения могли быть получены Константином из разных источников, не только от русских славян, но и от болгар или скандинавов; да и сам русский, сообщавший их Константину, мог стараться говорить по-болгарски, как на своего рода *κοινή* тогдашних ю. и вост. славян; 5. названия могли воспроизводить ту форму слова, в какой они были сообщены; так *α* в последнем слоге имён *Νεμογαρδάς, Μιλινίσκαν, Τελιούτζαν, Τζερνιγώγαν, Κιοάβα* может восходить к конечному а в gen. (у К. почти все эти имена с предлогом *ἀπὸ* = слав. „из" с gen.) а *ε* в *Βουσεγραδέ*, может быть, извлечено из loc. на ě.

На фонетику тогдашнего р. языка могут указывать следующие данные:

1. о.-сл. ǫ и ę передаются частью как сочетания на носовые: *Σφενδοσθλάβος, Σαμβατάς, Λενζανίνοι*, сюда же *Ἴγγωρ*, частью как *ου* и *α* или *ε*: *Βερούτζη, Νεασήτ, Ναπρεζή*. Имя *Σφενδοσθλάβος* могло передавать и болгарское произношение имени Святослава, потому что болгары его знали очень хорошо, а грекам оно стало известно впервые от болгар, раньше чем им пришлось иметь дело с ним непосредственно; *Ἴγγωρ* могло быть контаминацией варяжского I n g v a r и р. Игорь; *Σαμβατάς* могло быть названием, данным Киеву болгарскими купцами, приезжавшими в Киев, или же представляет болгарскую передачу русского названия, которое могло звучать, как „Субота"; в обоих случаях оно может указывать, что субота была в Киеве базарным днём. Что касается *Λενζανίνοι*, то ляжанами могли называть себя и сами поляки и в таком случае произносили своё имя с ę; так могли называть их и болгары, и нет надобности думать, что это название К. узнал от русских. Принимая во внимание указанные соображения, можно на основании 3-х остающихся слов думать, что в р. языке того времени о.-сл. ǫ и ę уже изменились в чистые гласные u и a (ä?).

2. о.-сл. группа *t o r t или *t e r t передана у К. или в болг. огласовке (*Βουσεγραδέ, Ὀστροβουνίπραχ, Βουλνηπράχ*) или с гла-

сной только перед плавной (*Νεμογαρδάς*, *Δερβλενίνοι*, *Βερβιανῶν*). В первом случае — несомненный болгаризм, который не указывает непременно на то, что К. названия Вышгорода и двух днепровских порогов слышал от болгарина, но может свидетельствовать и о том, что русский, сообщавший их Константину, придавал некоторым словам болгарский облик, т. е. поступал так же, как позднее в. кн. Володимир Св., приказывавший чеканить на монетах своё имя по-болгарски, и др. Во втором случае отсутствие гласной после *ϱ* может свидетельствовать и об отсутствии её и в живой речи того времени, т. е. на то, что полногласие в р. языке развилось позднее середины X в.

3. Конечное *χ* в *'Οστροβουνίπραχ* и *Βουλνηπράχ* может указывать на ю.-р. фрикативное произношение согласной из о.-сл. *g; впрочем, допустимы и иные объяснения; в тогдашнем греч. *γ* было звуком фрикативным, а g взрывное могло быть только после носовой согласной.

4. Отсутствие конечных гласных в словах *'Οστροβουνίπραχ*, *Βουλνηπράχ* и *Νεασήτ* можно понимать как указание на утрату конечных ъ, ь в русском языке уже к половине X в.; но такое понимание не обязательно: редуцированные гласные звуки, произносившиеся в этих случаях в русском языке, могли восприниматься Константином, в языке которого таких гласных не было, как отсутствие гласного звука.

§ 113. Позднейшие свидетельства иностранцев о р. языке относятся уже ко времени существования самостоятельной русской письменности; тем не менее, и они позволяют внести некоторые дополнения и поправки в те сведения, какие мы извлекаем из памятников русского письма, современных этим свидетельствам.

Таковы, напр., беглые заметки о р. языке, а также отдельные фразы и слова живого русского языка, географические названия и т. п. сведения, имеющиеся в сочинениях о России Герберштейна (1517 г.), Олеария (1647 г.), Мейерберга (1666 г.) и других иностранцев, приезжавших в Россию в XVI и XVII в.

Во второй половине XVII в. появляются уже систематические работы о русском языке, писанные иностранцами; таковы „Граматично исказанје об руском језику" (1666 г.) Ю. Крижанича и, отчасти, более ранний его труд „Објасньенје виводно о писмѣ

словѣнскомъ" (1661 г.). В конце XVII в. появилась на латинском языке грамматика русского языка, написанная немцем Лудольфом (Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Rossica 1696). Работы Крижанича и Лудольфа уже не являются только свидетельствами иностранцев о р. языке, а относятся к числу трудов по научному грамматическому изучению русского языка, являясь первыми по времени в ряду научных исследований по русскому языку, писанных иностранцами.

Литература:

I. Свидетельства арабских и персидских писателей: 1. Гаркави, Сказания мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. Спб. 1870 (русский перевод выдержек из арабских и персидских писателей, содержащих такие сведения, и комментарий); — 2. Грушевський, Виїмки з джерел до історії України-Руси. Львов 1895; — 3. Шахматов-Кримський, Нариси (русский перевод части подобных выдержек, заключающих русские слова и названия); — 4. Хвольсон, О русахъ у арабскаго писателя 1-й полов. IX в. Ибн-Хордадбея. Труды VIII Археолог. Съѣзда 1890; — 5. Барон Розен, Пролегомена къ изданію Ибн-Фадлана. Зап. Вост. Отд. Русскаго Археолог. Общества. 1903; — 6. Вестберг, Комментарій на записку ибн-Якуба (965 г.) о славянахъ. Спб. 1903; — 7. Шахматов, Древнѣйшія судьбы; — 8. De-Goeje (Де-Гуе), Bibliotheca geographorum arabicorum, t. I—VII. Leiden 1870—1892 (арабский текст с французским переводом и вводными статьями). Остальную литературу см. в назв. сочинениях.

II. Константин Багрянородный. Издания: 1. Corpus historiae Byzantinae ex recensione I. Beckeri. Bonnae 1829—1840; — 2. Migne Patrologiae cursus completus, series Graeca, t. 112—113. — Русский перевод Ласкина в Чт. въ ОИДрР. 1899, 1. — Греческий текст 9-й главы с украинским переводом — Шахматов-Кримський, Нариси. — Анализ свидетельств Константина — во многих работах, между прочим, у Шахматова, Введеніе и Древнѣйшія судьбы, и у Нидерле, Slovanské starožitnosti. Oddíl I. Svazek IV. Původ a počátky Slovanů východních. Прага 1925.

III. Свидетельства зап.-европейских писателей XVI и XVII в.:

а) Герберштейн. 1. Первое издание — Rerum Moskoviticarum Commentarii, 1517 г., 3-е изд., переработанное автором — Вена 1549, немецкий авторизованний перевод — 1557 г., последнее издание латинского текста, 11-е, Старчевского, Scriptores exteri saeculi XVI historiae Ruthenicae. Berlin u. Petersburg 1841—1845. — 2. Русский перевод Анонимова: Герберштейна Записки о Московскихъ дѣлахъ. Спб. 1866 (с изд. 1556 г.);

b) Олеарий. 1. Первое издание, на нем. языке 1647 г., второе, переработанное автором, Шлезвиг, 1656 г.; — 2. русский перевод — в Чт. въ ОИДрР. 1869—1870; — 3. Другой русский перевод, Ловятина: Олеарій, Описаніе путешествія въ Московію, Спб. 1901;

c) Мейерберг. 1. издание латинского подлинника: Wiemann, Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur älteren Geschichte und Kenntniß des Russischen Reichs. Berlin 1920; — 2. издание альбома Мейерберга (рисунки с объяснительным текстом на немецком языке): Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка. Изданіе Суворина. Спб. 1903 (к этому изданию „объяснительныя примѣчанія", составленные Аделунгом и дополненные Ловятиным, Спб. 1903); — 3. русский перевод: a) донесение М., перевод Е. Барсова, Чт. въ ОИДрР. 1882, 1—3; b) Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и пр., описанное самимъ барономъ Майербергомъ. М. 1874, перевод Шемякина (Чт. въ ОИДрР. 1873. 3. 4, 1874. 1.)

ДОПОЛНЕНИЯ, ПОПРАВКИ И ПРИМЕЧАНИЯ.

Чтобы не затруднять справок с русской диалектологической литературой, относящейся за немногими исключениями ко времени до 1918 г., в книге сохранены названия городов и административные деления, существовавшие до 1918 года. Новые названия и указания на новые административные деления даются в Указателе географических названий.

Стран. 4, строка 3. Добавить: Н. С. Трубецкой, Общеславянский элемент в русской культуре, в сборнике того же автора: К проблеме русского самопознания. Париж 1927, стр. 54—94. — С. П. Обнорский, К истории словообразования в русском литературном языке, в сборнике: Русская Речь, новая серия I. Ленинград 1927. — В. В. Виноградов, К истории лексики русского литературного языка, ibid.

Стр. 6, строка 3. Добавить назв. выше статью Трубецкого.

Стр. 11. Как письменный язык грамотных людей, приказный язык не был только письменной передачей разговорной речи и в свою очередь представлял ряд частью намеренных уклонений от строя живой речи, иногда довольно значительных.

Стр. 13, примечание. Говоря о том, что глаголица в Восточной Болгарии не употреблялась, имею в виду время, когда на Русь стала проникать болгарская письменность, т. е. конец X в. В начале X в. глаголица, может быть, употреблялась и там.

Ст. 14, примечание. Предположение, что щ произносилось как šč и теми южными славянами, у которых русские учились цсл. языку, и что написание жг могло передават žď с ď краспалатальным, высказано было в устной беседе со мной проф. Селищевым. Что касается жг, то толкование, предложенное Селищевым, мне представляется более вероятным, чем предполагаемое Шахматовым чтение этого сочетания, как žj. Но для меня не ясно, насколько в русском церковном произношении XI в. могло отразиться архаичное ю.-сл. произношение с žď, так

как памятники как ю.-сл., так и русского письма, в том числе и те, которые имеют это **жг**, указывают на то, что в XI в. ď в сочетании žď в ю.-сл., по крайней мере, в большинстве говоров, отвердело. Поэтому возможно и то, что написанием **жг** сев.-р. писцы передавали произношение, существовавшее в их живом говоре. Происхождение буквы **щ** в обоих славянских алфавитах для меня также не совсем ясно; сходство её как с **ш**, так и с **ү** не подлежит сомнению; не думаю, чтобы она получилась из лигатуры **ш** + **т**, если даже и была придумана для передачи сочетания št, но и высказанное мною предположение о происхождении её из лигатуры **ш** + **ү** встречает затруднения. Вернее, что она была изобретена составителем славянского алфавита, как самостоятельная буква. Обычные в ст.-сл. мамятниках написания с **шт** вм. **щ** я склонен считать вторичными.

Стр. 16, строка 14 снизу. Понятно, что употребление „ъ“ и „ь“, как знаков, не обозначавших никакого гласного звука, скоро перестало соответствовать их употреблению в памятниках более ранних, писанных до падения глухих.

Стр. 18, строка 16 снизу. На основании того, что в сев.-русских служебных минеях конца XI в., писанных очень небрежно, не для главных новгородских храмов и не для торжественных случаев, а также в новгородских рукописях второй половины XII в. смешение „щ“ и „ү“ часто, некоторые учёные думают, что хорошо грамотных писцов между новгородцами в XI и в начале XII в. не было, и что все новгородские грамотно написанные рукописи писаны киевлянами, хотя правописание их отличается от правописания южнорусских рукописей того времени между прочим отсутствием македонизмов, характерных для южнорусских рукописей и присутствием некоторых характерных особенностей вост.-болг. орфографии, несвойственной рукописям южнорусским.

Стр. 21. 4. Добавить назв. выше статьи В и н о г р а д о в а, О б н о р с к о г о и Т р у б е ц к о г о.

Стр. 21. 9. Добавить: Б о г у м и л и Ж и т е ц к и й, Начерк історії літературної української мови до Котляревського. Україна 1914. II. — С у м ц о в, Начерк розвитку української літературної мови. Харьков 1918.

Стр. 30, строка 17 снизу. Добавить: дополнения и поправки

к брошюре Смирнова даны С. И. Масловым в Унив. Изв. 1918. 1—2.

Стр. 33. 3. Добавить поправки Симони к изданию И 76, напечатанные Ягичем, Die Ausgabe des altruss. Codex vom Jahre 1076 nebst den Berichtigungen Simony's. AslPh. XI (1888), стр. 368—383.

Стр. 35. 24. У 142 — сев.-русский список с ю.-р. оригинала (ср. стр. 18). Снимок и несколько небольших отрывков текста — у Лисицына, Первоначальный славянорусскій Типиконъ.

Стр. 36. 31. Добавить: Ляпунов, Изъ наблюденій надъ языкомъ древнерусскихъ и южнославянскихъ памятниковъ. AslPh. XXV (Zbornik u Slavu Vatroslava Jagića, Berlin 1908).

Стр. 47. 126. О Сийском Евангелии см. Срезневский, Свѣд. и Зам. 86.

Стр. 47. 137. Дополнения и поправки к статье Некрасова — Н. Петровский, РФВ. XXXVIII.

Стр. 57. 238. Статья Потебни с текстом песни в чешской транскрипции Благослава и в реставрированном виде переиздана в книге: Ал. Аф. Потебня, I. Слово о полку Игоревѣ . . ., II. Объясненіе малорусской пѣсни XVI вѣка. 2-е изданіе. Харьков 1914.

Стр. 59. 257. Некоторые Разрядные книги были изданы еще Новиковым в Древней Россійской Вивліоѳикѣ, XIII.

Стр. 60. 263. „Дума Козацкая“ напечатана Крымским в Украинской Грамматике, т. II, вып. 1, стр. 63—64 (начало) и т. I, вып. 1, стр. 258 и 269—270 (продолжение и окончание).

Стр. 60. 263 а. 1-й выпуск „Очерков“ Черных содержит фонетику и формы словоизменения; 2-й вып. (формы словообразования и синтаксис) вышел отдельно, как издание Иркутской сессии научных работников, Иркутск 1927.

Стр. 62, строка 6. Список ю.-р. и м.-р. письменных памятников XI—XVIII в. с указанием литературы дан Крымским, Украинская Грамматика, I. 1, глава 2, стр. 43—82; в дальнейших главах — много мелких выдержек из назв. памятников. Следует иметь в виду, что Крымский исключает из числа ю.-р. ряд памятников, признаваемых за ю.-р. почти всеми другими

учёными, и часто даёт написаниям старых рукописей врядли правильные толкования. Менее подробный, не свободный от неточностей, список ю.-р. и м.-р. памятников XI—XIX в., с указанием некоторых исследований и изданий у Бузука, Нарис історії української мови. Киев 1927, стр. 17—23.

Стр. 62, § 32, строка 7 снизу. Первая печатная книга вышедшая в Москве, — Апостол, напечатанный Иваном Фёдоровым в 1564 г.

Стр. 63, строка 9 снизу. Список русских изданий XVIII в.; Гр. Геннади, Списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г., т. I. А—Е. Берлин 1876; т. II. Ж—М, с дополнениями Собко. Берлин 1880. — Губерти, Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII стол., напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ, т. I—II. Чт. въ ОИДрР 1878—1881; т. III. Москва 1891. — Список русских оригинальных и переводных романов, напечатанных в XVIII в.: Сиповский, Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти... Часть I: XVIII вѣкъ. Спб. 1903.

Стр. 64, строка 4. Добавить: 6. Так наз. лубочные издания XVII—нач. XIX в. по большей части переизданы в труде Ровинского, Русскія народныя картинки.

Стр. 66, строка 4 снизу. СГГрД издано не Археогр. Комиссией, а „Комиссіей печатанія государственныхъ бумагъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“, в Москве. Вышло $4^1/_2$ тома, первые 4 (грамоты с 1265 по 1696 г.) — М. 1813—1828, и начало 5-го — М. и Спб. 1841—1894 (грамоты с 1326—1531 г.).

Стр. 67, § 35. Добавить издания Археогр. Комиссии: 1. Акты, относящіеся до юридическаго быта Древней Россіи, три тома. Спб. 1857—1884; — 2. Акты Историческіе и Дополненія къ Актамъ Историческимъ, содержащие главным образом грамоты; — 3. Сборникъ кн. Хилкова, Спб. 1879 (более 250 грамот XV—XVII в.).

Стр. 71. Псковская Судная грамота издана также Археографической Комиссией под редакцией Чечулина с приложением снимка со всей грамоты в 1914 г.

Стр. 73, § 37. Добавить: 1. Письма русскихъ государей и

другихъ особъ царскаго семейства, изд. Археогр. Комиссией, т. I. М. 1848 (письма с 1526 до 1658 г.); — 2. То-же, изд. Комиссіей печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ (см. выше), вып. 1—4. М. 1861—1862 (переписка начала XVIII в.), в 5. М. 1896 (переписка царя Алексея Михайловича); в последнем издании соблюдено до известной степени правописание подлинников. В Актах Археогр. Экспедиции изданы, между прочим, письма к родным королевы Елены, дочери Ивана III.

Стр. 77. 3, 4, 78. 6 и 79. 15. Вм. „Переведено" („Переведены") следует читать: „Переведено(-ы), по мнению учёных, относящих перевод к числу русских".

Стр. 78. 6. Греческий оригинал подробного жития Стефана Сурожского, изданного Васильевским в Русско-Византійских Изслѣдованіях в 1893 г. и переизданного Шахматовым в 1915 г. в III томе Трудов Васильевского по русскому списку XVI в., не известен. По мнению Васильевского, это житие — не перевод с греч., а составлено русским автором в XV в. на основании разных источников, одним из которых было краткое греческое житие Стефана.

Стр. 78, 10. Вм. Розановым должно быть: Шеффером, Абрамовичем и Майковым.

Стр. 85, строка 9 снизу. Добавить: Орлов, К вопросу об Ипатьевской летописи. Изв. XXXI.

Стр. 86, после 6 строки снизу. Добавить: 10. Сказание о Калкском побоище и 70 храбрах, в летописи под 1224 годом; — 11. Повесть о взятии Владимира, в летописи под 1237 годом; — 12. Повесть о разорении Киева Батыем, под 1240 годом. Все эти повести, как и назв. под №№ 8 и 9, имеются в Лавр. летоп., но учёные склонны считать их самостоятельными произведениями, вошедшими в летопись позднее их составления.

Стр. 95, строки 1 и 7. Два раза ошибочно назван Акиндин вм. Поликарпа.

Стр. 95. 20. С именем Моисея известны два поучения, соединённые вместе под одним заглавием „О безвременнемъ пьянствѣ", относящимся собственно только к первому из них, в сборн. Хлуд., прибавл. № 30, XIV в., по которому и изданы Соболевским, Матеріалы и Замѣтки по древнерусской лите-

ратурѣ. Изв. XVII. 3. Второе из этих поучений имеется также в Паис. Сб. (Р. 192), по которому издано Срезневским в Древних Памятниках.

Стр. 97. По недосмотру пропущено Моление Даниила, написанное в сев. Руси (в пределах Владимиро-Суздальской области) около 1230 г.[1]); некоторые учёные, впрочем, относят его, на основании поздних списков, к XII в.[2]). Старший список — Унд. 195, XV—XVI в.; по этому списку, параллельно с текстом других списков, XVII в., издал Моление Даниила Шляпкин в ПДрП. LXXXI, 1889 г., не вполне исправно. По одному списку XVII в., с вариантами из остальных, издал тот же памятник Миндалев, Моленіе Даніила Заточника и связанные съ нимъ памятники. Казань 1914. Там же указана и литература.

Стр. 100, § 46. Перечисленные в этом § фонетические и морфологические особенности русских языков, являясь результатом фонетических и морфологических тенденций разных эпох, характеризуют историческую эволюцию фонетического и морфологического строя этих языков, отличную от эволюции того же строя в других славянских языках, но не характеризуют в целом их нынешнего фонетического и морфологического строя. Так, наиболее характерные для исторической эволюции русских языков фонетические черты — полногласие и ž из о.-сл. dj — не характерны для звуковой системы нынешних русских языков, так как этой системе одинаково свойственны и полногласные сочетания и сочетания типа tort, устраненные в своё время из русского языка развитием полногласия (ср. нынешние гордый и т. п.), и сочетания trat и trot, получившиеся из о.-сл. tort в других славянских языках (брат, брод и т. п.); точно также рядом с ž из о.-сл. dj (вижу и пр.) в русских языках возможны и самое это сочетание (судья и т. п.) и получившиеся из о.-сл. dj в других славянских языках сочетание žd и звуки z, dz, j (ждать, жди, земля, моя, м.-р. дзеркало). Таким образом, в нынешних русских языках названные черты образуют группы

[1]) См. Истрин, Очерк; — Сперанскій, Исторія древней р. литературы, II.

[2]) См. Миндалёв, Моленіе Даніила Заточника; — Орлов, Лекціи.

фонетически однородных словарных особенностей; по отношению к этим чертам нынешние русские языки характерны не тем, что в их звуковом строе существуют в известных случаях полногласные сочетания или звук ž, а тем, что имеют в своём словаре группы слов, в которых сочетания типа torot или звук ž соответствуют сочетаниям trat, trot или звукам z, dz, đ, j, žd в тожественных по происхождению словах других славянских языков.

Что касается нынешнего фонетического и морфологического строя русских языков, то этому строю свойственны следующие живые (продуктивные) черты, объединяющие и в настоящее время всю русскую языковую группу:

a) фонетические:

1. разноместное, этимологически значимое монотоническое[1]) или динамическое ударение, не прикреплённое ни к определённому слогу слова, ни к определённым морфологическим частям слова; говоры лемков и лемаков в Карпатах с одноместным ударением на предпоследнем слоге, очевидно, — переходные к словацким, а говоры Заонежья с ударением на первом слоге слова принадлежат не вполне обрусевшим карелам;

2. существование соотносительных категорий твердых и мягких согласных: сад — сядь, слово — слёзы (укр. сльози), дну — дню и пр.[2]);

3. отсутствие независимых от фразного темпа и эмоциональных условий соотносительных категорий долготы и краткости гласных; объективно существуют (не всюду) долгие гласные, отличные от кратких, и вне этих категорий, но исключительно при

[1]) Т. е. такое, в котором различия в интонации не являются этимологически значимым элементом слова, а могут иметь лишь синтагматическое значение (как значимый элемент фразы); такое ударение я противополагаю ударению политоническому, где различия в интонации являются значимым элементом не только фразы, но и отдельного слова, ср. сербохорв. dat. sg. но̏су, гра̑ду, loc. sg. но̀су, гра́ду и т. п.

[2]) Сознанию взаимной соотносительности этих категорий до известной степени помогает то обстоятельство, что, различаясь вообще этимологически вне зависимости от соседних гласных, в известных положениях твёрдость и мягкость согласных являются взаимно обусловленными (ср. обязательную мягкость согласных перед е и і в в.-р. и твёрдость их перед е в м.-р.; об отступлениях см. ниже).

соединении слова, предлога или продуктивной приставки со следующим словом или основой, причём субъективно такие долгие гласные обязательно ощущаются, как две независимых гласных;

4. отсутствие независимых от редукции гласных в безударных слогах слоговых сонорных согласных;

5. существование независимых от эмоциональных и фразных условий, но связанных с морфологической структурой слова соотносительных категорий кратких и долгих согласных: сшить, ссудить, оттолкнуть, поручик (č долго), конный и пр.

Эти особенности могут ощущаться, как объединяющие все русские языки, потому, что в словах общего происхождения, составляющих бо́льшую часть обиходного словаря русских языков, распределение места ударения и твёрдых и мягких согласных в значительной степени то же. Все они в совокупности свойственны только русской языковой группе, отличая её от наиболее близких ей по звуковому строю языков польского, с которым у них общи черты 2, 3, 4 и 5, и болгарского, с которым они сближаются по чертам 1, 3 и 4. Разноместное ударение имеется и в сев.-каш., сербохорв. и словинском, но в сев.-кашубском оно связано с морфологической структурой слова, подобно ударению в немецком и английском языках, а в сербохорватском и словинском ударение политоническое. 2-я черта является общей русским языкам только с польским, так как в чешском, словацком и лужицких палатальные согласные не составляют категории соотносительной с категорией согласных непалатальных;

b) морфологические:

aa) в склонении:

1. сохранение полной системы склонения;

2. тенденция к полному устранению во множественном числе родовых различий, не связанных с категориями одушевлённости и неодушевлённости или лица и нелица; различие между мужеским и немужеским (женским или средним) родом во множественном числе сказывается, но не с достаточной последовательностью и не везде лишь в присвоении gen. pl. на -ov только именам мужеского рода[1]; но в значительной части говоров всех

[1] В р. литературном языке оно мотивировано внешне: необходимостью отличить gen. pl. от nom. sg.

русских языков и это различие устранено образованием gen. pl. на -ov от имён женского и среднего рода, ср. даже в Москве — местóв, делóв и пр.; диалект. в.-р. бáбов, звéздов и пр., укр. диалектические, не чуждые однако и литературному языку ранів, землів и пр. и вполне литературные рáдощів, хитрощів и пр.; лишь в части ю.-б.-р. говоров и в карп.-р. сохраняются формы dat. и loc. pl. m и n, отличные от форм тех же падежей женского рода, чем эти говоры сближаются со словацкими;

3. различение во множественном числе категорий одушевлённости и неодушевлённости или лица и нелица;

4. обозначение одушевлённости или лица во множественном числе употреблением gen. pl. в значении acc. pl., а неодушевлённости или нелица употреблением одной общей формы для nom. и acc. pl.;

5. отсутствие тенденции последовательно обозначать в nom. pl. различие между категориями одушевлённости и неодушевлённости или лица и нелица.

bb) в спряжении:

6. проведение одного окончания -u в 1 sg. по всем глаголам; глаголы ем и дам явно стоят вне системы спряжения в русских языках;

7. присутствие согласной характеристики -t (-t́, -ć) в 3 лице обоих чисел; впрочем, во многих говорах всех русских языков эту характеристику имеют не все глаголы в обоих числах, а часть глаголов только в одном числе;

8. образование будущего времени только с инфинитивом;

9. существование только одной, изменяющейся по родам формы прошедшего времени и отсутствие так наз. аориста и имперфекта;

10. отсутствие глагольной связки в настоящем времени в связи с обязательным употреблением личных слов: в.-р. я болен, ты молодец, он стар, мы друзья и пр., укр. ти здоровий, він моторний, ми вкраїнці и т. д.;

кроме того, в.-р. и б.-р. языки, почти все полесские и все вост.-укр. говоры м.-р. языка объединяются чертами, отсутствующими только в зап.-укр. и карп.-р.:

11. отсутствием вспомогательного глагола или личных окон-

чаний у родовых форм глагола (в praet. и cond.) и у частицы бы в связи с обязательным употреблением личных слов: я видел, ты бы сходил и пр.;

12. слитным употреблением частицы ся с глаголом у возвратных глаголов, благодаря чему соотношение между возвратностью и невозвратностью является выраженным не синтаксически, как в зап.-укр., карп.-р. и остальных славянских языках, а морфологически.

Отмечу также в склонении распространение, хотя не повсеместное, на вост.-укр. и б.-р. тенденций, характерных для в.-р.: *a)* к сближению personalia f. и n. с personalia m. в pl., ср. вост.-укр. диалектич. acc. pl. жінóк, сестéр, дітéй и пр., и *b)* к замене категорий лица и нелица в acc. pl. категориями одушевлённости и неодушевлённости: пасти́ конéй, доїти козочóк и пр.

Из названных морфологических особенностей, общих всей русской языковой группе (черты 1—10), черта 10 последовательно проведена, кажется, только в русских языках; остальные, кроме 1, 7 и 8, сближают их с одними западнославянскими языками, частью со всеми (3 и отчасти 2), частью с некоторыми (9 — с поль., каш., чеш. и словац., 2 — с поль., каш. и обоими лужицкими, 4 — с ними же и со словац.[1]), 5 — с н.-луж. и 6 — с каш.), но черта 1 — тенденция к сохранению полной системы склонения — обща всем славянским языкам, кроме болгарского и переходных сербоболгарских говоров, а по отношению к черте 7 сами русские языки не представляют единства: в русском литературном языке, в части в.-р. говоров и в с.-б.-р. проведено последовательно окончание t (ť, ć) в 3-м лице обоих чисел у всех глаголов; в других говорах проведена тенденция к различению sg. и pl., помимо различия в гласных окончания, также и различием в присутствии или отсутствии конечного t, а также к различению в 3 sg. тематических основ на -j (или на i ударяемое) от остальных; в прочих слав. языках, кроме болг., согласная примета 3-го лица обоих чисел отсутствует, и 3 sg. отличается от 3 pl. только качеством конечной гласной. По черте 8 русские языки сближаются не только с частью зап.-слав. языков, именно, с языками чешским,

[1]) В чешском языке диалектически gen. pl. в значении acc. pl. встречается только в местоимении jich = литературному je.

словацким и лужицкими, но также и с сербохорв., отличаясь от польского, кашубского и словинского. Различия между русскими, польским, кашубским, чешским и словацким языками с одной стороны и лужицкими и ю.-слав. — с другой по черте 9 сводится к различным стадиям в проведении одной и той же тенденции, так как и в лужицких и в ю.-слав. языках формы аориста и имперфекта мало употребительны и постепенно вытесняются родовыми формами прошедшего времени. Черта 2 проведена с той же полнотой, как и в русских языках, в языках польском, кашубском и лужицких; в чешском и словацком различие между мужеским и средним родом с одной стороны и женским с другой сохранены во множественном числе в формах dat. и loc. pl. существительных[1]). По черте 6 русские языки отличаются как от словацкого, словинского и сербохорватского, где 1 sg. всех глаголов характеризуется согласной приметой m при тожестве темы с темой остальных лиц, кроме 3 sg., так и от польского, чешского, лужицких и болгарского, где унификация не проведена по всем глаголам, и различаются две группы глаголов с различным образованием 1 sg.

Из черт, распространяющихся не на всю область русских языков, черта 12 не повторяется больше ни в одном славянском языке, а черта 11 свойственна также вульгарному чешскому, говорам словацкого и, отчасти, кашубскому, с тем отличием, что, кажется, нигде эта черта не проведена так последовательно. В польском языке тенденция к устранению сложных форм прошедшего времени привела к другим результатам — к трансформации вспомогательного глагола в личные суффиксы с сохранением при этом и суффиксов родовых. Из польского языка такие формы распространились и на зап.-укр. и карп.-р.

От дальнейших выводов об общих и местных тенденциях нынешних славянских языков и о значении назв. совпадений для суждения о близости языков пока, до более детального их анализа, воздержусь.

[1]) Литературный чешский язык сохраняет также различия между nom. и acc. pl. m. и f. с одной стороны и nom.-acc. pl. n. с другой, как у существительных, так и у прилагательных, и в родовых формах глагола, но живому языку это различение не свойственно.

Стр. 101. 7. По крайней мере, под ударением, а без ударения — в с.-в.-р., укр. и карп.-р.; в ю.-в.-р. и б.-р. без ударения после мягких и шипящих на месте старых а, ę, е, ě, ь одинаково являются в одних случаях а (жару́, пряду́, нясу́, бягу́), в других — е или і (така́я-сека́я, греда́, весна́, стена́); в полес. безударные ę, е, ě, ь также совпали в одном звуке. Надо думать, впрочем, что это совпадение — вторичное, возникшее не ранее времени падения глухих и замены так наз. музыкального ударения динамическим.

Стр. 101. 8. Такое а получилось в соответствии со ст.-сл. ѣ из о.-сл. сочетаний „е или ē + носовая перед носовой“ [1]) (примеры, кроме назв[2]).: укр. кам'яни́й, полом'яни́й, сім'яний, в.-р. безымя́нный, бессемя́нка, племя́нник, стремя́нный, диал. письмя́нный, слухмя́ный, село Ремянники, может быть, также встряну, застря́ну, ср. praet. встрял, застря́л, inf. встрять, застрять, укр. застря́ну, застря́ти, застря́нути, застрява́ти[3])), а также в суфф. прилагательных со значением „сделанный из такого-то матерьяла“, может быть, извлечённом из таких образований, как „камяный“ (ср. выше

[1]) Там, где в ст.-сл. имеется ѧ перед носовой, между этим ѧ и носовой согласной выпала неносовая: вѧнѫти, глѧнѫти (d), крѧнѫти (t) и др.

[2]) Из назв. на стр. 101 примеров слово прямо, может быть, сюда не относится, потому что цсл. памятники русского письма XI и XII в., а также старые сербохорв. памятники и нынешние говоры сербохорв. языка дают иные соответствия для этого слова, чем для глагола помянуть и прилагательных типа румян.

[3]) Неясно отношение этих форм к ю.-в.-р. диалектич. застря́гнуть, застря́гла, б.-р. застра́гну (при inf. застра́ць, где ць из t'!), укр. диалектич. застря́гнути. Связывать их с поль. zastrząc zastrzągł (ср. Buga, RSL. I. 287, Trautmann, Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen 1923. 290) мешает общераспространённость inf. застря́ть и praet. застря́л. В с.-в.-р. диалект. застре́ну, застре́л и пр. можно видеть влияние со стороны встре́ну, сустре́ну. Этимологию глагола застря́л, предлагаемую Соболевским, РФВ. LXVI. 349, считаю неудачной.

приведённые примеры)[1]: деревя́нный, ледяно́й и мн. др. во всех р. языках. Из о.-сл. ē перед краткими носовыми р. язык получил, повидимому, ĕ, но случаи с ĕ такого происхождения в русском языке крайне немногочисленны. Кроме слова семя (о.-сл. sěmę), такое ĕ должно было получиться в суфф. ĕn-in со значением: „житель такого-то обитаемого пункта или страны" и в part. praet. pass. на ĕnъ от глаголов с основой на -ĕ. Но суфф. ĕn-in в русском языке засвидетельствован только в слове словѣне, которое, действительно, в летописях и других памятниках русского письма вплоть до XVI в. пишется с „ѣ"; тот же суфф. можно предполагать и в собственном имени Городѣнъ в М 96, если это — образование с суфф. -ĕn от „город", параллельное образованию с суфф. jan — горожанин; в остальных подобных случаях русскому языку издавна были известны только образования с суфф. jan (с согласными j, l', ń, ŕ и шипящими перед а): киевляне, горожане, полочане и пр.; образования с an не после j, l', ń, ŕ и шипящих — или цсл., как египтяне и т. п., или поздние новообразования по аналогии с цсл., как москвитянин и т. п.; правда, написания с „ѧ" в подобных случаях встречаются уже в памятниках XI в., рядом с правильными написаниями с „ѣ": егупьтѣне и егупьтѧне и т. п., но они не указывают на судьбу гласной из о.-сл. ē перед носовыми в русском языке, а только на то, что подобные образования с ĕ русскому языку уже в XI в. не были свойственны (в словѣне и Городѣнъ сохранялось ĕ лишь благодаря отсутствию ассоциации этих слов с названиями мест, и лишь позднее и словѣне подчинилось аналогии имён на -ане). Причастия на -ĕnъ от глаголов на -ĕjǫ в русском языке были вытеснены причастиями на -ĕtъ: согрѣт, а причастия от глаголов 2-го спряжения на -ĕnъ заменены образованиями на jenъ: верчен, обижен, насижено, диалектич. вижено, гляжено; те

[1]) В древнерусских памятниках, даже самых грамотных в смысле сохранения ю.-сл. правописания, в этом суффиксе последовательно пишется ѧ или ѩ, начиная с ОЕ: камѧнъ и др. ОЕ, просѧно и др. И 73[1], водѧни, дрѣвѧнь, мѣдѧноу и др. КИ, деревѧноѥ и др. СПт, деревѩноую, камѩноую и др. Сказание о Борисе и Глебе в УС и пр. Ср. ст.-сл. помѣнѫти, власѣнъ, дрѣвѣнъ, мѣдѣнъ и др.

причастия на -ěn и отглагольные существительные на -ěnije, которые имеются в русских языках, все цсл. происхождения. Следы старых причастий на -ěnъ, может быть, представляют былинные имена Хотѣн и Гордѣн, в которых трудно заподозрить церковнославянизмы, и, если принять этимологию Трубецкого, слово полѣно (по его мнению, — субстантивированное part. praet. pass. от глагола полѣти „пылать"). В остальных случаях с ě перед носовыми в русских языках это ě могло быть из о.-сл. oi̯, как напр. в словах: вѣнок, в.-р. диалект. зѣнки (ст.-сл. зѣница), мѣна, нѣм, пѣна, стѣна, сѣмья, сѣно, сѣнь, цѣна, или же между ě и носовой согласной могла выпасть согласная неносовая, как напр., в словах: вѣм 1 sg., вѣно, диал. встрѣну, лѣнь, тѣмя и др.[1]) Возможно предположение, что русское а из о.-сл. сочетаний „е или ē + носовая перед носовой", как и сербохорв. е, словин. ẹ[2]), в.-луж. и н.-луж. а в том же положении, получились из о.-сл. диалектического ę (вследствие того, что подобные сочетания в одних говорах о.-сл. языка разлагались на „е или ē + долгая носовая", откуда далее — „долгое ē + краткая носовая" > „ě + носовая", в других — на „дифтонгическое сочетание на носовую + краткая носовая"), но никаких данных, которые бы указывали на то, что русский, сербохорватский и лужицкие языки имели некогда в этих случаях носовую гласную, мы не имеем. Ср. сходную судьбу сочетания „о + носовая перед носовой", давшего повидимому, фонетически во всех славянских языках, не исключая старославянского, болгарского, польского, кашубского и словинского, гласную u неносовое, и сочетания „a + n перед m" в dat. и instr. pl. имён на ane, давшего a не только в русском (ср.

[1]) См. Meillet, Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris 1904—1905; — Он-же, Le slave commun. Paris 1924; — Berneker, Slavisches Etymologisches Wörterbuch, A-Mo, Heidelberg 1908—1914; — Преображенский, Этимологическій Словарь; — Trautmann, Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen 1923. В оценку правильности предложенных там этимологий не вхожу.

[2]) Буквою ẹ в научных работах по словинскому языку обозначается один из вариантов звука е (неносового!).

древнерусские полямъ, волочамъ и т. п.) и чешском, но и в сербохорв. (ср. старосербск. грађамь и т. п.)[1].

Стр. 101. 9. Изменение начального е в о произошло не позже X в., но тенденция к такому изменению сохранялась, повидимому, до середины XII в.; поэтому все слова, заимствованные из других языков за этот период, подверглись действию этого закона[2]).

Стр. 101. 10. Указание на эту черту, как общую до известной степени всем русским языкам, не предрешает вопроса, следует ли её считать общерусской и по происхождению или развившейся в каждом из русских языков независимо в силу однородных причин.

Стр. 102, 14 *a*. Из о.-сл. *dm все славянские языки имеют одно m: р. ѣм, дам, вѣм, чеш. jím, dám, vím и т. д.

Стр. 102, 14 *b*. К древнейшим фонетическим особенностям русского языка, может быть, относится изменение gn > n не в начале слова: двѝнуть, дёрнуть, трóнуть, тянýть,

[1]) Подробнее — в моих статьях: Спорные вопросы общеславянской фонетики II (печатается в журнале Slavia) и Русские рукописи VII (печатается в ЈФ). См. также Zubatý, Zur Declination der sog. -i̯ā- und -i̯o- Stämme im Slavischen. AslPh. XV. 493—518; — Он же, Slavische Etymologien. AslPh. XVI. 385—425; — Meillet, Le slave commun. Paris 1924. 301. — Он же, Études I, 131—135; — Шахматов, Очеркъ, § 11; — Ramovš, Výjimečné u místo pravidelného ǫ za ǫ v slovinštině. Časopis pro moderní filologii a literaturu VIII. 1921. 1.

[2]) См. Дурново, Спорные вопросы о.-сл. фонетики. I. Начальное е в о.-сл. языке. Slavia III. 2—3. Р. Якобсон предлагает более простую и, повидимому, более правильную схему: i̯ перед начальным e отпадало, в результате чего далее e изменялось в o, только в том случае, если было в ударяемом или первом предударном слоге не перед твёрдыми и не перед слогом с ь слабым, так как в последнем случае e удлинялось, а перед ē начальное i̯ не отпадало; при этом предположении объясняются такие случаи, как ежевѝка, ерепéниться, еcенью́, есеня́сь, единёшенек, вероятно, фамилия Есенин, где первоначально ударение было, повидимому, на последнем слоге; необъяснимым остаётся диалектическое арипей. Другие мнения изложены в названных в моей статье работах Ильинского. См. также Ekblom, Der Wechsel (j)e ∼ o im slavischen. Skriber utgivna av K. Humanistiska Vetenskaps Samfundeti Uppsala. 22:4. Uppsala—Leipzig 1925.

м.-р. двинути, тяну́ти[1]). В таком случае в многочисленных глаголах на -гнуть, как дрогнуть, лягнуть, стегнуть и пр., ю.-в.-р. дви́гнуть, помогну́ть, тягну́ть, м.-р. бігнути, двигнути, прагнути, тягнути и пр. можно видеть новообразования, как и в м.-р. стогнати, в слове стегно́ заимствование из цсл., а южном багно — с польского; сохранение g в огня и пр. можно объяснять или ранним развитием ъ между g и n или ранним изменением n в этом слове в ń палатальное (ср. огнь еще в ст.-сл.), если предположить, что g выпадало только перед непалатальным n[2]). Но в виду отсутствия достоверных примеров на n из gn в старых ю.-р. памятниках и редкости случаев с таким n в нынешнем м.-р. и б.-р., а отчасти и ю.-в.-р., трудно сказать, являлась ли эта черта первоначально общерусской или была свойственна главным образом только сев.-р. наречию.

Изменение о.-сл. dn > n отличает русские и ю.-сл. (в том числе и ст.-сл.) языки от зап.-сл.: р. вя́нуть, гля́нуть, ки́нуть, сты́нуть, диалект. попа́нуть, угону́ть и мн. др., чеш. vadnouti, hlednouti, padnouti и пр., поль. więdnąć, ględnąć, padnąć и пр.[3]) Весьма вероятно, что различие по этой черте между ю.-сл. и русскими языками с одной стороны и зап.-сл. с другой восходит к доисторической эпохе и явилось в силу тех же причин, которые вызвали различия и в судьбе старого сочетания dl; в таком случае приводимые Гебауэром[4]) два примера из двух чешских рукописей XV в., при многочисленных примерах с dn в старых памятниках, начиная с XIV в., могут быть и описками; случаи отсутствия d перед n в нынешних чешских говорах — вторичные: n в них имеется и из старого dьn; польское же kinąć может быть и заимствованием с русского. Но не исключена возможность и того, что все зап.-сл. языки рано восстановили d перед n у глаголов на -nǫti, по-

[1]) См. Meillet, Études I. 131; — Соболевский, Лекціи.

[2]) Ср. стремление устранить сочетание gn с n непалатальным в начале слова путём изменения n в ń палатальное. См. Васильев Объ одномъ случаѣ. РФВ. LXX (1913).

[3]) См. Соболевский, Лекціи.

[4]) Historická mluvnice jazyka českého I, стр. 410.

добно тому, как то же проделали и русские языки по отношению к глаголам на -нуть с основами на g.

Стр. 102. 17. См. мою статью: Le traitement de *sk dans les langues slaves. RÉSl. VI (1926), 3—4, стр. 216—223.

Стр. 102. 20. О различной судьбе о и ъ в м.-р. см. § 89. 1. и 90. 1., в в.-р. говорах — § 49. 2.

Стр. 106, строки 9—14. Черта 10 (изменение е в о после шипящих и, частью, после мягких вообще) развилась в русских языках после утраты ъ, ь слабых, как видно из того, что старое е не только перешло в о в ряде случаев в в.-р. перед сочетаниями на твёрдые, в которых выпало ь и, следовательно, первая согласная сочетаний не была первоначально твёрдой, но и сохранилось без изменения в о перед некоторыми сочетаниями на мягкую, в которых первая согласная никогда не была мягкой, и где между согласными выпало ъ: ле́гче, ше́пчет, реше́тчатый (при лёгкая, шопот, решотка); в первом случае изменение е в о может объясняться продолжительностью действия закона о таком изменении, ко второму подобное объяснение не применимо. Поэтому совпадение русских языков, главным образом, в.-р. и б.-р. по этой черте с польским (неполное) следует объяснять не общей жизнью обоих языков в прошлом, а общими тенденциями в развитии палатальности и велярности согласных.

Стр. 106, строка 4 снизу. „Случайными" в смысле независимости развития в каждом языке тех процессов, которые привели к одинаковым результатам.

Стр. 107, строка 1. Исторически по черте 8 (а перед носовыми в соответствии со ст.-сл. ѣ) русские языки сближаются не с польским, а с сербохорватским и лужицкими, с которыми одинаково имеют гласные, отличные от гласных из старого ě, причём в русских, сербохорватском и верхнелужицком языках эти гласные совпали с гласными из старого ę (в сербохорв. в звуке е, в в.-луж. и русских — в звуке а; в н.-луж. так же, как и в в.-луж., — а, но из о.-сл. ę там получилось е); между тем в польском гласная, получившаяся в этих случаях, совпала не с гласной из о.-сл. ę, а с гласной из о.-сл. ě; таким образом, совпадение русских языков с польским в произно-

шении гласной в таких случаях, как р. румяный, поль. rumiany, может быт, не органическое.

Стр. 107, § 49. Перечисляемые здесь фонетические и морфологические особенности в.-р. языка в целом характеризуют не его нынешнюю фонетическую и морфологическую систему, а историческую эволюцию его фонетического и морфологического строя (ср. выше, дополнения к § 46). Не задаваясь целью охарактеризовать полностью нынешнюю фонетическую и морфологическую систему в.-р. языка в её живых тенденциях, назову лишь некоторые черты, характерные для этой системы:

a) фонетические:

1. более последовательно, чем в б.-р., м.-р. и поль., проведённый параллелизм между согласными твёрдыми и мягкими; в в.-р. во всём твёрдость и мягкость различаются у всех губных, у плавных l и r, у зубных d, t, z, s и почти во всём у нёбных g, γ, k, x[1]); непарными по твёрдости и мягкости являются только шипящие и c;

2. мягкость всех согласных, кроме непарных по твёрдости и мягкости, перед i и почти во всех говорах перед e: таким образом, немягкие согласные перед палатальными гласными в в.-р. по бо́льшей части не допустимы[2]);

b) морфологические:

3. различение категорий одушевлённости и неодушевлённости во множественном числе вне зависимости от того, к какому роду принадлежит данное существительное в единственном числе;

[1]) В части говоров ǵ, ḱ мягкие перешли в d́, t́ мягкие, и таким образом соотношение g, k: ǵ, ḱ устранено. В литературном р. языке и в значительной части великорусских говоров мягкость нёбных обусловлена положением перед i, e, и таким образом соотношение между твёрдостью и мягкостью нёбных само по себе не могло бы сознаваться в языке, как значимое, но оно осознаётся на фоне соотношений ta : t́i = ka : ḱi т. п.

[2]) Согласные перед e тверды только в немногих говорах; сочетания твёрдых согласных с e в некоторых местоимённых наречиях и падежных окончаниях системы не нарушают благодаря своей морфологической обусловленности. Иностранные слова с твёрдыми согласными перед e в литературном языке сознаются, как принадлежащие другому языку.

отсутствие различения в падежных формах множественного числа категорий лица и нелица;

4. недопустимость формы среднего рода для обозначения живых существ, кроме самых общих, как чудище, чудовище, страшилище, литературные животное, насекомое[1]);

5. отсутствие чередования согласных перед падежными окончаниями у существительных в пределах одного числа, кроме чередований, связанных с живыми фонетическими тенденциями: река́ — ре́ку — реке́, друзья́ — друзе́й;

6. употребление gen. sg. существительных и gen. pl. прилагательных при nom. числительных два, три, четыре;

7. формы 1 pl. imp. на -мте: пойдемте и пр.;

8. слитное употребление частицы ся с глаголом.

По черте 2 в.-р. лишь отчасти сходится с польским языком, где согласные мягки перед i (мягкость согласных перед e в нынешнем польском языке не обусловлена фонетически, так как согласные перед e твёрды, если это e не из старых e или ь) и со словацким (именно, литературным словацким и среднесловацкими говорами), где перед e и, отчасти, перед i (там, где i и y различаются и по качеству гласного звука) мягки согласные d, t, n, l; случаи с твёрдыми согласными перед e (teraz, ten, chudéj и пр.) обусловлены морфологически, как и в в.-р. говорах. Черты 3 и 8 в пределах русской языковой области не ограничиваются одним в.-р., а распространяются и на полесские и вост.-украинские говоры м.-р. языка и на б.-р.

Стр. 108. 7. См. Трубецкой, Einiges usw. ZslPh. I. 3—4; Долобко, Der sekundäre v-Vorschlag im Russischen. ZslPh. III. 1—2.

Стр. 108. 10. Формулировка „кроме š, ž и . . . c“ не удачна. Точнее; „кроме шипящих и c, не различающих вариантов твёрдых и мягких в пределах одного говора“.

Стр. 109. 15. 16. См. Обнорский, Dualspuren in der nominalen Deklination des Russischen. ZslPh. II. 1—2 (1925).

[1]) В таких словах, как чудовище, понятие одушевлённости минимальное. Слова животное, насекомое даже в литературном языке ощущаются, как книжные, в народных говорах вовсе не употребительны.

Стр. 110. 19. См. Шахматов, Очерк; — Nachtigall, Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. Heidelberg 1922.

Стр. 111, § 53. 3. Для нынешнего фонетического строя с.-в.-р. и ср.-в.-р. говоров (в том числе и литературного языка), кроме мещерских и некоторых олонецких, характерно отсутствие необусловленных особыми положениями звуков γ и h: во всех заимствованных словах с такими звуками они обязательно заменяются звуками g или x; наличие γ в цсл. словах объясняется тем, что эти слова ощущаются, как слова другого стиля; в лёгок и мягок, часто произносимых с γ, последнее — перед сильно редуцированным гласным звуком, не препятствующим диссимилятивному влиянию следующей согласной. Неясно диалектическое сохранение γ в богатый.

Стр. 112. 6. Эта черта представляет живую фонетическую тенденцию значительной части с.-в.-р. говоров; поэтому новые слова подвергаются тем же изменениям: шляпа — в шлепи и т. п.

Стр. 117. 6а. Отмечу еще одну фонетическую черту, свойственную части с.-в.-р. говоров, не указанную в Опыте МДК; это — произношение s вм. c, известное главным образом в Вятской и Пермской губ. и в Сибири[1]).

Стр. 120, § 61. К числу с.-в.-р. новообразований, сходных или тожественных с соответствующими новообразованиями отдельных других славянских языков, относятся, напр., 1. изменение а после мягких или между мягкими в е, ср. подобное же изменение в чешском и в.-луж.; 2. изменение старого ě при известных условиях в i, ср. то же, но при других условиях, в чешском и икавских хорватских говорах; 3. диалектическое изменение ł в u̯, ср. то же во многих диалектах разных славянских языков; 4. gen.-acc. личных местоимений на -а: меня, тебя, ср. словац. mňa, teba; 5. диалектич. в северных говорах instr. pl. на -ma, ḿa, ср. instr. pl. на -ma в разговорном чешском и dat.-instr. pl. на -ma в сербохорв. и диалектах словинского; сев. диалектич. instr. pl. на -my, ср. подобные формы в польском;

[1]) См. Зеленин, Великорусскiе говоры (см. дополн. к стр. 137), стр. 384, 414, 418; — Селищев, Дiалектологическiй очерк Сибири, 50, 188.

6. v в окончании gen. sg. m. и n. прилагательных, ср. то же в сев.-каш. говорах; 7. постпозитивный член, ср. то же в болг. В органической связи с явлениями других славянских языков названные явления с.-в.-р. говоров не стоят.

Стр. 121—122. О судьбе о.-сл. *skoi̯ в русских языках см. мою статью: Le traitement de *sk dans les langues slaves. RÉSl. VI. 1926. 3.—4.

Стр. 122, § 62. Аканье принадлежит к числу живых тенденций ю.-в.-р. и ср.-в.-р. Безударное о в иностранных словах сохраняется лишь постольку, поскольку они сознаются словами другого языка; поэтому лица, вовсе незнакомые ни с одним иностранным языком, устраняют в своем произношении безударное о и в таких словах, которые в литературном языке принято произносить с безударным о (как напр., в иностранных фамилиях). К числу живых тенденций ю.-в.-р., не распространяющихся на ср.-в.-р., относится недопустимость необусловенного особым положением звука g взрывного.

Стр. 125—133. Характеристика разных типов аканья и матерьял — у меня в Діалектологическихъ Разысканіяхъ.

Стр. 135. 11. Формы с ḱ вм. č проникли и в литературный язык, но только в одном глаголе: ткёш, ткёт и пр.; в разговорном языке московского образованного общества известно также и жгёш, жгёт и пр.

Стр. 137—138, § 65. См. Зеленин, Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задненебныхъ согласныхъ въ связи съ теченіями позднѣйшей великорусской колонизации. Спб. 1913, ср. рец. Шахматова, Изв. XX (1915) 3.

Стр. 138, § 67. Ю.-в.-р. и б.-р. сближаются также с полесскими говорами м.-р. по судьбе безударных гласных из старых ę, e, ě, ь, которые в полесских говорах совпали между собой, так же, как и в ю.-в.-р. и б.-р. Кроме фонетических и морфологических совпадений с б.-р и м.-р. южновеликорусские говоры представляют и ряд старых словарных совпадений с ними, отличающих ю.-в.-р., б.-р. и м.-р. от с.-в.-р.

Стр. 143, § 76. К числу живых особенностей нынешней звуковой и морфологической системы б.-р. языка принадлежат между прочим:

1. аканье;

2. более ограниченное по сравнению с в.-р. противопоставление категорий твёрдых и мягких согласных: к числу непарных по твёрдости и мягкости согласных, кроме шипящих и c, относится также r, а в ю.-б.-р. говорах (не везде) и согласные губные; соотношение d, t: d′, t′ устранено до известной степени изменением d′, t′, в свистящие аффрикаты;

3. мягкость согласных, кроме непарных по твёрдости и мягкости, перед e, i; сочетания твёрдых согласных с e все обусловлены морфологически (в окончаниях местоимений и прилагательных и в nom. pl. существительных);

4. gen. pl. в значении acc. pl. обязателен только у имён лиц мужеского пола, но употребляется также и от имён лиц женского пола и имён животных; таким образом в б.-р. нет того отчётливого противопоставления категорий одушевлённости и неодушевлённости, как в в.-р.; в то же время не выдержано и свойственное польскому языку противопоставление мужеского личного рода всем остальным.

5. возвратный и невозвратный залог, как и в в.-р., различаются морфологически.

Стр. 145. 24. В с.-б.-р. говорах впрочем нередки и формы на -hě, -kě, -xě.

Стр. 147. 2. В ю.-б.-р. встречается и ^{u}o на месте старого o в открытых слогах с интонацией циркумфлекса, а также на месте старого e и даже на месте старого ъ: гуолад, бяруоза, буордзы, вуоўк, туой nom. sg. m., суон и пр.; ^{u}o такого происхождения значительно реже, чем из старого ударяемого o с интонацией акута; тем не менее эти случаи мешают полной уверенности в том, что изменению в ^{u}o не в новых закрытых слогах в ю.-б.-р. первоначально подвергалось только старое ударяемое o с интонацией акута.

Стр. 159, § 89. Назову некоторые из живых особенностей нынешнего звукового и морфологического строя малорусского языка.

1. Как и в в.-р., одним из основных стержней фонетической системы всего м.-р. языка является существование соотносительных категорий твёрдых и мягких согласных. Но парными по твёрдости

и мягкости согласными в м.-р. являются не те же согласные, какие и в в.-р., равно как и само соотношение этих категорий базируется на иных началах. Одинаково с в.-р. различаются в м.-р. ряды d, t, n, z, s, ł (или l) и d́, t́, ń, ź, ś, ĺ, но в гуцульских говорах параллелизм d, t: d́, t́ устранён переходом d́, t́ в ǵ, ḱ; r и ŕ различаются только в вост.-укр. и карп.-р.; ряды h, k, x и h́, ḱ, x́ различаются в полесских, вост.-укр. и зап.-укр. говорах, хотя, как и в большей части в.-р. говоров, твёрдость и мягкость этих согласных обусловлена здесь фонетическим положением, и не различаются в карп.-р.; в противоположность в.-р. и б.-р. в значительной части м.-р. говоров все шипящие и с имеют и твёрдый и мягкий варианты, различие между которыми, как и различие между твёрдыми и мягкими нёбными, обусловлено фонетическим положением, но также и морфологически (ср. вост.-укр. л е ж я т ь 3 pl. и л е ж а в praet. m.); к непарным по твёрдости и мягкости согласным почти во всём м.-р. относятся губные, в значительной части говоров r, в карп.-р. говорах h, k, x, в гуцульских d и t и во многих говорах шипящие.

2. В полес., вост.-укр. и карп.-р., как и в в.-р. и б.-р., в положении перед е твёрдость или мягкость согласных, различающих твёрдые и мягкие варианты, является обусловленной фонетически, т. е. перед е возможен только один вариант, но, в отличие от в.-р. и б.-р., где такие согласные перед е обязательно мягки, здесь они обязательно твёрды. В полес. и вост.-укр. мягки перед е только долгие согласные из старых сочетаний с j, получившихся после т. наз. падения глухих: вост.-укр. л л є т ь с я, полес. ж и т т є и т. п.; но эти согласные, мягкие и в других положениях, не соотносительны не только с согласными краткими, но и с долгими твёрдыми согласными, потому что последние в полес. и вост.-укр. известны только в таких морфологических комплексах, где они легко разлагаются на согласную в конце одного морфологического элемента и согласную в начале другого[1]), тогда как долгие мягкие согласные из сочетаний с j морфологически не разложимы; таким образом, они стоят особняком, как согласные не-

[1]) Слова эмоциональные и собственные имена могут стоять вне этой системы.

парные по твёрдости и мягкости, подобно московским долгим мягким š („щ“) и ž („жд, жж, зж“). В карп.-р. такие долгие мягкие сократились, но в положении перед е они, повидимому, не встречаются. В зап.-укр., где они также сократились, но где, в отличие от вост.-укр. и карп.-р., в окончании существительных среднего р. типа жите является е, твёрдость и мягкость согласных перед е является необусловленной: сміте и спите и т. п.; за то в говорах, где а после мягких изменилось в е, фонетически обусловленной стала твёрдость согласных перед а; в карп.-р., кроме того, только твёрдые согласные являются перед у („ы“), которое здесь существенно отличается от і и ї и с ними не ассоциируется. Указанные различия между полесскими и вост.-украинскими говорами с одной стороны и зап.-украинскими с другой не мешают особой близости их фонетической системы: при необусловленности твёрдости и мягкости согласных перед е в зап.-укр., всё же твёрдое произношение согласных перед е является преобладающим, особенно там, где а после мягких не изменилось в е, и одинаково отсутствует в.-р. и б.-р. тенденция к смягчению всех согласных парных перед палатальными гласными.

3. Вместо в.-р. различения во множественном числе категорий одушевлённости и неодушевлённости значительная часть м.-р. говоров различает с помощью тех же средств (совпадение acc. pl. с nom. pl. или с gen. pl.) категории лица и нелица, причём имена лиц женского пола во многих из этих говоров относятся ко второй категории (нелица), как в польском.

4. К среднему роду относятся не только названия неодушевлённых предметов, но и животных и лиц, главным образом детёнышей или молодых: дівчá, теля́, лошá и пр.; часто местоимение среднего рода онó (вонó) в применении к детям, маленьким животным и пр.

5. Отмечу одну характерную синтаксическую черту; это — сильное развитие пассивных безличных оборотов от переходных глаголов с винительным падежом существительного, типа його вбито; в в.-р. подобные обороты не употребительны[1]).

[1]) В.-р. языку свойственны безличные обороты от личных глаголов главным образом двух типов *а*) невозвратные от глаголов переходных и непереходных: сойдёт, прошло, его громом убило и пр.,

Фонетические черты, отличающие м.-р. язык от других русских языков, еще более резко отличают его от польского; наоборот, морфологические черты как обще-м.-р., так и диалектические, не повторяющиеся в в.-р. говорах, по большей части сближают м.-р. с польским. Черта 5 (синтаксическая) не повторяется, кажется, больше ни в одном славянском языке.

Стр. 161. 9. Предположение Крымского[2]), что окончание u̯ в praet. sg. m. (ходив) не из старого łъ, а из -wъ в окончании part. perf. act. (древнерусское m. ходивъ, f. ходивъши) считаю мало вероятным. Не вижу надобности и в предположении Бузука[3]), основанном на сохранении ł в nom. sg. m. существительных (стіл) и перед суффиксом ка (голка), что ł изменялось в u̯ до падения глухих: в этих случаях ł могло быть и вторичным, а в склонении могло и удержаться без перехода в u̯ по причинам морфологическим.

Стр. 161. 13. Диалектически мягкие губные встречаются также в части полес. и ю.-карп. говоров перед т. наз. дифтонгами и новыми u и ü из старого e в новых закрытых слогах перед твёрдыми; в ю.-карп. я наблюдал такие мягкие губные только в начале слова: v́us, v́uw, ḿut и v́üs, v́üw, ḿüt (при vi̯uw, vi̯us, mńut других ю.-карп. говоров).

Стр. 162. 16a. К числу древнейших фонетических отличий ю.-р. говоров (предков м.-р. и ю.-б.-р.), вероятно, относится и dž из о.-сл. dj, сохранившееся диалектически в ю.-б.-р., полес., вост.-укр. и части говоров зап.-укр. и карп.-р. На это указывают не только формы 1 sg. на -džu типа ходжу, виджу и связанные с ними причастия на -dženi̯i̯: са́джений, су́джений и производные на -džatï и -džuvatï: саджати, саджувати в ю.-б.-р., полес. и вост.-укр., где можно предполагать и вторичное развитие аффрикаты dž вм. старого ž в силу морфологи-

b) возвратные с dat. лица; обычные в зап.-сл. языках возвратные безличные обороты без dat. лица в в.-р. мало употребительны; им обычно соответствуют неопределённо-личные обороты с 3 pl.

[2]) Украинская Грамматика I.

[3]) Нарис історії української мови. Киев 1927, стр. 34—35.

ческих причин[1]), но и ряд слов с dž, где такие причины отсутствовали, как укр. саджа, полес. походж, з'їдж imp., галиц. їдж, помеджу, вуджий „поводырь“, саджявка, передже, повіджь, карп.-р. саджа, оделжа, пряджа, меджа, рыджік, чуджий, ср. передачу такого dž через „ч“ в ю.-р. и зап.-р. географических названиях в сев.-русских летописных текстах XV—XVI в.: мечиб[ож]ие, дорогобучь. Но несомненно, что ю.-русскому наречию издавна было известно и ž из о.-сл. dj. Неясно первоначальное географическое распространение dž: в вост.-укр. при глаґольных формах типа саджу́, са́джений, саджа́ти в остальных случаях, кроме слова са́джа, — только ž: межи, оде́жа, чужи́й и др.; в карп.-р. в 1 sg. обычно ž: ви́жу, са́жу, хо́жу; удалённость Карпатской Руси от в.-р. области исключает возможность влияния русского литературного языка. Вопрос осложняется и тем, что в м.-р. имеются также слова с начальным dž из о.-сл. ž < g перед палатальными гласными: джерело́ и др. Предполагают[2]), что в таких случаях dž было извлечено из сочетаний с предлогом iz, где фонетически должно было сохраняться ždž: iždžerela и т. п.

Стр. 163. 22. Бо́льшая часть подобных случаев — названия парных предметов, сохранившие старое окончание nom. du.

Стр. 163. 29. В карп.-р. говорах обычно мні (на Верховине также мені).

Стр. 164. 32. Формы 3 sg. на -ат обычны во всех карп.-р. говорах.

Стр. 166. 2. Я не вижу оснований возводить, как, повидимому, хотелось бы Ганцову[3]), различия между судьбою ę под ударением и без ударения в полесских говорах ко времени более раннему, чем падение глухих, так как это явление несомненно связано с заменой так наз. музыкальнаго ударения динамическим, что происходило не раньше падения глухих. Явление это в полесских говорах, как и в ю.-в.-р. и б.-р., одинаково сводится

[1]) Украинские учёные отрицают возможность влияния морфологических причин на появление аффрикаты dž.

[2]) Ср. Шахматов, Очеркъ 210.

[3]) Діялектологічна класифікація, 27, 58, 64.

к совпадению старых безударных а, е, ě, ь после мягких и, вероятно, является результатом одного процесса, распространившегося в ю.-в.-р. и б.-р. и на гласные после твёрдых.

Стр. 167, строка 14 снизу. Вм. „не даёт впечатления“ следует: „по большей части не даёт впечатления.“

Стр. 168. 5. В записях Голоскевича примеры с і из е перед слогом с ударяемыми і и u — только в местоименных словах, где условия фонетических изменений несколько иные, чем у неместоименных. Соответствующих примеров со словами неместоименными в отрывках Голоскевича нет.

Стр. 170. ε. В части карп.-р. говоров известны также instr. sg. f. на -om: руком и пр.

Стр. 170. ζ. См. ниже, дополн. к стр. 176. 38.

Стр. 170. η. Стяжения после выпадения i̯ в глагольных формах в карп.-р. не произошло и там, где рядом оказались одинаковые гласные: купу́ут и т. п. (индивидуально возможны kupūt с u долгим и kupúwut).

Стр. 171. 12. В связи с различным произношением зубных перед і из о с одной стороны и из е и ě с другой, в галицком правописании принято писать і в первом случае, ї — во втором: ніс „нос“, діл „дол“, стіл „стол“, но нїс „нёс“, дїд „дед“, утїк „убежал“.

Стр. 171. 13. Карпатские ky, hy, xy, вероятно, не являются непрерывным продолжением старых ky, γy, xy, а возникли позднее, вследствие вторичного изменения ki, hi, xi в ky, hy, xy.

Стр. 172. 19. i̯ из ń перед k известно и ю.-карп. говорам.

Стр. 173. 22. В карп.-р. говорах, известных мне по личным наблюдениям (на Верховине в Ужгородской жупе в районе Воловца и в ю.-карп. в Марамарошской жупе в районе Густа), ś (мягкое) перед k сохраняется.

Стр. 173. 24. В некоторых единичных словах ḱ вм. t́ известно и за пределами Гуцульщины и Буковины. Таково, напр., слово ḱisnota с ḱ, встречающееся в записи Ярошенка из Миргородского у. Полтавской губ. и отмеченное Богатырёвым и мною в ю.-карп.

Стр. 176. 38. В карп.-р. стяжённые формы от глаголов на -aju в 3 sg. известны только с окончанием -t: бива́т „живёт,

квартирует“ и т. п., нестяжённые — только без окончания: бываe или бываe и т. п.

Стр. 176. 40. ť в 3 лице глаголов твёрдо в значительной части ю.-карп. говоров.

Стр. 177. 44. Личные суффиксы или личные глагольные частицы в зап.-укр. и карп.-р. прикреплены не к глаголу, а к определённому месту фразы, ср. карп.-р.: штóсте казали, на травýсьме ходили, у Москвім був. Там же употребительны формы прош. вр. и усл. накл. и без личных глагольных частиц, с личными местоимениями.

Стр. 178. 50. В ю.-карп. употребительно и числит. одéн, однá, одногó и пр.

Стр. 184, § 97. О зап.-укр. чертах 19 и 41 в карп.-р. см. выше; к общим зап.-укр. и карп.-р. чертам следует добавить черту зап.-укр. 17; из отличий карп.-р. от зап.-укр. исключить ť в 3 л. глаголов, как черту, свойственную лишь части карп.-р. говоров.

Стр. 206, строка 12. В греч. тексте читается: „*ἀπὸ τὸ κάστρον τὴν Μιλινίσκαν*“. Так как обычно у Константина *ἀπὸ* c gen., то и здесь первоначально могло быть *τῆς Μιλινίσκας*, или, если *ι* первого слога описка под влиянием *ι* следующего слога — *τῆς Μολινίσκας*; в таком случае пропуск начального *σ* может рассматриваться, как пропуск одной из двух рядом стоящих одинаковых букв.

Стр. 208, § 113. От XVI и XVII в. сохранилось также несколько небольших составленных англичанами и немцами русско-английских и русско-немецких словарей и разговоров с русскими словами в английской и немецкой транскрипции, а также один сравнительно большой словарь 7 языков с малорусской параллелью. См. Сырку, Два памятника живого русскаго языка XVI в. Изв. II (1897), 4; — Он же, Замѣтки о славянскихъ и русскихъ рукописяхъ въ Bodleian-Library въ Оксфордѣ. Изв. IX. 4 и XII. 4; — Ягич, Замѣтка объ одномъ рукописномъ словарѣ нѣмецко-русскомъ XVII стол. Изв. II. 2.

УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ.

[1]) В книге ошибочно — Оболенского.

[1]) Назв. мест и собраний передаются сокращенно. В скобках — город: П—Петроград, М—Москва. См. стр. XV—XVII и 29—30.

УКАЗАТЕЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИЙ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОПЕЧАТКИ[1]).

Стран.	Строка	Напечатано	Следует читать
23	17	Филиппа II	Филиппа I.
30	12 сн.	7 книг: I. 1. 2.,	6 книг: I,
33	23 св.	чем АЕ	чем АЕ[3]
35	19	р. список	с.-р. список
46	10	XXIV—XXVI	XXIV и XXVI
	21	F. п. 1	F. п. I. № 1.
47	3	Патр.	Патр. № 172
50	15	Описаніе XIV в.	XIV в.
	1 сн.	1350 г.	до 1350 г.
52	24 св.	Ро	По
54	9	Олье	Ольге
	8 сн.	1892	1891.
57	15 сн.	LVI	LXXVIII
67	16 св.	И. Ю. Бѣляева.	И. Д. Бѣляева.
73	11 сн.	Оболенскій	Одоевскій.
80	5 св.	Тихонр.	Тихонр. 399
	5 св.	1773,	1773 (Р. 275),
84	2 сн.	ч. 2;	ч. 1;
87	8 сн.	Сканание	Сказание
89	16 св.	194, 1896 г.,	94, 1893 г.,
94	19 св.	II. III.	III.
95	1 и 7	Акиндину	Поликарпу
	10 сн.	Тр.	Тр. Л.
113	15 сн.	n	vn
139	6 сн.	и в книжной речи	, в книжной речи и небольшой части народных говоров.
197	16 сн.	1961;	1916;

[1]) Опечатки, которые читатель легко исправит сам, не указываются.

К КАРТАМ.

Различной окраской или штриховкой обозначены области с преобладанием известных диалектических типов; отдельные пункты на территории, обозначенной той или другой окраской или штриховкой, могут принадлежать и другому диалектическому типу.

На карте № 1 повторено без изменения то деление с.-в.-р. и ср.-в.-р. говоров на группы, какое имеется на карте МДК; деление это нуждается в пересмотре и сохранено на моей карте главным образом для удобства ссылок. Остальные деления, имеющиеся на этой карте, приведены в соответствие с данными карт №№ 2—4. Переходные говоры на м.-р. основе обозначены, как м.-р., без указания на их переходность, но приблизительная граница между полесскими и белорусско-полесскими говорами обозначена лиловой чертой (по недосмотру значительная часть этой черты отпечатана одновременно и чёрной краской). Территория различных диалектов и границы между ними описаны в „Опыте“ МДК.

На карте № 2 нанесены некоторые пункты с другими типами аканья и с оканьем[1]), но бо́льшая часть таких пунктов на карте не отмечена. О территории различных типов аканья и о говорах с аканьем не того типа, какой отмечен на карте, как

[1]) Окающий остров к сев. от Малоархангельска—Куракино Малоарх. у., к сев.-зап. от Ельца (ошибочно красный кружок) — Орево Ливенск. у.; сильно-акающие: кругом Тулы—Тульский у. и Долгое б. Крапивенского у., к сев. от Мценска—Спасское Лутовиново Мц. у., к ю.-вост. от Орла—Еропкино Орл. у.; диссимилятивно-якающие острова: к ю.-вост. от Медыни—Карамышевская и часть Богдановской в. Медынск. у., к ю.-вост. от Нижнедевицка—Истобное Нижнедев. у., к вост. от Воронежа—Красный Лог Ворон. у.; икающие острова: южнее Медыни—Полотнянозаводская в. Медынск. у., к ю.-вост. от Орла—Домнино и Становой Колодязь Орл. у.; ассимилятивно-диссимилятивно-якающие острова: к ю.-зап. от Пронска—Дурное и др. Пронского у., к вост. от Скопина—Городецкое, Дмитриево, Поляны Скопинск. у. и сев. часть Раненбургского у., кругом Сапожка—Большие Можары, Мордово, Морозовы Борки, Песочня Сапожковского у., Нижняя Ярославка Моршанского у., кругом Лебедяни—Лебедянский у., на р. Медведице—слободы Раздорская и Етеревская Усть-Медведицкого округа.

преобладающий в данном районе, см. мои Діалектологическія Разысканія, в. 1 и 2 (последний — об аканье в ср.-в.-р. говорах), о говорах окающих и ср.-в.-р. на территории ю.-в.-р. см. у Зеленина, Великорусскіе говоры и пр., а также в примечаниях к „Опыту“ МДК, о границах смягчения k — в назв. книге Зеленина, об остальных границах — у него же и в „Опыте“ МДК. По сравнению с обеими книгами внесены исправления на основании работ Гвёздова, Петровской, Тростянского, Шахматова (см. выше, стр. 196—198), 8 и 9 вып. Трудов МДК и неизданных матерьялов МДК. На карте по недосмотру не нанесена часть р. Днепра выше устья р. Ворсклы.

На карте № 3 красной штриховкой в клетку на сев.-востоке в Вышневолоцком и соседних уездах обозначена территория говоров, характер аканья которых мне не известен. Территории различных типов аканья см. в моих Діал. Раз., границы остальных черт — у Карского, Белоруссы, т. I и II. 1.

Чтобы не затруднять чтения карт, названия рек и некоторые другие подробности к картам II—IV даны на дополнительных прозрачных картах. На дополнительной карте к № II пунктиром обозначена территория произношения s вм. с, квадратиками — пункты с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем (Новосёлки Рязанского у. и Усмань - Собакино Воронежского у.).

Карта I.

ОБЪЯСНЕНИЕ ОБОЗНАЧЕНИЙ:

С.-в.-р. говоры:
- Поморская группа
- Олонецкая „
- Западная „
- Восточная „
- Владим.-Поволжская гр.

— Говоры переходные к б.-р. на с.-в.-р. основе (Псковская группа, 1).[1]

Средне-великорусские говоры:
- Западная группа (2)
- Восточная „ (3)

ю.-в.-р.:
- Говоры с диссимилятивным яканьем (группа А)
- Говоры с умеренным яканьем (группа Б)
- Говоры с сильным яканьем (группа В)

белорусские:
- Говоры северно-
- Говоры южно-

— Говоры переходные к ю.-в.-р. на б.-р. основе.

м.-р.:
- Говоры полесские (северномалорусские)
- Говоры полесско-украинские (ю.-м.-р.)
- Говоры украинские (ю.-м.-р.)
- Говоры севернокарпатские (карпато-угорские)
- Говоры южнокарпатские (карпато-угорские)

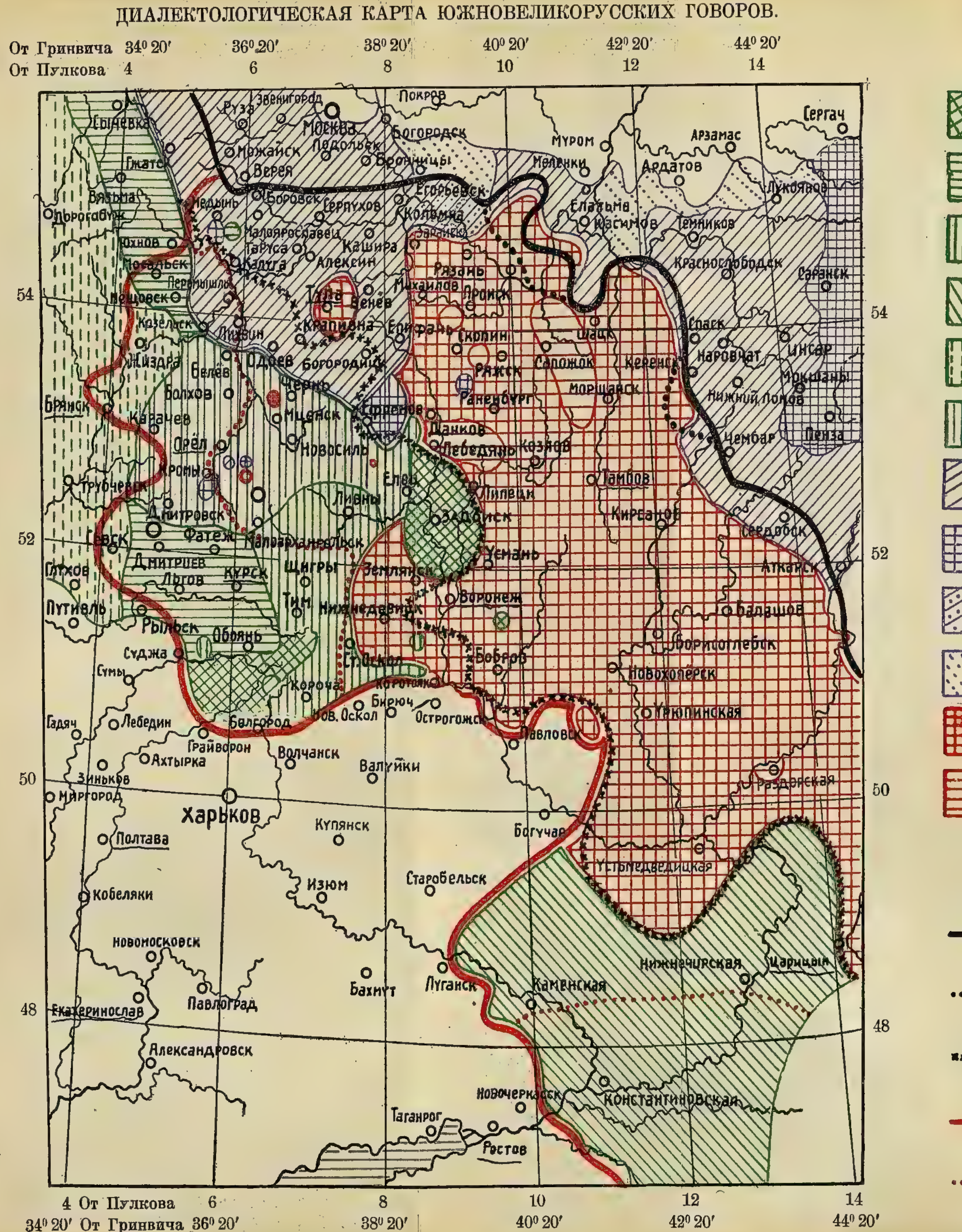
Цветные линии — границы между группами говоров.

[1] В скобках — названия соответствующих диалектических групп в „Опыте“ МДК.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Карта II.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ЮЖНОВЕЛИКОРУССКИХ ГОВОРОВ.

Объяснение обозначений.

— Яканье диссимилятивное архаичного Обоянского) типа.

" " Суджанского типа.

" " Щигровского "

" " Донского "

" " белорусского "

" умеренно-диссимилятивное

" умеренное.

— Иканье.

— Яканье умеренное с еканьем (между мягкими — е).

— Еканье.

— Яканье сильное.

" ассимилятивно-диссимилятивное.

Острова с оканьем.

Южная граница g взрывного.

Южная граница цоканья (в пределах акающих говоров с фрикативным γ).

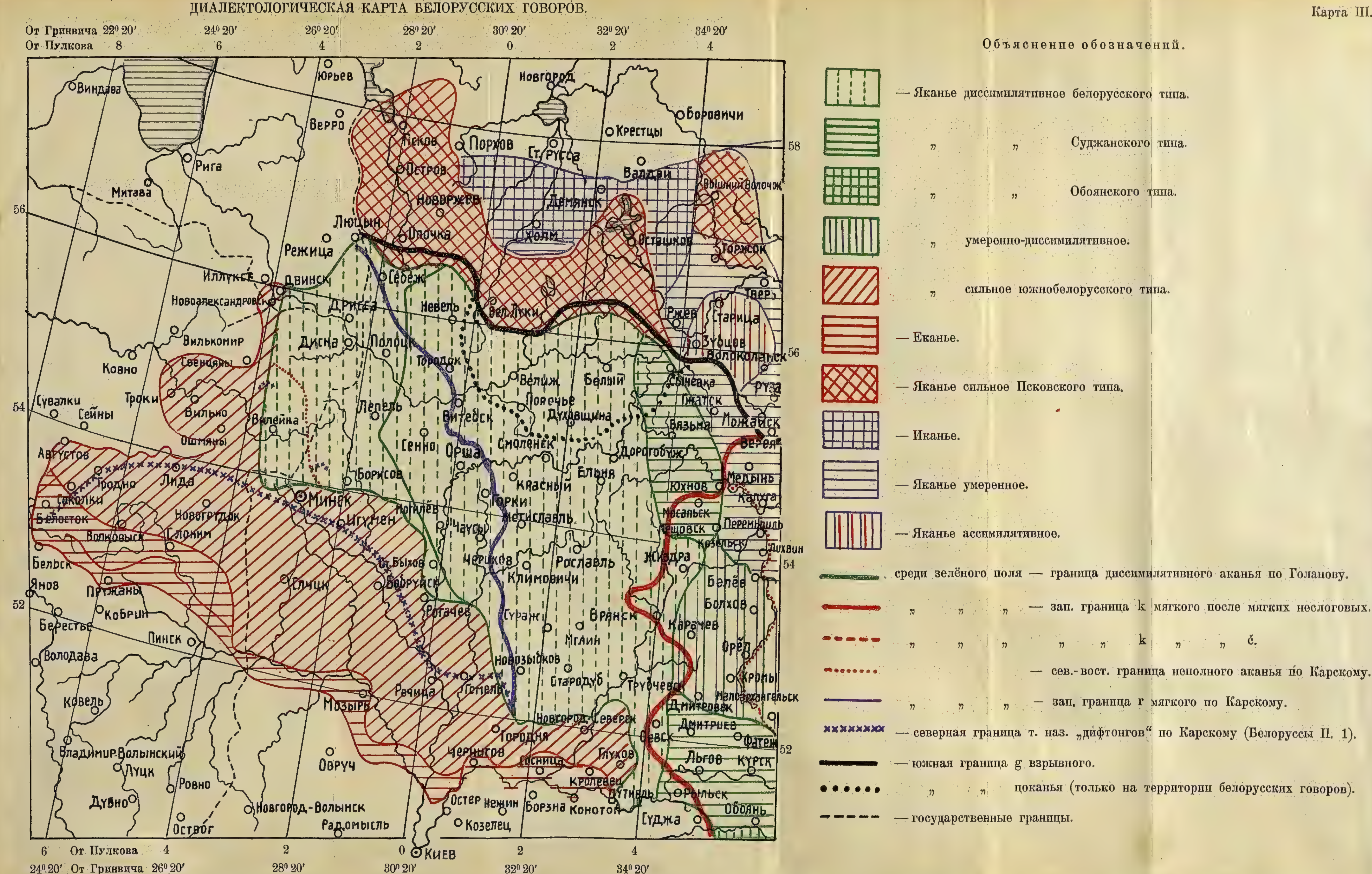
Восточная граница u из wъ (в тех же пределах).

Западная граница смягчения k после мягких.

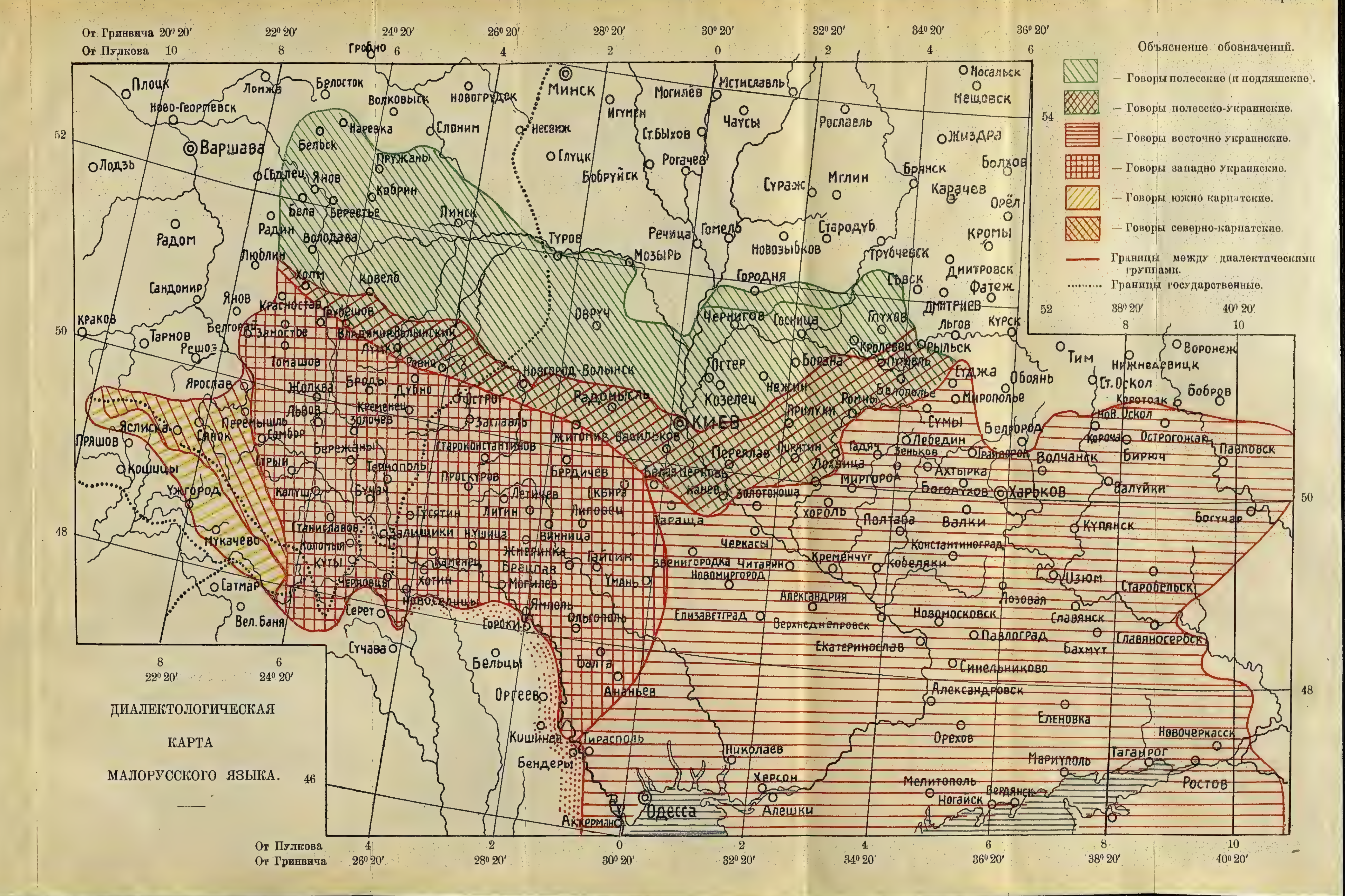
" " " k " č.

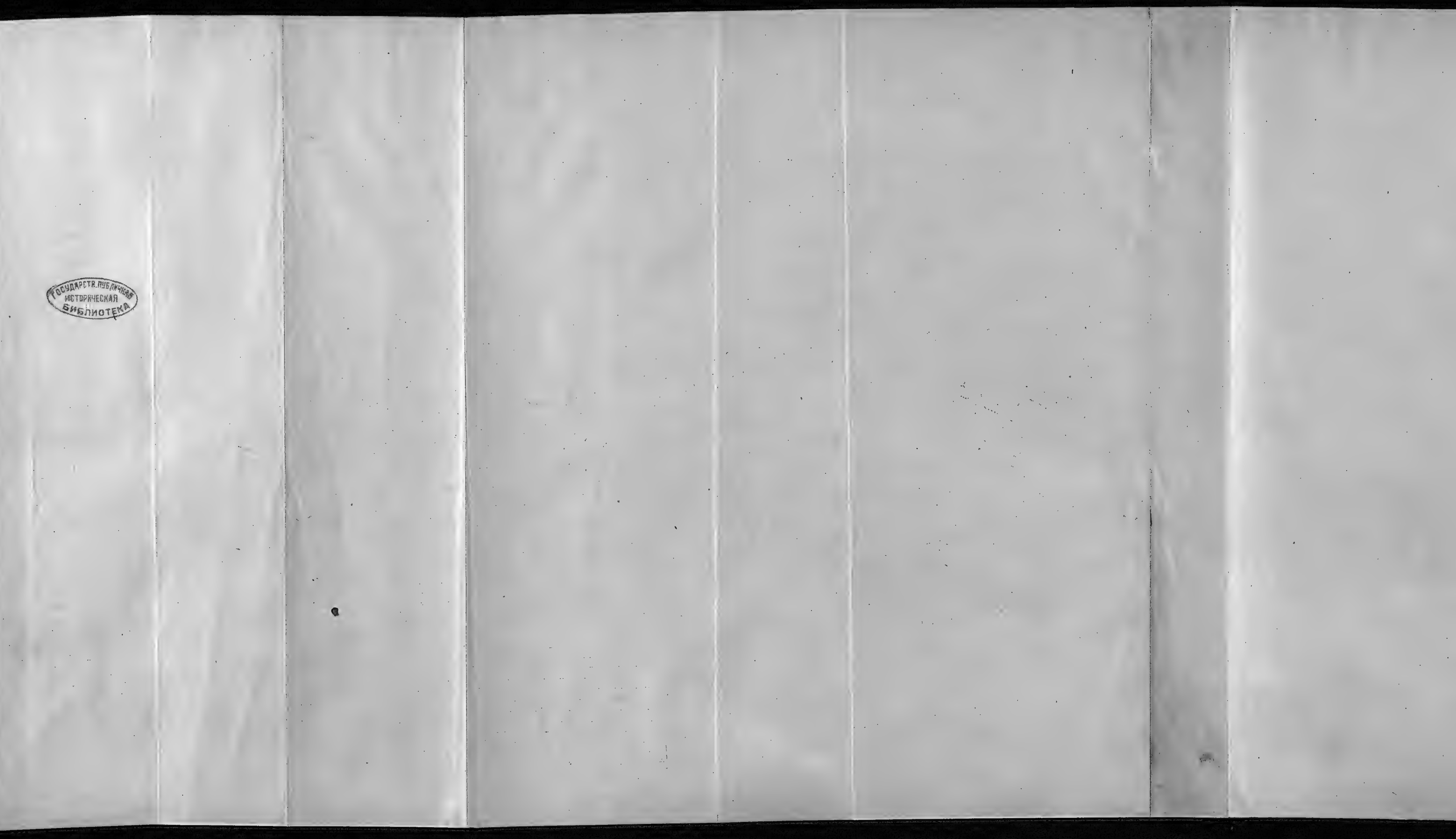
ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА БЕЛОРУССКИХ ГОВОРОВ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Карта IV.
От Гринвича 20° 20′ 22° 20′ 24° 20′ 26° 20′ 28° 20′ 30° 20′ 32° 20′ 34° 20′ 36° 20′
От Пулкова 10 8 6 4 2 0 2 4 6
Объяснение обозначений.
— Говоры полесские (и подляшские).
— Говоры полесско-украинские.
— Говоры восточно украинские.
— Говоры западно украинские.
— Говоры южно карпатские.
— Говоры северно-карпатские.
— Границы между диалектическими группами.
Границы государственные.
ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ
КАРТА
МАЛОРУССКОГО ЯЗЫКА.
Плоцк
Ломжа
Белосток
Гродно
Волковыск
Новогрудок
Минск
Могилёв
Мстиславль
Мосальск
Мещовск
Ново-Георгиевск
Варшава
Лодзь
Наревка
Бельск
Слоним
Несвиж
Игумен
Ст. Быхов
Чаусы
Рославль
Жиздра
Седлец
Янов
Пружаны
Глуцк
Бобруйск
Рогачев
Кобрин
Сураж
Мглин
Брянск
Карачев
Болхов
Орёл
Бела
Берестье
Радом
Радин
Пинск
Гомель
Речица
Стародуб
Кромы
Люблин
Володава
Туров
Мозырь
Новозыбков
Трубчевск
Дмитровск
Сандомир
Холм
Ковель
Городня
Севск
Фатеж
Краков
Янов
Красностав
Грубешов
Овруч
Чернигов
Сосница
Глухов
Дмитриев
Тарнов
Белгорай
Замостье
Владимир Волынский
Луцк
Льгов
Курск
Решов
Томашов
Ровно
Новгород Волынск
Кролевец
Рыльск
Тим
Воронеж
Ярослав
Броды
Дубно
Радомысль
Остер
Борзна
Путивль
Суджа
Обоянь
Ст. Оскол
Жолква
Кременец
Острог
Козелец
Нежин
Ромны
Белополье
Мирополье
Бобров
Ясліска
Перемышль
Львов
Золочев
Заславль
Житомир
Васильков
Киев
Прилуки
Сумы
Нов. Оскол
Коротояк
Пряшов
Санок
Самбор
Староконстантинов
Переяслав
Пирятин
Гадяч
Лебедин
Белгород
Кошицы
Стрый
Бережаны
Тернополь
Бердичев
Белая Церковь
Лохвица
Зеньков
Грайворон
Волчанск
Бирюч
Павловск
Ужгород
Калуш
Бучач
Проскуров
Летичев
Сквира
Канев
Золотоноша
Миргород
Ахтырка
Богодухов
Харьков
Валуйки
Станиславов
Гусятин
Литин
Липовец
Тараща
Хороль
Полтава
Валки
Купянск
Богучар
Мукачево
Коломыя
Залещики
Винница
Черкасы
Константиноград
Кременчуг
Кобеляки
Изюм
Куты
Каменец
Жмеринка
Гайсин
Звенигородка
Чигирин
Сатмар
Черновцы
Хотин
Брацлав
Могилев
Умань
Новомиргород
Старобельск
Вел. Баня
Новоселицы
Ямполь
Ольгополь
Александрия
Лозовая
Славянск
Серет
Сороки
Елисаветград
Верхнеднепровск
Новомосковск
Павлоград
Бахмут
Славяносербск
Сучава
Бельцы
Балта
Екатеринослав
Синельниково
Оргеев
Ананьев
Александровск
Еленовка
Кишинев
Тирасполь
Николаев
Орехов
Новочеркасск
Бендеры
Мариуполь
Таганрог
Херсон
Мелитополь
Бердянск
Ростов
Одесса
Алешки
Ногайск
Аккерман
52 50 48 46 54
8 22° 20′ 6 24° 20′
От Пулкова 4 2 0 2 4 6 8 10
От Гринвича 26° 20′ 28° 20′ 30° 20′ 32° 20′ 34° 20′ 36° 20′ 38° 20′ 40° 20′

CENA Kč 45·—

TISKEM POLYGRAFIE V BRNĚ.

